

ПЕРЕПУТЬЯ СУДЕБ

ПЕРЕПУТЬЯ СУДЕБ

Ï ÅÐÃÏ ÓÒÛΒ ÑÓÄÄÄ

ÐÎ ÄÎ ÑËÎ ÄÍ ÛÅ

Ï ÅÌ ÓÄÐÛ

КЕМЕРОВО, 2015 г.

РПА «Ректаймс»

ББК 63.214(2Р = Рус)

П 27

ПЕРЕПУТЬЯ СУДЕБ: Родословные. Мемуары. / Составитель и редактор В.С. Арнаутов.- Кемерово: РПА «Ректаймс», 2015. – 360 с. с илл.

Кто мы такие и откуда мы? Где наши корни? Случай или чья-то Воля предопределяет то, что два человека вдруг оказываются вместе, образуя семью. И уже от них пошли новые родовые семейные ветви, как на большом дереве. И чем старше такое семейное древо, тем гуще и развесистее его крона. И уже чьи-то «чужие» ветви вплетаются в него. А у такого «дерева» ко всему прочему имеются ещё и могучие корни. Они, как и крона, тоже ветвятся, переплетаются, только уходят всё дальше вглубь.

Пара – Виктор Арнаутов и Людмила Великосельская некогда стали мужем и женою, образовав своеобразный «ствол» на новом родовом дереве. А чтобы молодая поросль на этом древе имела хотя бы некоторое представление о своих корнях или предках, было решено составить и написать эту книгу, восполняя и собственные пробелы в своих родословных.

В составлении родословной Арнаутовых по материнской линии (Шадриных) огромный вклад внёс Шадрин Александр Аввакумович. Органично добавляют эти материалы мемуары его сестры - Евдокии «Там, где Макар телят не пас». Обширными автобиографическими заметками «Не поле перейти» Виктор Арнаутов (инициатор и составитель этой книги) дополняет корневую отцовскую линию семьи Арнаутовых и откровенно делится своими воспоминаниями.

По линии Великосельских в написании книги приняли участие Людмила Михайловна Арнаутова (Великосельская) и её сестра Надежда Михайловна Кириенко (Великосельская), их двоюродные братья – Николай Порфирьевич и Александр Фёдорович Великосельские, а так же их тётки по материнской линии – Елизавета Фёдоровна Овчаренко (Непомнящая) и Валентина Фёдоровна Иванова (Непомнящая). Оставил после себя материалы и Великосельский Михаил Николаевич.

Составитель и редактор – Виктор Арнаутов

Обложка и вёрстка – Светлана Янченко

Составитель и редактор сборника выражает искреннюю благодарность **Шадрину Александру Аввакумовичу** за оказание финансовой поддержки в издании этой книги!

АЛЕКСАНДР ШАДРИН

РОДОСЛОВНАЯ ШАДРИНЫХ

*“Если ты сохраняешь память о родственниках,
Значит, ты сохраняешь память о себе”*

Мой прадед - Шадрин Михей Корнеевич, русский, происходил из крестьян. Когда-то его семья переехала в Сибирь из Приуралья, Курганской области. На местожительства обосновалась в Малокрасноярском районе, деревне Москалёвка (ныне - Новосибирская обл., Кыштовский р-н, с 50-х годов деревни уже не существует). Было в деревне 60 дворов, имелись плодородные земли, богатые сенокосные угодья, сосновые рямы, березовые колки. Деревня находилась в 120 километрах от железнодорожной станции Чаны и в 25 километрах от районного центра. Похоронен Михей Корнеевич на Москалёвском кладбище.

Прабабушка Ефросинья также происходила из крестьян. Имели они с Михеем Корнеевичем четверых детей: Иван, Василий, Варвара и Михаил.

Мой дед - Шадрин Василий Михеевич - родился в 1877 году в деревне Москалёвка, в семье крестьянина, русский, неграмотный, занимался сельским хозяйством, служил в армии, в Уссурийске. В 1914 году участвовал в империалистической войне с Германией. 3 года находился в плену - сначала в Германии, а потом - во Франции. По возвращении домой занимался сельским хозяйством. Имел хороших лошадей, крупнорогатый скот, овец, свиней. Имел добротный рубленый деревянный крестовый дом, крытый железом, хорошие амбары и дворы. Из техники было: сенокосилка конная, грабли, жнейка (самосброска), молотилка, веялка, плуги, бороны. По тем временам, в Москалёвке никто не имел столько техники и скота. Считался зажиточным хозяином. Был трудолюбивым, аккуратным хозяином. Нанимал сезонных рабочих. В 1929 г. его раскулачили, изгнали из дома, осудив на 3 года. Срок отбывал в Мариинске. Весь скот, инвентарь, техника, строения были изъяты и переданы колхозу.

Бабушка Зинаида Ивановна Новгородцева, родилась в 1879 г. в д. Кабырза Муромцевского р-на Омской обл.

Было у них 4 детей: **Аввакум Васильевич (мой отец) - 1899 г.р.**, Пётр (Фёдор) Васильевич (Зайцев) - 1908 г., Ольга Ва-

ильевна (Черемисина) - 1912 г. Иннокентий Васильевич Шадрин - 2.08.1921 г.

В мае 1931 г. Зинаиду Ивановну сослали с младшим сыном Иннокентием на Васюган (ныне Томская обл.), где и скончалась 5.09.32 г. Там же и похоронена.

Василий Михеевич, после освобождения, в 1933 году переехал добровольно на местожительство в село Шерстобитово Пудинского района, куда ссылали раскулаченных ссыльнопоселенцев - "за болото". Там он женился повторно на Марии Терентьевне Шерстобитовой.

На новом месте дед Василий работал рядовым колхозником, а во время войны был бригадиром, возглавляя полеводческую бригаду. В 1946 году повторно овдовел и женился в третий раз на Борисовой Наталье Ефимовне.

В 1950 г. переезжают на местожительства в Томскую область, с. Пышкино-Троицкое - районный центр (ныне с. Первомайское) - в 8 километрах от ст. Асино на реке Чулым. В то время проживал там его младший сын Иннокентий. Дед Василий скончался в 1958 году, в возрасте 80 лет. Похоронен на кладбище с. Первомайское. Там ему поставлен мраморный памятник.

Мой отец Шадрин Аввакум Васильевич родился в декабре 1899 года в семье крестьянина в деревне Москалёвка Новосибирской обл. Русский, неграмотный. С ранних лет познал крестьянский труд. В 1918 году женился на Борисовой Степаниде Кузьмовне. Жили одной семьей с дедом Василием. В 1920 г. служил в Красной Армии в г. Тара Омской обл. В 1926 году отделился от отца. Построил пятистенный дом под тёсом, амбар и все надворные постройки. Занимался сельским хозяйством. Имел: 5 лошадей, коров, овец, конную сенокосилку, плуг, бороны.

Вскоре родились дети: Александр (1.10.1920), Михаил (1924) и Владимир (1926).

Мать занималась домашним хозяйством. Поэтому отец на летне-осеннее время нанимал по договору рабочего и рассчитывался деньгами и сельхозпродуктами. Сено косили вместе с семьей деда Василия. В то время мы уже с Иннокентием тоже помогали на сенокосе - возили копны верхом на лошадях. На покосе все жили неделями в шалашах. Как и все крестьяне, тогда работали единолично в своих хозяйствах. У каждого хозяина была наделена земля и покосы, даже березовые колки - для заго-

товки дров. Сеяли: рожь, пшеницу, овёс, ячмень, лён, рыжик (масличная культура). Собранное зерно осенью продавали государству. Продавали и мясо, а часть скота сдавали в живом виде. Молоко сдавали на молокозавод за деньги.

В 1929 году началась в деревне коллективизация. Зажиточные семьи (а таковых в Москалёвке тогда насчитывалось 6) были раскулачены. Всё отцовское хозяйство изъяли в пользу колхоза. Оставили одну лошадь, и всю семью сослали в “Нарым” - Пудинский сельсовет в феврале 1930 г. Тогда же были лишены бессрочно и гражданских прав.

В ссылку ехали на санях. Сверху короб был обтянут полом. В этой “кибитке” ехали отец, мать и трое детей - 300 километров, через Васюганское болото (60 км.) 15 дней. Ехали обзлом в сопровождении милиции. Сначала семья остановилась в деревне Собакино, у старожила Собакина Моисея Спиридоновича.

Отец с другими ссыльными поехали строить бараки на берегу речки Чузик совершенно на пустом месте, в тайге, в 8 километрах от Собакина. Позднее поселок назвали Красный Яр, так как большинство людей там были сосланы из Малокрасноярского района.

В одном бараке, где жил отец с семьей, проживали ещё 5 семей: Иванова Якова Андреевича, Краснова Ивана Васильевича (* жена его - *Александра Кузьминична - родная сестра матери - Степаниды*), Борисова Михаила Ивановича (двоюродный брат матери), Севостьянова Сергея Максимовича (двоюродный брат Иванова Я.А.) и Декманника Константина Ивановича. В бараке были нары, где и располагались на ночь семьи с детьми. Люди недоедали, паёк был маленьким.

В апреле стали болеть дети. Медицинской помощи не было никакой. Разразилась дизентерия. В конце апреля 1930 года после тяжелой болезни умерли на одной неделе два моих брата - Миша и Володя. Не было ни досок, ни гвоздей, чтобы сделать гробы. Долбили из цельных деревьев. Похоронены они были за деревней, в тайге. Впоследствии кладбище оказалось прямо в огороде. (*Помню, как раз на стыке нашей и соседской изгороди. Там рос хмель, вился вверх по поставленным шаром жердям, и баба Анастасия постоянно расчищала это место, ни самих холмиков, ни крестов в 50-е годы уже не было - *В.А.*).

В ноябре 1930 г. отец купил в Собакино (Калининском) избу и корову, и семья, теперь уже из 3 человек, переехала туда. Поселок стал разрастаться, а было там ко времени переселения всего 8 дворов. К 1932 году насчитывалось уже порядка 60 дворов.

В 1932 году там организовали колхоз “Культура Севера”. Пахотной земли было мало. Занимались вручную раскорчевкой деревьев и кустарника.

14 марта 1932 года мать Степанида Кузьмовна родила двойню - Евдокию и Валентину, а в 1933 году заболела цингой. Лежала в Пудинской больнице, но спасти её не смогли. 6 сентября 1933 года умерла, и похоронена была на старом Пудинском кладбище. Теперь там выросли большие ели, а были посажены на месте могилки маленькие ёлочки. Мать умерла в возрасте 35 лет.

Все спецпереселенцы находились под надзором комендантуры НКВД, паспортов не имели, и выезжать никуда не имели права.

В 1935 году отец отдал сестру Дусю в 3-х летнем возрасте на воспитание в семью Ивановых Якова Андреевича и Анастасии Ивановны в пос. Красный Яр. В то время своих детей у них не было (* единственный сын Миша умер в малолетстве и похоронен рядом с Володей и Мишей - В.А.). Это были хорошие знакомые моих родителей, по тому времени материально достаточно обеспеченные.

В 1936 г. отец женился на Полукуевой Прасковье Викторовне - тоже спецпоселенке, вдове расстрелянного в 1930 г. мужа, с двумя детьми: Ниной -1924 г. и Владимиром - 1928 г. Так у нас появилась сводная семья. Отец работал в колхозе. Лето на лошадях пахал, сеял, косил. Зимой - ездил в обозе до города Калинин (Куйбышев), за 300 километров. Туда везли из Райпотребсоюза мясо-туши, обратно - сельхозинвентарь для своего колхоза. Поездка туда и обратно занимала 25 дней.

Колхоз имел 300 гектаров пахотной земли. Все работы выполнялись вручную или на конной тяге. В хозяйстве колхоза тогда имелось: 2 конные сенокосилки, жнейка (самосброска), лобогрейка, молотилка, веялка, плуги, бороны. Работали за трудодни. После того, как урожай был собран, рассчитывались с госпоставкой хлеба закупом - добровольно, но обязательно. До-

водился план и по засыпке зерна на семена и фуража для колхоза. Остаток делился на трудодни – выходило до 1 килограмма зерна на трудодень, а то и меньше.

В личном хозяйстве была корова, 2-3 овцы. От них тоже нужно было сдать государству молоко, мясо, шерсть, овчину. Так что семье оставалось совсем мало.

К 1937 г колхозы стали укрепляться. Спецпереселенцам разрешили участвовать в голосовании при избрании депутатов в Верховный Совет. Однако, выезд с мест поселения так и не был разрешен.

В 1943 г. отца мобилизовали в Трудармию и отправили в Колпашево на строительство рыбоконсервного завода. Оборудование было эвакуировано из г. Керчь. Когда завод запустили, отец работал там ездовым на лошадях, на территории завода, вплоть до июля 1945 года. После этого вернулся домой и продолжал работать в колхозе.

В июле 1950 г. с семьей переехал в Новосибирск, устроился в артель “Прогресс” конюхом. В бараке получили комнату. Дочь Валентина работала на заводе N 677. Неродной сын, Полукеев Владимир, поступил учиться в сельхозтехникум. После окончания его распределили ветфельдшером в совхоз, в Чановский район, д. Ново-Фёклино, в 30 км. от ст. Чаны.

В январе 1955 г. сестра Валентина заболела и умерла.

В 1957 г. отец с мачехой переезжают жить к Владимиру в деревню Ново-Фёклино. Отец купил корову, косил сено, работал по дому, получая пенсию по неполному рабочему стажу - 70 рублей в месяц. Колхозную пенсию в то время не платили вообще.

Отец стал часто болеть и оказался в той семье ненужным, вынужден был переехать в Новосибирск. Болезнь осложнилась, и он 20 августа 1963 года скончался в возрасте 63 лет. Похоронен в Новосибирске на Клещихинском кладбище, в одной оградке с дочерью Валентиной, квартал 6, могила 1379.

Отец был добродушный человек с мягким характером, аккуратен в быту, уживчив в коллективе. Прожил недолгую, но сложную жизнь, в колхозе был стахановцем и награжден медалью “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.”

Брат отца **Шадрин-Зайцев (Пётр) Федор Васильевич** родился 14.10.1908 в семье крестьянина в деревне Москалёвка. Сначала жил в одной семье с отцом - Василием Михеевичем.

В 1928 г. женился на Спирёвой Валентине, из богатой крестьянской семьи деревни Кашпиль. Во время коллективизации и раскулачивания пришлось ему сменить свою фамилию на Зайцева, а имя - на Фёдора и уехать сначала на прииск Алдан, а затем в с. Покровск (70 км. от Якутска), где работал в связи. Там они прожили до 1970 года. Было 5 детей: Михаил - 1929 г., Галина - 1932 г., Юрий, Владимир и Павел. Жена Валентина умерла, и Федору Васильевичу пришлось жениться во второй раз на Бояркиной Клавдии Захаровне (1915 г.р.), у которой тоже было двое детей - Юрий и Валерий. 7 февраля 1955 г. у них родилась совместная дочь Зинаида.

В 1970 г. он переехал к младшему брату Иннокентию Васильевичу в Минусинск. Получили там квартиру. Зинаида закончила педагогический институт и работала в ГорОНО.

Умер Федор Васильевич 6 октября 1998, не дожив неделю до 80 лет, похоронен в Минусинске.

Сестра отца - **Ольга Васильевна Шадрина (Черемисина)** родилась в 1912 году в деревне Москалёвка. В 1930 году вышла замуж за Черемисина Ивана Андреевича 1910 г. рождения, из крестьян, дер. Бакейка Кыштовского р-на Новосибирской области. Жили в деревне Львовка (* разве не Шерстобитово? - В.А.) Парабельского р-на Томской обл. Имели троих детей: Анна - 1932 г.р., Анатолий и Зоя (* 1949 г.р.-? -В.А.).

Анна Ивановна Черемисина - Некрасова - учительница, проживает в Томске. Имеет сына - Сергея Анатольевича Некрасова, 1961 г.р., военнотружашаго. *Анатолий Иванович Черемисин* - врач, проживал в Подмосковье. *Зоя Ивановна* – тоже врач, проживает в Бутово Московской области.

Иван Андреевич Черемисин является участником Великой Отечественной войны. Оборонял Москву, Сталинград, был ранен, имел награды. Был очень душевным человеком. Несколько увлекался спиртным. Умер 17.02.1983 года. Похоронен на Бутовском кладбище.

Ольга Васильевна проживала в Бутово с дочерью Зоей. (* умерла 16.06.98 года - В.А.)

Брат отца **Иннокентий Васильевич Шадрин** – (2.08.1921) родился в деревне Москалёвка.

В мае 1931 г был сослан с матерью, Зинаидой Ивановной, на Васюган Томской области. 5.09.31 г. мать умерла, а он воспитывался в детском доме. В 1933 году сродный брат матери Новгородцев Иван Алексеевич привез его с Васюгана в Калининский, а после возвращения из заключения отца - Василия Михеевича, переезжает к нему в Шерстобитово, где и закончил 7 классов. (* В 1987 г, будучи в Минусинске в командировке, видел его табель за 5 класс, его классным руководителем оказалась моя первая учительница Таисия Ильинична Крушельницкая - узнал сразу её подпись - *В.А.*)

В 1939 г. уехал учиться в Новосибирск в техникум.

В 1940 г. был призван в Армию и направлен на Дальний Восток. В звании *старшина* служил командиром танка. Принимал участие в боях с милитаристской Японией, освобождал Маньчжурию. Имеет боевые награды.

В июне 1946 г. демобилизовался и приехал в Пудино к отцу. Работал инструктором райкома партии.

В 1947 г. его направили на учебу в Томск в областную двухгодичную партшколу. Во время учебы в Томске, женился на студентке Медицинского института *Нине Михайловне Черновой*, 1924 г.р., родом из Минусинска Красноярского края.

После окончания партшколы, был направлен на работу в райцентр Пышкино-Троицкое Томской обл. зам. директора МТС по политчасти.

В 1951 г. его повторно призвали в Армию, уже офицером, и направили в морскую пехоту на Русский остров, в 30 км. от Владивостока заместителем командира автобатальона по политчасти. Прослужил там до 1954 г. и снова вернулся работать в МТС. В 1958 году переехал в Минусинск. Работал в райкоме партии заворотделом. Позднее - Председателем народного контроля. В 1981 году вышел на пенсию.

Жена - *Нина Михайловна* работала зав. аптекой. Имеют двух дочерей: *Людмила Иннокентьевна Корягина* и *Ольга Иннокентьевна Катилевская*. Обе окончили Томский политехнический институт, Энергетический факультет.

Катилевская Ольга (1954 г. р.) проживает в г. Красноярске. Имеет двоих детей: Наталья и Андрей.

Корягина Людмила (1950 г.р.) проживает в Минусинске в одном доме с отцом (но в разных квартирах). Имеет дочь - Татьяну.

Иннокентий Васильевич Шадрин награжден орденами “Отечественной войны II степени”, “Знак Почета”, медалью “За боевые заслуги”, другими наградами. На службе и на работе пользовался авторитетом. Избирался членом бюро Горкома, депутатом Горсовета. Человек принципиальный, справедливый. Был требователен к себе и подчиненным. Примерный семьянин.

Умер в Минусинске 24 января 2000 года.

Шадрин Александр Аввакумович - 1.10.1920, русский, родился в семье середняка, в деревне Москалёвка Кыштовского района. Учился во 2-м классе. В феврале 1930 вместе с отцом и семьей был сослан в Томскую область, в деревню Калининский Пудинского сельсовета. Там закончил 3 класса начальной школы. В 4-й класс ходил в Пудино.

В 1933 году умерла мать. Пришлось нянчиться с полуторагодовалыми сестрами-двойняшками - Дусей и Валеи.

В 1935 г. отец устроил меня кочегаром на паровую мельницу в деревне Останино, в семи километрах от дома. Зарабатывал там деньги - по 60 рублей в месяц.

С 1936 года работал в колхозе “Культура Севера” на полях, на пихтовом заводе, на заготовках кедрового ореха, охотничал. С 1938 г. стал работать в колхозной кузнице, сначала молотобойцем, а позднее научился ковать самостоятельно у кузнеца Боженко Поликарпа Григорьевича.

В июле 1942 года был призван в Армию. Все призванные, из бывших спецпереселенцев попали сначала в 21 запасной стрелковый полк, в учебно-миномётный батальон в город Бердск. Жили в землянках, питания не хватало, а занятия на учебном полигоне длились по 10 часов. Обмундированы были во все б.у.

В октябре 1942 г. были направлены на фронт, под Сталинград, в 321 стрелковую (позднее – 87-я гвардейская) дивизию 65 армии, 487 полк, на Клетское направление. Из поселка Калининский нас было 9 человек. Я воевал в стрелковой роте с ручным пулеметом.

9 декабря 1942 года в бою под ст. Суровикино был ранен пулей в правую руку, выше кисти. Был направлен на лечение в

госпиталь города Липецк. Все мои товарищи из Калининского погибли под Сталинградом (Кологривов И.А., Курбатов А., Труфанов Ф., Шипицын П., Бут И.К., Сухиня И., Осинцев И., Анисов П.Л.).

По выздоровлению, из госпиталя, в феврале 1943 г. был направлен в запасной полк, а затем в 69 армию 107 стрелковой дивизии, 504 стрелковый полк, 2 минометную роту, под город Белгород. С марта месяца часть стояла на формировании, где я закончил месячные курсы. Было присвоено звание *гвардии сержанта* и был назначен командиром 82-миллиметрового (позднее -120 мм) минометного расчета.

6 июля 1943 г. вступили в бой на Орловско-Курской дуге. Здесь уже являлся комсоргом роты. При освобождении города Белгород 5 августа 1943 г. был награжден медалью “За отвагу”.

12 октября 1943 г. при форсировании Днепра, около города Кременчуг, был ранен пулей в правое бедро. При освобождении города Харьков 18 августа (1944 -?) был контужен. После ранения был направлен в госпиталь на ст. Лосево.

После излечения меня направили на 2-й Украинский фронт. Освобождал Молдавию, Румынию, Венгрию. При взятии города Будапешт 13.02.45 г. наша часть была оставлена в гарнизоне и распределена по военным комендатурам в центральный район Пешта, где располагались Правительственные здания. Служил помощником дежурного коменданта 6-го района.

В мае 1946 г. демобилизовался. После побывки дома, в Калининске, переехал в город Новосибирск. Работал в артели “Прогресс”, “Бытпром” помощником механика по оборудованию. Жил у родственников отца.

21 декабря 1946 г. женился на Анисимовой Александре Андреевне, 1925 г. рождения, происходившей из крестьянской семьи деревни Кондусла Убинского р-на Новосибирской области, работавшей там же, в артели, мастером-гончаром, затем бригадиром расчетной группы. Там же, в бараке, получили комнату 12 кв. м.

16 августа 1949 г. родился сын **Владимир**.

В феврале 1947 г. поступил работать в 6-ю Пожарную часть в Ленинском районе города Новосибирск, сначала командиром отделения, затем старшиной части. С 1956 г. - инспектором ГПН.

В 1952 г. закончил 7 классов вечерней школы. В 1962 г. - двухгодичный Вечерний Университет марксизма-ленинизма. 12 лет избирался секретарём партбюро части. Член КПСС с 1945 года.

Демобилизовался на пенсию в звании *гвардии старшина* 13 апреля 1970 г. 22 июня 1972 г. заболел, стал инвалидом 1 группы.

Награжден: Орденом “Отечественной войны 1941-1945 гг. 1 степени”, орденом “Красной звезды”, медалями: “За отвагу”, “За боевые заслуги”, “За победу над Германией” и другими - всего 15 наград.

Сестра Евдокия Аввакумовна Шадрина (Арнаутова), родилась 14 марта 1932 года в пос. Калининский Пудинского района. После смерти матери, в 1935 г. была отдана на воспитание в семью Ивановых в пос. Красный Яр. Якова Андреевича Иванова забрали на фронт, где он и погиб.

В ноябре 1949 года вышла замуж за Арнаутова Степана Федоровича 1927 г. рождения, болгарина, сосланного из Бессарабии в 1941 году. Работали в колхозе. До апреля 1961 г. жили в пос. Красный Яр, затем переехали в Калининский. Имели четверых детей: Виктор - 25.05.51, Владимир - 21.01.53, Татьяна - 27.04.54 и Раиса - 5.020.56.

1.05.1965 г. трагически погиб при заготовке дров Степан Федорович. Похоронен на Пудинском кладбище.

(*В 1970 году сошлась с Реш Степаном Александровичем, переехала сначала в Пудино, а после окончания сыном Владимиром Томского автодорожного техникума и распределения его в Иркутскую область, переезжают в 1976 году в Куйтун Иркутской области. Там работала техничкой в райвоенкомате, райкоме партии. Вышла на пенсию. После смерти Реш С. А. в 1987 г. продала дом и переехала сначала в Красноярск к дочери Татьяне, а затем в Пудино - к Раисе).

Все её дети получили образование: Виктор и Владимир - высшее, Татьяна и Раиса - средне-специальное.

**Виктор Степанович Арнаутов* учился и закончил Кемеровский институт культуры, был оставлен там на кафедре. Работал лаборантом, преподавателем, заместителем декана, доцентом кафедры. Проживает в г. Кемерово. Женат на *Великосель-*

ской Людмиле Михайловне. Имеют двоих детей - *Ярослава* (1973 г.) и *Анастасия* (1982 г.)

Владимир Степанович Арнаутов - учился сначала в Кемеровском институте культуры, был призван в Армию в 1971 г. Демобилизовался. Закончил Томский автодорожный техникум, а потом и инженерно-строительный институт, дорожный факультет. С 1976 г. проживает в с. Куйтун. Работает в ДРСУ и ХДСУ, занимая попеременно, практически, все инженерные должности, вплоть до начальника. Женат на *Кравченко Любови Пантелеевне.* Имеют двоих детей - *Елена* (1977 г.) и *Алексей* (1983г.)

Татьяна Степановна Арнаутова-Бояринова - закончила Томское фармацевтическое училище, распределилась в г. Киселёвск Кемеровской области. Там вышла замуж за *Бояринова Леонида Владимировича.* Переезжают жить сначала в Куйтун, а затем - в г. Красноярск, где проживают и поныне. Имеют двойню - *Ольгу* и *Анатолия* (27.09. 1977)

Раиса Степановна Арнаутова-Голева - закончила сначала ПТУ, а затем Кемеровский техникум кооперативной торговли. Работала бухгалтером, экономистом в Куйтуне, а затем в Калининске - в бухгалтерии отделения совхоза "Пудинский". В настоящее время - занимается коммерческой торговлей в Пудино. Замужем за *Голевым Михаилом Ксенофоновичем.* Имели двоих детей - *Наталья* (2.08.77) и *Валентина* (1984 -умерла в марте 1988).

Сестра Шадрина Валентина Аввакумовна - родилась 14 марта 1932 года в пос. Калининский. Жила с отцом и с мачехой. Работала в колхозе звеньевой. Была награждена медалью "За трудовое отличие".

В 1950 г. вся семья переезжает в Новосибирск. Валентина поступила на завод № 677. Работала штамповщицей. В 1953 году была направлена на уборку урожая в село. Там простудилась и заболела.

28 января 1955 года умерла в возрасте 23 лет. Похоронена в Новосибирске, на Клещихинском кладбище, в одной оградке с отцом.

РОДОСЛОВНАЯ БОРИСОВЫХ

(по линии матери)

Мой дед, **Борисов Кузьма Филиппович**, 1864 г. р., русский происходил из крестьян. Высокий, стройный мужчина с пышной бородой. Проживал в селе Заливино. Село стояло на берегу речки Тара Малокрасноярского района (ныне - Кыштовский р-н, Новосибирской обл.)

Бабушка - **Мария Алексеевна** - высокая, полная. Имели 10 детей:

Прохор Кузьмич - 1879 г.р.* - репрессирован, умер в лагере (* *видимо, год рождения указан неверно, поскольку разница в возрасте с отцом составляет всего 15 лет. Здесь и деле курсивом обозначены примечания Виктора Арнаутова - В.А.*)

Дмитрий Кузьмич - 1892, умер в Омске в 1958 г.

Петр Кузьмич умер в Омске в 1929 г.

Александра Кузьминична умерла 23.01. 1984 г. в Томске.

Аграфена Кузьминична умерла 16.01. 1986 г. в Одессе.

Степанида Кузьминична (*Кузьмовна*, моя мать) 1898 - 6.09.1933 – умерла в Пудино.

Елизавета Кузьминична - утонула на озере Бодайбо.

Евдокия Кузьминична -14.03.1903 г., умерла в доме престарелых в 1995 г – в Шегарке..

Надежда Кузьминична - 1904 - 1.07.1988, похоронена в Омске.

Матрена Кузьминична - умерла в молодости.

Дед **Кузьма** был зажиточным человеком. Имел большой двухэтажный дом. На первом этаже размещались кухня, столовая, лавка торговая с выходом на улицу. На втором этаже были гостиная, зал и спальные комнаты. Всё было обставлено богатой венской мебелью. В гостиной находился граммофон, а в зале - полированный музыкальный ящик, игравший от заводной ручки разные вальсы. В ограде стоял крестовый дом, где жили работники. Из **хозяйства** имел: кожевенный завод, ветряную мельницу на реке Тара, в 3-х км. от села. На мельнице жил сын - Дмитрий Кузьмич и руководил всем этим производством. Имели маслобойный завод по переработке масличных культур (руководил другой сын - Прохор). В лавке торговал Пётр Кузьмич. Товар завозили из Омска по железной дороге до ст. Чаны, а за

тем 20 км. - на лошадях, до дома. Сам дед Кузьма занимался пасекой - было 20 ульев, расположенной в конце огорода. Имелся у них и велосипед - единственный на всё село. Держали несколько коров, лошадей. Дед Кузьма был верующим человеком, читал религиозную литературу. Спиртное не употреблял и не курил. Считался в районе порядочным, богатым человеком. Являлся членом церковного совета. Во время гражданской войны у него квартировали белые офицеры, а он сам был связан с партизанами, отправляя им в лес продукты.

Сын **Прохор Кузьмич** был женат на Наталье Ефимовне. Детей не было. В 1930 г. был арестован и отправлен в Сиблаг.

Дмитрий Кузьмич рано овдовел. Остался сын Михаил (1920 г.р.) Были дети и от второго брака. Переехал в Омск. В 1930 г. его арестовали по линии НКВД, отбыл 3 года. Повторно был арестован в 1937 году.

Пётр Кузьмич страдал пороком сердца. Был женат на Весниной Евдокии Яковлевне - очень симпатичной женщине. У них было 3-е детей: Павел, Иван и Мария. Петр был увезен в больницу, где и скончался в Омске в 1929 году. Его оставшаяся семья жила с дедом Кузьмой, до 1930 г, пока не переехали в Омск. Павел и Иван погибли во время Отечественной войны. Мария закончила мединститут в Омске, вышла замуж и уехала в Москву.

Александра Кузьминична * (смотри примечания в конце - В.А.) вышла замуж за **Краснова** Ивана Васильевича - грамотного человека, в армии служил поручиком. Было пятеро детей: Николай (умер в молодости), Мария*, Дмитрий - погиб на фронте, Алексей - убило лесиной в 19 лет, Нина* и Виктор* (помеченное * - см. в примечаниях - В.А.) В 1930 г. вся семья была раскулачена и сослана в Нарым (*Красный Яр, Калининский). Иван Васильевич был первым учителем в Калининской начальной школе. Умер Иван Васильевич в 1933 г., похоронен на Калининском кладбище.

Степанида Кузьминична (*моя родная бабушка по матери - В.А., подробно о ней см. в **Родословной ШАДРИНЫХ**) вышла замуж за Шадрин Авакума Васильевича в 1918 г. Жила одной семьёй с отцом мужа -Василием Михеевичем. В 1926 г. отделились от отца, построили пятистенный дом под тёсом, ам-

бар и надворные постройки. Имели 5 лошадей, коров, овец, пахотные земли и инвентарь. До ссылки родилось 3 детей: Александр - 1920 г. (* мой дядя - В.А.), Михаил - 1924 г., Владимир - 1926 г. В 1930 г. были раскулачены и сосланы за болото, село Красный Яр, затем - Собакино (Калининский). В конце апреля, после болезни, в течение недели умерли Михаил и Володя. 14 марта 1932 г. у них родились двойняшки - Валентина и Евдокия (* моя мама - В.А.). Заболев цингой, в возрасте 35 лет, умерла 6 сентября 1933 года, похоронена в Пудино на старом кладбище.

Аграфена Кузьминична вышла замуж за **Сенкевича** Федора Ивановича, служившего в царской армии штабс-капитаном. В 1920 г. эмигрировали в Китай, в Харбин. Имели двоих детей: Евгения - 1919 г. р. и Татьяну - 1925 г.р. В 1946 г. вернулись в СССР, на Камчатку, где Федор Иванович и скончался. Дети с матерью и семьями переехали в Одессу, где и проживают до настоящего времени. Аграфена Кузьминична скончалась в Одессе в 1986 году.

Елизавета Кузьминична вышла замуж за **Зенченко** Петра Егоровича. Была у них дочь Руфина. Переехали на прииск в Бодайбо, где и утонула в озере.

Евдокия Кузьминична*(см. примечания) была замужем за **Михеевым** Филиппом, имели двоих детей: Ивана и Александра*. В 1930 г. Филипп потерялся, а Евдокию с детьми из деревни Кабырза Муромцевского р-на Омской обл. сослали в Пудино, Откуда переехали в Томск. Иван живёт в Прокопьевске Кемеровской обл., а Александр* - в Томске, а мать свою сдал в дом для престарелых в с. Шегарка Томской обл.

Надежда Кузьминична выходила замуж в селе Низовое за поповского сына Аркадия Филаретовича. Позднее они разошлись, и она переехала в Омск.

Матрена Кузьминична выходила замуж за **Речкина** в селе Заливино, умерла в молодости.

В 1929 году свой двухэтажный дом дед продал под школу, а сам с семьёю поселился в другом доме, что стоял на усадьбе. Продал и маслобойный завод. Не было уже и лавки. Проданы были и кожевенный завод с мельницей.

В самом начале сплошной коллективизации, в 1930 году, дед Кузьма переезжает в Омск. Там он купил домик, и чтобы

кормиться - занимался сапожничеством на дому. Уехал из деревни и сын Дмитрий. Все его дети закончили церковно-приходскую школу.

В 1937 г. дед Кузьма был арестован как “враг народа”. В этом же году он и умер в Омской тюрьме. Могила неизвестна. Реабилитирован лишь в 1989 году.

Баба **Марья** последнее время жила у внучки Кондратьевой (*в девичестве - Красновой**) Марии Ивановны на Востоке, станция Тыгда (* недалеко от Благовещенска). Там умерла и там же похоронена.

У деда Кузьмы был брат **Иван Филиппович Борисов**, который тоже проживал в с. Заливино. У него был сын **Михаил Иванович**, женатый на **Варваре Ильиничне Ядрышниковой**, жившей в деревне Индовка. В 1930 году Михаила Ивановича раскулачили и выслали за болото, в деревню Красный Яр. У них было четверо детей: **Анна, Василий, Евдокия и Екатерина*** (см. примечания). Михаил Иванович и Варвара Ильинична умерли в Красном Яре, там и похоронены.

Дочь **Анна Михайловна** жила в Пудино, а затем переехала (*в 1957 г) в Новокузнецк, где и проживает доньне.

Евдокия замужем за **Казаевым** Афанасием Ивановичем, живут в с. Кривошеино Томской области.

Екатерина* была замужем за **Вавулиным** Николаем Федоровичем. У них двое детей - Ирина (**Королёва***) и Виктор. Все проживали в Новокузнецке. Екатерина Михайловна умерла и похоронена в Новокузнецке.

ПРИМЕЧАНИЯ, составленные **В.С. Арнаутковым** в феврале 1999 года в городе Кемерово.

Александра Кузьминична Краснова-Борисова - баба Саня. Впервые увидел её уже старой, сухощавой, беззубой, высокой в августе 1968 года в Томске. Проживала она со своим сыном Виктором Ивановичем (моим двоюродным дядей по маме) и его семьёй - женой Юлией и детьми - Надеждой (лет 8-9) и сыном Алексеем (лет 2-3- на то время). Баба Саня уже плохо видела, но была в хорошей памяти. В гостеприимстве сдержана. Видел её ещё раза 3-4, в 1969 и 1971 годах, когда поступал в Университет и был на практике в библиотеке ТГУ. По расска-

зам, жизнь её завершилась трагически, в глубокой старости, под 100 лет. Потеряв зрение, всё ещё готовила на кухне. Зажигая газовую плиту, нечаянно подожгла свою одежду, успела ещё выскочить на лестничную площадку, но получив сильные ожоги, скончалась.

Мария Ивановна Кондратьева-Краснова - старшая дочь бабы Сани. Видел один раз в Томске, в августе 1968 года, уже достаточно пожилой женщиной. Возвращаясь домой из Новосибирска, был в гостях у Краснова В.И. Дядя Витя, приняв изрядную дозу спиртного, стал надоедлив. Пришла тётка Мария и отвела меня ночевать к своей сестре (тете Нине Пастуховой) - по моей просьбе.

Нина Ивановна Краснова - Пастухова - дочь бабы Сани. Раза два приезжала к нам в Калининский в гости в 60-е годы. Один раз была с сыном - пятилетним Петей. Стройная, симпатичная. Имела двоих детей - *Валентину* (1949 г.р.) и Петра (порядка, 1960 г.р.) - от Пастухова Павла. Умерла в Томске в конце 70-х годов.

Валентина Александровна Краснова - дочь тети Нины, внучка бабы Сани, приезжала к нам в Калининский, уже будучи студенткой ТИРиЭТа, раза два. Училась сначала на дневном. После выхода замуж за Геннадия (муж принял её фамилию), брала академический отпуск и окончила институт заочно. В августе 1991 года, проездом в Пудино, вместе с дочерью Настей были у неё в гостях в Томске. Валентина заметно пополнела, но не утратила прежней привлекательности. У Валентины с Геннадием два сына погодки - Илья и Дмитрий (примерно, 1974-75 г.р.), оба занимались спортом - хоккеем.

Тётя *Нина* была замужем за Пастуховым Павлом, потерявшим на фронте обе ноги и ходившем на протезах. Он удочерил Валентину. Когда я ночевал у них в 1968 и 1969 годах - дядя Павел произвел на меня впечатление замкнутого, нелюдимого человека. У него с тётей Ниной был сын - Пётр, выросший бесшабашным парнем. Как-то уже в Кемерове, в середине 80-х годов я услышал по центральному радио сообщение из уголовной хроники о том, что в Томске бандой убит тридцатилетний **Пётр Пастухов**. Я подумал: уж не Петька ли? Оказалось - действительно он. История его убийства весьма загадочна. В нём была

замешана жена Петра. Убивали Петю в его же квартире. Расчленили и бросили в мешке в р. Ушайку (или Басандайку?). Во время следствия, его дядя - Виктор Иванович Краснов - проявил активность в распутывании дела, за что получал несколько предупреждений и угроз. Дело так и осталось до конца нераскрытым.

Виктор Иванович Краснов - дядя Витя, сын бабы Сани. Несколько раз приезжал в Калининский в 60-70 годы и даже в 90-е. Очень общительный, грамотный инженер. В молодости пришлось ему подрабатывать сапожником. Навыки сохранились на всю жизнь. Мне приходилось самому наблюдать, как мастерски и очень быстро чинил старые отцовские кирзовые сапоги, чтобы походить в них на охоту и за орехами. Одним из первых деревенских после войны окончил Томский Политехнический институт. Если не ошибаюсь, работал на ТЭМЗе, занимая инженерные должности, и подрабатывал в одном из Томских техникумов. Работая со студентами-заочниками, пристрастился к спиртному. В последний раз видел его в 1973 году. Живет в Томске. Примерный семьянин и дачник.

Евдокия Кузьминична Борисова - Михеева - баба Дуся. Впервые увидел ее в 1969 году в Томске. Маленькая, сухощавая, запуганная, но гостеприимная. Жила с семьей сына - Александра. Любила внуков, уже взрослых. Конфликтовала с невесткой. После развода сына с семьей и размена квартиры получила комнату в коммуналке - двухэтажном деревянном доме на ул. Беленца, недалеко от кинотеатра им. Горького. Сколько помню - всё время страдала головными болями. Жаловалась, что это у неё с детства. Видимо, это наследственное. По этой генной линии, похоже, унаследовал головные боли и я. Жила напротив сына Александра, в этой же коммуналке. Часто лежала в больнице. Почти совсем ослепла. После инсульта сына оказалась в доме престарелых в Шегарке, где и умерла.

Александр Филиппович Михеев - дядя Саша, сын бабы Дуси. Сухощав, невысок. Доброжелателен, прост, гостеприимен.

Бывал в гостях у нас в Калининске раза четыре и даже один раз в Куйтуне. Любил охоту, рыбалку. Вязал сети и иконки. Неплохо разбирался в технике. Из-за вечного безденежья всё время покупал подержанную технику: мотоциклы, автомашины.

Постоянно возился с ними в гараже, ремонтируя. Я, приехав в Томск поступать на учебу с другом, ночевал у Михеевых две ночи. Весь балкон был завешан вяленой стерлядью - дядя Саша наловил на Оби на закидушки. Семейная жизнь у него не складывалась. Постоянно ссорился с женой. Развелись, разменяли квартиру. Сожительствовал с другой женщиной, снова сходились с прежней. Получил инсульт. Проживал в Томске. Было трое детей: *Михаил* (1950 г.р.) *Николай* (1952 г.р.) и *Александр* (1954 г.р.) Старший - *Михаил* служил на флоте на подводной лодке. В 1969 г. лодка подорвалась на mine. Чудом удалось спастись - подобрали иностранцы, получил ранения. После демобилизации проживал и работал в с. Каргасок Томской области, куда перетянул и младшего брата. Трагична судьба среднего - *Николая* - красивого чернявого, несколько замкнутого парня. В молодости связался с воровской братией, но сумел вырваться из-под её влияния. Женился, имел двоих детей. Жена очень рано погибла в автокатастрофе, оставив Николаю двоих малолетних детей. Нет в живых и его самого.

Анна Михайловна Борисова - Белоконь-Бунина - моя крёстная. Помню ещё из раннего детства. В 1957 г. в мае, с бабушкой Анастасией мы ходили пешком из Красного Яра к ней в Пудино в гости, на мой день рождения и несли ей пирог. Я шел в новых кожаных тапочках. В пути мы попали под дождь. Тапки мои размокли, и оставшуюся дорогу шёл босиком. Лёлька работала тогда в больнице и как раз собиралась уезжать из Пудино. Мы подгадали под её сборы. Помню, что на день рождения подарила она мне отрез ситца на рубаху. Вторым подарком от неё, уже из Новокузнецка, был двухтомник А.Толстого “Хождение по мукам”. Повторно её увидел через 35 лет, в 1992 году в Новокузнецке, у мамы на 60-летию. В том же году, в мае она с мамой приезжала в Кемерово на мой день рождения. Смеясь, встретил её словами: “Лёлька, рубаху мне привезла?”. Полная, скромная, доброжелательная. Несколько раз выходила замуж, но своих детей не было. Зато пришлось воспитывать и помогать растить племянников - Виктора и Ирину Вавулиных, после смерти своей сестры Екатерины. Жила в Новокузнецке в отдельной квартире.

Екатерина Михайловна Борисова-Вавулина. Мамина подруга ещё с детства, с Красного Яра, - троюродные сёстры. Вышла замуж за Вавулина Николая Федоровича, переехали в Новокузнецк. Несколько раз приезжала в Пудино, бывала у нас в гостях. Помню её ещё довольно молодой. Году в 65-м привозила мне подарок от лёлки Анны - книгу, которую я читал несколько раз с огромным интересом. Рано умерла, оставив двух детей. Пути пересеклись ещё раз уже после её смерти. В 1991 году её бывший муж - Н.Ф. предложил маме совместную жизнь и увёз её в Новокузнецк. 14 марта 1992 г. вся наша пополневшая семья собрались у мамы на 60-летнем юбилее, в Новокузнецке (я с женой и детьми, Володя с сыном Алешей, Татьяна с мужем Алексеем и Раиса с мужем Михаилом). Познакомились с **Виктором Вавулиным** и **Ириной Королёвой** и их семьями. К сожалению, всё этим и закончилось. Совместная жизнь у мамы с Н.Ф. не сложилась, хотя с Виктором и Ириной отношения у неё были хорошие. В июле 1992 г. я перевез маму из Новокузнецка в Кемерово.

АЛЕКСАНДР ШАДРИН

**В ОКРУГЕ ПУДИНСКОЙ -
ЗЕМЛЕ НАРЫМСКОЙ
(Мемуары)**

В феврале-марте 1930 года, во время сплошной коллективизации, по решению Советского Правительства многие жители нашей страны были лишены гражданства и направлены на спецпоселения (ссылку). Одним из мест спецпереселения стал "Нарымский край". "За болото" люди были сосланы, в основном, из Новосибирской области и Алтайского края - бывшего ЗапСибКрая.

Для многих местом спецпереселения стала нынешняя Томская область, Парабельский район. Семьи везли на лошадях, в повозках через Васюганское болото протяженностью 60 километров.

Покидая последнюю деревню со странным названием Горемычка, Северного района, на всём протяжении болота нигде

больше жилья не встречалось. На болоте рос лишь низкорослый карагайник да редкие сосёнки.

На другом конце болота стоял небольшой поселок Львовка. Выезжали из-за болота рано утром, чтобы к позднему вечеру преодолеть всё расстояние. По местам расселения выросли дереvушки: Львовка, Шерстобитово, Кулики, Ляшкино, Красный Яр, Коровино, Дудино, Боталёво, Собакино, Лушниково и много других. Основным стал поселок Пудино, получивший позднее статус районного центра. (**Всего в Пудинской спецкомендатуре насчитывалось 63 населённых пункта – В.А.*). Пудино (*основано в 1915 году - В.А.*) получило своё название по фамилии остяка Пудина, который ещё до революции держал там лавку, и все окружные остяки-охотники и остальное население сдавали ему пушнину, дичь, кедровый орех, ягоды и другие дары тайги.

За Пудином, вниз по течению речки с остяцким названием Чузик, образовались деревни: Останино, Гонохово, Язёвка, Стариково, Скит. По приезду переселенцев многие поселки стали увеличиваться, а некоторые отстроены заново, такие, как Верх-Чузик, Казанка, Намеченое, Семеновка, Черфо, Чага, Кулики, Красный Яр, Боровое. Несколько в стороне оказались Таванга, Рогалёво, Дерешево. Некоторые поселки получили свои названия по фамилиям первопоселенцев - Собакино, Коровино, Гонохово, Останино; другие - от названий речек: Верх-Чузик, Чага, Черфо, Язёвка.

В восьми километрах от деревни Собакино выстроили совершенно новый поселок Красный Яр, названный так потому, что большинство людей в нём были переселены из Мало-Красноярского района (ныне - Кыштовский Новосибирской области), из деревень: Кыштовка, Заливино, Большеречьё, Воскресенка, Толстовка, Москалёвка, Сергеевка и других. Красный Яр был отстроен заново прямо в тайге, на высоком берегу Чузика.

Старые поселки были малочисленны. Так, в Коровино проживало 3 семьи: Коровина Киндина Клементьевича да две семьи Смирновых. Киндин Коровин являлся зятем Смирнова Ксенофонтия. Все три семьи были староверами (кержаки). В домах висели медные иконы. Сами они табак не курили и курящих в свои дома не пускали. Даже напиток из своей кружки никому чужому не давали. В избах у них не было даже русских

самоваров - говорили, что в них нечистая сила прячется. За поселком, на ручье, что впадал недалеко в Чузик, стояла у них мельница водяная. Была она довольно примитивной, но всё же лучше, чем ручные деревянные жернова.

Все эти старожилы занимались земледелием - для себя, охотой да рыбной ловлей. Рыбы было много - и в Чузике, и в озёрах.

Весь этот район ссыльного переселения находился посреди тайги, непроходимых болот да рямов, с полчищами комаров, паутов, слепней, мошки и прочего гнуса.

Деревня Собакино находилась четырьмя километрами выше Пудина по речке Чузик. Основал её охотник Спиридон Собакин. Кроме него жили самостоятельными семьями три его сына: Сысой, Моисей да Григорий. Всего же насчитывалось 7 дворов. Кроме них жили там Гонохов Яков Родионович и Гонохов Кирсан Андреевич.

В 1931 году Собакино было переименовано в Калининский, а к 1935 году в нём насчитывалось до 60 дворов. Открыта в нём была и начальная (трёхклассная) школа. Первым её учителем был Краснов Иван Васильевич.

В 1932 году в Калининском организовали первый колхоз - "Культура Севера". Самым первым председателем был избран Анисов Иван Яковлевич - малограмотный, но настойчивый, среднего роста, усатый. Колхоз сумел организовать толково. Были объединены лошади, сельхозинвентарь, выстроена добрая конюшня, амбары (лесу на постройку, конечно, хватало). Развели крупнорогатый скот и свиней.

Изначальная посевная площадь была мала, приходилось корчевать лес вручную. Место было глухое, необжитое, не имело почти никакой связи. Правда, в 1931 году в Пудино построили радиостанцию, работавшую азбукой Морзе. Тогда это и было единственным источником оперативной связи с Центром ЗапСибКрая. Первым радистом являлся коренастый, невысокого роста человек в военной форме, по фамилии Панков. Станция размещалась в небольшом пятистенном домике, окруженном несколькими деревянными мачтами. Электроэнергия для радиостанции вырабатывалась небольшим двигателем внутреннего сгорания, который располагался в том же здании, что и станция.

Мотористом работал богатырского телосложения мужчина по имени Федя, учеником моториста - воспитанник Пудинского детского дома Ананченко Иосиф, который позднее и сменил Федю. Ученики Пудинской школы, открытой ещё в 1930 году, ходили на станцию на экскурсии, так как там находилось единственное место, где можно было показать технику.

В 1932 году на реке Коньга была реконструирована мельница. Позднее построили крахмальный и маслобойный заводы. В Пудино отстроили больницу, аптеку, ветлечебницу.

Все грузы доставлялись зимой на подводах из Томска или Барабинска. Весной же, по большой воде - из Парабеля до Скита - на баржах. Летом, по мелкой воде плавали до Парабеля на больших лодках, крытых тёсом. С боков были борта по 50 сантиметров. С каждого борта по два человека, упираясь о дно реки шестами, толкали лодку с грузом недалеко от берега. На корме стоял рулевой. За световой день проходили встреч течения по 25-30 километров.

Только в 1935 году промкомбинатом был приобретен небольшой стационарный лодочный мотор, четырех лошадиных сил мощностью, поставленный на небольшую лодку. Эта лодка буксировала за собою ещё две лодки с грузом от Парабеля до Пудина. Мотористом работал Тютюнник Иван. Эта лодка-буксир прослужила до 46-го года.

В 1933 году Промкомбинатом был приобретен локомотив английского производства, работавший на дровах. В посёлке Останино построили паровую мельницу, которая дробила зерно на простой размол, заведовал которой Кращенко Дмитрий Иванович - высокий, тактичный человек. Мельником на ней работал украинец Приходько Дмитрий Корнеевич, механиком - Вдовиченко.

Уже с 1935 года локомотив использовали для обмолота хлеба передвижным способом в поселках Пудино, Калининский, Красный Яр и других деревнях. Перевозили его на четырёх лошадях. В 1934-35 годах кочегаром на локомотиве работал и я - Шадрин Александр Аввакумович, получая в месяц 60 рублей зарплаты. Зерно молили в зимнее время.

Несколько позднее, рядом с мельницей, была выстроена лесопилка, распускавшая лес на плахи и тёс. Этот же локомотив летом использовали на лесопилке.

Зимой колхозы занимались и лесозаготовками, увязывая лес в плоты в поселках Скит и Павло-Юдино, а весной, по большой воде, плоты сплавляли до Парабеля. Каждому колхозу доводился план лесозаготовок. Для колхозных нужд и по разнарядкам приходилось заниматься и побочными делами.

Так, в колхозе “Культура Севера” уже с 1934 года вырабатывали кустарным способом дёготь в ямках. Дегтярём работал старик- с грубым голосом, никогда не выпускавшим изо рта самокрутки из самосада, славившегося на всю деревню - Филипп Мусатов.

Ямки, или как их ещё называли - корчажки были сделаны за Медвежьим ложком, в осинниках. Дно ямки обмазывалось глиной, куда клалась металлическая решётка. На решётку загружалась берёста и зажигалась. Ямка плотно закрывалась крышкой и обмазывалась глиной, чтобы вовнутрь не попадал воздух. Берёста тлела, и из неё выделялся дёготь, который стекал через решётку на дно. Через сутки крышку открывали, выбрасывали шлак, а со дна черпали дёготь.

В 1937 году приобрели котёл, и стали вырабатывать паровой дёготь, излишки которого уже сдавали с сельпо, а оттуда бочками на баржах отправляли в Томск.

Берёста на дёготь заготавливалась в июне месяце, когда она хорошо дралась с берёз. Заготовкой берёсты занималась, в основном, бригада из молодёжи. От сданного дёгтя колхозы имели денежный доход, который распределялся по трудодням между колхозниками. Гонщиком дёгтя стал работать Колиденко.

Дед Мусатов, оставшись без работы, в летнее время стал заниматься изготовлением веревок из льна для колхоза. Около его избы было сделано приспособление для пряжи верёвок: большое деревянное колесо с ручкой, которое соединилось с роликом ремнём. Его старуха, бабка Анна, - полная грузная женщина сидела на табуретке и крутила колесо. Дед Филипп, обвешанный вокруг пояса льном, зацеплял прядь льна за крючок вращающегося ролика и, птясь назад, отходил метров на пятьдесят вдоль забора. Напряденных несколько нитей свивал в одну верёвку. Из верёвок делались вожжи, постромки, черессдельники и прочее необходимое в хозяйстве. Бывало, бабка Ан-

на задремлет, и всё крутит колесо автоматически. Дед кричит ей: “Стоп!”, а она всё продолжает крутить. Тогда раздавался его басистый голос на всю улицу: “Стоп, Анна, ... твою мать!” Только после этого окрика бабка переставала вращать колесо.

Вспоминается история о том, как дед Мусатов в Пудине тушил пожар. На летний период, из колхозов, расположенных вблизи Пудина, назначались по понедельно в пожарное депо дежурные - мужчина и два подростка, с двумя лошадьми. Дежурили круглыми сутками в пожарке, на случаи пожаров.

Дежурить командировали деда Мусатова с подростками. Как-то вечером в пожарку прибежал пудинский житель и сказал, что на краю села, за школой, около кирпичного завода - пожар. Согласно инструкции, дед Филипп должен был подняться на каланчу, уточнить место пожара, и тогда быстро запрячь телеги и следовать для его ликвидации. На одной телеге стоял ручной насос, на другой - бочка с водой. Дед же - сел верхом на лошадь и поехал уточнять: действительно ли имеет место факт пожара. Пожарное депо и каланча находились в центре Пудина. До места пожара получалось около двух километров. Пока он доехал, выявил, что горит баня, вернулся обратно за средствами тушения - тушить уже было нечего, баня сгорела. За этот случай дед Филипп получил нагоняй от начальника пожарного депо, а за ним на всю оставшуюся жизнь сохранилась кличка “Пожарного тушили”.

В 1935 г. в Пудино построили клуб, а в Калининском - новое школьное помещение с двумя классными комнатами, учительской и жилой комнатой для технички. Клуба в Калининском ещё не было. В здании школы проходили торжественные собрания, один раз в месяц демонстрировался фильм. На летний период в колхозе там открывали детский сад. Заведующей работала Лопатина Елена.

В 1935 году по всей стране развернулось Стахановское движение. Люди, перевыполнявшие нормы на сельскохозяйственных работах стали тоже называться стахановцами и заносились на Доску Почета.

В колхозе “Культура Севера” тоже были замечательные труженики-стахановцы. Среди них - Зайцев Алексей Софронович, который при норме 70 соток вспахивал на лошадях по гек-

тару и более раскорчеванной земли. Стахановками были колхозницы: Колесова Прасковья, Мусатова Александра Тимофеевна, Анисова Евдокия и другие. Перевыполняли нормы на уборке хлеба конными косилками Назаров Фаддей Иванович, Шадрин Аввакум Васильевич.

В декабре 1935 года совместно с Останинским колхозом “Ударник” был построен пихтовый завод, где работал бригадиром Косачёв Иван Тимофеевич - невысокого роста, худощавый, рыжеватый добродушный мужчина, рассказывавший по целой ночи сказки и прибаутки. На пихтовом заводе работала, в основном, молодёжь, по 15 человек от каждого колхоза. Завод был построен на Нижнем Армиче - недалеко от поселка Скит. Там стоял и пятистенный барак. В одной половине жили калининские, в другой - останинские рабочие.

На заготовке пихтовой лапки работали попарно - парень и девушка. Работа эта являлась тяжёлым трудом. Парень поднимался на пихту до вершины и, спускаясь, рубил большим ножом сучья на расстоянии не менее 50 см. от ствола. При этом нужно было оставить вершину дерева высотой 1,5 метра, чтобы дерево не засохло. На земле девушка специальным ножом обрубала спущенные сучья, формируя пихто-лапку - ветка у основания должна была быть не толще школьного карандаша.

После этого пихто-лапка складывалась кубометрами и вывозилась на пихтовый завод. Дневная норма составляла 1 кубометр на заготовщика. На обрубке с деревьев замечательно работали два Афанасия - Казаев и Куратов. За ними кое-как успевали обрубить по две девушки.

Пихтовый завод был примитивным: большой деревянный чан, куда загружалось до 12 кубометров пихто-лапки. Рядом находился замурованный в кирпичи металлический котёл, который заполнялся водой и нагревался. Пар из котла поступал в низ чана, где прогревалась лапка. Сначала пар попадал в сухопарник, а оттуда - в холодильник, т.е. - змеевик, который охлаждался водой. Получаемая жидкость отстаивалась в отстойнике. Так как масло легче воды, жидкость разделялась на фракции. Вода спускалась, а затем сцеживалось пихтовое масло. Завод находился практически под открытым небом. Одна закладка гналась сутки. Этим занимались гонщики. Через сутки из чана вручную

выгружалась парящая отработанная масса, и чан загружался по новой.

Годовой план пихтового завода составлял 12 тонн пихтового масла. Вырабатывали же до 15 тонн готовой продукции. Пихтовое масло шло на медицинские препараты. Из него вырабатывалась камфара и камфарное масло.

После отработки пихтового массива, завод перевели вверх, по реке Коньга, в двадцати километрах от Калининска, по мирновской дороге. Пихтовый завод работал круглый год, принося колхозам хорошие денежные доходы. Пихтовое масло отправлялось в деревянных бочках в райпотребсоюз.

В 1936 году нашим колхозом были приобретены: гармонь “хромка”, патефон, радиоприёмник, работавший от батарей, и установленный в конторе колхоза. По вечерам сходились слушать радиопередачи. С большим волнением слушали материалы Чрезвычайного УШ съезда Советов, проходившего в Москве в ноябре 1936 года, на котором была принята новая Конституция СССР. По этой конституции весь переселенный народ получил гражданские права, мог избирать и быть избранным в Советы.

Помимо прямых сельскохозяйственных работ колхозы занимались и попутными работами. В частности - заготавливали кедровый орех. Так, в 1936 году был сильный урожай ореха. В нашем колхозе в августе месяце организовали бригаду из 9 человек и направили в тайгу, на Верхний Армич. До болота - 30 км. от деревни - довозили на лошадях, а дальше, через двенадцатикилометровое болото шли пешком, неся на себе всё продовольствие и инвентарь. В кедраче стояла избушка с железной печкой (которую тоже доставляли на себе).

На одного человека в день собирали до пяти мешков шишки. Когда сбор шишек заканчивался, начинали её перерабатывать, тоже вручную. Чистый орех сушился и ссыпался в амбарчик. За осень было заготовлено 10 тонн чистого ореха. Когда болото промёрзло, весь орех вывезли на лошадях. Часть его сдали в сельпо, а часть раздали по трудоводням.

Бригада орешников находилась в тайге с 20 августа по 1 октября. Бригадиром являлся Лопатин Алексей. На заготовке орехов в бригаде были: Лобановы - Михаил и Александр, Ани-

сов И.Я., Казарин М, Шадрин А.А., Остапенко В.И. и две женщины - Смолякова Евдокия и Семенова Мария.

В тайге водилось много пушного зверя - белки, колонка и другой живности. На осенний сезон из колхозников откомандировывались в тайгу промысловики-охотники, обычно с 25 октября и до тех пор, пока в тайге не выпадал глубокий снег, и пока собака не переставала брать след. С «Сибпушниной» заключались договора. В магазине выдавались боеприпасы, брезент для плащей, кожа для обуви.

Бригада промысловиков отправлялась в тайгу туда же, где заготавливали и орехи. Жили в той же избушке. За день иногда добывали до 20 белок на человека. Шкурка белки, первого сорта, стоила тогда 3 рубля 60 копеек. Бригаду охотников составляли, в основном, те же колхозники, что и по заготовке орехов: Лопатин А., Остапенко В.И., Лобанов А.Т., Лобанов М.Т., Кологринов И., Куратов А., Шадрин А.А., Чикишев К.

Случалось забредать далеко от избушки и ночевать в тайге одному, с собакой, у костра-нодьи. При себе всегда имелся топор.

Были в колхозе и постоянные охотники. Летом они добывали земляного крота по тропе, которая вела на Мирное, до болота. По левой и правой сторонам тропы ставились деревянные ловушки возле норок. Проверяющий ловушки тропой доходил за день до болота, а на другой день возвращался обратно. Шкурка крота стоила 1 рубль.

Весною охотились на бурундуков - на манок. Шкурку бурундука сдавали по 40 копеек. Зимой отлавливали капканами колонков, зайцев - в петли и капканами, горностая. За сданную пушнину охотники должны были вносить в колхоз определенную сумму денег. Им же за эти деньги начислялись трудодни. Постоянными охотниками являлись Лопатин А., Лобанов М.П., Остапенко В.И.

В стране успешно выполнялись пятилетние планы. Народ стал жить зажиточнее. Богатели с каждым годом и колхозы.

Выдвинутый Сталиным тезис об обострении классовой борьбы привёл к массовым репрессиям. Немаловажную роль в этом позорном деле сыграли и лично наркомы внутренних дел - Ежов и Берия. В стране начались массовые аресты ни в чем не

повинных людей, так называемых, “троцкистов” - врагов народа. Не избежали этого даже в отдаленных районах и местах спецпереселения. Так, в 1937-38 годах, в Калининске были арестованы замечательные труженики: Колесов М. (завхоз), Горский В. - младший ветфельдшер, Горский П. - колхозник (два брата, поляки по национальности), Панкрац - отец и два сына - Иван и Давид (немцы), Кучевский Степан Иосифович, Попандупуло, Рассказов. В Пудино были арестованы: Внуков Иннокентий Васильевич, Шабалин, Сперанский и другие. В пос. Красный Яр - Севостьянов Сергей Максимович. Все они были полностью реабилитированы после 1954 года.

В ноябре 1937 года впервые в наши места прилетел двухместный самолёт, привёз выборную документацию. Это была такая диковинка, что с ближних деревень сбежался народ. Аэродрома никакого не существовало. Самолёт сел на снег на правом берегу речки Ольга, напротив поселка Лушниково. Стоял уже сильный мороз, и дул северный ветер. Люди пообморозили себе носы и щёки, после этого долго смеялись над собой - как бегали смотреть самолёт.

12 декабря 1937 года состоялись выборы в Верховный Совет СССР. Избирательный участок находился в Пудино, в клубе. Рано утром, из близлежащих деревень ехали на санях с гармониями и песнями голосовать. Дуги, упряжки разукрасили лентами. Это был незабываемый и неподдельный праздник для колхозной деревни.

Непроходимые, дикие места постепенно обживались, но ещё в нескольких километрах от деревни нередко можно было встретить и медведей. По осени медведи выходили к полям питаться овсом. Так, в Калининском, уже в 1931 году Рыбалкин Фёдор раскорчевал лес около болота и сеял там овёс, будучи ещё единоличником. Осенью овёс скосили, связали в снопы и уложили в суслоны. Каждую ночь на “Рыбалкиной пашне” медведь разбрасывал эти суслоны. Недалеко от этой полосы и залегла на зиму медведица.

В ноябре, охотник Лопатин А., возвращаясь домой, набрел на берлогу. Залаяла собака. Не решаясь один стрелять медведя, он пришёл домой, взял с собой братьев Лобановых - Михаила и Александра. Придя к берлоге, охотники начали из неё

выживать медведя. Когда медведь показался из берлоги - был ранен двумя пулями в грудь. Однако ему удалось выскочить наружу, и только тут его добились третьей пулей. Охотники уже начали снимать с него шкуру, но любопытный Лобанов Александр решил осмотреть берлогу. Там он обнаружил ещё двух хищников. Медвежата выскочили из берлоги и побежали к лесу, но были настигнуты выстрелами охотников. Скотину, правда, медведи эти не трогали: говорят, что там, где медведь собирается залечь на зиму, скотину он никогда не трогает.

В 1935 году в Калининске построили магазин, на том месте, где позднее поставили клуб. Продавцом был Алексеев Дмитрий Яковлевич.

К 1938 г. колхоз “Культура Севера” имел 300 гектаров пахотной земли, которая вся обрабатывалась конной тягой. Не смотря на отсутствие техники, урожаем собирали по 15-17 центнеров с гектара. В основном сеяли рожь, пшеницу, овёс, ячмень, горох. Сажали картофель. Из техники в колхозе в то время имелось: 2 конных сенокосилки, конные грабли, самосброска, “лобогрейка”, конная молотилка, 3 ручные веялки, агрегат для очистки и сортировки семян, 15 конных плугов, 20 борон. Весенняя посевная длилась весь май и до 5-10 июня - из-за погодных условий и отсутствия самоходной техники. Зачастую и сеять приходилось вручную, из лукошка. Норма вспашки двумя лошадьми мягкой земли составляла 1 гектар. Уборка урожая тоже велась не только косилками, но и вручную. На одного косаря норма составляла 80 соток в день. Ударники выкашивали и по гектару.

Весь скошенный хлеб вязался в снопы и составлялся в суслоны. После окончания уборки, снопы свозились на телегах и бричках на ток и скирдовались. После скирдования днем и ночью начинался обмолот хлеба.

В 1938 году, вырастив хороший урожай и сдав государству плановые поставки зерна, молока, мяса и прочей продукции, каждому колхознику на трудодень выдали по 3 килограмма зерна и до 1 рубля денег.

Председателем колхоза в то время был работавший ранее бригадиром полеводов - Красножен Дмитрий Петрович - хозяйственный, энергичный человек, без устали отдававший себя

полностью колхозу. В 1942 году он ушел защищать Родину, и, вернувшись в 45-м, опять стал работать в родном колхозе бригадиром.

В 1938 году Райпотребсоюз приобрел автомашину - полуторку. Это была первая автомашина в районе. Шофером стал Макиенко.

... Летом, вечерами, после трудового дня молодежь собиралась на берегу Чузика, около омута, где впадает речка Николака. Под гармонь Саши Орловского (погиб в Отечественную) пели песни, ходили вдоль берега Чузика по Зимнику. Особенно красиво бывало весной, когда зацветала черёмуха. Удовольствием было покататься на лодке по Чузику. Часто в Калининск приходила молодежь и из Лушниковова, тоже с гармошкой и своим гармонистом. Гармонистом у них был Иван Петров, ставший мужем Зины Тихоновой. Поздно вечером, калининские провожали лушниковских до дома. 2 километра дороги до Лушниковова тянулись вдоль молодого березняка.

После окончания 7-10 классов в Пудино, молодежь разъезжалась на учёбу, в основном в Томск, в техникумы и даже в институты. Так, из калининских учиться уехали ещё до войны: Ковшаров Иван Дмитриевич, Коляденко Сергей, Смолякова Таня, Краснова Нина Ивановна, Клавина Вера, Шадрин Евгений. Последний закончил Томский политехнический институт, аспирантуру, одним из первых защитил кандидатскую диссертацию, став кандидатом технических наук, и уже в 50-е годы заведовал кафедрой тепловых электростанций ТПИ.

Вся колхозная техника ремонтировалась в то время в колхозной немеханизированной кузнице, где имелся ручной мех для раздувания горна (для этого использовался древесный уголь), наковальня, тисы, самодельное сверло для сверловки отверстий в металле. Для нарезки резьбы на болты и гайки использовали также самодельные плашки и метчики. Стандартного железа не было - привозили зимой из Барабинска металлическую обреш, метр длиной, шириной 10 см. и толщиной 2 см. Из этого металла изготавливали болты, гайки, подковы, гвозди и прочее.

Зимой колхозный обоз увозил через болото туши мяса в Барабинск, а оттуда вёз в колхоз всё необходимое для хозяйства:

сельхозинвентарь, металл и прочее. На путь до Барабинска и обратно обоз затрачивал около 20 дней. Грузные подводы в день проходили до 30 километров.

С начала организации колхоза “Культура Севера” в кузнице работал кузнецом Боженко Поликарп Григорьевич - среднего роста, крепкого телосложения старик с седой окладистой бородой, украинец, 1870 года рождения, никогда не употреблявший спиртного и не куривший табак, проработавший в колхозе, а затем и в совхозе ещё 36 лет. Скончался он в 1968 году, в возрасте 98 лет. Будучи в возрасте 95 лет ходил ещё пешком за 6 километров косить вручную сено для своей коровы. Воду носил из колодца всегда без коромысла в двухведёрных самодельных ёмкостях. Это был настоящий труженик-богатырь. Никогда не болел и не обращался к врачам. Буквально всё делал для себя сам: шил кожаные сапоги, катал валенки, даже сам вытачивал из лошадиных зубов протезы для себя и сам вставлял их.

В кузнице вместе с Боженко работал и я - А.А. Шадрин, сначала молотобойцем, а затем и кузнецом, с 1937 года и до самого ухода на фронт, в 1942 году.

В Калининском проживала замечательная семья тружеников Ковшаровых - Дмитрия Андреевича и его жены Пелагеи, воспитавшая 7-х детей: 4-х сыновей и 3-х дочерей. Все дети, как только подрастали, трудились в колхозе. Старший сын - Иван Дмитриевич - после окончания семилетки, уехал учиться в техникум, был призван в Армию, участвовал в Отечественной войне, дослужился до подполковника, ушел на заслуженный отдых по выслуге лет, но продолжал ещё трудиться в г. Хабаровске. Второй сын - Фёдор Дмитриевич, защищая Родину, потерял правую руку, вернулся домой и продолжал трудиться в колхозе, а затем в совхозе “Пудинский”, заведующий кадрами. И третий сын - Дмитрий - стал офицером Советской Армии, уже в послевоенное время, вышел в отставку майором.

От своих родителей любовь к труду передалась и всем детям. Исключительной души человеком была и мать семейства - Пелагея. Успевала и вести домашнее хозяйство, и воспитывать детей, а летом - помогала и на колхозных работах.

Отец семейства, Дмитрий Андреевич, летом бывал занят на полевых работах, а зимою - пилил вручную продольной пи-

лой плахи и тѣс для колхоза с Легостаевым Г. Кроме того, отличало его и постоянное стремление к изобретательству - он собирал из старых колес, шестерней, подшипников всевозможные механические приспособления - точила с редукторами, соломо-резки и прочее. Не переставал он работать и после ухода на пенсию - на подсобных и плотницких работах. В зимнее время, дома, много вязал сетей для ловли рыбы, приспособив для этого и специальную плашку, так как у него отсутствовал большой палец на правой руке и зажимать узелок было нечем.

Для нужд колхоза требовалось много пиломатериалов на строительство домов, амбаров, скотных дворов. К тому же, имела и столярная мастерская, где столярами работали Андриюшкевич Тихон Петрович и Моргун Сергей Савельевич, которые для Райпотребсоюза изготавливали мебель, школьные парты лыжи и др. От столярной мастерской колхоз имел денежный доход.

В поселке Красный Яр, находившийся в 12 километрах от Пудина и в 8 от Калининского, председателем колхоза был малограмотный, но хозяйственный человек - Голубев Павел Андреевич - тучный мужчина среднего роста, крепкого телосложения, не куривший, но нюхавший табак. Голубев умело руководил колхозом, который считался и являлся зажиточным. В нем работали дружные трудолюбивые люди.

В 1937 году этот колхоз приобрел локомобиль отечественного производства, работавший на дровах. Построили мельницу. Ближайшие сѣла возили в Красный Яр зерно для размола. Осенью локомобиль использовали и для молотьбы хлеба. Когда колхоз заканчивал обмолот собственного урожая, локомобиль нанимали для этих же целей и соседние колхозы. Во всѣм районе это был единственный колхоз, который имел тогда собственный локомобиль. Механиком работал Гриднев Иван.

22 июня 1941 года грянула война, и мирный труд стал перестраиваться на военный лад. Основным стал лозунг: "Всѣ для фронта, всѣ для победы!" Колхозники не считались ни с чем, трудились день и ночь. Для фронта стали готовить теплые вещи.

В июне 1942 года из Калининского ушли защищать Родину сразу 23 человека: Лобанов А.Т., Данилин А.Н., Беспятов Сергей, Кологривов Иван (погиб под Сталинградом), Бут И.К.

(погиб под Сталинградом), Сухиня И., Сухиня Н., Анисов П.Л., Труфанов Ф., Куратов А., Осинцев И., Шипицын П. (все погибли под Сталинградом), Семенов Дмитрий, Чернуха Петр, Шадрин Александр Аввакумович и другие.

Многие девочки были мобилизованы на заводы в Новосибирск: Смолякова Д., Григорьева Н., Семёнова М., Чернухина М. Полукеева Н., Легостаева А.

В Колпашево, на строительство консервного завода, в Трудармию были мобилизованы: Шадрин А.В., Пономарев П., Орловский Ф.Л., Сергеев И.С.

В колхозе остались старики, женщины да подростки, которые заменили ушедших на фронт и мобилизованных на заводы и Трудармию отцов, мужей, братьев. На их плечи лёг непомерный тяжелый труд: нужно было выращивать хлеб, производить мясо, молоко, масло и другую сельскохозяйственную продукцию...

ЕВДОКИЯ АРНАУТОВА
(Евдокия Аввакумовна Шадрина)

ТАМ, ГДЕ МАКАР ТЕЛЯТ НЕ ПАС...

(Нарымская «пастораль»)

Из Пудина – через болото...

После войны мы, подростки, работали в колхозе уже в полную силу. Работали, считай, задаром. Подошла весна сорок седьмого года. Мне в марте как раз пятнадцать лет уже исполнилось. У нас тогда в нашей Пудинской округе, в Гонохово, пихтовый завод стоял. Ну, и отряжали на него от каждого колхоза по четыре человека. Вот и решили от нашего Красного Яра отправить туда меня. А у меня – разу обуть на ноги нечего. Какой там из меня работник без обуви?

Председателем нашего колхоза в Красном Яре был Голубев Павел Андреевич. Мама пошла к нему и говорит: «Девчонку не в чем посылать мне. Даже вот никакой обуви нету. Ну, в чём она там работать будет? Здесь она хоть в этих чирках-починках ходит, а там?». Ладно, оставили меня дома, хотя в то время, не то, что теперь, послушаться было нельзя. Вёсну я проработала у себя в колхозе на разных работах. Лето подошло.

А у нас тогда скот сдавали колхозы и колхозники по всем деревням. Собирали их гуртом в Боровом, что рядом с Пудином, и оттуда, самоходом – каждое лето гнали аж в Томск. А до него – и по нынешней дороге – пятьсот вёрст, а тогда ведь никаких дорог не было. Да сплошного болота непроходимого, ещё километров пятнадцать, это если по прямой, а в круговую - кто там его измерял... Сотен восемь километров наберётся, если не больше... Это про наши места, видать, поговорка у добрых людей была: «Сослали туда, где Макара телят не пас...»

Вот и гнали скот тайгой, рямами, болотинами и топким болотом. Гурт набирался голов в триста. Там – и овцы были, десятка три, и выбракованные коровы с быками, и молодняк. Даже дойные коровы, штук пять-шесть, однако, у которых по две-три дойки (соска) всего работали...

Вот и приходит к нам домой председатель, Павел Андреевич, и говорит:

- Ну, чаво, Настасья, не пустила Дуську на пихтовый завод – вот пушшай теперь она идёт у тебя со скотом в Томск.

Мама, как стояла, так и ахнула:

- Да как же она теперь со скотом пойдёт?

- Вот, чирки новые ей вырешаю, Барсуков сшил.

Был у нас тогда мужик один, Барсуков, пришёл с фронта раненый, без ноги, обшивал колхозников обувью: чирки, сандалии, бродни кожаные.

Куда деваться, отказаться, отговориться нельзя. Не пойдёшь – судом грозился. От нашей деревни тогда ещё кроме меня одного парня направляли со скотом, Ваську Щербакова, по-старше меня немного. Одна девчонка, помню, была из Роголёва, а одна, однако, со Львовки. Всего нас пятеро было. Гуртоправом – Тарасов Григорий Георгиевич, пудинский. Он каждое лето гонял скот, знал дорогу, где какие стоянки делать: где ночь, где день-два постоять, попасть скотину да самим передышку сделать.

Стало быть, и в этот раз набрался у нас гурт голов триста, да ещё овечки. Ох, уж эти овечки! Коровы – ещё ладно, идут, а овечки – эти за каждым кустом ладят спрятаться, ищи их потом.

Ладно, в дорогу собираться надо. А что там собираться? Чирки, что Голубев от колхоза вырешал мне, да самовязанные длинные чулки изо льна. Мама собрала мне самошитую редюжку-котомку, сухарей насушила из ржаного хлеба, ещё что-то положила из продуктов. А что там было класть-то, время послевоенное, и тут-то досыта не наедались. Купить не на что.

Июнь месяц стоял. Отправились мы, стало быть, от Борового, что рядом с Пудином – там была контора Заготскота, там и постройки для скотины имелись. По пути уже, до Комбарса, ещё добавили голов шестьдесят. И ни одной лошади нам не выделили. Были быки, выбракованные, рабочие, объезженные, приученные, правда, к поклаже. Какие-то волокуши для них делали, вьючили.

Ну, вот, гнали мы этот гурт через Парбиг и Бакчар, но это – уже, считай, материк был. Там рямов с болотинами поменьше было. И деревушки почаще попадаться стали.

А тут... В окружную, считай, все время шли, по бездорожью, минуя топи. Болото ведь напрямую никак не пройти, да

ещё с таким гуртом... Это теперь по нему прямая дорога проложена, а тогда... Гнали по затесям... Это сколько же километров тогда было – кто бы их считал...

А вода в рямах и болотинах ещё холодная стояла. Местами подо мхом да торфяниками – и мерзлота ещё попадалась. Ну, и насколько там этих чирков мне хватило!? Чирки те расползлись, считай, босиком шла. И чулки льняные, тоже поистрепались, недолго и они мне послужили.

А гнали скот как? Скоро ведь его не погонишь. За день - от силы, может, километров пять-шесть проходили. Дело в том, что по ходу, мы ведь его ещё и пасли. Чтобы не пала скотина по дороге с голода, не потеряла вес, да чтобы и привес ещё получился. Травища, правда, была уже сочная, молодая, непотравленная. Стало быть, гуртоправ наш должен был уже на месте, в Томске, отчитаться не только по головам, но и по весу. Привес получался хороший. Уж куда потом прибыль от привеса шла – кто его знает. То ли он сам получал эти деньги, то ли как ещё – не ведаю, врать не стану. Только факт, что после сдачи скота в Томске Тарасов всегда возвращался с деньгами, и немалыми.

На ночных стоянках мы доили коровёнок, которые с молоком шли. Удавалось иногда и сметанку получить, а который раз, скопив её, – и масло сбить. Коров доили в туески берестяные.

Колбой питались, Хотя и переросла уже, становилась жесткой, но по рямам и низинам попадалась ещё сочная и толстая, в мизинец. У Тарасова ружьишко было. Дичь отстреливали. Который раз глухари вылетали. А рябчиков этих... навалом было, надоедали даже. Ну, и эти – овечки. Когда какая из них обезножит или ногу сломает – резали. Опять же мясо, свеженина. Что не съедали сразу – присаливали, опять же в туесах берестяных, соль была у нас, не то, что в войну, когда я всё корытечко, в котором мясо сечкой раньше рубили и присаливали, по щепочкам отщипывала да иссосала... Соли не хватало организму, а в нём, корытечке том деревянном, пропитанном солью, ещё оставалась...

Продуктов-то нам колхозы никаких с собой не выделяли, кроме тех сухарей, что сами сушили. Видать, выдавали на дорогу Тарасову какие-то деньги, только он не шибко торопился с

этими деньгами расставаться. До болота мы своими сухарями питались, потом сухари кончились, по деревням хлеб прикупили. Да, сушеная картошка, своя опять же, кое у кого имелась.

Но что самое неприятное было – это гнус! Комарья, слепней, мухоты, потом пауты пошли, мошкара... Тьма! И так-то по рямам да болотинам сырым их полным полно, а тут – ещё и скотина. Скотина – вся поизъеденная до крови, измученная, отставали которые от стада, искать приходилось, возвращаться... Особенно беда была с овечками. Пересчитывать начинаем вечером – обязательно двух-трёх не хватает. Вот и ищем их, под каждый куст заглядываем.

На стоянках делали что-то вроде загонов, чтобы скотина далеко не разбрелась. Были у нас топоры, пила. А который раз встречались по пути и прошлогодние загоны и изгороди. Их мы тогда только подновляли, заменяли поломанные жерди новыми. Дымокуры разводили, чтобы хоть как-то от гнуса скотине передышку да послабление дать.

Деревни по пути попадались редко. И то мы их старались стороной обходить. Боялись ещё и отравить скотиной посевы деревенские. Не дай Бог, не рассчитаешься потом за это. Так по затёскам старым, в основном, и гнали гурт. Тарасов дорогу знал и помнил, с пути почти никогда не сбивались. Который раз доходили до хорошего, сухого травянистого места, делали стоянку на день-два. Скотину пасли, сами отдыхали.

А если рядом какая деревня оказывалась, Тарасов, бывало, и говорит нам: «Ну, всё, сегодня на «охоту» отправляемся!» Да наказывает ещё, мол, смотрите, если где собаки залают – туда не суйтесь.

Июль, август уже подошли. В огородах деревенских, на полях колхозных картошка уже поспевать начала. А в огородчиках: морковь, лук, чеснок, свёкла, капуста, огурцы – на навозных грядках. Выходим на вылазку, как стемнеет. Деревни не знаем, что где и у кого растёт – тоже. На удачу, как повезёт. Собаки, почуяв чужаков, лают-заливаются.

Один раз нарвались на собак, те и погнали нас. Мы – кто куда с перепугу. Вот я и провалилась в какую-то яму или погреб. А там, на дне – вода и всякий хлам-мусор. Я испугалась. И выбраться сама не могу, и кричать боюсь. Потом насмелилась,

стала звать: «Васька! Васька!» Он услышал, принялся меня искать, всю измазанную, да изжаленную крапивой. Сам чуть в тот погреб не провалился. Нашёл он какую-то жердь, подал мне, я карабкаюсь, кое-как выползла – вся мокрая, в ссадинах и ушибах. Пришли на стан, Тарасову рассказываем, а он ещё нас же и обругал.

Мы с гуртом медленно продвигались, а молва впереди нас бежала. Народ-то передавал, что скот гонят, караульте, дескать, свои огороды. И нам уже приходилось подальше от деревень стоянки свои делать.

Сам Тарасов всякий раз в деревню ходил, показывал бумагу, вроде командировочного удостоверения, отметку там делал. Кое-какие продукты закупал, в основном хлеб да крупы – это на всех. А крале своей, была у него среди нас, девка львовская, постарше нас, девчонок, конфет всякий раз набирал. Угощает её конфетами, а та, когда-никогда, и нам по конфетке даст.

А вечерами он с ней - то в стог куда запрячется на всю ночь, если поблизости стоит, то в лесок какой уединяется...

Хоть плачь, хоть помирать ложись...

Когда прошли болото, стала я чувствовать, что ноги мои болят да ноют. А чего им не болеть, когда вода холоднющая была, а чирки мои все поизорвались. Босиком, считай, шла. Сначала стали у меня появляться вроде как чирьи. Потом, чувствую, заболели ступни, а за ними – и суставы на коленях. А тут – ещё и гнус: поискусает мои болячки, они зудятся, а я их ещё сильнее расчешу, прямо до крови. И, главное, у других – ничего такого нет, а у меня – пошли чирьи да гнойники по всем ногам. Они нарывать стали, тянут, дотронуться рукой нельзя, болят да горят, жгут огнём невыносимым. Перекинулись эти чирьи с нарывами уже и выше, через колени, до пахов дошли. Идти не могу, ступать больно. Что делать? Какая теперь из меня им помощница? Обуза одна. Обезножила, стало, быть.

Смотрел-смотрел на меня наш гуртоправ Тарасов – надо что-то решать. А не бросишь ведь посреди дороги, точнее, бездорожья одну, с него ведь спросится потом. Лекарств никаких не было, какие лекарства! Травку прикладывала к болячкам своим – то медунки, уже засохшие, то листья подорожника.

Тарасов с Васькой Щербаковым из берёзок и веток тальника волокушу какую-то соорудили. Посадят меня на неё, быка запрягут в эту волокушу, так меня и тащит этот бык. Ну, и я, на стоянках, как могла: то сторожила, то кашеварила. Только мне никакого улучшения нет.

Дотащились мы так до одной деревни. В голову мне её название врезалось – Волкова. А мне всё хуже и хуже. В жар меня всю бросать стало. А то – колотун, будто на морозе я захожусь. А впереди – ещё и половину не прошли. Тогда наш старшой и принял решение: оставить меня тут, а по выздоровлении отправить назад, домой. Самим, конечно, дальше двигаться, гурт-то надо до конца сопроводить и сдать, как положено.

Пошёл он в деревню, нашел там председателя. Был там такой фронтовик, дядя Вася, век не забуду. А там как раз мужик один дней через десять собирался через болото, в нашу сторону. Ну, вот и думали они, что я к тому времени поправлюсь, и с тем мужиком вернусь домой.

Что мне оставалось делать, согласилась. Этот дядя Вася привёл меня к себе домой. А жена у него из староверов-кержаков была. Жили они вместе с её родителями. Как-то дядя Вася ушёл куда-то, осталась я с бабкой Фёклой. Она мне и наказывает, чтобы я из их посуды ничего не ела. И даже воды не пила из ихнего ковша, а то и ковшик тот выбросят. Выделили они мне какую-то деревянную плошку для еды и ковшик отдельный.

Вернулся Василий, бабке Фёкле говорит, чтобы она баню топила, да пихтовой лапки наломала. Та принесла целую охапку пихтовой лапки. А у них для втираний было ещё и пихтовое масло. Протопила бабка Фёкла баню, повела меня в неё. А я встать на ноги уже не могу, кое-как доковыляла до бани. Там у них стояло какое-то большое деревянное корыто. Вот она посадит меня в это корыто, обложит всю распаренной пихтовой лапкой. Меня пот прошибает, а в бане духмяно так делается. А она меня ещё маслом пихтовым да ещё какими-то мазями мазала, втирала в больные ноги мои. А помимо бани сажали они меня в русскую печь, после того, как в ней хлеба испекут. А в ней ещё сушили всякие ягоды и даже хмель. От этих запахов у меня начинала голова болеть. Лежу я в печи, и мне кажется, что пальцы на моих руках раздуваются, и губы как вареники делаются.

Блажить что попало начинала. Какими-то отварами меня поили, заставляли пить.

Но ничего, после таких бань и печной пропарки стали подсыхать мои болячки, заживать раны. И новые перестали появляться.

А Василий своим ещё и наказывает, мол, если будете мне девчонку обижать, я вам устрою сабантуй! Кормите хорошо и лечите! Чтобы девку на ноги поставили! А у меня температура поднялась. Лежу пластом.

Через десять дней приходит тот мужик, что собирался идти через болото. Глянул на меня: «Не-е... Я её с собой не возьму. Куда мне с ней, такой больной. Что, мне на себе нести её?»

А я и вправду, худющая стала. И так-то была худенькая-расхуденькая, а тут и вовсе дошла со своей болезнью.

Дней через несколько, может, через неделю, температура у меня спала. Мужик тот ушёл. А мне куда деваться? Думаю, домой назад одна я не пойду. Надо в Томск пробираться. А дядя Вася всё уговаривает меня: «Оставайся, девка, у нас тут. Поправляйся хорошенько. Мы тебе тут жениха найдём, замуж выдадим. Будешь у нас в колхозе работать – хоть дояркой, хоть телятницей, хоть кем ещё. Я слушаю его, а сама плачу: «Нет, здесь я не останусь. У меня там мама одна. У нас там и своя такая работа есть...»

А между тем стала я поправляться, присматриваться к их жизни и вес набирать. Как-то лежу я на печи. Стемнело. Василий к жене Моте подлёг. Слышу: целуются они, шепчутся... Вот наутро я им и говорю:

- Дядя Вася, как же это так получается, что едите вы с Мотей из разных чашек, а целуетесь и спите вместе? Разве можно вам целоваться?

Они расхохотались. А Василий и отвечают мне:

- А ты, девка, умная, соображаешь, что к чему. Сколько, бывало, попервости бабка Фёкла после меня ковшиков повыбрасывала да пожгла... Всё в свою веру хотела меня обратить. Да только после фронта мне вся их эта вера... Чего там только не перевидал и не испытал на себе... Какая мне вера. Я ведь и партийный, коммунист, председатель...

Поправилась я, думаю, хватит жить иждивенкой. Говорю хозяйке:

- Спасибо вам большое! Загостились я тут у вас.

- Тогда на работу выходи, - предлагает Василий. – Для начала – на ток, приёмщицей зерна пойдёшь, а там посмотрим. Ты ведь грамотная?

- Ага, четыре класса закончила и три коридора, - смеюсь.

- Ну, вот и хватит для начала.

А я ему:

- Дядя Вася, а если я пойду по тракту, вдогонку своим?

Они ведь медленно идут со скотом, поди, догоню ещё их...

А прошло уже с тех пор, как они оставили меня, дней двадцать. Посчитали. Если в день они проходят по пять километров, то получается не более ста километров. Дней за пять я догоню их.

- Так-то оно так, - соглашается Василий. – А если заблудишься? Или опередишь их, разминувшись?

- Буду идти от деревни до деревни, спрашивать людей, - отвечаю.

Тогда он предлагает мне другое: дескать, ты побудь здесь, скоро зимник откроется, тогда мы тебя домой отправим. А я себе думаю: до зимника ещё сколько времени ждать, месяца два, однако.

Сколько он меня не отговаривал, а я на своём стою: пойду вдогонку, и всё тут. Тогда приходит он как-то домой и говорит:

- Справлялся я про твоих. Не так уж далеко они и ушли отсюда. Раз такое дело, дней за пять ты догнать их должна, а может, и за четыре догонишь, если повезёт. Вижу, настырная ты, девка. Не отговорить тебя и не удержать ничем. А ну, как опять заболеешь?

- Не заболею, - отвечаю я. – Уже выздоровела, спасибо вам огромное. – У самой, правда, ноги-то ещё побаливали...

- Ну, иди, догоняй, коли так...

Соседи прознали про то, что я собираюсь догонять своих. Дед один сплёл мне лапти из талинового лыка, бабушка его какие-то чулки дала мне. А дед ещё и наказывает:

- Как только лапти начнут рваться, чини их, я тебе лыка даю на починку. Заплетай снизу, как корзинку... Хоть ноги колоть не будет, всё не босиком...

Дали мне из одежки штаны какие-то, дяди Васины, армейские ещё, шапку, пиджачишко старый. В общем, снарядили они меня. Август кончался. Прохладно уже было, особенно ночами. Собрали мне котомку. Бабка Фёкла хлеба испекла, вроде колобков каких-то. А вот спичек – никто не надоумил дать мне дорогу. И я спросить постеснялась. Бабка Фёкла проводила до поскотины, молитвами своими благословила меня:

- Ну, иди, с Богом. Деревня будет на пути, попросись ночевать к таким-то. Скажешь – от меня.

Мир не без добрых людей

За первый день прошла я километров пятнадцать, или сколько там. Деревня попалась. Ноги мои, вроде ничего, шагают. Как советовала бабка Фёкла, попросилась ночевать. Рассказала хозяевам: кто я, откуда и куда иду. Те ещё подивились: мол, куда ты, девка, такая молоденькая, и одна? И про скот они не слышали, и не видели, чтобы мимо них прогоняли. Видать, стороной наши прошли, миновав деревню. И по огородам даже не шастали за картошкой да овощами.

Накормили они меня, переночевала у них. В дорогу они мне помимо сырой картошки ещё и варёной дали, ещё чего-то. И свой хлеб, что бабка Фёкла давала, я сэкономила. Поблагодарила хозяев за хлеб-соль, за приют. Расспросила, как дальше идти. Пошла. И опять ума не хватило спичек спросить.

Прошла я ещё сколько-то там деревень, не помню уже, сколько километров отмахала по дороге со столбами и проводами на них. Только заблудилась я. Сбилась с пути. Шла-шла, просмотрела, видать столбы, и свернула на другую дорогу. Гляжу, а проводов-то нигде не видать. Вышла к какому-то кульстану. Вижу, люди там. Спрашиваю их: где я нахожусь? А они мне отвечают: «А ты чё сюда пришла? Дорога-то – вон где. Куда ты теперь, на ночь глядя, оставайся здесь».

Оставили, накормили меня опять добры люди. Местечко на нарах на ночь выделили. Я ещё поинтересовалась у них: а не проходили ли где наши со скотом? Один дяденька мне ответил,

что видел, проходили, только давненько уже. А ещё сказал, что завтра собирается кто-то из них в деревню, за продуктами, подвезут тебя на телеге, хоть до деревни.

Назавтра и вправду, подвезли меня на подводе до деревни. Я опять спрашиваю, как мне дальше идти. Отвечают, что до следующей деревни далековато, дойду ли за день? «Поди, дойду», - ответила им. Дальше подалась. А ноги мои снова побаливать стали. Тороплюсь – где иду, где пробегу маленько, всё надеялась до деревни засветло добраться. Только темнеть стало быстро. Понимаю, не дойти мне до деревни. Устала уже вся.

Всё. Надо где-то ночлег искать. Пить, есть хочу, а хлеб бабкин, что в котомке лежит, боюсь потратить, беречь надо. Поля пошли, стога попадаться с сеном стали недалеко от дороги. Выбрала один стожок, место заприметила – куда мне потом дальше идти, чтобы завтра не сбиться и не упороть в обратную сторону. Вырыла в стогу нору, забралась туда, сеном закопалась. Пригрелась, уснула с устатку.

Проснулась, выбралась наружу, а там дождь. Куда идти по дождю? Кругом мокро. Решила остаться тут ещё на день. Расстелила свою дерюжку, отсыпаюсь. Ещё одну ночь в том стогу провела.

На следующее утро выбралась наружу, дождик, вроде, немного стих. А есть охота! Отщипну хлеба от колобка, и не замечу даже, как проглочу его. Опять отщипну, а сама всё посматриваю: сколько его у меня осталось. Помню, как во время войны наголодовалась...

Вышла на дорогу, дальше подалась. А там оказалось, что до деревни всего-то километра два оставалось. Дошла до деревни, думаю, что же это я тут буду останавливаться, надо дальше двигаться, и так сутки уже потеряла.

Про своих поспрашивала. Люди мне отвечают, что проходили, но давненько уже. Да ещё и выговаривают, что, мол, как ваши со скотом пройдут, так пакостей понаделают. Стыдно мне стало за такой выговор. А те ещё и дивуются: «Да как же ты, девка, одна-то отважилась идти такую даль? Да где же ты их найдёшь теперь? Они ведь тайгой идут, а ты – дорогой. Можешь и разминуться с ними...». Может, припугивали, оставить хотели. Накормили, однако, картошкой с огурцами, да молоком со сме-

танкой. Котомку мою пополнили припасами. Мир всё же не без добрых людей. Ничего худого не скажу, не обижал никто.

Опять пошла дальше. Смотрю: лапти мои стали рваться и расползаться в разные стороны. Села я на дорогу, достала лыко, что дед давал на починку, давай их чинить, как дед учил. Один, вроде, ладно подлатала. Надела лапоть на ногу, на чирок. На другую ногу стала надевать – а у меня он не лезет на чирок, узким сделался. По новой пришлось переиначивать. И чирки мои совсем прохудились, продрались. Пятки голые уже...

Снова дорога вывела меня к деревне. Здесь мне сказали, что теперь долго не будет следующей деревни. Сказали, что дорогой идти дальше получится. Иди, мол, напрямик, по затёскам, только никуда от них в сторону не сворачивай. Какой-то старик проводил меня, показал, где и как идти далее. Благословил в путь.

А тут и на коровьи следы наткнулись: наши прошли, не деревенские. Медведей боялась всё время, но старик успокоил, сказал, что медведей тут никто не встречал. Страшно – не страшно, а идти надо. Иду-иду, иду-иду – что ты будешь делать: никого никак догнать не могу. Дождь пошёл, потом всё сильнее. Небо затянуло беспросветно. Куда деваться? Сяду под пихтой или ёлкой, посижу, отдохну, дальше двигаюсь. А что ёлка или пихта – они ведь тоже промокают. И сама вся уже мокрая до нитки. Никакой просеки не видно, но затёски попадают с обеих сторон, значит, верно продвигаюсь. А тут ещё одна напасть: ноги мои. Снова до того уже дотянула, что шагать не могу. Греться стало: то коровы будто мычат, то овечки блеют, то голоса человечьи. А догнать никак не могу – и всё тут.

А комарьё гудит! Дорогой-то всё их поменьше было, а тут – согра, дождь – самое комариное место и время. И есть охота! Пощипаю хлеба от колобка – ещё сильнее есть хочется. Ягоды, правда, попадались: где малины куст, где – смородины, костяника под ногами алела. Грибы-сыроежки. Сорву какую синявку, ножку разжую, а она сладкая. Брусника, клюква по рямам попадались, с одного боку уже красные, но их же много не съешь – оскомины сразу набьёшь.

В одном месте затёски потеряла. Испугалась сначала. Правда, следы скотины попадались, широко разбрелись. Потом

и затёски опять появились, нашла, обрадовалась! Обрадовалась так, будто в котомке краюху хлеба затерявшуюся обнаружила. А ноги – всё пуще и пуще болят. Присяду отдохнуть – встать не могу. Стала уже передвигаться от дерева к дереву. Не хотят мои ноженьки двигаться – и всё тут. Температура, видно, опять поднялась. Сижу – реву. А надеяться не на кого. Себя ругаю: были бы хоть спички – костерок какой развела, обсушилась.

Солнышко выглянуло. Маленько обсохла я, повеселела даже. Пересиливаю себя, поднимаюсь, дальше ковыляю. Ночь подошла. Под ёлку какую-то устроилась. Ночь, темень. Забудусь маленько, проснусь: то сучок какой треснет, то филин заухает, то вроде как захохочет кто. Жуть меня берёт, сердце заходится. Уревуся вся... Как вспомню – даже теперь плачу, хотя шестьдесят годочков минуло с той поры, как не более...

Уже больше десяти дней я в пути, а рассчитывала дней за пять своих догнать, ну - за неделю. Кого там... Со счёту дней сбиваться стала, дни недели перепутала, числа потеряла. Между тем затёски к речке меня вывели. Походила-походила вдоль берега, вижу: следы на той стороне уже. Перебираться и мне надо, а как? Вода холоднющая, а ноженьки мои – и без того уже не чувствую. И вечер, к тому же. Что делать? Ночевать придётся. Нашла ёлку, а под ней много старой хвои. Разгробла хвою, вроде какой ямки-лежачка соорудила. Сверху берестой старой укрывалась. Хлеб у меня уже весь кончился. Ягодой черёмухи вместе с косточками похрумкала, только сильнее раздразила свой голод.

Ох, батюшка ты мой! Уж ревела я, ревела, однако, немного забылась в дрёме. И сквозь дрёму мне почудились голоса. И будто бы собака какая лает. Ага, думаю, раз собака лает – значит где-то поблизости и люди быть должны. Ладно, дождусь утра, а там уж видно будет...

А сама стала приглядываться на ту сторону речки. И как будто бы сквозь ветки мне привиделся мерцающий огонёк. Стала я на помощь звать, так, на всякий случай. А сама – и одной оставаться боязно, и громко кричать – тоже. А вдруг кто... Всякие ведь люди бывают...

А на той стороне и вправду люди были. Трое мужиков каких-то. На лошадях ехали. На ночлег там и остановились они. Я

и их-то перепугала своим воем. Они мои вопли услышали, перепугались, Говорят, что аж волосы у них дыбом поднялись от жути. Ну, кто там может быть и так причитать? И голос – не то женский, не то детский, откуда тут он мог взяться? Уж не русалка ли какая из реки их зовёт? Однако осмелели, решились они речку переехать. Двое к воде подошли. И я с другого берега тоже к самой воде приблизилась. Вот они и стали кричать мне:

- Кто там? Кто это плачет? Кто нас зовёт?

-Я! Я! – заорала, отзываюсь им.

- Да кто ты такая? Что ты там делаешь?

- Одна я. От своих отстала, догоняю...

- Заблудилась, что ли?

Короче, перевезли они меня вброд верхом на лошади на ту сторону, подвезли к своему костру, ссадили с коня. А я - едва ноги передвигаю. И радёшенька! Столько радости мне было – что я уже не одна, а с людьми, у костра. Обогрелась, обсохла, рассказываю им, как тут оказалась. Они меня накормили, конечно. Картошка у них сварена была, хлеб, какое-то мясо, сало. Наелась я наконец-то до отвала!

- А твои-то недалеко совсем, - обнадёживают меня. Теперь-то ты их уже догонишь. Вчера их видели. А тут у них стоянка была.

А когда разговорились, оказалось, что один из них бывал в наших краях и как-то даже останавливался у нас, ветфельдшером был, какие-то прививки делал скотине и кастрировал.

У них какая-то одежонка запасная оказалась, переодели они меня в сухое, уложили у костра на лапку пихтовую, укрыли чем-то. Уж как я спала в ту ночь! Как никогда!

А утром глянули на мои ноги: Боже мой!

- Да как же ты идёшь-то?! Куда тебе дальше идти с такими ногами?

А у меня и впрямь, на старые мои болячки уже и новые пошли. Опять всё там поискусано да порасчесано. Разули меня, сняли всё, дали мне какие-то тряпки и обмотки, забинтовали мои ноги.

Утром сварили из дичи похлёбку, накормили меня. И решились одного из них отрядить со мною. Дали мне свободную лошадь. Долго ехали, километров десять, должно быть. До по-

следней ночной стоянки доехали, там ещё и угли на кострище остыть не успели. Стало быть, совсем где-то рядом уже огни. Поблагодарила я моего проводника, Иваном звали. И до сих пор ему благодарна, что не бросили меня тогда. Дай Бог им здоровья, если живы, а если умерли – царствие им небесное!

Опять я осталась одна. Снова по затёскам побрела. Думала, что догоню своих, а ведь ещё одну ночь пришлось в тайге ночевать, и опять без спичек. Правда, теперь-то уже я верила, что непременно догоню своих. Ну, и поесть уже было что: хлеб, картошка, кусок дичи. Ночью было сухо, и я сама – тоже сухая.

Утром проснулась, рано поднялась. По росе ещё пошла вдогонку. Слышу, трещит вроде впереди. Гляжу, а это – коровы! Догнала. Ой, сколько радости было! Плетусь за коровами, а сама кричу, зову своих. Слышу – отзываются. Вроде как Васькин голос, или Лидкин. А тут и сами они появились.

– И-и-и! Смотрите, Дуська это идёт! Да откуда ты взялась тут?!

Давай они меня расспрашивать. Ну, я им и рассказала про свои похождения. Рассказываю, а сама плачу от радости, что догнала их.

- Ну, а как твои ноги? – спрашивают.

- Как ноги? Опять они у меня все в болячках... Идти уже не могу...

- Ну, ладно, - говорит Тарасов. - Поварихой будешь. Что-нибудь придумаем.

А в ближайшей деревне Тарасов сторговал у кого-то одноколку. Запрягли в неё быка, так я и ехала в ней до стоянок. Парбиг, Бакчар миновали. Ближе к Томску уже подходить стали. Лечить меня было негде и нечем, да и некогда. Добрались до Оби, до парома в Шегарке. А когда переправили скот на ту сторону Оби, и сами туда перебрались, договорился Тарасов с кем-то, чтобы меня подвезли до Томска.

- Мы ещё знаешь, сколько до Томска будем добираться, дней десять, а у тебя ноги больные, - это мне Тарасов говорит. – Я договорился с машиной. Тебя подвезут. У тебя в Томске-то есть кто из родни?

- Есть, есть! Вот, и адрес даже... Тётя Варя Борисова, тётка моя двоюродная, адрес дала. Я эту бумажку пуще всего бе-

регла. Наказала, чтобы я в Томске Васю разыскала, ещё и письмо ему со мной передала.

А у меня там, в Томске, ещё две тётки по матери уже жили. И дядя Кеша – младший брат отца.

Взяли меня с собой на машину, в кузов, на мешки с заготовками посадили. Долго ехали, хотя и быстро, мне казалось. По дороге колесо одно лопнуло. Наладили или заменили, не помню уже. Вот, довезли они меня до какой-то деревни, Тимирязево, наверное. «Всё, - говорят, - дальше не поедem. Тут до Томска осталось километров пять всего. Гляди, вон уже и дома городские видны...»

Пошла я пешком по дороге, к городу. Подхожу – река большая. Томь, оказывается. Ну, я к мосту, а меня останавливают:

- Ты куда, пацан? – спрашивают.

А я же в шапке была мужской да в штанах, отвечаю им:

- Мне в город надо.

- Рубль плати.

- А у меня нету, даже и копейки...

- Ну, без денег мы тебя не пропустим...

- Дяденьки, пустите меня, денег у меня нету. Я уже четыре месяца пешком иду из деревни. И ноги у меня больные...

- Ну, ладно, проходи...

Так и оказалась я наконец-то в городе, в Томске.

В городе Томске

Перешла я по мосту. Город. Сроду ведь не видела. Дома высокие. Глазею по сторонам, туда-сюда. Иду, а куда иду – сама не знаю. Искать мне надо Василия. А где? Хожу, глазею. Кругом витрины, а в них – куклы всякие, красивые. А сама – в штанах мужских, шапке, на ногах – калоши мелкие, блестящие. Не босиком хоть уже шла по городу. Это Тарасов давал мне денег на обувку, вот и купила я себе эти калоши. Ходила, ходила, до тех пор уже уходилась – устала. Да ещё ноги мои болят. А сама ещё и думаю: «В лесу не заблудилась, так в городе этом, проклятом, потеряюсь». Уже и вечер подошёл, а я всё хожу по городу.

Потом спрашивать стала, мол, где это сельскохозяйственная школа находится? Где это улица Карла Маркса? Василий-то после фронта учился в той школе на агронома. Нашла, наконец, спасибо людям добрым, показали. Подошла я к зданию. Села на лавочку, сижу. Спрашивают меня:

- Пацан, ты что тут делаешь, кого ищешь?

Ну, я им отвечаю, что ищу, мол, одного человека, учится он здесь.

- А кто он тебе?

- Брат, - отвечаю.- А где живёт – не знаю.

- Так это же в общежитие тебе надо. Тут недалеко.

Довели меня до общежития, позвали Василия. Тот вышел, меня и не узнал сразу. Смотрит на меня, ничего понять не может. А я кинулась к нему:

- Ой, Вася! Я тебя нашла!

- А ты откуда взялась-то?

Я заплакала, рассказываю ему. А сама голодная, есть хочу. Хлеб свой ещё днём тем мужикам отдала, что на машине меня везли. Привёл он меня к себе в комнату, как раз к ужину. Накормили меня там кашей. И до того эта каша мне вкусной показалась, будто сроду и не ела никогда такой! Одну чашку опростала, вторую. Парни смотрят на меня - с какой жадностью я эту кашу уминаю, и ещё подкладывают, пока один из них не сказал:

- Куда вы столько подкладываете, ей же плохо будет...

Наелась. На ночлег надо определяться. Пошёл Василий, наверное, к вахтёрше. Обсказал ей, что сестра приехала из деревни, переночевать негде.

А у меня – вшей... Пешком по мне ходили, напарила в сырости да с болячками. Мыться-то негде было. Считаю, четыре месяца уже в бане не мылась. Вахтёрша эта пристроила меня на стульчик какой-то. А я ложиться боюсь со своими вшами. Так всю ночь полусидя и подремала.

Утром Василий и говорит:

- Ну, что мне делать с тобой? Слушай, тут ведь живёт дядя Кеша, Иннокентий Васильевич. Он же в партшколе учится. Давай, я тебя к нему отведу.

Ладно, утречком раненько, видать, до занятий ещё Василий меня и отправил к нему. Пришла я в эту партшколу. Люди

выходят-заходят. Занятия уже начались у них. Вахтёрша спросила, к кому я пришла. Я отвечаю, мол, к Шадрину Иннокентию Васильевичу. В перерыве позвала она его. Тот вышел, и так же как недавно Василий, смотрит на меня, не узнаёт. А я и сама—то его помню: сразу после фронта заходил он как-то разок к нам.

- Дядя Кеша, так это ж я, Дуся. Ты что, не узнаёшь меня?

Признал. Сказал, что сейчас у них занятия, дал мне адрес, где он проживал, отправил меня туда. Как сейчас помню, на улицу Набережная Ушайки. Дал записку, чтобы приняли там меня. Он уже женатый был, и жили они с женой, снимая комнату. Уж ходила я опять, ходила по городу, раза три, наверное, мимо того дома прошла. Ноги мои снова болеть взялись, гудят аж. Думаю: «Лучше бы я его там дожидалась».

Он уже и с занятий вернулся, а меня дома нет. Спрашивает жену про меня, а та не знает ничего. Пошел он меня искать. Нашёл, слава Богу. Привёл меня к себе домой. С женой познакомил. А мне неловко. В комнате у них чистенько, всё прибрано. А я – вся кострами пропахшая, провонявшая, одежонка на мне грязная. А пуще всего вшей своих стыдилась. Исчезалась уже вся. В дороге-то, пока скотину гнали, вечером на стоянке снимем одежонку с себя, а они – как горох. Над пламенем костра развернём, потрясём – те, как бобы сыплются да трещат на огне. Колотили и об деревья одежду, маленько сбивали этих паразитов да прожаривали. А их через день—другой опять столько же, если не больше.

Тогда я насмелилась, и говорю им, так, мол, и так. Они между собой что-то пошептались. Вот дядя Кеша и говорит своей жене:

- Нина, веди-ка Дусю в баню, отмывай.

Собрали мне какое-то бельишко жены дяди Кеши. Она же маленькая у него была, а я за лето вытянулась, длинная, за метр семьдесят, да худущая. Вот меня за пацана все и принимали. А Нина в аптеке работала, уже после института медицинского. Взяла с собой карандаш дуственный, в палец толщиной, мыло. Пришли мы с ней в городскую баню, а я в такой сроду не бывала. Где воду набирать, где и в чём мыться – не знаю. Пришлось и ей со мною вместе в моечное отделение идти. Разделась я, зашли в помывочную. Набрали воды в тазик, я ополоснулась. По-

том она мне этот карандаш дутовый дала, сказала, чтобы я им свою голову хорошенько намазала, да смывать не торопилась. Стала я через некоторое время свои волосы промывать. Боже мой! Там в воде – аж черно от вшей, самой даже жутко. Другую воду, третью поменяла. А сама – всё дустом с мылом себя надраиваю. Стала замечать, что их с каждым разом в тазике с водой всё меньше становится. Потом Нина мне какой-то гребешок дала. Стала я им свои волосы прочёсывать. Промыла, вроде.

Вышла из моечной, а когда во всё чистое оделась – будто заново на свет народилась! Даже и чесаться перестала. А Нина мне уже промытую и прочесанную голову опять этим карандашом намазала, платком наглухо завязала. Домой пришли, поужинали, положили меня на простыни чистые, хотя и на полу. Какое же это было блаженство! Спала я у них в ту первую ночь, как младенец.

Утром поднялись. Дядя Кеша на занятия пошёл, тётя Нина – на работу, в аптеку к себе. А мне дала опять гребень, платок расстелила и наказала голову вычёсывать. А волосы у меня были густые да жёсткие, толком и не прочешешь. Но чесала, вшей уже вычёсывалось мало, да и те – в основном были дохлые. Зато гнид! Наверное, там у меня на каждой волосине по гниде прилепилось. Вечером вернулась тётя Нина, глянула на мои волосы... Тогда я и попросила её остричь мне их наголо. Дядя Кеша принёс ножницы, обкарнали они меня налысо. Повязала свою голую голову платком, да так и ходила в нём, не снимая.

Другая беда – ноги мои. Утром-то, когда проснулась, на простыни глянула, а они в пятнах – от крови да гнойных струпьев. Кожа с моих ног прямо отслаивалась да отдиралась полосками.

Ну, Нина ведь аптекарь, принесла мне мазей всяких. Примочки, втирания делала, забинтовывала мои ноги. Короче, подлечила, стали заживать на мне мои болячки. Я уже и на человека у них стала маленько походить. Стыдно мне становилось сидеть у них без дела.

Помогала им, как могла по дому: прибиралась, кашеварила. Даже как-то ездила на поле, картошку копать. Было тогда такое: посылали горожан помогать селу, картошку копать. И прочие овощи убирать. Вот я и ездила вместо них. А что мне?

Эта работа мне с детства была хорошо знакома, привычна я была к ней. Даром кусок хлеба есть не приучена была...

А сама всё про дом думаю, да про маму, что одна там осталась. Про своих, с кем телят да коров гнала в Томск. Поди, пригнали уже, домой собираются обратно. Или уже ушли, меня не дождавшись. Стала я про это дяде Кеше говорить. Он, съездил, раза два, однако, разузнал: куда и где скот сдают. А пригнали наши скотину в Томск только в начале октября. Переवेशали, пересчитали, сдали. Тарасов, видать, деньги какие-то там получил. Они мяса наварили, гулеванят вовсю. Девки, хоть и устали все за такую дорогу, но выглядели уже повеселевшими. Как же: отмучались, домой засобирались! Через пару дней, после окончательного расчета за сданный скот и намеревались уже отправиться обратно. Ну, и я – с ними.

А дядя Кеша мне:

- Никуда ты не поедешь! Как ты - с такими ногами?! Назад домой я тебя не отпущу.

Позвонил дядя Кеша в Новосибирск. Переговорил он со старшим братом моим, Сашей. Он был старше меня на двенадцать лет. Тот после фронта да побывки дома уже в Новосибирске прописался, работал там сначала в какой-то артели. Взял дядя Кеша мне билет на поезд и отправил меня в Новосибирск, к Саше.

В Новосибирске

Никаких денег за четыре месяца работы я не получила. Тарасов не выдал мне ни рубля. Может, там, у себя дома в колхозе, какие-то трудовни мне и начисляли, а тут, в Томске, ничего.

Приехала я на поезде в Новосибирск, снег уже выпал. Саша встретил меня на вокзале. Жили они в бараках, на Кускрете – был в Новосибирске тогда такой пригород, что ли, это в районе нынешнего Юго-Западного жилмассива.

Куда меня? И шестнадцати лет ещё не было. На работу не берут, учиться в школе – уже поздно. Вот, и хозяйничала я у них там дома. Саша перешёл на другую работу, служил в воинской пожарной части, неподалёку от барачков. Уже женат был на Шуре. Шура работала в какой-то артели, мастером-

горшечником, горшки из глины всякие делали. Который раз и я к ней приходила, помогала глину месить, пробовала даже горшки лепить из той глины. Посадят меня на гончарный круг – кручу его, леплю посудину. Сперва не получалось, потом маленько что-то и выходить стало. А на постоянную работу всё равно не принимали: малолетка, документов – никаких, и прописки – тоже... А тогда с этим строго было. Жильцов даже проверяли. Который раз Саша или Шура предупреждают меня: сегодня могут прийти домой с проверкой, прячься. Приходилось прятаться, даже в подполье к ним забиралась, там отсиживалась, пока проверяющие не уйдут.

Саша всё обещал мне к лету документы справить и прописать меня в Новосибирске. За зиму перезнакомилась там со многими, подружек завела. С ними и на танцы даже бегала. Одежонку мне брат справил: всё не в мужских штанах да в пиджаке драгом. Волосы мои отрастали. Туфли-боты какие-то купили, городской стала, что ты...

Ну, и другая родня, что жили в Новосибирске, тоже помаленьку помогала мне. Двоюродный дядя-фронтовик, Алексей Михайлович Шадрин, в пимокатне работал бригадиром, жил с женой в своём уже доме, недалеко от Саши. Здесь же, в Новосибирске, жила уже и сводная сестра по отцу, Нина Полукеева. Она после трудармии не вернулась уже к себе назад в Калининский, здесь осталась. Замуж вышла, пацанчик уже у неё был. К ней ходила. Который раз – и переночую у них. Бывала и у тётки Фионы, матери Алексея Михайловича и Софьи Шадриных.

Хуже всего для меня было у Саши в бараке печку топить: дров, как у нас, тут не было, углём топили. На растопку каких-то щепочек дадут, и уголь. Щепки те сгорят, а уголь никак не разгорается. А меня научили на него водичку лить, чтобы лучше горел. Я воды плесну на него, и ещё пуще залью. Бывало, придут Саша с Шурой на обед, а я всё никак печку растопить не могу...

Вот так всю зиму у них я и прожила в Новосибирске. А к весне письмо от мамы получила. Она-то сама неграмотная была, попросила кого-то написать мне. Написали, видать, со слов её, или как ещё. Тогда ведь многие неграмотные так письма писали.

Вот, она и пишет, чтобы я домой возвращалась. Да ещё и с обидой, укором, вроде как. Мол, пока я маленькая росла – никому из родни не нужная была. Дескать, мама приёмная её выкормила, вырастила. Думала, помощницей будет, так теперь родня объявилась, в городе меня у себя оставляют. Ну, и родне моей, вроде как в приказном порядке: домой её отправляйте! Саша ещё и обиделся даже за этот тон её письма... Он ведь хотел, как лучше для меня.

Ну, и мне после письма этого мысль в голову запала: идти домой надо. Настырная была, как тогда ещё, когда меня дядя Вася, больную и обезножившую, пытался оставить у себя в деревне.

Была я как-то у Нины Полукеевой в гостях. Приходит к ней девка, знакомая, землячка наша, со Львовки, кажется, Карпенко её фамилия была, звать Галина, или Лида. И сказала, что собирается домой идти. Как только я услышала это – всё! Пойду с тобой – и всё тут! А накануне, как на грех, опять к Саше с проверкой приходили, и я отсиживалась в подполье. Думаю: «Да пропади всё пропадом! Сколько мне тут ещё прятаться по подпольям да иждивенкой жить? Ещё и в тюрьму посадят! А за что? За то, что четыре месяца в болоте пурхалась и здоровье своё загубила?!»

Ноги мои, правда, заживать стали. Болячки-коросты отпали. Иногда только к непогоде коленки ломить и ныть принимались, и наступать было больно. А так – ничего, оклемалась, молодая была, не то, что теперь...

Но пуще всего меня угнетало, что живу я тут, будто на хлебница какая. Не приучена я была к этому, жить на дармовщинку. Короче, домой – и всё тут! Ладно, уже и те смирились: домой, так домой. Начали меня в дорогу собирать. Сорок восьмой год шёл, середина марта. В городе уже на улицах и подтаивать стало, день удлинился.

Нарядили меня. Бабушка Фиона мне варежки связала, Лёня какие-то валенки выделил, носки, чулки дали. Фуфайчонку какую-то нашли, шапку. В общем, приодели меня в дорогу обратно, домой. А добираться назад решили не через Томск, а через Барабинск – так ближе и проще. До Барабинска на поезд билет взяли. Доехала, всё не пешком чапать.

Домой! Домой!

От Барабинска до Северного уже попутками дня два или три добирались. Но тут – уже я не одна, как летом, больная, да по болотам и рямам. Веселее шагалось, к тому же – ещё и домой! Вправду говорят: «Хорошо в гостях, а дома лучше!» Вот и торопились. Где машина какая попутная подбросит, где подвода подвезёт.

В Северном переночевали, дальше – на Горемычку. Тут уже больше пешком пришлось топать. Дошли и до Горемычки, а дальше – всё. Опять болото Васюганское и бездорожье. Одного сплошного болота, однако, только шестьдесят километров. Если не больше. Ни деревца тебе высокого, ни укрытия какого. Не говорю уже про деревни... В один переход это расстояние пешком ни в жизнь не одолеть. Вот и стояла посреди болота избушка срубленная, специально для путников да зимних обозников, чтобы было где обсушиться, обогреться, отдохнуть и переночевать.

До войны там торный зимник был. Всю зиму обозы ходили – туда и обратно. А теперь всё реже стали. За зиму дорогу всю перемело снегами да вьюгами, вешки одни и оставались на всём пути. Мы всё же надеялись на то, что весенние обозы уже прошли, дорогу проторили. Ничего подобного, как раз наоборот: после февральских метелей да пург всю дорогу заровняло. Правда, ждали мы всё же обоз с нашей стороны. Вот-вот должен был бы подойти. Прождали мы его дня три – нет, не приходит. Куда деваться? Надо идти. Все деньги, какие у кого были, уже поистратили, продукты – тоже. Проелись – дальше некуда, кто нас там даром кормить будет...

Набралось нас таких человек пять-шесть: мы с Лидкой да парни-мужики, тоже домой добирались, больше недели уже в этой Горемычке кантовались. Вот, мужики-то и сообразили: идти на лыжах. Купили у кого-то лыжи. И мы с Лидкой за ними по протоптанной лыжне пешком увязались. Ума-то не было...

Встали они на лыжи – и вперёд. Что им, мужикам, на лыжах: 30-40 километров можно отмахать за день, как раз до избушки на болоте. А тут – до болота, кромкой, ещё километров десять, пожалуй, надо добираться, и тоже по бездорожью. Так

вот, мы с Лидкой ещё до болота запурхались. Снег начал подтаивать, стал сырым, лыжня плохо держала.

Вышли мы с этой кромки на болото – мокрые уже по пояс. А дальше – сплошная чистина. Болото. Белым-бело кругом от снега, аж глазам больно! Снега, правда, тут уже поменьше было, выдувало зимой, да проседать днями начал от солнышка. И сверху – вроде наста-черыма. Парни на лыжах уже далековато от нас ушли. Букашками махонькими вдали на белом снегу чернели. Ладно, хоть след лыжный оставляли, дорогу нам указывали.

Идём. Да какой там идём? Плетёмся, мучаясь. И в лыжне след проваливается, и наст не держит. Местами всё же попадался попрочнее, держал нас. Тогда шли мы по нему, как по гладкой дорожке. А сами мокрющие все уже: штаны, валенки, чулки – хоть выжимай. Идём-идём – впереди далеко видать. Вот уже и желанная избушка-барачишко стала маячить впереди. А мы всё идём и идём. И как будто она нисколько даже к нам не приближается. Будто стоим мы на одном месте.

Солнышко начало спускаться и всё ниже клониться к земле заснеженной. Сумерки с каждой минутой всё гуще становятся. И парней, что шли впереди нас, уже не видно стало: видать дошли они уже до избушки. В тепле греются да отдыхают. Следы лыжные в темноте совсем стали теряться поверх наста, лишь местами дырочки от палочек ещё виднеются. По вешкам уже принялись ориентироваться. Потом и вешки уже потерялись...

Как ни присматривались мы к лыжным следам и вешкам, а с пути в темноте сбились. Не знаем: куда дальше двигаться. И на небе – ни месяца никакого, ни звёздочек. Холодать стало. А у нас, как на грех, опять ни у кого коробка спичек не оказалось. Вот ведь какие беспечные были: такую даль идти, и спичками не запастись... Всё, дошли до дома... Хоть ложись - и замерзай на снегу посреди болота.

А парни те дошли до избушки, растопили печку, сготовили ужин. Нас поджидают. Ждут-ждут, а нас всё нету. А тут как раз встречный обоз, с нашей, домашней стороны, подошёл, на ночлег в избушке остановился. Парни забеспокоились, всё вы-

глядывают из барака, высматривают нас. Вот обозники их и спрашивают, мол, кого вы там всё высматриваете?

Парни-то им и рассказали про нас. Обозники – ругаться на них: «Вы, что, с ума посходили? Бросили девчонок одних, да ведь они же замёрзнут там! Искать надо, чего вы тут расслаиваетесь?!»

Подняли тех парней, что с нами шли. Сами на лошадях с пустыми санями снарядились. Ружья взяли, факела какие-то сделали, зажгли их, подались нас разыскивать. А мы заоченели совсем. На нас мокрое бельё всё коробами взялось от холода. И ноженьки свои я опять все сбила, постесала до самой крови... Боже мой! Что делать? Сидим, ревём с ней... Пропадём ведь, и помощи нам никакой нет...

Вдруг слышим: стреляют где-то. Ага, думаем, нас, наверное, ищут. Повеселели, приободрились маленько. А стреляли в стороне от нас, далековато, видать, от дороги упоролы мы, сбившись с пути. Мы – кричать, отзываться, что есть мочи. Огоньки стали виднеться и приближаться к нам.

Слава Богу, нашли они нас. А не нашли бы, всё, кранты нам с Лидкой за ночь. Замёрзли бы обе тут на этом проклятом болоте... Слыхала я, что много людей беглых это болото к себе приняло. Это ещё в первые годы, когда ссылали к нам, «за болото». Бежали ведь оттуда отчаянные головушки. Да не все смогли одолеть его. Вот и ещё двумя больше бы стало... Не иначе – Бог на помощь нам подоспел.

Привезли нас в барак. Обогрелись мы, поели. Посмотрела я на свои ноженьки, а у меня там всё в кровиче! Сушиться развесили свою одежонку. Почти всю ночь у печки так и просидели мы с Лидкой – обсыхали да обогревались. Наутро проснулись – дальше надо двигаться. Половину пути мы только преодолели ещё. Это – если только болото считать. И там, от Верх-Чузика до дома, ещё почти сто километров...

Обозники запрягли лошадей, дальше двинулись. Ну, и нам полегче: дорогу-то теперь они нам проторили. Теперь шли, вроде как налегке. Ребята опять на лыжах, впереди нас. Болото одолели. На кромку вышли, а там – тайга уже пошла. Лошадьми да санями снег поразмесили, убродней стала дорога. Опять мы упластались, до не могу. Однако до Верх-Чузика всё же засветло

добрались. Да, вспомнила, Лидка-то ведь не со Львовки, а из Верх-Чузика была. У неё я и переночевала. Назавтра – до Львовки подались. До неё, наверное, ещё километров пятнадцать будет. Да, до Львовки-то меня отец Лидкин на санях довёз, всё не пешком с моими больными ногами.

От Львовки – ещё десять километров до Шерстобитова, ещё ближе к дому. А в Шерстобитове у меня родная сестра отца жила, тётя Оля Черемисина. Тут уж я, считай, совсем дома была, хотя до Красного Яра ещё целых шестьдесят километров оставалось...

ВИКТОР АРНАУТОВ

НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ ... **(АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ)**

Небольшое вступление

*Опять меня горькая память
По тропкам былого ведёт.
Так в воду заброшенный камень
Круги за кругами даёт...*
(Валентин Махалов)

Так уж сложилось, что в нашей семье на мою долю выпало стать писателем, хотя ничем особенным в детстве от своего брата и сестёр я не отличался и не выделялся. Однако, любопытство моё с раннего возраста: а за что же родители были посланы в Нарымский край – возымело свои последствия. И уже тогда, ещё неосознанно и не отдавая себе отчёта в серьёзности намерений, я говорил своим родителям и бабушке Настасье, что, дескать, вот вырасту, и напишу про них книгу. Да-с, дёрнул меня чёрт за язычок...

Хотя никто, видимо, тогда всерьёз не воспринимал мои заявления и обещания, но во мне самом, внутри, словно проклёвывающийся цыплёнок в яйце, настойчиво подавала о себе знать моя задумка. С годами эта задумка приобретала всё более устойчивую навязчивую зависимость.

К тому же, не пропало даром и моё гуманитарное образование. Ещё с дошкольного детства приобщился я к чтению. Сначала бессистемному: очень обожал сказки, потом приключения. На классику особого внимания не обращал. До поры, до времени. А в старших классах меня просто поразил Гоголь, кажется, я прочитал его всего; затем были Алексей Толстой, Михаил Шолохов, Александр Фадеев, Николай Островский, Александр Дюма, Жюль Верн, Даниэль Дефо... Поэзию читать не любил, хотя легко заучивал из учебной программы. Исключения составляли стихи Сергея Есенина, которые помню и люблю и поныне. Правда, рифмовать пробовал ещё в школьные годы.

В школе, особенно в старших классах, нравилось писать сочинения на вольную тему. Уже тогда в моих сочинениях появлялись первые робкие зачатки элементов литературного творчества. А ещё я вёл дневниковые записи, весьма наивные, но, как мне казалось, искренние и даже умные. Они не сохранились. Потребность в дневниковых записях жива во мне и поныне. Так, накопилось десятка полтора толстых тетрадей многолетних записей практически всех моих рыбалок, не менее чем за последние 45 лет. А с 2001 года веду регулярные дневниковые записи «окололитературной хроники» – о делах в нашей писательской организации, а также размышления и оценки прочитанного и творчества моих коллег. Дневниковые записи ложатся основой и для моих последних книжек – туристских заметок по Таиланду, китайскому Хайнаню, Индии (Гоа).

Желание писать самостоятельно, но не по школьным темам, стало наиболее чётко формироваться уже после окончания института. Где-то в 1973 году, будучи лаборантом кафедры, я написал первый рассказ. Он в очень переработанном виде вошёл в один из моих сборников. А после поездки на Шикотан летом 1974 года, когда там я встретил рыболовный траулер, носящий имя моего погибшего 2 марта 1969 года на Даманском однокурсника Ивана Ветрича, написал об этом очерк. Этот очерк был напечатан сначала в Парабельской районке, а потом и в Томской областной газете «Красное знамя». То были первые мои публикации. Будучи на службе на Дальнем Востоке, в Раздольном, пописывал заметки во флотскую газету «Боевая вахта», за публикации которых получал по почте даже гонорары, равнявшиеся, а то и превышавшие мой месячный оклад старшего матроса размером в 4 рубля 80 копеек.

Тогда же решил и на реализацию своей задумки и обещания: написать роман о жизни раскулаченных и сосланных в Нарымский край спецпереселенцев. Написал несколько начальных глав. Парочку из них решил послать своему другу и однокурснику Владимиру Грачёву, который в то время был уже аспирантом в Ленинграде. С нетерпением я ожидал от него ответ. Но лучше бы его я вообще не дождался... Ответ был разгромным. Грачёв раскатал меня по всем полочкам, как несостоявшегося сочинителя. С тех пор прозу я забросил... на долгие годы.

Зато время от времени стали появляться стишата – то переделки под кого-то, а позднее и оригинальные. Дело в том, что с 17 лет я освоил четыре аккорда на семиструнной гитаре и неплохо знал тогдашний репертуар самодельных авторов. Сочинил несколько своих песен под гитару, даже выступал с ними на конкурсах и фестивалях...

Вернулся я к написанию прозы уже лет в сорок с лишком. А поводом послужила всё та же моя страсть: рыбалка. Я стал выписывать журнал «Рыболов» и приобретал регулярно альманах-ежегодник «Рыболов-спортсмен». Вот там-то я и намеревался напечатать свои рыбацкие рассказы.

Но наступило такое время, когда почти все журналы и альманахи стали закрываться и выходили очень нерегулярно. А в 1996 году я ушел из института с преподавательской работы. Устроившись работать в охрану, у меня появилось много свободного времени. К тому же, и во время дежурств, чтобы скоротать смену, была возможность писать прямо на полевой вышке.

К концу прошлого века, и даже тысячелетия, у меня поднакопилось десятка полтора рассказов на рыбацкую тему. Они и послужили основой для моей первой книжки, вышедшей в 1999 году с помощью нашей сокурсницы Татьяны Ерёмовой (Мельниковой) в Новосибирске в типографии Академии сельхознаук. Следующим годом вышла там же моя вторая книжка. По ним в 2001 году я был рекомендован и принят в Союз писателей России.

К настоящему времени (на июнь 2014 года) у меня издано уже 14 авторских книг. Я напечатался в трёх коллективных сборниках и хрестоматиях, а также мои повести, рассказы и статьи были опубликованы в десятке «толстых» литературных журналов России и даже в двух журналах-альманахах на русском языке за рубежом – в Сан-Франциско (США) и в Виннипеге (Канада).

В последнее время стало модным оставлять после себя автобиографические записки, дабы потомки хотя бы что-то знали о своих недалёких предках. Судьба одного человека – уникальна и неповторима. Она – как отдельный листочек на дереве с общими корнями и ветками.

Вот и у нас уже поднабрались некоторые из таковых рукописей: моего родного дяди по маме - Александра Аввакумо-

вича Шадрина, моей мамы Евдокии Аввакумовны, отца моей жены Людмилы – Михаила Николаевича Великосельского; Людмилиных тёток по матери – Елизаветы Фёдоровны Овчаренко (Непомнящей) и Валентины Фёдоровны Ивановой, её двоюродного брата Николая Порфирьевича Великосельского. И решился я собрать всё это в одном месте, отредактировать и выстроить весь материал в родословно-логической последовательности, издав отдельной книгой.

И ещё. Задуманную и обещанную в детстве книгу я так и не написал. Зато многое, как из лично моих биографических вех (от раннего детства и до дней нынешних), так и житейских перипетий моих близких родственников и знакомых, словно горошины по полу, раскатилось по сюжетам рассказов, повестей, эссе, записок и мемуаров всех моих книжек. А потому, чтобы не повторяться, время от времени я буду отсылать к ним моих любознательных читателей.

Моя рода

Всё настойчивей год от года

Вопрошается эхом вдали:

«Из какого вы, люди, рода,

Как на свете произошли?»

(Валерий Берсенёв)

Итак, произошёл я от интимного соавторского творчества моих родителей – Степана и Евдокии и появился на свет Божий весенним майским погожим днём 25 мая 1951 года. Сие явление произошло в роддоме села Пудино Томской области, откуда меня спустя неделю привезли в деревню Красный Яр, находящуюся в двенадцати километрах вверх по речке Чузик от тогдашнего райцентра Пудино. Здесь суждено мне было провести всё своё детство, окончить начальную школу и потом ещё постоянно бывать у бабушки Анастасии вплоть до лета 1965 года. 1 мая 1965 года – дата для нашей семьи рубежная, и связана она с горькими воспоминаниями на всю жизнь – внезапной и трагической смертью нашего отца Арнаутова Степана Фёдоровича.

Мама моя – **Евдокия Аввакумовна**, урождённая **Шадрина**, была близнецом-двойняшкой. Вместе с сестрой Валеёй родилась она 14 марта 1932 года в тех же местах, что и я, в семье

спецпереселенцев, или, как говаривали у нас, ссыльных. До них в семье Аввакума Васильевича и Степаниды Кузьмовны Шадриных было ещё трое детей. Но предыдущие братья – **Миша** (1924 г.) и **Володя** (1926 г.), умерли на одной неделе, в конце апреля 1930 года от дизентерии в бараке, сработанном наспех ссыльными, в этом самом Красном Яре. Похоронили их в лесочке, который вскоре был раскорчёван, а на этом месте распахали землю под огороды. Старший брат – **Александр**, 1920 года рождения, выжил в тяжелейших условиях ссылки и оказался долгожителем (видимо, Бог перенаправил ему недожитые годочки его братиков и сестрички).

Близняшку моей мамы **Валентину Аввакумовну Шадрину** разлучили с ней в возрасте трёх лет. После смерти их матери Степаниды за сестрёнками сначала ухаживал, прервав учёбу в школе, их старший брат Саша. Потом было решено Валю оставить в семье отца и брата в Калининске, а Дусю отдать в бездетную семью хороших знакомых – Ивановых, живших в соседнем Красном Яре. Время от времени по просьбе Дуси («К Вале хочу, к Шурику хочу!») им предоставляли такие краткосрочные встречи. Тем не менее, пути-дорожки у двойняшек стали разбегаться всё шире. Говорят, что близнецов нельзя разлучать, в таком случае один из них непременно умрёт... Поработав в колхозе и получив даже там медаль за «Трудовое отличие», Валентине удалось вырваться из ссыльного плена и уехать в Новосибирск. Там, после отправки с городского предприятия на сельхозработы в деревню, Валентина простудилась и заболела. Спасти её не смогла даже медицина, и в 1955 году она умерла. Мне было в ту пору четыре годика, но я помню, как, не находя себе места, рыдала мама, получив от дяди Саши из Новосибирска письмо с известием о смерти сестры и с фотографией, где их сестра лежала в гробу...

О маме будет особый разговор, но ниже.

Дядя мой, мамин брат, **Александр Аввакумович Шадрин** прожил долгую и нелёгкую жизнь, отличался отменной недюжинной памятью и оставил после себя воспоминания и родословную своих корней – **Шадриных и Борисовых**. К этим мемуарным материалам из данной книги я и отсылаю всех, интересующихся родословной моей мамы. К моменту написания

моих материалов он (дядя Саша) проживает в Новосибирске, оставшись один после смерти жены **Александры Андреевны** 30 мая 2014 года. Ему уже 94 года. И до сих пор просто поражает его феноменальная память на даты, фамилии и имена. Он по сию пору помнит все имена и фамилии не только своих родственников, односельчан, но и фронтовых однополчан, а также всех послевоенных сослуживцев. Он безошибочно может назвать имена и фамилии командующих фронтами и армиями в минувшей войне, их передвижения по службе. Сам он фронтовыми дорогами, с ранениями и контузией, прошагал от Сталинграда (с 1942 года) и до Будапешта, прослужив ещё год там после окончания войны.

Его отличительной особенностью до сих пор является аккуратность, обязательность и педантизм, при внутренней интеллигентности и внешней деликатности. У меня о нём сложились и остаются самые устойчивые тёплые и добрые воспоминания! Пожалуй, этот человек в какой-то мере заменил мне отца. И хотя всю жизнь прожили мы на расстоянии, но я всегда чувствовал его внимание, симпатии и поддержку. Писать о нём можно много и долго, но лучше он рассказал о себе сам в своих мемуарах и родословной.

Дядя Саша послужил прототипом для моих рассказов «Барасики» и «Карманные часы «Молния» с трофейной цепочкой».

Было у дяди Саши двое сыновей, и оба Владимира: один – от довоенного раннего и поспешного брака, другой – послевоенный, от второй жены, с которой они прожил порядка 67 лет.

Первого его сына мне знать не довелось. Да и дядя не поддерживал с ним близких отношений. Зато Владимира второго, моего двоюродного брата по маме, знаю с детских лет, когда они всей семьёй впервые приезжали к нам в гости из Новосибирска летом 1963 года.

Родился **Шадрин Владимир Александрович** (второй) 16 августа 1949 года. Двумя годами ранее меня. Его я и по сей день воспринимаю как старшего и авторитетного брата. Володя был наделён от природы отменными задатками строителя и механика. Увы, видимо, из-за своей лени и попустительства родителей он не получил хорошего профессионального образования.

Проработал до пенсии – то на стройках, где был мастером, бригадиром плиточников-мозаичников, то жестянщиком и механиком по ремонту автомобилей, попавших в аварии... Очень хорошо разбирался в технике, мотоциклах, автомашинах, трезво оценивал внешнюю и внутреннюю политику наших руководителей.

Обосновавшись поначалу во второй половине избы тёщи в деревне Абрашино на Обском водохранилище ещё в начале 70-х годов, как летне-дачной резиденции, имея жильё в Новосибирске, позднее отстроил там отличный дом. В последнее время в основном в Абрашино и проживает, занимаясь огородно-дачными работами, рыбалкой, и помогая дочери Наталье в торговле, доставляя туда на своей машине продукты и товары из города.

При всём уважении к старшему двоюродному брату, вынужден отметить, что при многих его достоинствах (природный ум, открытость, доброта, гостеприимство, мастеровитость и прочее), как и многим русским моего поколения, свойственна ему дружба с «зелёным змием». И тогда он теряет контроль как над количеством и мерой употребляемого, так и над своими поступками, впадая не только в слезливую меланхолию и жалостливый сентиментализм...

Наталья Владимировна Шадрина, в замужестве **Солдышева** родилась в 1971 году. Окончила Новосибирский книготорговый техникум и Кемеровский институт культуры (заочно). Работала в книжной торговле, потом, с переходом нашей страны на рельсы рыночного капитала, занялась своим торговым бизнесом. К настоящему времени владеет тремя магазинами, хорошей большой квартирой в Новосибирске, отличным домом-дачей в Абрашино и двухкомнатной квартирой в ... Таиланде (город Паттайя). У неё две дочери – Дарья и Мария.

Шадрин Алексей (1976-1995), сын Володи и Тамары, рос потакаемым маменькиным сынком. Вырос красивым высоким парнем (за два метра ростом). Учился с ленцой. В 18 лет был призван в армию. По протекции мужа Натальи - Солдышева Вадима - попал служить в авиацию, под Новосибирском, где и оборвалась его жизнь в 19-ти летнем возрасте.

Бабушку по маме, **Степаниду Кузьмовну**, я не знал, и знать не мог, поскольку умерла она в 1933 году – за 18 лет до моего рождения. О ней знаю совсем мало. Мама её не помнит вовсе по малолетству. Осталось несколько старинных потускневших фотографий. На одной из них – она рядом с дедом Аввакумом. Оба молодые, красивые, но с какими-то уже мудрожитейскими и грустноватыми глазами. Из рассказов моего дяди Саши знаю о ней тоже немного. Говорил, что была она набожной, из зажиточной семьи, имела дорогие и хорошие наряды и золотые украшения, в виде колечек, перстеньков, серёжек и брошей. Практически всё, что из этого удалось с собой тайно привезти в ссылку, было обменено на еду едва ли не в самый первый голодный и холодный 1930-й год. Будучи уже в ссылке, в колхоз вступать не торопилась, отговаривая от этого и своего мужа. Зато была очень гостеприимной, участливой и жалостливой к обездоленным. По рассказам дяди, однажды она пустила на ночлег или на короткий постой, уже в Калининске (тогда он был ещё Собакиным), в свою избу какую-то женщину, больную цингой. Якобы, от неё она и заразилась этой болезнью. Попала в больницу, но и там спасти её не удалось. И похоронили не в Калининске, а на старом Пудинском кладбище – не разрешили даже отвезти домой, опасаясь распространения инфекции. На её могиле я не был ни разу, никто её могилку мне показать не смог, даже дядя Саша, а теперь на том месте вымахал островок высоких пихт и елей...

Ни разу не довелось мне видеть и встречаться и с дедом, маминым отцом – **Шадриным Аввакумом Васильевичем (1899-1963)**, или как его называли родные – **Абакумом** или **Абашей**, хотя и умер он только в 1963 году. За всё время моей сознательной жизни он ни разу уже не появлялся в наших местах. А у мамы на всю жизнь сохранилась обида на него за то, что он отдал её в 1935 году на воспитание в чужую семью (Иванова Якова Андреевича и Анастасии Ивановны). Сколько помню, мама всю жизнь стеснялась называть его папой даже в разговорах о нём. В последнюю побывку мою в Новосибирске, на Троицу (7 июня 2014 года, по случаю 9 дней тёте Шуре), побывал я с «проводником» Дашей Солдышевой и на могилке у деда

Абакума и тёти Вали. Поклонился, положил по веночку искусственных цветов, сфотографировался...

Младший брат моего деда Абаши – **Иннокентий Васильевич Шадрин** – был моложе него на целое поколение, аж на 22 года, и на один год моложе своего племянника Александра. Замечу, для всех нас (мамы и её детей, дяди Саши, его сына и внуков и прочей родни) он известен, и мы называли его не иначе, как **дядя Кеша**. Хотя мне, моим братьям (родному и двоюродному) и сёстрам он доводится двоюродным дедом, а племяннику Саше (старше его на год) – настоящим родным дядей. Родился он в 1921 году. Рано остался безнадзорным (отца Василия Михеевича, раскулачив, посадили в Мариинскую тюрьму) а его с матерью отправили в Нарымскую ссылку, на Васюган. Там он потерял и свою мать, рос в детском доме. В общем, лиха досталось с избытком. Но – удивительное дело – при всём этом не обозлился на советскую власть, а со временем стал её апологетом и функционером среднего уровня. Во время войны служил на Дальнем Востоке и воевал с японцами. И сам он был внешне похож на... японца, а ещё на Никиту Хрущёва. Круглолиц, румян, с узкими азиатскими глазами, лысый, невысокого роста, смахивающий на колобок, подвижно-энергичный, общительный, непременно при галстуке и в шляпе. Поэтому среди нас, молодых, и с подачи двоюродного брата Володи Шадрина, негласно он, помимо официально-уважительного звания Дядя Кеша, имел ещё и два прозвища - «Японец» и «Хрущёв».

Я встречался с ним несколько раз. Впервые – когда он приезжал в Куйтун, в феврале 1987 года, на похороны второго маминого мужа. Тогда он привёз целое ведро отборных свежих окуней. Вот на этой-то почве мы с ним и сблизились: оказались оба заядлыми рыбаками. Мало того, в разговорах выяснилось, что у нас с ним была даже общая первая учительница, Крушельницкая Таисия Ильинична, только он являлся у неё учеником в начале учительской карьеры, а я – в самом конце....

Вторично я виделся с ним в июне того же года, в Минусинске, где он проживал, уже пенсионером. Я, как руководитель практики, делал объезд своих студентов-практикантов. Тогда мы с ним съездили на рыбалку на Енисей, с ночевой на его загородную «дачу» - старенький неухоженный домишко, купленный

по дешёвке у разъезжавшихся аборигенов (это при его-то недавних партийно-советских должностях?! Стало быть, была тогда ещё и у партийных деятелей какая-то совесть и скромность).

И в последний раз – в Новосибирске, в октябре 1990 года, на 70-летнем юбилее дяди Саши. Тогда, в подпитии, накануне развала партии и Союза, у нас с ним произошёл неллицеприятный разговор: о роли партии и привилегиях партийных чиновников. Наверное, я излишне был категоричен, а он – обиженно-амбициозен.

Все эти встречи с ним послужили основой для моего рассказа «Дядя Кеша» и его варианта «Знакомство с Енисеем».

Встречался несколько раз я и с его дочерьми – Людмилой Корягиной (в Минусинске) и Ольгой Катилевской (в Красноярске). К сожалению, из-за расстояния (в принципе, не такого уж и большого) родственные связи с ними в последнее время практически не поддерживаются.

Сестру деда Абакума – **Ольгу Васильевну Шадрину** (Черемисину), 1912 года рождения, я видел несколько раз. Впервые (теперь это помнится уже очень смутно) я увидел её весной, в разлив нашего Чузика, когда она с мужем, Иваном Андреевичем Черемисиныным, и дочерью Зоей (старше меня всего года на два) останавливалась у нас в Красном Яре на ночёвку, переезжая на катере с баржей из Шерстобитова в Томск (или Шегарку?). Помнится, я бегал их встречать к Шаманской горе, куда причален был их транспорт. А, встретив, и показывая дорогу к нашему дому, я отчего-то застеснялся Зои, и спрятался от них в какую-то ямку. А они, внезапно потеряв меня, принялись искать и кликать...

Потом несколько раз я виделся с бабой Олей в Томске, сначала, будучи абитуриентом, летом 1969 года, а потом, зимой 1971 года – уже студентом-практикантом. Выглядела она небольшенькой смиренной и приветливой старушкой.

Лучше мне запомнился её муж – **Иван Андреевич**. Он несколько раз приезжал к нам в гости, уже, когда мы жили в Калининске. Любитель выпить, он был довольно слаб на спиртное. Припоминаю, просит он у мамы, намекая:

- Дуся, у тебя там не осталось ничего?

Мама нальёт ему стакан бражки, он выпьет, что-нибудь закусит и тут же уляжется прямо на пол, на какую-нибудь шубу поспать. Поспав часик-другой, просыпается, и всё повторяется...

Помимо младшей дочери **Зои** (1949 г.), у них был сын **Анатолий** (оба врачи) и старшая дочь – **Анна Ивановна** – мамина ровесница, окончившая Томский пединститут и долгое время преподававшая математику в школе.

Вот по этой линии у меня в последние два десятилетия обозначились более устойчивые родственные связи. Причиной тому – единственный сын Анны Ивановны – **Сергей Анатольевич Некрасов** (1 января 1961 г.), доводящийся мне троюродным братом. Сергей моложе меня ровно на десять лет. Подполковник в отставке. Но теперь это уже почти не играет роли. Мы дружим с ним и его семьёй, частенько общаемся не только в застольях, но и на совместных рыбалках, дачных и туристических вылазках. Отец Сергея – **Анатолий Михайлович** – преподаватель одного из томских колледжей и очень даже неплохой (хотя и «несоюзный») поэт.

Сергей окончил Томское военное училище связи. Служил в Германии, потом в России, закончил службу в звании подполковника уже в Кемерове, преподавателем в училище (военном университете связи). Его жена Галина, в девичестве Писецкая, (надо же, учились вместе с первого класса) окончила Томский политех, инженер-химик. У него и Галины двое сыновей – **Александр и Владислав**, оба окончили Кемеровский политех. Немногословный, но очень отзывчивый на любые просьбы Александр проживает в настоящее время в Новосибирске, работает на престижной должности в компьютерном центре Толмачёвского аэропорта. У него сын **Глеб**, ровесник нашему внуку Николке. Как прототип, Сергей появляется в сюжетах моих рассказов «Второй год службы», «Карманные часы «Молния» с трофейной цепочкой» и других.

Однажды, мы с Сергеем и Владиком были на ночной рыбалке на Томи, ночью ловили с надувных лодок на кольцевую снасть лещей. Возвратившись с рыбалки, 16 июня 1998 года, узнали печальную весть из подмосковного Бутова: умерла баба Оля, жившая там с дочерью Зоей. Помянули...

Пожалуй, самую трагическую жизнь уготовала Судьба ещё одному брату деда Абаши – Петру (1908 года рождения), прожившему почти всю сознательную жизнь не только под чужим именем, но и фамилией – **Фёдору Васильевичу Зайцеву**.

Предвидя арест или высылку накануне раскулачивания, он вынужден был бежать из родной деревни аж в далёкую Якутию, на Алдан. Там он сменил имя и фамилию. У него было пятеро детей от первого брака и дочь Зинаида от второго. (Подробнее об этом написано в «Родословной» А. Шадрина). Старших детей его я никого не знал и ни разу не видел. Зато с самим дядей Федей, второй женой и его дочерью Зинаидой встречался. С ними вместе – в Минусинске, в 1987 году, куда переманил их дядя Кеша. Сначала приходил дядя Федя с женой к дяде Кеше, потом уже и мы, после рыбалки, были дома у дяди Феде. От этих встреч почему-то остались смутные воспоминания и парочка фотографий. Помню внешний вид дяди Феде – скромного и молчаливого пожилого человека. А вот **Зина** – практически моя ровесница – была куда разговорчивее, раскованней и экспрессивней. Работала она тогда уже в РайОНО. И в Новосибирске, на юбилее у дяди Саши, довелось пообщаться с ней, когда та была там на каких-то курсах повышения квалификации... После этого с ней больше не виделись и связи не поддерживаем.

Коль скоро речь подобралась и к нашей маме, пожалуй, будет правомерно сказать здесь несколько слов и об её приёмной матери – **Анастасии Ивановне Гришмановской** (другая, деревенская фамилия-прозвище Бородина), в замужестве **Ивановой**. Родилась она на Михайлов день (21 ноября) 1899 года в деревне Заливино нынешнего Кыштовского района Новосибирской области. Внешне всегда выглядела стройной, красивой, черноволосой женщиной. При этом – с норовом, любила, чтобы всё было по её хотению и решению. Не получив благословения от родителей на брак, молодой, по любви убежала к своему жениху Якову Андреевичу Иванову. Повенчались. С ним, после раскулачивания, отправилась она в феврале 1930 года и в ссылку, в Нарымский край. Является одной из самых первых жителей-поселенков деревни Красный Яр Пудинской спецкомендатуры. Был у них всего один ребёнок – Мишенька (так она всегда называла его и после смерти), который умер в детстве. Больше

своих детей Бог им не послал. Зато было решено взять на воспитание уже в ссылке осиротевшую трехлетнюю Дусю Шадрину (мою маму) и даже дать ей свою фамилию. Проводив мужа на фронт в 1942 году, и получив на него похоронку в 1943-м, замуж Анастасия Ивановна так больше и не выходила, всё ждала своего Якова Андреевича, надеясь, что он жив и вернётся. Увы, так и не дождалась, всю оставшуюся жизнь безвыездно прожив не далее Пудина. Работала на разных работах в колхозе, в войну была дояркой и даже старшей в смене. Однажды, не передав смену, поторопилась домой. На ферме случился пожар. За это её в 1943 году осудили на три года лишения свободы, два из которых провела она в Колпашевской тюрьме. Освободилась по амнистии. Вернулась домой и снова стала работать в колхозе.

После перенесённой операции (аппендицит с перитонитом) в 1958 году в колхозе уже больше не работала, а занималась воспитанием четверых внуков – маминых детей, то есть нас: меня, брата Володи и наших сестёр Тани и Раи. Из-за своего строптивного норова частенько находилась в ссоре с зятем Степаном (нашим отцом), устраивая длительные молчанки и голодовки. К нам же, «внукам», относилась очень доброжелательно, особенно ко мне, ставя во главу воспитания трудотерапию. Каждый из нас, в силу возраста, пола и возможностей должен был выполнять обязательную посильную домашнюю работу.

Опять-таки, из-за своего характера, наотрез отказалась переезжать в 1961 году из Красного Яра в соседний Калининский, куда перебрались дочь с зятем, забрав и ребятишек. За четыре года, с апреля 1961 по май 1965 год, проходя Калининской улицей мимо дома, время от времени в Пудино, – по делам, в магазины или к кому-либо в гости, ни разу принципиально не зашла в избу зятя, даже попить воды или повидать там внуков... И лишь после смерти зятя Степана, когда Евдокия поставила ей своеобразный ультиматум: или будешь жить с нами, или я ни разу не приеду к тебе в Красный Яр, - она всё же смирилась со своей гордыней и переехала к дочери. Всю жизнь была неуёмной труженицей, любительницей заготовок и собирательства: всяких ягод, трав, грибов и прочего... Была безграмотной, но

ликбез научил её расписываться и считать. Очень любила смотреть кинофильмы.

Осенью 1968 года заболела. Ни в какую не любила лечиться и смертельно боялась уколов, пока не выявили диагноз: рак матки. Увы, было уже поздно. Умерла Анастасия Ивановна 6 июня 1969 года, Похоронена на Пудинском кладбище, рядом с зятем Степаном.

Памяти её я посвятил повесть «Приоткрылись родимые дали», рассказ «Меченые караси», и вывел в них в качестве персонажей. И ещё, в её честь мы решили дать нашей младшей дочери имя Анастасия.

На удивление, но почти противоположным по характеру Анастасии Ивановне, был её муж **Яков Андреевич Иванов**. Я его не застал и не помню, по простой причине: погиб тот на фронте за восемь лет до появления меня на свет. И мама, и дядя Саша отмечают его доброту и мягкость. При этом случалось, хотя и крайне редко, что приходилось ему «учить» свою строптивую жену по-мужицки и по-крестьянски – за космы и вожжами, когда другие меры воздействия на неё уже не имели. Судьба его мне малоизвестна. Правда, припоминаю, что баба Настасья рассказывала, что после революции он служил в Красной Армии, в Иркутске. Увы, как и многие крестьяне, воевавшие за Советскую власть, от неё же и получили «награду» - раскулачивание и ссылку, а то и вовсе – тюрьмы и репрессии. Хорошо о нём отзывалась и мама. Будучи на фронте, он всегда в письмах заботился о ней.

Попал Яков Андреевич на фронт, когда там было крайне туго и боевые резервы Красной армии были на исходе. Тогда-то и вспомнили про эков и раскулаченных ссыльных. Призвался он, как и дядя Саша, почти одновременно со своими сельчанами, в 1942 году. Будучи бывшим армейцем, ему восстановили звание младшего командира. Попал он сразу под Сталинград, где получил ранение. А ровно через год (день в день с полученным ранением) уже на Курской дуге он погиб. Правда, в шестидесятые годы ходили слухи (дошло это даже и до моих ушей), что, якобы он остался жив, что кто-то из сельчан видел его уже после войны, якобы, даже женатым на другой женщине... Но

баба Настасья в эти слухи не верила, и продолжала ждать его всю жизнь даже после похоронки...

Мама моя, **Евдокия Аввакумовна Арнаутова (Шадрина-Иванова)**, - женщина, всей своей жизнью заслуживающая особого уважения и признания. Особенно это касается всех нас, её детей и внуков. Как я уже отмечал, родилась она в ссылке 14 марта 1932 года, близнецом-двойней с Валентиной.

После смерти родной матери в возрасте 3-х лет была отдана на воспитание дальним родственникам – Ивановым. Очень рано столкнулась с житейскими невзгодами. И вообще, неприятности и трудности соседствовали с нею сызмальства и всю жизнь. Очень смышлёная от природы и с задатками песенно-поэтического творчества, в учёбе ей не везло. Так, выше начального образования официально она и не поднялась, три года прочувшись в четвёртом классе. А виной тому было то, что приёмного отца призвали на фронт, приёмную мать посадили в тюрьму, а родной отец в это время находился в трудармии. На фронте был уже и старший брат. Вот и мыкалась она два года по соседям и дальним родственникам, живя поочерёдно по месяцу-другому - где придётся. «Какая мне была учёба,- признавалась она. - Сажу на уроке, а сама только и думаю о том, где бы что поесть». А в конце войны, в возрасте 13 лет, она уже вовсю работала в колхозе на разных работах. За этот труд ей много позднее было присвоено звание «Ветеран тружеников тыла». И теперь хотя бы какие-то льготы, в том числе и как репрессированная, имеет она от государства.

Незабываемым остался в её памяти и биографии эпизод, когда она с группой колхозников и наёмных рабочих почти всё лето 1947 года гнала (сопровождала пешком) самоходом гурт телят по бездорожью, сограм и даже болоту – от Пудино и до самого Томска. Тогда-то она и простудила свои ноги, вплоть до того, что в пути обезножила, не могла идти самостоятельно. Об этом жизненном эпизоде она поведала в своих воспоминаниях – (Нарымской «пасторали») «Там, где Макар телят не пас».

Рано выйдя замуж, (в 17 лет) за Арнаутова Степана, за пять лет (с 1951 по 1956) родила она четверых детей. Я был их первенцем. Потом сын Володя (1953 г.) и дочери Таня (1954 г.) и Рая (1956 г.). Жила она в Красном Яре с мужем и детьми в ма-

ленькой избе матери. Работала дояркой на колхозной ферме и прочих сельхоз работах.

В апреле 1961 года переехала с семьёй в Калининский, что находился между Пудино и Красным Яром. Стала работать сначала на ферме, а потом в детском садике-яслях заведующей.

В 1965 году, в возрасте 33 лет, потеряв мужа, осталась одна с четырьмя детьми. Вот тут-то и начались новые трудности. Надо было не только кормить и одевать детей, но и учить их дальше после окончания Пудинской средней школы. За потерю кормильца получала она пенсию 43 рубля, на всех четверых детей. Зарплата заведующей была не более 60-90 рублей. Правда, было и подспорье: держали корову, свиней, овец; был свой огород, который давал годовые запасы своих свежих овощей. На зиму заготавливали варенья, соленья, грибы и прочие дикоросы.

К чести её, никому она не отказала в дальнейшей учёбе. В 1969 году я поступил в Кемерово в институт, на следующий год туда же поступает и Володя. Далее – учёба Татьяны в Томском фармучилище. После окончания школы закончила в Томске профтехучилище Раиса, а потом и Кемеровский торговый техникум. И всем, ежемесячно, она помогала, сколько могла, деньгами.

В 1971 году она переезжает из Калининска в Пудино, купив избу у бывших своих хороших знакомых Демешкиных. И сходится на совместную жизнь с бригадиром строителей из Закарпатья Реш Степаном Александровичем, венгром по национальности. Живут не регистрируясь, так как у того в Закарпатье оставались жена и двое детей. Работает техничкой-истопником в Пудинской конторе.

После окончания техникума сыном Владимиром и распределения его в Иркутскую область, в районный центр Куйтун, переезжает к нему с мужем и дочерью Раисой в 1976 году. Через некоторое время покупают они там старый, но добротный, трёхкомнатный дом и живут отдельно от семьи сына. Работает техничкой и сторожем в военкомате, райкоме партии. Там, в возрасте 50 лет, в 1982 году, по северному стажу выходит на пенсию.

После смерти второго (гражданского) мужа в феврале 1987 года, продав дом, переезжает летом того же года в город

Красноярск и недолго живёт в семье дочери Татьяны (в замужестве Бояриновой). Однако красноярский климат не подошел её организму. Возвращается обратно в Томскую область. Некоторое время живёт в семье младшей дочери Раисы (Голевой).

Попытки наладить свою жизнь с другими мужчинами не получаются - ни с Вьюнниковым (под Томском), ни с бывшем овдовевшим мужем троюродной сестры Екатерины (Борисовой) – Николаем Вавулиным – в Новокузнецке, где она отмечает своё шестидесятилетие, ни с Немцевым Евгением (уже в Пудино). Попадая к ним в дома, нигде не чувствовала себя равноправной хозяйкой, хотя тянула по дому все работы, приводя холостяцкие запустения в образцовый порядок.

В 2001 году, как ветерану труда и труженику тыла, выршили ей Пудинской администрацией трёхкомнатную квартиру в старом брусом двухквартирнике в Калининском, через три дома от дома дочери Раисы и зятя Михаила Голевых. Круг замкнулся. Снова она в своей родной деревне, в своём доме, который ежегодно обновляет и ремонтирует.

Оптимизма и жизнелюбия у неё не убавляется и с годами. И в свои 80 лет с хвостиком – она непременный участник массовых мероприятий в Пудинском клубе. Сочиняет и исполняет частушки, загадки, поёт песни, участвует во всевозможных конкурсах. «Если я сходила в клуб и вернулась оттуда без приза, - смеётся она, - значит, побывала там напрасно!» И у неё в доме, в Калининске, за отсутствием там клуба, собираются её друзья-подруги, отмечая праздники и дни рождения! Будучи человеком коммуникабельным, имеет платонического «бой-френда», живущего отдельно в Лушниково, в двух километрах от её дома – Сайдакова Александра Андреевича.

Мама, как обобщённый персонаж, фигурирует во многих моих рассказах и повестях. Ей посвящен и один из ранних моих рассказов «Песнь моя колыбельная». С её слов, обработав, я написал целый цикл рассказов, объединённых как «мистические истории» - «Пока катил наш поезд на восток».

Её оптимизму и непоседливости, при её болезнях и возрасте, можно только поражаться. По мере сил помогает по хозяйству дочери, иногда нянчится с правнучкой Варюхой. Почти ежегодно она выбирается на «большую землю» по бездорожью

из своего дремучего угла - «в круиз», по месяцу-два гостит: у двоюродной сестры Анны Ивановны Некрасовой – в Томске, у брата Александра – в Новосибирске; объезжает своих детей: Красноярск, Куйтун, Кемерово. Мало того, в свои 80 с гаком она обрабатывает сама огородчик, выращивая помидоры, перцы, морковь, лук, чеснок, всякие ягоды. А летом и осенью ходит за грибами, в бор за реку - по чернику и даже на болото за клюквой...

Есть, есть с кого нам всем брать пример оптимизма и жизнелюбия!

Корни мои по отцовской линии уводят меня в благодатную **Бессарабию**, к **обрусевшим болгарам**. Трижды удалось мне побывать в тех местах, откуда были высланы по политической статье, осуждённые Одесской опертройкой в июне месяце 1941 года мой отец - четырнадцатилетний Степан со своей матерью Прасковьей Павловной и шестнадцатилетним братом Анатолием. Итак, линия **Арнаутовых**. Не так много удалось мне узнать за время моих поездок на «этническую родину» от моего дяди Толи, ослабевшего памятью. Бабушка Прасковья, или как мы, внуки называли её баба Паша, к тому времени уже умерла. Кое-что удалось установить из архивных справок, которые я получал из органов прокуратуры России и Украины, занимаясь реабилитацией отца и нас, его детей. Вот те достаточно скудные сведения о моей **Арнаутовской** родове, давшей и всем нам свою фамилию.

Дед мой **Арнаут Фёдор Афанасьевич**, болгар по национальности, родился в селе Владичень в 1895 году в семье зажиточного крестьянина **Афанасия** (1873 – 1933 г.). Помогая родителям по хозяйству, учился в школе. А накануне Первой Мировой войны закончил Белгород-Днестровское (бывший Аккерман) военное училище. Принимал участие в Первой Мировой войне, командовал взводом, ротой. Подпоручик, поручик, штабс-капитан. Во время Гражданской войны успел повоевать и за красных, и в армии Деникина. В этом плане судьба его схожа с судьбой Гришки Мелехова из шолоховского «Тихого Дона». После того, как Бессарабия отошла в 1918 году к Румынии, вернулся к себе домой и занимался сельским хозяйством. Во Вла-

дичени имел дом из четырёх комнат, усадьбу и 2 гектара виноградников на берегу Днестровского лимана.

В 1923 году женился на **Маноловой Прасковье Павловне** – дочери служащего соседнего городка Болград, которая была учительницей в местной гимназии.

Как кадрового офицера, его ежегодно призывали на офицерские сборы, уже в армию королевской Румынии. В ней он получил даже очередные офицерские звания: майора и подполковника.

В молодой семье рождается трое детей: **Александра** (умерла в младенчестве, в 1926 году), **Анатолий** (1925) и **Степан** (1927). В отношении детей Фёдор Афанасьевич был по-военному строг; ревностно следил за учёбой их сначала в гимназии, а потом и в лицее, приобщает их к труду на своих виноградниках, нередко наказывая за проступки и леность в учёбе.

После возврата Бессарабии и присоединения её к Молдавии (по пакту Молотова-Риббентропа) Фёдор Афанасьевич был арестован 12 июня 1941 года Болградским РО НКВД, «как бывший белый офицер Деникинской армии, проводивший контрреволюционную агитацию» и «состоявший в рядах либеральной партии» по политической статье 58 п. 4 УК РСФСР.

Находясь в лагере, в Ивдельском районе Свердловской области, в возрасте 47 лет умер 15 марта 1942 года – «от сердечной недостаточности» в стационаре отделения ОЛПа Ивдельлага. Постановлением УНКВД Свердловской области от 4 июля 1942 года уголовное дело в отношении Арнаутова Ф.А. прекращено по ст. 4.п.1 УПК РСФСР. Постановлением УКГБ УССР по Одесской области от 27.03.1990 года изменены основания прекращения уголовного дела в отношении Арнаутова Ф.А. на ст.6 п. 2 УПК УРСР (за отсутствием состава преступления), т. е., Арнаутов Ф.А. был реабилитирован.

От деда Фёдора у нас сохранились в семейных архивах несколько фотографий. На одной из них – он в классической позе русских военных, в форме храброго подпоручика, сидящий на стуле – молодой, красивый. На него молодого очень походили мой отец Степан и брат Володя (в юном возрасте). Ещё одна фотография деда – тоже в форме, но уже офицера (майора) ру-

мынской армии, человека средних лет, заматеревшего и умудрённого жизнью.

И ещё, в память о нём главный герой моих рассказов из книги «Кольцом едины» зовётся Фёдором Афанасьевичем. А от его жены, Прасковьи Павловны, мой книжный герой унаследовал фамилию Манолов.

Было у деда Фёдора два брата: Виссарион и Иван.

Что касается **Виссариона Афанасьевича**, то видеть его мне не доводилось, всю жизнь он прожил в Бессарабии. Связи с ним у нас утеряны, судьба его самого и его семейства мне неизвестны.

Самый младший брат деда - **Иван Афанасьевич** родился в 1909 году в селе Владичень, всю жизнь там и прожив практически безвыездно. Как ни странно, но фамилия у деда Вани (чичо Ваня) **Арнаут** – без привычного нам окончания – **ов**. Эту же укороченную фамилию носят и все его отпрыски.

Всю жизнь чичо Ваня занимался сельским хозяйством и виноделием, имея свои тонкости и секреты в выращивании и изготовлении сухого красного терпковатого вина из сортов «каберне».

Во Владичени он построил большой дом: сначала из пяти комнат, потом пристроил к ним ещё четыре комнаты и парадный вход с круглыми колоннами. Рядом с домом имелся большой огород-виноградник. Большая асфальтированная ограда находилась под естественным виноградным шатром – сверху и с боков. Держал птицу, овец. Во времена оккупации Молдавии Румынией (Отечественная война) в их доме находился штаб румынских войск.

У деда Вани был сын – **Михаил Иванович**, работавший механизатором. Женат он был на красивой учительнице – **Юлии**, жительнице этого же села. У них было двое детей: **Вика** и **Владимир** (ок. 1970 года рождения).

В середине 80-х годов Михаил отделил отца с матерью (баба Дора), купив им невдалеке отдельный пятикомнатный дом (с прицелом на то, что он со временем перейдёт по наследству сыну Володе, женившемуся после армии уже в 1990 году на молоденькой девушке) с огородом в 60 соток и с колодцем в ограде.

Я дважды побывал у них в гостях. Первый раз – осенью 1976 года. Деда Ваня жил ещё с сыном Михаилом и бабой Дорой в старом доме. Чичо Ваня был уже глуховат, малорослый, но весьма подвижный. Приняв гостей (приехали мы с дядей Толей и Тamarой), он тут же махом освежевал барашка, выдал женщинам заданье на обед, повёл меня с дядей Толей в свои подвалы. Там у него стояло, вызревая, свежее вино – в восьми дубовых бочках по 350 литров каждая. В основном, на продажу. Вот там-то я и попробовал настоящего домашнего вина, из каждой бочки дегустировали...

Второй раз мы приезжали к нему, уже в новый дом, с женой Людмилой и младшей дочерью Настей – в июле 1989 года. Ему было уже 80 лет. Встретил он нас босым, с мотыгой на плечах и заскорузлыми от работы и земли руками – обрабатывал в огороде кукурузу. Проводили в дом, показали касамары (гостевые комнаты), с запалёнными коврами. Соорудили они со старенькой и больной бабушкой Дорой в ограде, под виноградным навесом, столик, скромно поставив на него брынзу, фрукты, лепёшки; достал дед своё винце и выпил с нами аж 3 гранёных стакана вина! Угостил спелыми крупными сливами, яблоками – прямо с деревьев. Нацедил нам в дорожку 5-ти литровую канистрочку своего фирменного (отменного!) холодного красного вина, а сам, проводив нас на лиман купаться, снова взялся за мотыгу и пошёл в огород...

Бабушка моя, **Прасковья Павловна Арнаутова** (урождённая) Манолова, болгарка, родилась в Бессарабии, городе Болград в 1898 году. Отец её **Павел Манолов** (умер в 1936 году) имел в Болграде двухэтажный каменный дом, который сохранился и до нашего времени. Во время румынского владения Бессарабией (1918-1940) работал писарем в городской управе (должность равная примерно секретарю поссовета).

Прасковья Павловна окончила гимназию с правом преподавания физики и математики. В 1923 году вышла замуж за Фёдора Арнаутова и переехала жить в село Владичень (расположенное по сути напротив Болграда, по другому берегу лимана). Здесь, ведя домашнее хозяйство, она работает учительницей в школе и в гимназии.

На другой день после ареста мужа, 13 июня 1941 года была арестована и она с детьми, как жена бывшего белого офицера. Тут же все втроём - решением опертройки они были выселены, с одной и той же формулировкой, как *социально-опасные элементы* и направлены в ссылку в Томскую область, куда они прибыли в августе 1941 года.

Местом Нарымской ссылки на долгие годы для неё и детей стали деревушки Пудинской спецкомендатуры. Сначала на зиму их приютила в деревне Красный Яр семья Иванова Якова Андреевича, жили в бане. Поначалу меняли и продавали на пропитание вещи, прихваченные с собой. Работала в колхозе на разных работах. Туда же устраиваются и дети – Анатолий и Степан. Покупают маленькую избушку, в которой втроём и живут до 1949 года. В 1949 году переезжает со старшим сыном и невесткой в деревню Кулики, в 25 километрах от Красного Яра, вверх по Чузику. С этого времени и до конца своих дней живёт она в семье старшего сына Анатолия, воспитывая внуков и занимаясь домашними делами.

В 1957 году переезжают в Пудино и живут там до 1961 года. Лишь через 20 лет удаётся вырваться из ссылки и переехать в Молдавию. Но и тут сказались последствия высылки: им не разрешают селиться ни в Болграде, ни во Владичени. Выбирают соседнее село Вулканешты – в 19 километрах от Болграда и в 25 километрах от Владичени.

Как и в Сибири, в последние годы жизни занимается работами по дому, помогает внукам в учёбе. Вспоминает младшая дочь дяди Толи Раиса (Юдинцева): уже больной, парализованной и прикованной к постели, бабушка помогала ей решать задачки по физике и математике.

Узнав о смерти младшего сына Степана в 1965 году, получает инсульт и, как следствие, паралич. Парализованной прожила ещё 4 года и скончалась 18 декабря 1968 года, в возрасте 70 лет. Похоронена на кладбище города Вулканешты, рядом с внуком Геней.

Бабе Паше, которую знал и видел несколько раз, я посвятил рассказ «На рифах памяти» («Первая самоволка»). Фигурирует она у меня и как персонаж в некоторых других рассказах и повестях.

Отец мой **Арнаутов Степан Фёдорович** родился в сентябре 1927 года в селе Владичень Болградского района Измаильской области.

Рос крепким и сильным парнем. К учёбе относился с прохладцей, за что получал регулярно меры воспитания от своего отца. Осилив 5 классов, дальше учиться не стал, тем более – на поселении: нужно было работать и зарабатывать себе на хлеб. Зато годы учёбы выработали в нём почерк удивительной каллиграфии и красоты. К сожалению, ни кому из нас, его детей, почерк этот не передался. Помимо почерка имел он и соответствующие мастеровые руки. За что бы он ни брался – всё спорилось! Мог отлично работать топором, плотничать. Играючи, выбирал пазы брёвен и рубил углы изб и избышек, крошил и тесал плахи. Быстро и отлично чинил и подшивал валенки. В раннем детстве всю обувку из кожи нам всем он шил самолично. Разбирался в технике: мотоциклах, тракторах, машинах, комбайнах, сельхозтехнике. Отлично плёл из ивовых и красноталовых прутьев корзины и рыболовные мордушки (корчажки). Любил охотиться на птицу. В то время у нас водилось полно рябчиков, косачей и глухарей. Добывал их из мелкокалиберной винтовки десятками. Изредка, но рыбачил: чаще котцами, мордушками и жерлицами, реже на обычную удочку.

В 14 лет, в июне 1941 года, вместе с матерью и старшим братом, как *социально-опасный элемент* (в одной из справок, полученных мною, было написано – «особо-опасный элемент») был выслан в Нарымский край на спецпоселение.

В молодые годы частенько дрался с братом Анатолием, старшим его на два года. Имел характер крутого нрава, но быстро отходчивый. И незлопамятный. Был сострадателен к обездоленным. Мог запросто отдать свои вещи (вязаные шерстяные рукавицы, носки, обувку и прочее) даже малознакомым людям, если видел, что тем совсем худо. Нередко приводил в свой тесный домишко на постой новосёлов или переселенцев, даже полубомжей-бродяжек. Делился с ними куском хлеба и стаканом молока, а то и бражки. За всё время, сколько помню, ни разу не видел его в стельку пьяным. Хотя выпить в компании любил, особенно если это было вино, да ещё и сухое. Любил и умел

петь, самоучкой играл на гармони, обладал хорошим музыкальным слухом. Хорошо у них получалось петь дуэтом с мамой.

Сначала работал в колхозе, в Красном Яре: на разных работах, конюхом, пастухом, комбайнером. Потом, в 1957 году окончил в Томске курсы шоферов, и некоторое время шоферил на бортовом «газике», пока не простудился и не заработал туберкулёз лёгких. Лечился как в больницах – в Пудино, Парабели, Томске, так и самолечением: пил отвары трав, настойки алоэ и прочее. Так что при последнем обследовании в апреле 1965 года, в Томске, анализы показали, что всё зарубцевалось и очагов туберкулёза в организме уже нет.

В 1949 году женился на Шадринной (Ивановой) Евдокии и жил в доме тёщи Анастасии Ивановны. Однако официально брак был зарегистрирован лишь 14 февраля 1956 года, через 10 дней после рождения четвёртого ребёнка (Раисы).

С августа 1941 года и по 10 марта 1958 года находится на учёте Пудинской спецкомендатуры и был безвыездным – как спецпереселенец. Так что все мы, его дети, родились в месте ссылки нашего отца. Личной реабилитации он так и не дождался, хотя и осуждать-то его было абсолютно не за что.

В 1960 году отец устраивается кладовщиком в Калининском – отделении Пудинского совхоза, где покупает небольшой домишко, и 1 апреля 1961 года перебирается туда с семьёй, оставив в Красном Яре тёщу, отказавшуюся переезжать. С лета этого же года работает бригадиром полеводов в этом же отделении совхоза, временами замещая и управляющего. Дважды ездил с женой на родину, в Молдавию (1960 и 1962 год), куда переехали уже мать и брат Анатолий. Собирался и сам перебраться туда со всей семьёй, не получилось, не успел...

В последние годы его жизни (начиная с 1960 года) в семье стал появляться небольшой, но достаток: приобретает новые вещи себе и жене, новый пружинный диван; одним из первых в селе покупает мотоцикл «Ковровец» и бензопилу «Дружба». В 1964 году его, как сознательного и передового труженика совхоза, принимают в ряды членов КПСС.

29 апреля 1965 года отправился с соседом Томиловым Осипом заготавливать дрова бензопилой. При валке леса «пошла» зависшая лесина и накрыла его, переломав кости и позво-

ночник. В полушоковом-полусознательном состоянии умер Степан Фёдорович 1 мая 1965 года в Пудинской больнице в присутствии жены. Похоронен на Пудинском кладбище.

Об этом печальном факте я написал и посвятил ему рассказ «Чему быть, того не миновать», упоминал в рассказе «Горе с бедою в одиночку не ходят». Помимо прочего, в разных рассказах и повестях он фигурирует у меня, как прототип и прообраз моих персонажей. Светлая память о нём...

Анатолий Фёдорович Арнаутов, брат отца, родился 22 февраля 1925 года в селе Владичени. Учился в школе и два года в лицее в городке Болград (Личеу реджеле карело Дойле). В июне 1941 года был осуждён как член семьи белогвардейского офицера и вместе с матерью Прасковьей Павловной и братом Степаном был выслан в Нарымский край.

Находясь на учёте в спецкомендатуре, с августа 1941 года по 1949 год проживает вместе с матерью и братом в Красном Яре, в 12 километрах от райцентра Пудино, работая в колхозе на разных работах и на лесозаготовках.

Женившись в 1949 году на **Непомнящих Наталье Матвеевне**, переезжает по месту работы жены в деревню Кулики, за 25 километров от Красного Яра. Работает в МТС, в лесхозе объездчиком, в дорожном отделе десятником. Занимается охотой-браконьерством: добывает дичь, лосей, за что был неоднократно оштрафован.

В Куликах у него рождается трое детей: Тамара (1950), Гена (1952) и Рая (1953). Вместе с ними живёт там и его мать, занимаясь внуками. Будучи человеком любвеобильным, от него рождается ещё двое внебрачных детей на стороне, от Кузнецовой, жительницы не то Львовки, не то Шерстобитова – Римма(1954 –?) и Светлана(1957-?).

В 1957 году переезжают в Пудино. В 1958-1959 году учится в Томском торгово-кооперативном училище по специальности бухгалтер. По окончании училища работает в бухгалтерии Пудинского совхоза. Самоучкой овладевает гармонью, баяном, гитарой, неплохо играет и поёт. Интересный пересказчик-импровизатор прочитанного и кинофильмов.

В 1961 году он с семьёй переезжает в Молдавию. Как бывшему депортированному, ему не разрешают селиться ни во

Владичени, ни в Болграде. Выбирают на место поселения соседнее большое село Вулканешты, позднее получившее статус города. Живут всё первое лето и осень у малознакомых приютивших их людей – под летним навесом. В это время там их постигает горе: слабенький на здоровье сын Гена, накупавшись в лимане, простывает и умирает от воспаления лёгких.

Начиная с 1962 года, строят свой четырёхкомнатный саманный дом, с летней кухней и участком в десять соток. На участке сажают виноград, яблони, персики, абрикос, грецкий орех, вишнёвое дерево и прочие кустарники, выращивают огородную мелочь. Разводят кур, уток, гусей, кроликов. По осени давят виноград на вино – хранят в подвале в двух дубовых бочках по 350 литров. Сами же, в основном, это вино и выпивают в течение года.

На деньги, полученные от реализации кроликов и вина, покупает машину «Москвоич-412». До самой пенсии работает в конторе бухгалтером и ревизором. В свободное время увлекается рыбалкой на удочку. Да и после выхода на пенсию его нередко приглашают на аудиторские проверки. Зная все тонкости бухгалтерско-учётной кухни, он говаривал: «Меня не проведёшь и не обманешь...».

Трижды мне довелось побывать в Молдавии, в гостях у дяди и его семьи. В последнее время дядя Толя стал злоупотреблять алкоголем: своё бесконтрольное и дармовое *винце* сыграло нехорошую роль.

Жена его Наталья Матвеевна всё время работает в магазинах: сначала в Куликах, потом в Пудинском раймаге, а в Молдавии – тоже в районном магазине.

В противоположность мужу, жесткому и нередко безжалостному, **Наталья Матвеевна**, была старше его на целых семь лет, – очень мягкий и добрый человек. Видимо, за это её Бог даровал долгожительством. Она до сих пор жива, живёт с младшей дочерью Раисой Юдинцевой и её семьёй в Москве. Её возраст (родилась она в 1918 году) приближается уже к сотне лет.

Работая в раймаге, особенно в Молдавии, она имела возможность покупать дефицитные по тем временам товары. Немало она помогала и нам, оставшимся без отца: высылала модные и дефицитные товары: нейлоновые куртки и сорочки, платья,

обувь. По два-три раза в году мы получали из Молдавии посылки с сухофруктами. Всё это – практически забота Натальи Матвеевны. Огромное спасибо и низкий поклон ей за это!

Умер Анатолий Фёдорович в Молдавии в 1997 году, похоронен на кладбище в Вулканештах. О встречах на прародине с дядей Толей и дедом Иваном я написал рассказ «На Кагуле, в степях Буджака».

Старшая дочь Анатолия Фёдоровича и Натальи Матвеевны – **Тамара Анатольевна**, практически моя ровесница, в детстве росла умненькой и прилежной девочкой, хорошо училась. Окончив восемь классов общеобразовательной школы, уже в Молдавии, в Вулканештах, поступила в Кагульское педучилище, обучаясь на воспитателя детских дошкольных учреждений. Вернувшись домой, работала в Вулканештах по специальности в детских садах. Работа не очень нравилась. Намерение устроиться в паспортный стол уже в 80-е годы не получилось: аукнулось пребывание их в ссылке в Сибири.

Не сложилась и личная жизнь. Попытки наладить семейную жизнь не увенчались успехом. Жила с родителями. Детей не было. Заболела раком горла. Умерла от этой болезни в 2003 году. Похоронена в Вулканештах.

Второй ребёнок Анатолия – **Геннадий**, родился в 1952 году в Куликах. К сожалению, как и Тамара, рос болезненным и малорослым. Вместе с тем, был наделён от природы очень мощными творческими задатками и потенциалом. Без напряжения, отлично учился в школе. К девяти годам – уже хорошо играл на баяне, освоил самоучкой, подбирая мелодии по слуху. Отлично рисовал, даже масляными красками – тоже самоучкой – поскольку в то время в Пудино, ни тем более в Куликах, не было ни музыкальной школы, ни художественной. Много читал и мог отлично пересказывать прочитанное, импровизируя, как рассказчик. Мастерил по дереву: автоматы, пистолеты, игрушки и прочее. Из-за малого роста катался на взрослом велосипеде «под рамой». При отце мог ездить даже на мотоцикле, точнее, рулить, поскольку до рычагов переключения скоростей ноги не доставали. Трудно сказать, как в дальнейшем бы повернулась и реализовалась его творческая биография, но, без сомнения, это был самый одарённый ребёнок из семейства Арнаутовых (включая и

нашу ветвь). Видимо, Природа испугалась его задатков, и Господь решил призвать его к себе. Как я уже отмечал, накупавшись в лимане, уже в Молдавии, в первый год их жизни там, он простудился и умер в августе 1961 года, не прожив и десяти лет.

Младшая дочь – **Раиса Анатольевна Арнаутова (Юдинцева)** родилась, как и предыдущие дети, в Куликах, в июле 1953 года. Окончив школу, уже в Молдавии, решила поступать учиться в Москву. Училась и окончила в 1974 году Московский институт культуры, по специальности, как и я сам, библиотекарь-библиограф. Так что с ней мы фактически профессиональные коллеги.

Там же, в Москве, вышла замуж за **Юдинцева Александра Васильевича** – недоучившегося студента-художника. Тем не менее, получив навыки живописи, Александр довольно много работал в изобразительном искусстве, в стиле смешанного постимпрессионизма и модернизма. Его работы расходились на выставках и вернисажах-продажах. Многие картины ушли за границу, их покупали жены дипломатов и послов. Как художник, попал он во многие отечественные и зарубежные каталоги произведений живописи. Чувствуя себя состоявшимся художником, но недостаточно ценным в семье, стал попивать, ссориться с женой и детьми. Со временем, особенно в состоянии эйфории, делался сентиментальным и слезливым. Прочитав мою самую первую книжку, очень хорошо отзывался о ней в телефонных разговорах... Умер в самом начале нового тысячелетия от приступа сердца.

Большую часть жизни Раиса проработала в библиотеках Москвы, в основном на ЗИЛе. В Москве они получили сначала комнату в общежитии, потом отдельную квартиру, и, наконец, трёхкомнатную – от ЗИЛа, поскольку и муж её тоже работал там же, числясь художником-оформителем, и имел даже в подвале жилого дома свою мастерскую.

Далеко от Москвы (кажется во Владимирской области) купили они себе дачный домик в какой-то деревне. Там и проводят почти всё летнее время, выращивая всякие овощи и даже фрукты.

После распада СССР, Раисе с трудом удалось после смерти отца и сестры продать дом в Молдавии, практически за бес-

ценок, и перевезти мать к себе в Москву, оформив ей российскую пенсию.

От брака с Александром Юдинцевым у Раисы в Москве родились двое детей: **Наталья Александровна** (1977) и **Александр Александрович** (1986).

Наталья пошла по стопам отца. Получив высшее образование искусствоведа, стала писать критические статьи о живописи и выставках. Позднее сама стала создавать полотна. И тоже работает в основном в стиле модерн. Не выйдя замуж, родила девочку – Софийку, которую все очень любят и обожают. **Александр Александрович**, юрист по образованию, Цурик – так его в детстве называл дед Анатолий. Из-за конфликтов с отцом и неприязни фамилии, решил сменить её на **Графов**. Компьютерно продвинут. Живёт в Москве вместе с бабушкой, матерью, сестрой и племянницей Софийкой в одной квартире.

Всех их я видел несколько раз. Раису помню ещё по Куликам и Пудино. Потом несколько раз встречался в Москве, в последний раз виделся с нею там в 1990 году, когда был на повышении квалификации. С Натальей и Сашей встречались несколько раз - как в Москве, так и в Молдавии, но тогда они были ещё детьми.

Отпрыски одной ветви

*Я - листочек на ветке любви,
Все мы в мире не вечны и тленны.
Дай-то Бог, чтобы в нашей крови
Не пропали родителей гены.
(Борис Бурмистров)*

Ну вот, добрался я и до своей родовой ветви, отделившейся от ствола генеалогического древа – ветви **Арнаутовых, Степана и Евдокии**. Как видно из предыдущего, соседняя ветвь - Арнаутова Анатолия Фёдоровича по мужской линии своих отростков не дала и переродилась в другие фамилии. Есть риск перерождения и нашей ветви, поскольку ни у меня, ни у моего брата Володи пока нет внуков мужского пола – продолжателей нашей фамилии...

Однако, чуточку назад. Итак, я был в нашей семье первенцем. И о себе, родимом, я ещё буду писать довольно подроб-

но. Вскоре, после моего рождения, мама понесла вдругорядь. Тогда не было никаких медицинских тестов и УЗИ, позволявших определить пол будущего ребёнка. Ожидали девочку. Даже имя ей придумали – Римма.

Вместо неё на Божий свет 21 января 1953 года появился мальчик, которому после долгих препирательств между мамой, отцом и бабушкой Настасьей решили дать имя **Владимир** – в честь почившего 29 лет назад в этот январский день вождя мирового пролетариата и нашего советского государства. Мне это имечко, видимо, совсем не нравилось, и я, по словам родителей, называл своего братика, не выговаривая правильно, не иначе, как Има. Сколько помню себя, росли мы с братом вместе. Бывало, ссорились и даже дрались. Но, поскольку он был не в пример мне крепче и сильнее меня, я вскоре понял, что силой его не одолеть. Тогда я стал брать хитростью и дипломатией. Где-то лет с двенадцати наши потасовки закончились миром. И навсегда. С той поры мы практически ни разу не поссорились и жили в согласии, выполняя всю домашнюю работу либо совместно, либо каждый на своём участке. Вместе играли, вместе рыбачили. Учёба давалась ему в начальных классах легко. В школу он пошёл в Калининске, потом один год учился в Красном Яре, у бабушки, и заканчивал в Пудино. С детства Володя проявлял интерес к технике. Доставшийся нам после отца мотоцикл «Ковровец» ломал, в основном, я, ремонтировал – он.

В 17 лет он поступил в тот же институт, где уже учился и я – в Кемеровский государственный институт культуры на режиссёрское отделение, пройдя жесткий отбор в несколько туров по специальности. Целый семестр мы жили с ним в одной комнате студенческого общежития на Спортивной, 91. Получали оба стипендию по 28 рублей. И мама ежемесячно высылала нам на двоих ещё 35 рублей денег. На эти деньги, не шикуюя, можно было прокормиться и сходить в кино. Частенько по выходным мы с ним уходили на калым: на разгрузочно-погрузочные работы, чем пополняли наш общий бюджет всякий раз ещё 20-ю рублями.

Увы, наш братский союз вскоре прервался: Володя был отчислен из института после первой сессии с формулировкой «за профнепригодность». Хотя на экзамене по специальности

прошёл его режиссёрский этюд, и в двух-трёх этюдах он участвовал - как артист. Тут постарался их руководитель курса Фомин В.А., отчислив за год половину набранных студентов. Скольким же молодым людям этот «педагог» тогда испортил жизнь и поколебал веру в свои творческие способности...

Вернувшись домой, с февраля по май 1971 года Володя проработал в совхозе, на колёсном тракторе «Беларусь», поскольку мы все тогда по окончании школы получали помимо аттестата зрелости ещё и удостоверения тракториста-машиниста 3-го класса.

А далее – два года армии. И где?! Поразительно! Володя попал служить туда, откуда были высланы наш отец с братом и матерью – в Болград, в десантные войска! Вот тут-то он и побывал несколько раз во времена коротких побывок в гостях у дяди Толи – в Вулканештах, и у деда Вани – во Владичени!

После демобилизации, летом 1973 года он поступает в Томский автодорожный техникум, окончив который в 1975 году, распределяется в Иркутский Автодор. И сразу на должность главного инженера Куйтунского ДРСУ. В районном центре Куйтун он получает трёхкомнатную квартиру в брусовом двухквартирнике. В сентябре 1976 года женится на **Любови Пантелеевне Кравченко**. А через некоторое время перевозит туда и маму с её гражданским мужем Степаном Александровичем Решем и незамужней ещё младшей сестрой Раисой.

От этого брака у них рождается двое детей: **Елена** (1977) и **Алексей** (1983). Вскоре он поступает заочно в Томский инженерно-строительный институт (ТИСИ) на автодорожный факультет, который (с двумя академическими отпусками) всё же успешно оканчивает. В Куйтуне работает в ДРСУ на должностях дорожного мастера, линейного инженера, начальника, зав отделом ПТО. Вступает в члены КПСС. В период развала экономики и хозяйств, некоторое время работает инженером в ХДСУ. Приватизирует МАЗ, обменяв его на старенький «москвичок». В 28 лет присваивают ему звание лейтенанта запаса.

По дому – попутно разводят и выращивают кур, уток, свиней; держат корову, телёнка, имеют огород и всё прочее. Покупает мотоцикл, потом автомобиль «Жигули» 6-й модели.

После смерти жены (1 декабря 2008) 18 июля 2009 года переезжает в Красноярск, где обосновались после окончания университетов дети. В пригороде Красноярска, селе Дрокино, покупают квартиру в двухквартирном брусовом доме. Квартира эта переходит его сыну Алексею. Сам же Владимир сходится в гражданском браке с Татьяной Васильевной и живёт у неё в Красноярске в двухкомнатной квартире.

Пробует устроиться на работу по специальности, но вынужден дорабатывать до пенсии в частном охранном предприятии. С января 2013 года – на пенсии и продолжает трудиться охранником. Помогает растить внуков.

Брату Владимиру я посвятил рассказ «Стариково – рыбацкое Эльдorado». По содержанию его письма написал рассказ «Приходи на ёлку». Пребывание его в Куйтуне отражено в рассказе «Хунхары». Помимо прочего, он фигурирует у меня и во многих других рассказах и повестях. К 50-летию юбилею Володи я сочинил стихотворное повествование «Слово о житие Владимиром, сыне Степанове, по фамилии Арнаутов», добавив к нему через 10 лет ещё одну главу.

Старшая дочь его **Елена Владимировна Арнаутова** (в замужестве **Пахомова**) (2 июля 1997 г.р.) после окончания школы в Куйтуне поступает учиться на экономический факультет Красноярского аграрного университета, который оканчивает с красным дипломом. По окончании университета устраивается работать в ЖЭК, где трудится инженером муж её тётки Леонид Бояринов. Там она получает сначала комнату в общежитии, потом – покупает двухкомнатную квартиру. А, выйдя замуж за **Пахомова Павла** – машиниста электровоза, покупают и трёхкомнатную квартиру. У Елены с Павлом рождаются двое детей – девочки: **Маша** (19 июля 2010) и **Настя** (16 июля 2013). В пригороде Красноярска приобрели участок земли и строят большой дачный дом.

Младший сын Владимира **Алексей Владимирович Арнаутов** (28 декабря 1983 г.р.) – единственная наша надежда продолжателя рода Арнаутовых, после окончания Куйтунской школы поступает учиться, как и старшая сестра, в Красноярский аграрный университет по специальности «Энергетика», который успешно оканчивает. Работает в разных местах по специально-

сти, выезжая в командировки даже на север. Женится на **Бобронниковой Елене** (5 дек. 1987 г.р.), обосновавшись в собственном доме в пригороде Красноярска – селе Дрокино.

Алексей с детства проявил себя как мастеровой парень – что в электротехнике и механике, что в строительстве. Всё делает сам, своими руками очень качественно и добротнo. В последнее время много занимается переустройством своего дома: сделал большой кирпичный гараж на две машины, отличную баню, перестраивает и пристраивает новые комнаты к дому. Работает энергетиком в том же ЖЭКе, что и сестра.

В 27 декабря 2012 году у него рождается дочь **Софья**.

...Не долго **наша мама** ходила без зародыша. Всего год и три месяца отделили рождение следующего ребёнка от предыдущего. На сей раз это была девочка, появившаяся на свет 27 апреля 1954 года, и нарекли её **Татьяной**. Роды у мамы на были трудными и, видимо, наши местные акушеры не очень искусно помогали извлекать ребёнка. От такой помощи эскулапов при родах Тане на всю оставшуюся жизнь досталась едва заметная хромота.

В начальных классах Таня училась в Калининской и Красноярской школах. Окончила Пудинскую среднюю школу и поступила в Томское фармучилище. По окончании училища распределилась она в город Киселёвск Кемеровской области. Работала в аптеке фармацевтом. Там она познакомилась с молодым шахтёром - **Бояриновым Леонидом**. Летом 1976 года они поженились. И 27 сентября 1977 года у них родилась двойня – **Толя и Оля**.

Побившись с жильём, куда только по этому поводу не писали, обращались за помощью даже к Валентине Терешковой, и не получив такового, решили в 1980 году уехать из Киселёвска в Куйтун, где уже жили мама и брат Володя. К этому времени мама и её гражданский муж Степан Александрович Реш купили в Куйтуне отдельный дом на две половины. В одной из них обосновались и Бояриновы. Леонид устроился в пожарную команду, Татьяна в местную аптеку. Однако, прожив около года, надумали уехать в Красноярск, поближе к малой родине Бояриновых. К тому же в Красноярске намеревались строить метро, а Леонид уже имел опыт шахтопроходчика.

С тех пор, с 1981 года, живут они в Красноярске, сначала в арендной квартире, потом получили одну комнату, затем двушку, и наконец в 1988 году, от ЖЭКа - отличную четырёхкомнатную квартиру. Леонид к тому времени уже устроился в ЖЭК и занимал там хорошую должность. Татьяна сначала работает в аптеке, потом переходит дежурным лифтером и наконец - санитаркой в спецбольницу для умственно-отсталых и психически ненормальных детей. Оттуда, в 50 лет выходит на пенсию.

Татьяна очень гостеприимна, рачительна, хозяйственная, доброжелательная, заботливая мать и бабушка.

На малой родине Леонида, в деревне Плоское (порядка 50 километров от Красноярска) они приобретают земельный участок и построили там хороший дачный дом. Четырёхкомнатную квартиру пришлось разменять, на двушку и на приобретение жилья дочери Ольге. А до этого помогли купить квартиру сыну Анатолию.

Дочь **Ольга Леонидовна Бояринова** после школы учится в Красноярском медучилище. Получает квалификацию медицинской сестры и долгое время работает в больнице операционной сестрой. Попытка наладить личную жизнь с хирургом из этой больницы не получилась. Вышла замуж за **Алексея Денисова** (друга брата), от которого у них родилась дочь **Даша** (9 февраля 2009 г.). Заочно Ольга окончила Красноярский педагогический университет по специальности социальный педагог.

Сын Татьяны и Леонида **Анатолий** рос болезненным и потакаемым ребёнком, учился с ленцой, из-за болезни в армию не попал. Окончил курсы по автомобильным кранам и работал водителем в разных организациях, слесарем в ЖЭКе отца, был безработным. Женился на **Нелли**. У них одна девочка, очень развитая и артистичная – **Анна** (2005г). Живут в Красноярске.

Здесь, в Красноярске, образовалась уже довольно многочисленная «диаспора» нашей родовой ветви. Многие праздники, дни рождения и юбилеи они отмечают все вместе – то у Бояриновых, то в Дрокино, то на дачах.

Сестре Татьяне посвящен мой рассказ «Четыре картины из детства».

Последышем в нашей семье была **Раиса**, родившаяся 5 февраля 1956 года. Росла прехорошенькой кучерявой девчущ-

кой, которую любили и даже баловали все мы. В 5 лет, катаясь с горки на санках, ещё в Красном Яре, вывихнула обе ноги в тазобедренных суставах. Наши пьяные пудинские эскулапы, не сделав рентгеновских снимков и не вправив ноги в нужные суставы, загипсовали её. Почти два месяца она находилась неподвижно в гипсе, а когда сняли гипс и сделали снимок – ахнули: вывихнутые ноги уже стали обрастать новыми суставными хрящами в новом месте. Снова операция под общим наркозом, снова гипс... Учиться ходить ей пришлось заново. Видимо, все эти операции и вывихи не прошли даром и со временем сказались на её здоровье.

После окончания Пудинской школы учится в Томском торговом ПТУ. Окончив училище, работает в буфете Пудинской школы, живёт вместе с мамой в Пудино, куда из Калининска переезжают ещё в 1971 году.

В 1976 году вместе с мамой и отчимом переезжают в Куйтун, к брату Владимиру. Работает в РайФО. Через недолгое время выходит замуж за одноклассника – Голева Михаила Ксенофонтовича. Несколько месяцев живут в Куйтуне. Михаил работает в пожарке. Возвращаются в Пудино.

В августе 1977 года у них рождается дочь **Наталья**.

Прожив некоторое время в Пудино, переезжают в Калининский, в трёхкомнатную квартиру брусового двухквартирника. Здесь и обосновываются окончательно, постоянно расстраиваясь и улучшая своё жилище. В Кемерове Раиса заочно заканчивает кооперативно-торговый техникум по специальности «Бухгалтерское дело». До окончательного развала совхоза «Пудинский» работает Раиса Степановна бухгалтером в Калининском отделении совхоза, нередко исполняя обязанности и управляющего этого отделения.

Муж Раисы **Голев Михаил** работает после службы в армии мастером производственного обучения в школе, потом трудится в совхозе, а в период начала интенсивного освоения нефте-газовых месторождений – экспедитором ОРСа УРБ, развозя продукты на вертолётах и самолётах по разным точкам экспедиций Томской области.

В 1984 году у Раисы и Михаила рождается вторая дочь – **Валентина**. Росла она крепким, развитым и здоровым ребёнком,

но в четыре годика заболела и в течение полутора месяцев на глазах у родителей «угасла». Сначала лечили в Пудино, потом в Парабели, наконец в Томске. Нигде не помогли. Умерла она 12 марта 1988 года в Томске с диагнозом «опухоль головного мозга», а точнее – рак головного мозга. Похоронена на Останинском кладбище, рядом с дедом - Голевым Ксенофонтом.

С распадом Союза, упразднением совхоза и переходом на рельсы капитала, имея торговое образование, занялась Раиса Степановна коммерцией, открыв торговую точку сначала в Пудино, а затем и в Калининске. Со временем, когда в Калининске был закрыт магазин, её торговая точка становится там единственным хорошо оборудованным магазином смешанного типа.

Михаил, выйдя на пенсию, занимается домашним хозяйством, помогает доставлять продукты и грузы для магазина из Томска и Новосибирска. Держат свиней, кур, коров, телят. Выращивают в огороде помимо картошки и прочих овощей – отличные арбузы и ранние огурцы.

Много сил, энергии и средств уходит у них на ремонт и достроительство дома и усадьбы. Сначала они покупают вторую половину этого же дома, потом делают к нему ещё пристройки. Их дом и усадьба по внешнему виду и благоустройству – лучшие не только в Калининске, но и среди Пудинских. Не уступает внешнему виду и внутренне убранство дома. Это – уже далеко не деревенская изба, а вполне цивилизованное современное фермерское поместье!

Дочь **Наталья Михайловна Голева** (Овчаренко), окончив Пудинскую школу, поступает в Томский педагогический институт на биолого-химический факультет. Окончив институт (университет) возвращается в Пудино, где ей выделяют всего полставки учителя химии и биологии. Через год она переходит в Кедровскую среднюю школу на полную ставку учителя химии и биологии. Там ей покупают трёхкомнатную квартиру в панельном многоэтажном доме. Зарекомендовав себя добросовестным и грамотным учителем, ей доверяют должность завуча, с полной нагрузкой учителя и классного руководителя. В 2009-2010 годах она работает там уже директором школы, штат которой составляет порядка 50 учителей и 500 учеников. С этой должности она уходит в декретный отпуск. В 2011 году у неё и мужа **Ивана**

Овчаренко рождается дочь **Варвара**. После отпуска в школу вернулась снова на должность завуча и учителя-предметника. Муж Иван работает в экспедиции, вахтовым методом. Окончив двухмесячные курсы взрывника, занимается буро-взрывными работами на точках добычи нефти и газоконденсата Томской области.

О своих детях – Ярославе (уже Захаровой) и Анастасии (пока ещё Арнаутовой) я ещё буду писать в своих воспоминаниях и записках.

А в этом разделе – лишь информативно.

Старшая наша дочь **Ярослава** родилась 12 января 1973 года, когда мы с Людмилой были ещё студентами последнего курса института культуры. Почти сразу после её рождения нам выделили комнату в студенческом общежитии. А после окончания института меня оставили на кафедре, и мы получили уже комнату 18 квадратов в новом общежитии, где помимо жилого помещения была маленькая прихожка и санузел – с туалетом, раковиной для умывания и даже сидячей ванной. Там мы прожили пять лет, пока не получили двушку в новом доме по проекту Химиков, 22.

Ярослава с раннего детства стала заниматься спортом. Сначала была художественная гимнастика, потом лёгкая атлетика, многоборье. Класса с пятого она попала в так называемую «школу олимпийского резерва» при Кемеровском университете. Летом по два, а то и три сезона проводила в спортивном лагере университета в Подьякове. В один из сезонов на соревнованиях по метанию мяча она стала чемпионом лагеря, установив рекорд дальности, и перешла из легкоатлетического многоборья в метательницы копья. Но и там, к сожалению, дальше первого разряда у неё не получилось. При этом неоднократно на тренировках растягивала и рвала связки и даже ломала руку.

Поступив после школы в КемТИПП на экономический факультет, со спортом завязала окончательно. Но стала завсегдатаем туристского клуба университета. Ходила в горы, сплавлялась по горным рекам, спускалась в пещеры и даже летала не то на парашуте, не то на дельтоплане. В общем, экстремалка. На последнем курсе института устроилась работать к троюрод-

ному брату А. Вичканову в риэлтерскую контору, выполняя роль бухгалтера-экономиста.

После окончания института работала по специальности экономистом и бухгалтером, в том числе и во вновь открытом «международном» заведении «Волдпицца», что находилось в центре города. Во времена смутные пыталась наладить свой бизнес на пару с подружкой, открыв бутик, но бизнес этот не задался. Наконец перешла она в фирму «Абсолют» по реализации ГСМ, там и работает. Семейная жизнь у неё сложилась поздно, жила в основном в своё удовольствие. Правда, помогала растить младшую сестру – Настю. Между ними до сих пор сохраняются очень тёплые родственные отношения, не смотря на то, что Настя уже почти десять лет живёт и работает в Питере. До замужества Ярослава много ездила как турист по заграницам: бывала во многих странах Европы, Таиланде, на Мальдивах... Довольно рано смогла приобрести самостоятельно квартиру – двушку. Более десяти лет уже водит машины, сначала это была наша «девятка», потом ей пригнали с Дальнего востока иномарку «Хонда-лого», затем был «Опель-корса», внедорожник «Опель-антара». На этом внедорожнике, возвращаясь из Подьякова, попали с мужем и малолетним сыном в жестокую аварию. Слава Богу, остались все живы, машина восстановлению не подлежала...

В августе 2009 года Ярослава вышла замуж за **Игоря Захарова**, с которым познакомилась во время туристских походов. 12 мая 2010 года у Ярославы родился первенец – **Николай Захаров**, а 10 февраля 2012 года – второй ребенок. На сей раз девочка – **Алёна Захарова**.

В этом же году, продав две своих квартиры, Ярослава и Игорь купили себе под самоотделку «трёшку» на Лесной поляне. Игорь занимается индивидуальным предпринимательством – установкой и креплением на высоте баннеров, рекламных щитов и прочих устройств.

Анастасия была у нас неожиданной, хотя оказалась желанным и любимым всеми ребёнком. Родилась она почти через десять лет после Ярославы, а точнее 10 июня 1982 года.

Никакими особыми увлечениями она себя не утруждала. Училась неплохо, хотя с трудом давались точные предметы. Тут

ей помогала старшая сестра, уже студентка пищевого технологического института. Зато любила Настя погулять, и ей всегда было мало того, что было рядом и дозволено. Сначала ей мало оказалось своей квартиры, и она удирала к соседским девочкам, потом было мало двора детсадика, затем двора своего дома, своей школы, своего института, своего города... Зато у неё было много друзей и знакомых, со многими из которых она поддерживает связи и до сих пор.

После окончания школы она поступила в наш институт на культурологический факультет по специальности «Мировая художественная культура». Училась неплохо, я как бывший педагог этого вуза её не «протежировал», к тому времени уже ушёл из института, хотя связи и довольно прочные ещё оставались. На последнем курсе обучения прирабатывала Настя уже продавцом – сначала в бутике сестры Ярославы, потом в торговом зале под названием «Депо», что находился в подвальном помещении рядом с главпочтамтом.

Нашей Насте всегда было мало своей законной территории: квартиры, дома, двора, своего института, города. И вот, после окончания вуза (уже университета культуры и искусств) подалась она в 2004 году с подружкой в Питер. С работой на первых порах ей помогла там устроиться наша бывшая однокурсница, ныне профессор, доктор наук Галина Феофановна Емельянова (Гордукалова). Порекомендовала Настю в один из Центров повышения квалификации и переподготовки, где сама подрабатывала на часах учебных курсов. Там Настя проработала около семи лет в качестве методиста-организатора учебной работы.

В Питере живо интересуется искусством, занимается самообразованием в этой сфере. Много ездит по заграницам, особенно в последнее время. По количеству посещённых ею стран она уже обошла старшую сестру. Недавно обзавелась автомашиной марки «КИА».

В последнее время работает начальником отдела кадров в Ленинградском областном региональном отделении партии «Единая Россия». Живёт в наёмных квартирах. Не замужем. Видимо, личная свобода и независимость – для неё находятся на первом месте.

Пора, однако, кое-что уже и подытожить. Вот так и разветвилась наша клановая ветвь Степано-**Арнаутовых** по отропкам с другими уже фамилиями: Бояриновых, Пахомовых, Денисовых, Голевых, Овчаренко, Захаровых... Но гены-то **арнаутовские**, где они? Да во всех нас и наших потомках! Растеклись, но закоренились. Надеюсь, что именно так... Впрочем, как и те гены, которые уведат всех нас к родовым корням Маноловых, Шадринных, Борисовых...

Сказа синеокая детства моего...

*Минувший век. Полсотни первый.
Там Чузик тѣк, и Красный Яр –
Весь в тополях был, рясно-вербный,
Пылал черѣмухи пожар...*

(Виктор Арнаутв)

*Давно уж детство за спиною,
И юность вышла из игры...
И лишь они всегда со мною –
Две неразлучные сестры.*

(Виктор Баянов)

Детство... Вот уж, поистине – сказка синеокая. Как бы ни удалялись мы от него, оно всегда с нами. Оно всегда лучезарное, очищенное от мути и грязи, от холодов и невзгод, от неприятностей и бед, от ранних обид и несправедливостей. Оно навсегда там, где твоя малая родина, даже если её уже нет совсем. Оно там, где мама и отец, где бабушка и братья-сѣстры, где твои первые друзья и даже первые недруги...

Красный Яр... Его не стало в самом начале семидесятых годов. Там не осталось ни одного жителя и ни одного дома. После того, как из него уехал последний житель, если не ошибаюсь это был пастушивший Николай Гриднев, лет десять на месте моей деревни находился летний лагерь труда и отдыха пудинских старшеклассников. Обосновались они в бывшем клубе и медпункте. Теперь лишь по некоторым ориентирам: озѣрко под школьной горой, единственно уцелевший на всю деревню тополь, пара кедршек, что росли на задах огорода Синицыных, конюшенная гора... удаѣтся с трудом восстановить абрис родной деревни.

Красный Яр. В часы городской бессонницы я пытаюсь иногда воссоздать его улицы и дома, кто и где жил. По памяти насчитываю десятков пять домов, со школой, клубом, магазином, конторой, медпунктом, зерноскладами, скотными дворами и конюшней... И на эти полсотни дворов насчитываю я десяток национальностей! Вот они: русские, украинцы, белорусы, евреи, поляки, греки, молдаване, болгары, литовцы, латыши. И оказались они здесь далеко не по своей воле. Все репатриированные, а проще говоря – сосланные, в этот, увы, далеко не райский уголок Нарымского согристо-болотистого края. И жили там эти бедолаги, не деля себя по национальным признакам. Было всем одинаково трудно и голодно. А мы, ребячня, их потомки, даже и не задумывались над тем, кто из нас и какой национальности. Жили и росли поистине равноправными интернационалистами.

Моя память уводит меня в самую раннюю пору. Отдельными и смутными картинками. Мне, должно быть, годика три. Мы жили ещё в маленькой избёнке рядом с Синицыными. Я выползаю (именно - выползаю) за калитку и вижу, как не так далеко от нас, на юго-восток, через ложок, на школьной поляне на штоке развевается флаг, и по поляне бегают и строятся в ряды и шеренги ребята – там летний пионерский лагерь.

Там же. Баба Настасья в пригоне доит корову. Я подхожу к ней с большой алюминиевой кружкой. Она наливает мне в неё парного пенного молока. Я пробую его на вкус, оно тёплое и отдаёт коровой. Молоко это мне не понравилось. С тех пор я никогда не пил парного молока. Только холодное, желательно из погреба (холодильников тогда никто не видел). Мог в один приём выцедить целую литровую глиняную кринку, стеклянные банки были в огромном дефиците...

Потом мне видится, как мы переезжаем из той избёнки в другой дом, что напротив школы. Мне уже годика четыре. Я сижу на тележном возу с домашним скарбом.

Теперь мы уже живём в другом доме. Там две комнаты: прихожая и горница. В кути, слева от зева русской печи, висит оставшаяся от прежних владельцев прибитая к стене замызганная фанерка, размером в полметра. На ней масляными красками намалёвано, как двое в лодке с вёслами переплывают реку, а над ними летят несколько птиц. Куть отделяется от остальной части

передней комнаты ситцевой занавеской и широкой полкой под потолком. В комнате три небольших окна, выходят они на восток. Через них видна высокая молоканка и школа, что стоит метрах в ста от нашего дома. Здесь же обеденный стол, угловая крашеная лавка. Над столом висит керосиновая лампа под крашеным зеленовато-голубым жестяным абажуром. Электричество появилось у нас, когда мне было лет девять. Два первых класса я проучился с керосиновыми лампами и чернильницами-непроливайками, стоящими на партах.

Мне всегда было интересно наблюдать, как ребята идут в школу и возвращаются из неё. Я вставал на лавку и смотрел через окно. И до того хотелось в школу, что в пять лет я уже бегал туда, через дорогу, во время переменок с тетрадкой, в которую мне учительница красными чернилами писала задание – как правило, буквы. Писал я отвратительно плохо, с кляксами, за что получал неизменные тройки и страшно этим огорчался. Забегая немного вперёд, отмечу, что начальную школу я окончил всего с одной тройкой в табелях – по чистописанию, был тогда такой школьный предмет.

Учась в первом классе, я не только плохо писал, но и неважно читал. Из-за своей неусидчивости, я торопился выполнить домашнее задание. Читая дома букварь, мои пальцы произвольно разрывали на ленточки нижнюю часть страницы букваря, за что меня непременно били по рукам. Я заливался слезами, но продолжал автоматически рвать на ленточки следующую страницу. Дошло до того, что отец, стыдясь моего «художества», купил мне второй новый букварь...

Удивительные в жизни иногда бывают парадоксы и совпадения. Кто бы мог тогда подумать, что именно из этого деревенского дома в Красном Яре со временем вырастут два члена Союза писателей России! Десятью годами ранее меня в нём некоторое время жил будущий замечательный советский русский поэт и прозаик Гена Захаров (настоящая фамилия по отцу – Браницкий), усыновлённый Владимиром Кругляковым! Он смотрел на школу из этих же самых окон, потом четыре года учился в той же самой начальной школе. И шесть следующих лет – в школе Пудинской. Так что мы Геннадием не просто земляки, но

и однодомцы, и дважды одношкольники! Мир тесен. Мир праху писателя Геннадия Круглякова...

Моё детство неотделимо от детства моего младшего брата Володи и сестёр – Тани и Раи. Я припоминаю, как мне иногда доверяли поводить и приглядеть за самой младшей сестрёнкой. О том, как я водился с братом – рассказывала мама: однажды приходит она домой, брат орёт благим голосом, весь в слезах и соплях, а я засунул ему в рот свой кулачишко и пытаюсь отобрать у него жвачку-серу, которую сам же и дал ему, ещё беззубому, пожевать...

А ещё моё детство неразрывно связано с нашей бабушкой Настасьей, или как мы все её звали, бабой. Наверное, лет до девяти я и брат спали с бабой на одной кровати, при этом, она ложилась всегда с краю, приставив к кровати скамейку. Тогда у нас не было отдельных кроватей для каждого. Нередко приходилось, особенно летом, спать на полу. Не водилось и излишней мебели. В горнице, помню, у противоположных стен стояли две деревянные самодельные кровати. Над одной из них висел «ковёр» с нарисованными на нём яркими масляными красками белозадыми благородными оленями. Был стол, над ним - зеркало, на торцевой стене висела тёмная радио-тарелка, а в правом углу стояла этажерка с пятком книжек и кружевными белыми уголками.

Наше детство прошло под знаком трудового воспитания. И это – замечательно! Считаю, что труд, с раннего детства дисциплинирует и приучает к обязательности. У каждого из нас, в зависимости от возраста, были свои обязанности по дому. Так, мы с братом выполняли обычно «мужскую работу»: наколоть дрова, или летом напилить двуручной пилой дров из старых жердей, наносить из озёрка воды на поливку огородных грядок, прополоть или окучить грядки и картофельные ряды. Летом – наловить рыбы или набить с кедёрок шишек... Зато помыть полы, подмести в ограде, что-то постирать – этого мы уже не касались – «девчачья работа». Позднее на нас с братом в основном лежала заготовка дров на зиму и сенокос. Зимой – вода из колодца, кормление скотины и уборка в скотном дворе, дрова. После пятого класса меня баба научила косить литовкой траву на болоте, а после седьмого я уже ходил с косой наряду со взрослыми. То же касается и брата, но со сдвигом в пару лет.

Летом для всех нас неизменным были заготовки дикоросов, коих в наших местах было предостаточно. Что только мы не собирали и не заготавливали на зиму под предводительством нашей бабы: всякие ягоды (малина, смородина, черёмуха, жимолость, земляника, черника, голубика, клюква, брусника, боярка, шиповник), грибы, берёзовый гриб чага, даже дикий хмель... И у каждого из нас была своя норма для ягоды – в виде плетёной отцом из прутьев корзинки, разных размеров. То, что не заготавливалось для себя – сдавалось в заготконтору. Это были реальные, хотя и мизерные, но деньги, в отличие от колхозных трудовней, на которые получали натуроплату.

Очень рано довелось мне познать и труд колхозника. Так, лет в девять я уже по разнарядке верхом на лошади топтал траву в силосной яме, ходил с такими же пацанами и девчонками полоть голыми руками посева пшеницы, а чуть позднее – возил копны верхом на лошади к скирдам и стогам. Нравилось заготавливать (вязать) веники из берёзы или тальника с сочными листьями – на подкормку колхозным телятам. За эту работу в колхозе нам начисляли трудовни, а чуть позднее в совхозе – деньги. Для нас, ребятни, это не было обязательным, но мы сами напрашивались на такие работы. И, несмотря на изнурительный труд в жару, испытывали гордость за причастность к общей работе и помощи взрослым.

Говоря о детских годах, пожалуй, стоит упомянуть или хотя бы перечислить своих друзей той далёкой поры. Сколько помню, тесные дружеские отношения у меня были со многими моими красноярскими ровесниками: Толей Димитренко, Толей Красножёном, Геней Ластовко, Валерой Лавровым, Петей Бекаревым, Колей Ковецким (Сергеевичем), Витей Анисимовым, Шурой и Мишей Сеницыными. Особняком стоял мой старший друг Сергей Димитренко (двоюродный брат Тольки Димитренко). Он был четырьмя годами старше меня, и что заставляло его общаться со мною – загадка для меня до сих пор. Но он был вместо старшего опытного брата, которого у меня просто не было. Сколько раз спасал он меня от разных бед: вытаскивая из воды, из горевшей землянки, из сугробов снега... Не единожды ввязывался в драку с моими обидчиками, обычно братьями Ковецкими (Фомичами)...

Где-то в середине пятидесятых годов в наш Красный Яр приехали сразу несколько семей из отдалённых деревушек – Калугино, Тамбаево, Лавровка. Это были семьи Лавровых, Ковецких (Фомы и Сергея), кого-то ещё. Вот с братьями Ковецкими (Фомичами) у нас, деревенских, почему-то особой дружбы и мира не было. А наоборот, трое «Ковек»: Лёха, Генка и Колька оказывали нам всем отчаянное сопротивление и бивали наших, особенно поодиночке. Тогда все мы ополчались на них. У нас на крыше старого клуба был свой «штаб» с «арсеналом» - деревянным оружием, битыми кирпичами, чугунками. Перепалки и стычки порой заканчивались весьма серьёзными ранениями. Как-то мне досталось кирпичом по горбушке так, что у меня перехватило даже дыхание. В другой раз кирпичом рассекли мне правую бровь. Окажись попадание этим кирпичом чуть правее или в глаз – неизвестно чем бы всё могло кончиться.

С раннего детства приобщился я к рыбалке. Сначала ловили голянов в озёрке, что находилось под школьной горой. Потом ловили удочкой на Чузике пескарей, ершей, чебаков с ельцами, окуней. Силышками из медной проволоки силяли стоящих по заводям шурят. На Боталёвском озере рыбачили карасей.

Чузик и рыбалка – речка детства моего и маниакальная страсть, - они при мне и до сих пор. Где я только не рыбачил после Чузика, а вот тянет к нему – и в воспоминаниях, и во снах, и наяву. Чузик – он, если и не главный герой моих рыбацких рассказов и стихов, то уж, по меньшей мере, и не из последних и косвенных персонажей!

Друг детства Шурка Синицын старше меня был всего на месяц. В своей семье он родился уже третьим ребёнком. У его матери, тёти Тони, почему-то пропало молоко. Шурка орал до посинения, требуя есть. А у моей мамы грудного молока было предостаточно. Вот тётя Тоня, по соседству, иногда и приносила к маме покормить Шурку, и мы с ним, пристроившись с разных сторон, чмокали одновременно мамины груди. С давних пор называем мы друг друга молочными братьями. Кстати, Шурка со своими родными братьями Миней и Валерчей являются троюродными братьями тому самому писателю – Геннадию

Круглякову. Шурке на пятидесятилетие я посвятил стихи, четверостишие из которых вынес в качестве эпиграфа к этой главе.

Послевоенные семьи в деревнях были большими, по нынешним меркам – многодетными: четыре, пять, шесть детей, едва ли не погодками – было вполне обычным явлением. А у Сергея Ковецкого (одного из старших сыновей Фомы от первого брака) было аж десятеро детей! Трое довоенных и семь человек – послевоенных. И четверо из них были почти моими ровесниками (плюс-минус два-три года).

Чтобы не повторяться и не занимать лишние страницы описанием детских игр и забав, приведу фрагмент стихотворения, посвященного Александру Синицыну:

...Там сменой новые родились,
А мы - опорой для семьи
Досрочно в детство торопились,
Став мужичками лет с семи.
Гольянов удочкой ловили,
Печёнки на костре пекли,
С кедёрок ближних шишки били,
Колбу, грибы домой несли.
Хрустящий хлеб с колбою горькой -
Залог здоровья на сто лет!
И сахар - пирамидой-горкой
Из горстки мамы на столе...
С “Ковеками” до ран сражались,
Землянки рыли вдоль горы,
И голыми ещё купались
В озёрке том до синевы.
Зубами колышек тягали,
(Уж “ножичка” простыл и след),
Лапта и клёк, попа гоняли -
В забавах босоногих лет!
За огородами, в лесочке
Комбайн целёхонький стоял -
Поразвинтили по кусочкам!
Тогда ль механиком ты стал?!
Вот так и жили - не тужили
Братвой пятидесятих лет,
И газировку в праздник пили,
Наивно веря: слаще нет!

Тут, пожалуй, в качестве комментария следует несколько остановиться на фразе о комбайне. Это было и в самом деле. Осенью энтээсовский комбайн, убирая за огородами остатки пшеничного поля, налетел на оставленную с весны борону и проколол колесо. Поскольку хлеб был уже почти убран, а колесо не заменили, комбайн оставили там, где он сломался. Дяде Коле Бекареву, обезножившему инвалиду войны, из Томска пригнали трёхколёсную мотоколяску. А к ней – набор ключей. Так вот, этими самыми ключами, да ещё и ключами от трактора, на котором работал отец братьев Сеницыных дядя Федя, мы, пацаньё, разобрали тот комбайн практически по деталям. Особо ценились у нас цепи, которыми мы перепоясывали себя, как пулемётными лентами. А ещё – шарики от расколоченных кареток подшипников... А Шурка Сеницын и впрямь стал инженером-механиком, окончив Омский сельхозинститут. Потрясающим даром механика-самоучки обладал и его старший брат, мой одноклассник (с пятого и по десятый) Миня Сеницын!

Помимо указанных забав и игрищ определённое место в моём досуговом детстве занимало и чтение. Баба была безграмотной, читать не умела. Качество книжек она определяла по наличию в них картинок-иллюстраций. Есть картинки – хорошая книга, нет – плохая. Сначала мне читала мама вслух. Как сейчас помню, читает она книжку Николая Носова «Приключения Незнайки и его друзей» - и так ярко и красочно я представляю то, о чём в ней написано... Припоминаю одну из многочисленных детских книг, которые были у нас дома. Книжка эта с толстыми картонными страницами и яркими красочными картинками. В ней нарисованы домашние животные и под ними – бесхитростные четверостишия, вроде этого:

Шерсть на овечке отросла,
Вот скоро стричь её пора.
И мы её спрядём, соткём,
Одежду новую сошьём.

Когда я научился читать сам, очень любил сказки, особенно русские народные. В нашей сельской библиотеке было три толстенных книги из четырёхтомника русских народных сказок, собранных и записанных Афанасьевым. Все эти три книги с красивыми заставками – начальными буквицами-

орнаментом я перечитал на несколько раз. Особенно любил это делать зимою, когда, набегавшись и намёрзшись, забирался на русскую печку и там при очень слабом свете керосиновой лампы читал. До сих пор припоминаю, какое впечатление на меня произвела сказка Алексея Толстого «Приключение Буратино». Я её не читал, просто жил в той сказке! И как же мне стало горько и чего-то не хватать, когда эта книжка-сказка закончилась...

А лет в тринадцать я прочитал «Два капитана» Валентина Каверина и ... «Угрюм-реку» Вячеслава Шишкова – эти книги достались мне от уезжавших обратно к себе на родину чувашей – Сотниковых. «Угрюм-река» до сих пор является одним из любимых моих романов, а В.Я. Шишков – особо почитаемых авторов. Его подписное десяти томное собрание сочинений (в Приложении к «Огоньку») давно уже занимает почётное место в нашей домашней библиотеке.

Что касается детства, друзей и малой родины, то я посвятил этому свою повесть «Приоткрылись родимые дали» и довольно много рассказов, среди коих: «Песнь моя колыбельная», «Меченые караси», «Четыре картины из детства», «На рифах памяти», «Хом», «Одинойды один – приехал гражданин» и другие.

Когда оно у меня закончилось – не знаю, пожалуй, с переходом в пятый класс, когда я пошёл в сентябре 1962 года в Пудинскую среднюю школу.

Много позднее, оживляя картины прошлого в своей памяти, я написал:

Так маняще-давно я на Родине не был,
Где русские печи духмянутся хлебом,
Где избы дымами привязаны к небу,
И Чузик нанизан цыпушками вербы.
Там свой Красный Яр навещу я пустынный -
Аукнется детство слезинкой полынной.
Как в юность, прошествую в милый Калининск
Я полем футбольным, где вырос осинник.
Ссутулился в кронах черёмух наш домик -
Он слышал и песни, и звуки гармоник,
Там горе с бедой полыхали, как донник,
Преданий семейных он десяти томник.
Я в среднюю школу дорогой обычной,

Где нет ни троллейбусов, ни электричек,
Ватагой друзей пропылю по привычке.
Вот - Пудино - будто бы город столичный!
Я встану у школы, на краешек самый,
Наполню вновь классы ребяческим гамом,
Аккордами чувств нескончаемой гаммы,
Как первой любовью, как сказкою мамы.

Школьные годы чудесные...

*Умчаться вдаль, под розовую сень,
Где Чузик мой коричнево змеится
Семнадцать первых лет - как светлый день-
Перелистнулись читаной страницей.
Страницу эту школьная рука,
Как изложение чьей-то Правды шибкой,
Писала бело, без черновика –
Но тем видней помарки и ошибки...*

(Виктор Арнаутков)

Учиться в школе мне очень хотелось. Были тому и ещё две причины. Примерно за год до неё привёз мне из Томска отец новую форменную фуражку – дымчатого цвета с чёрным лакированным блестящим козырьком и золотистой кокардой на тулье – в виде двух дубовых скрещенных веточек. Ни у кого из деревенских школьников такой фуражки ещё не было! Правда, и мне она была великовата, но ничего, подкладывали ободок из бумаги, подгоняя под размер моей головы. Вторая причина: купили мне и новый портфель. В то послевоенное время кое-кто из учеников ходил в школу просто с холщовой самошитой сумкой или старым портфелем, доставшимся от старших. А баба Паша, отцова мама, сшила мне к школе вельветовую курточку. И лишь со второго класса у меня появилась (опять-таки у одного из первых среди ровесников) новая фланелевая школьная форма дымчато-мышинного цвета. Всеми этими школьными атрибутами я очень гордился. К тому же, ведь я пошёл в школу самым первым из моих одноутробных.

Как я уже отмечал, не очень давались мне в школе чистописание и чтение. Ещё – рисование. Остальное шло легко и без напряжения. Память у меня была весьма неплохая, стихотворения я заучивал с третьего-четвёртого повторения.

К тому времени, когда я пошёл в первый класс (1958 год), в нашей начальной Красноярской школе было четыре класса, в которых учились порядка тридцати пяти человек. И было две учительницы. Одна – молодая, лет двадцати пяти- двадцати семи, Карева Раиса Степановна, из местных, незамужняя, вернувшаяся в деревню после педучилища с «довеском» - девочкой Зоей, мо- ложе меня годом. Другая учительница, Таисия Ильинична Кру- шельницкая, была пожилая, приезжая к нам, кажется, из Среднего Васюгана, года за три до моего поступления в школу.

Учились мы в одну смену. И у каждой учительницы в та- кой малокомплектной школе было по два класса учеников. Обычно это были первый и третий, второй и четвёртый классы. Но в тот год и чуть позднее (как уточнил мой брат Володя) этот порядок был нарушен. И, видимо, я начал учиться одновременно с четвероклассниками. При такой системе существовала и особая методика преподавания, с которой я столкнулся уже через десять лет, начав работать учителем начальных классов и сам.

Пока учительница работает, допустим, со старшими, младшие делают самостоятельное задание. И наоборот. Мне по- чему-то всегда было интереснее то, чем занимаются старше- классники. И я, быстро сделав своё (не всегда правильно и каче- ственно), переключался на то, что изучали или проходили чет- вероклассники. Меня особенно привлекали такие предметы старших, как история, чтение (родная речь), география и естест- вознание (тогда я захватил ещё эти предметы, позднее их объе- динили в природоведение).

Моей первой учительницей была опытная полнотелая Таисия Ильинична Крушельницкая. У неё был муж - высокий, худосочный, болезненный, в толстых очках, - судя по фамилии, еврей, Николай Фастович, которого кусал энцефалитный клещ, и у которого плохо держалась голова, были частично парализо- ваны одна рука и одна нога. Но голова, хотя и частенько болела, всегда оставалась ясной и трезвой. До паралича и болезни он тоже являлся учителем. Здесь же уже не работал нигде, много читал; слонялся от безделья по деревне заплетающимися ногами в больших грубых магазинных чёрных валенках, за что местные прозвали его Спутником. Частенько зимними вечерами Спутник приходил к нам домой, и они втроём (он, отец и Александр Ко-

нёв) играли в карты, сначала в «тыщу», потом в преферанс. Преферанс – игра интеллектуалов, и обучил этой игре партнёров, конечно же, Николай Фастович.

Жили Крушельницкие недалеко от школы и от нашего дома. Баба Настасья за небольшую плату носила им из колодца воду и пекла хлеб, обычно из белой магазинной муки. Себе она выпекала хлеб из муки, смолотой на своей красноярской мельнице. Разумеется, из зерна, полученного в колхозе на трудодни. Припоминаю, что полученное на трудодни зерно обычно досушивалось на русской печи, где мы с братом любили им играть и баловаться, горстями, россыпью, бросаясь друг в друга. Магазинная мука колхозникам не полагалась. У нас же Крушельницкие, обычно, покупали молоко, сметану, масло и яйца, поскольку в нашем деревенском магазине этого не было.

Меня переводили из класса в класс без каких-либо проблем, ставя в табеле отличные и хорошие отметки. Лишь по чистописанию у меня был тройка. И один раз я получил тройку по поведению. А дело было так.

В нашу школу устроилась техничкой жена Фомы Ковецкого и мать их детей-братьев Лёхи, Генки и Кольки – Елена. Те после уроков обычно помогали ей делать уборку, мыть полы, колоть и носить дрова и топить печи. Однажды кто-то из них (а, может, и все вместе) открыл гвоздём замочек в шкафу, что стоял в нашем Большом классе, и спёр оттуда мешочек с сахаром и пилки для лобзика. Этот сахар на большой перемене раздавал ученикам ложечкой дежурный, чтобы попить чай. А пилки для лобзика были вообще большим дефицитом. Кража вскоре обнаружилась. Было очевидно, что это – дело рук вороватых братьев. Но каково же было удивление всех школьников, обеих учительниц, и особенно меня, когда младший из братьев Колька, сознавшись, сказал, что вместе с ним был и я. Это было шоком не только для меня, но и для всех! Похоже, чтобы братьям досталось меньше, по наущению их матери, Колька и показал на меня...

На школьной линейке от меня требовали признания. Я никак не мог сделать этого, потому что не имел к краже никакого отношения. Тогда после уроков дознания продолжили муж учительницы, Николай Фастович, и вызванный в школу мой отец. Дознание длилось несколько часов. Колька стоял на своём, я – на

своём, как партизаны. Я был голоден, у меня разболелась голова до рвоты, и я ... сдался, оговорив себя. Вот так, видимо, энкавэдэшники и выбивали у своих подследственных признания... Не поверила тогда в эту чепуху лишь баба Настасья. Мне (и Кольке) снизили по два балла за поведение не только за четверть, но и за год. Этот эпизод из моей ранней школьной жизни стал сюжетно-ключевым в повести «Приоткрылись родимые дали...»

К переводу в следующий класс в то время относились очень серьёзно. И если ученик, хотя бы по одному предмету имел годовую двойку, его оставляли на второй год в том же классе. «Оставлять на осень», как вскоре стали практиковать, у нас тогда принято ещё не было. Так, из моих близких ранних школьных друзей и приятелей отстали на год Миня Синицын, Толя Красножён, Федя Попов, Витя Сидоренко, Генка Ковецкий. Два года в каком-то классе просидел и мой старший дружок Серёга Димитренко. Заядлый рыбак и первый школьно-деревенский книгочей Витя Сидоренко тоже тормознулся в четвёртом классе, и многие из нас, догнавших его, ходили к нему, чтобы он помог нам решить по арифметике домашние задания. Особая статья с братьями Ковецкими. Уже в третьем классе мы собрались с ними все вместе. Отлично учился младший из них, мой ровесник Колька – тот самый, что оболгал меня. Средний Гена – самый порядочный из троих, учился с прохладцей. А вот Лёха, старше меня аж на четыре года, был вообще невероятно тупым на учёбу. Проучив всего одну четверть в третьем классе вместе с нами, этого балбеса обратно отправили к второклассникам. Так, пробив баклуши четыре года во втором классе, Лёха Ковецкий и закончил школьную науку...

Забегая немного вперёд, отмечу ещё один факт. Из-за серьёзного осложнения после болезни корью, вынужден был просидеть два года в каком-то одном классе и один из сыновей Сергея Ковецкого (там, где было десять детей) Коля (Рыжий), получивший потом два диплома: врача-педиатра и доктора медицинских наук. Его старший брат Юрий (Юрочка) стал военным врачом и дослужился до полковника медицинской службы, а вот их средний брат Валерка, мой ровесник, едва-едва одолел шесть классов...

Всё лето 1961 года мы, ребята, провели в Красном Яре у бабушки, в то время как родители наши жили и работали уже в Калининском. Заканчивался август. Мне предстояло идти в четвёртый класс. Бабушка умоляла отца оставить меня у неё. Отец «закусил удила»: раз не хочешь ехать с нами в Калининский – живи одна, никого из ребятшек тебе не оставлю! Баба – в истерику. Мама, как обычно, разрывалась между отцом и бабой, тем не менее, всё же держа сторону мужа.

30 августа я с братом Володей и шедшей в первый класс сестрой Татьяной в новенькой форме был на линейке в ограде Калининской школы. Учителями тогда были там Михаил Фёдорович Бершадский и Екатерина Сергеевна Кий (Собакина).

А рано утром, первого сентября отец разбудил меня и сказал: «Поезжай к бабе, будешь там учиться...». У калитки нашего дома стоял белый жеребец под седлом. Я, счастливый, собрав свои пожитки и учебники, вскочил в седло и махом полетел в Красный Яр. Как же была рада наша баба Настасья моему появлению там – это надо было видеть! Таким образом, и последний, четвёртый, класс начальной школы я проучился у своей первой учительницы, считаясь вполне приличным «хорошистом».

В этой связи припоминается, что в качестве некоего стимулятора в учёбе и наглядности, в классных комнатах или в коридоре вывешивалось нечто вроде стенной газеты. На ней были нарисованы: ракета – для отличников, самолёт – для хорошистов, конная повозка (или верблюд) – для троечников и черепаха – для неуспевающих. А рядом с каждым из средств передвижения красовались фамилии учеников. Я никогда не опускался ниже самолёта, хотя и на ракете летал не очень часто.

К окончанию четвёртого класса стали таять ряды тех, с кем я пошёл в первачи и с кем дружил. Дело в том, что к тому времени со спецпереселенцев (наших родителей) сняли ярлыки невыездных и упразднили спецкомендатуры. Вот и потянулся народ семьями обратно: кто на родину, кто поближе. Одними из первых уехали к себе на родину молдаване Штырбу, поляки Виницкие. Мои закадычные друзья Толька и Серёжка Димитренко, Федя Попов – в Омскую область, в зверосовхоз «Речной», и уже оттуда они присылали мне по нескольку писем. Братья Синицыны переехали в Лушиново, поближе к Пудино, но учились в

Калининской школе. Семья Валерки Лаврова переехала чуть раньше нашего в Калининский. В Пудино перебрались и Бекаревы - с моим годком Петькой и его братом Васькой. Толя Красножён с родителями вообще оказался аж на Дальнем Востоке, на станции Биракан.

Зато пополнили Красноярскую школу немногочисленные ученики из Ляшкино – там закрыли начальную школу. Среди них были Петя Антипов, его двоюродный брат Вовка, Сашка Портной, кто-то из малолетков Чемодановых. А ещё – в самом конце пятидесятых годов к нам из Чувашии по какому-то набору приехали несколько многодетных семей-переселенцев, но уже добровольно. В Красном Яре это были семьи Сотниковых, Егошиных, Канаевых. В Калининске из той же партии оказались - Бочкины, Шагаровы-Тихоновы, Городецкие, в Пудино – Симагановы, кто-то ещё... Многие из этих семей находились между собой в родственных отношениях.

Что ещё вспоминается из школьной поры Красного Яра, так это то, что где-то во втором-третьем классах мы после уроков стали облагораживать нашу школьную ограду. По её периметру в два ряда мы сажали молодые берёзки, которые выкапывали в ближних лесочках и приносили сюда. Со временем эти берёзки выросли и превратились в стройные белоствольные красавицы, обрамлявшие школу. Долгое время они были ориентиром для определения места бывшей школы, покуда их не порубили на тракторные волокуши заготовители сена... Об этом факте я написал рассказ «Одиножды один – приехал гражданин».

И ещё. После окончания четвёртого класса отец определил меня на месяц в пионерский лагерь, что находился в Пудинском школьном интернате. Я оказался в одной комнате с ребятами как младше, так и постарше меня. Среди них были пудинцы: Петя Дядьков, Толик Бойко, Саша и Юра Епанчинцевы, кто-то ещё... Для меня, привыкшего к деревенской свободе, этот пионерский лагерь со строгим распорядком дня был весьма обременительным, и я не мог дождаться, когда же закончится сезон.

...А осенью, первого сентября 1962 года я вместе со своими калининскими сверстниками (Саша Кий (Собакин), Коля Чупин, Ванька Диулин, Коля Бочкин, Серёга Томашевский, кто-то из девчонок) отправился в Пудино, пешком, за четыре километ-

ра от нашей деревни. В тот год в Пудинской школе пятиклассников было набрано аж три класса. Все мы, калининские и красноярцы (Гена Ластовко, Витя Сидоренко, Тома Томилова) оказались в 5«В». Большинство пудинцев были зачислены в элитный класс «А». В нём каким-то образом оказался и мой молочный брат Шурка Синицын. Зато его старший брат Миня, просидевший два года в каком-то (кажется, в пятом) классе, уже до самого окончания школы проучился вместе со мной – сначала в «В», а потом и в «Б»-классе. И в каждом из пятых классов было не менее тридцати учеников. Стало быть, только пятиклассников в Пудинской средней школе начала шестидесятых годов получалось порядка сотни человек!

Мысленно я иногда перебираю всех тех, с кем одновременно (от пятиклашек до одиннадцатиклассников) пешком ходил из Калининска в Пудино, ежедневно по четыре километра (туда и обратно). И насчитываю до сорока с лишним человек. Нередки были случаи, когда только из одной семьи ходили в Пудино в школу по четыре-пять человек, в том числе и я с братом и сёстрами.

В тот год впервые в практике средней школы учился класс одиннадцатиклассников (рождения 1945 года и старше), среди которых оказались знакомые мне по Калининску и Красному Яру – Коля Лавров, Юрочка Ковецкий, Тамара Ковецкая (тётя Юрочки по отцу и старшая сестра хулиганистых Фомичей). Это были уже вполне взрослые ребята и девушки. Они учились в угловом школьном классе, были степенными и солидными. А Тамарка Ковецкая вместе с аттестатом зрелости к окончанию школы получила ещё и свидетельство о... рождении дочери.

Я оказался за одной партой с останинцем Лёней Шафранником. Потом меня пересадили к девчонке – Люде Бейдеровой – из Гонохова. Поначалу я стеснялся незнакомых мне учеников, поскольку многие из них были старше меня. Нередки были случаи, когда в одном классе оказывались родные братья и сёстры разного возраста. Так, мне пришлось в Пудино учиться одновременно в одном классе (в разные годы) с Людмилой и Володи Оскольскими, с Сашей и Валею Струц, с Васькой и Ванькой Диулиными (Крестьяновыми), Толей и Ольгой Радченко, Ми-

шей и Сашей Синицыными (правда, Шурка был в параллельном классе). А с двоюродными - и подавно.

Хулиганистыми и драчливыми, которых не брал мир с пудинскими, были останинские ребята, среди коих особо выделялись Иван Ветрич и Колька Комаров. С кем только они не дрались и на кого только они не нарывались... Где-то уже классе в шестом их перевели (якобы, на перевоспитание) из класса «А» или «Б» в наш, «В»-класс. И Ванька Ветрич оказался за одной партой (до окончания восьмого класса) с моим новым калининским другом Санькой Кий (Собакиным). Два темпераментных живчика каким-то образом умудрялись весьма мирно сосуществовать. При этом, если Санька был одним из лучших учеников в классе, то Иван никогда не отличался в учёбе, не говоря уже про дисциплину. Может быть, их роднила общая страсть – охота и рыбалка. Они, азартно жестикулируя, безбожно преувеличивая и привирая, делились друг с другом рассказами о своих похождениях и добычах. И, тем не менее, забегая вперёд, отмечу, что не Санькину родовую фамилию Собакиных носит центральная улица Останина, а Ивана Ветрича. А дело в том, что Иван Ветрич (как я уже отмечал во вступлении) погиб на острове Даманском с другим нашим однокашником Сашей Иониным 2 марта 1968 года, на китайской границе. Мало того, его имя («Пограничник Ветрич») носит и один из дальневосточных рыболовных траулеров... Бывшая Первомайская улица Пудина переименована в улицу Александра Ионина. Факт гибели моих одноклассников на границе стал финально-кульминационным в моей ранней повести «Приоткрылись родимые дали...», есть он и в главе «По имени наших друзей» путинно-путевого эссе «Шикотан».

Класса до девятого я проучился в Пудинской школе, не имея в табелях ни одной тройки. Мало того, в конце почти каждого года меня награждали какой-нибудь грамотой или книгой – за хорошую учёбу и примерное поведение. До сих пор помню одну из них, это – книга-роман «Повитель» Анатолия Иванова, того самого автора, что написал «Тени исчезают в полдень» и «Вечный зов».

Время обучения в Пудинской школе связано у меня с невосполнимой потерей и нашим семейным горем: в конце седьмого класса, на 1 мая 1965 года, не стало нашего отца. И мне

кажется, после этого я сразу повзрослел, оставшись в доме за старшего мужчину, обойдя разом своих сверстников и однокашников года на три-четыре...

Что касается одноклассников, отмечу, что с пятого и по десятый класс я проучился вместе с Саней Кий, Сашей Струц, Машей Лушовой, Любой Зубревской, Таней Приходько, Мишей Синицыным, Геной Ластовко и Тamarой Томиловой. Двое последних – мои одноклассники ещё по Красноярской школе, с самого первого класса. В десятом классе от нас отстали Коля Чупин - вынужден был оставить школу, чтобы кормить семью, и Колька Ковецкий (тот самый, что оклеветал меня), переехавший в Ювалу Кожевниковского района к старшей сестре Тамаре. Одно время мы проучились вместе с недавним главой нынешней Пудинской Администрации Леонидом Третьяковым, впрочем, не отличавшимся особыми успехами ни в успеваемости, ни в дисциплине. А двое из моих однокашников - Люба Зубревская и Саша Струц - со временем создали свою семью, поженившись. Поженились и параллельщики – Саша Бурдужа и Галя Сапранкова.

В седьмом классе я догнал Василия Кардаполова, старше меня двумя годами, и с тех пор мы четыре года просидели с ним за одной партой. Почему он два года просидел в седьмом классе, мне до сих пор не понятно, поскольку всё остальное время он учился весьма неплохо, и в числе самых первых четырёх выпускников из нашего «Б»-класса поступил в институт – ТПИ.

С кем только не довелось за эти шесть лет проучиться в Пудинской школе. Это – об однокашниках, не говоря уже о тех, кто был перед нами и шёл после нас...

В принципе, что такое школа? Для меня – это сложная система, основными функциями которой являются передача знаний и воспитание молодёжи, состоящая из трёх основных взаимосвязанных элементов.

Это нынешние реформаторы-теоретики, чиновники от школьного образования космополитично-подражательно сдирают всё с западно-американской системы обучения, сводят к нулю роль школы как воспитательного учреждения, сваливая всё на семью и кого угодно, кроме школы. Тогда роль школы в

воспитании учащихся, вплоть до выпускников, была если и не главной, то уж и не последней.

Итак, основные составляющие элементы школы, как системы.

Первый – школьное здание и его географическое местонахождение – не самый главный элемент, но именно он в большей степени формально и определяет это понятие. В пору моего ученичества в **Пудинской средней школе** было несколько школьных зданий или корпусов. Те, кто учился постарше меня, да и я, ещё помнят первое школьное двухэтажное белёноштукатуренное здание, стоявшее на высокой крутой горе речки Коньга по улице Первомайская (ныне – Ионина). У нас же было другое здание, основное, казавшееся невероятно большим. Стояло оно на пересечении улицы Горького и Советская, обрамлённое оградой и высокими тополями. На территории школы находилось продолговатое брусое здание интерната, где жили все ученики из близлежащих селений – от Ляшкино и Красного Яра и до Скита, Рогалёва, Таванги, Шерстобитова и Львовки. Из наших, калининских, там почти никто никогда не обитал, за исключением Юры Кия, и то лишь года-другого.

В этом основном школьном здании с разных торцов было два входа (в зимнее время пользовались только одним), коридор, раздевалка, учительская, кабинет директора, буфет и несколько классов и кабинетов, среди коих выделялись кабинеты химии и физики (с подсобной лабораторией). При кабинетной системе, которую внедрили, кажется класса с шестого, мы всякий раз переходили из одного классного помещения в другое, особенно на уроки физики и химии. Уроки трудов и производства проходили у нас в другом подсобном здании. Одно время был выделен в небольшом соседнем здании и кабинет биологии (ботаники, зоологии) с подсобно-опытным участком, на котором мы проходили после 5-6 классов летнюю практику. (Вот в нём-то и поселилась моя родная младшая сестра Раиса после Куйтуна, но уже в 1976-м или 1977-м году, с мужем Михаилом, её одноклассником, прожив здесь не долгое время).

Несколько лет три или четыре класса нашей средней школы располагались в здании, что стояло по улице Ленина, в бывшем здании сельсовета и где находилась начальная школа.

Учились здесь, как правило, в две смены, поскольку в одну смену не хватало ни помещений, ни учителей.

Где-то году в 1964 на территории школьной ограды не-вдалеке от основного корпуса стали строить ещё одно - новое двухэтажное здание. Помню, там мы после седьмого класса проходили летнюю практику, обивая изнутри этот корпус дранкой, под штукатурку. И уже года с 1966-го там стали проводить занятия. Да, на территории школьной ограды, напротив интерната стояло здание спортзала, там у нас проводились уроки физкультуры. Был и «стадион», с футбольным полем и воротами, на котором проводились общешкольные линейки – на 1-е сентября и окончания школы.

Хронологически образование Пудинской школы относят к 1930 году, когда стали обучать в ней детей самых первых спецпереселенцев.

Ученики – второй элемент школы, как системы. Собственно, это то, ради чего и кого создаётся и существует школа. Я уже писал о своих одноклассниках несколько выше. В целом же, во времена моего обучения (1962-1968 годы) в ней насчитывалось не менее четырёхсот учеников. Одних выпускников бывало по два-три класса, а это 40-50 человек! (40 человек из двух классов выпустилось и в 1968 году). А в 1966 году, когда закончился эксперимент с одиннадцатым классом и выпустили одновременно десятиклассников и одиннадцатиклассников, таковых было уже более 60 человек!

Одноклассники, одношкольники. У каждого они свои. Обычно, хорошо знаешь учеников своего родного класса. Несколько особняком стоят те, кто учится в параллельном классе. Это – вечные соперники, коими делают их, чаще всего, сами учителя, противопоставляя друг другу – по успеваемости и дисциплине. О своих одноклассниках я уже писал. Добавлю, что в девятом классе мы изрядно пополнились за счёт учеников из Львовской восьмилетки. Это были: Толик Устюгов и Иван Чернаков, Толик и Ольга Радченко, Вася Алфёров и Валя Галкина, Зоя Шадрина, Галя Куприсова и Галя Андропова. Следует назвать ещё и тех, с кем я заканчивал десятый класс, но ещё не упоминал здесь, это – Вера Ковецкая и Володя Ядрин, они были пудинскими.

Однокашники из параллельного, «А»-класса, - на второй ступеньке по школьному «родству» и братству. С ребятами из параллельного: Саша Синицын, Коля Шаров, Коля Кондратьев, Толя Филёв, Ваня Симаганов, Володя Захаров, Саша Бурдужа, Володя Ковецкий, Коля Евстафьев, кто-то ещё – помимо прочего, мы проучились вместе два года ещё и на уроках по производству, каждую субботу. Из девчат запомнились Галя Фтёмова, Галя Сапранкова, Галя Самосудова, Люба Абакумова, Вера Розина, Галя Цепелева, Галя Ильиных, Вера Чемоданова, Нина Вьюнникова, Таня Петраченко, Света Бойко. Их-то, девчонок, я и стеснялся больше всего, когда нас объединяли на одних и тех же уроках, случалось и такое... Они (из параллельного) всё время считались продвинутой и грамотней нас. Но каково же было удивление наших учителей, да и нас самих, когда наш десятый «Б» класс в октябре 1967 года, на День Комсомола, выиграл у параллельщиков КВН!

Одношкольники – в принципе все те, кто когда-либо учился в этой школе. Я уже упоминал о писателе Владимире Круглякове. Учился какое-то время здесь и ещё один писатель, ныне председатель союза Томских писателей и соредатор журнала «Начало века» Владимир Крюков (его мать работала в больнице, а горбатая тётка – в аптеке). Неплохой поэтессой стала Валя Косачёва – из Останина, учившаяся годом раньше меня.

Для меня же одношкольники – это те, с кем учился примерно в одно и то же время, то есть, 4-5-ю годами старше тебя, обычно их запоминают лучше, и 2-3-мя классами – ниже тебя. Конечно, своих красноярских и калининских я знал всех, а вот пудинских – похуже. Никак не могу не упомянуть своих калининских друзей и одношкольников, с которыми мы одновременно ходили в Пудино. Это – Валера Лавров и его братья Миша с Николаем и сестры Аля с Людой, Собакины (Кий) – Володя, Юра, Саша, Валя; Ковшаров Коля и его сестра Валя, Солдчекенко - Василий, Тамара и Валя, целые «выводки» Беспятовых, Семитко, Томиловых, Руснак, Нестёркиных, Жарковых, Чупиных, Томашевских, Бершадских, Бочкиных, Крестьяновых, Красножён-Шабановых...

Особый элемент в этой школьной системе – **учителя**. Мне кажется, что всем нам, ученикам Пудинской средней шко-

лы шестидесятых-семидесятых годов, невероятно повезло с ними. Это были и в самом деле фанаты своего дела, профессионалы высокого уровня! Мне приходилось слышать отзывы преподавателей томских вузов, куда поступали наши абитуриенты: если преподаватель интересовался: что закончил претендент в студенты и слышал в ответ: Пудинскую среднюю школу – реакция преподавателя бывала однозначная: «О! Пудинская школа!». Симпатия преподавателя уже была на стороне абитуриента. Выпускники этой нашей школы очень котировались.

Директором школы в первый период моего обучения был Юрченко Фёдор Филиппович, преподававший географию. Позднее его перевели директором восьмилетней школы в селе Львовка, а его место заняла Любовь Михайловна Петроченко. При ней нас и выпустили.

Учителя - снимаю перед ними шляпу и низко кланяюсь. Всем, всем, всем - без исключения! Попробую напрячь свою память.

В пятом классе "В", куда я попал вместе с Геной Ластовко, Колькой Ковецким, Витей Сидоренко и Тамарой Томиловой после Красного Яра, классным руководителем и учителем **русского языка и литературы** была Зинаида Алексеевна Окунева - справедливая и доброжелательная женщина средних лет. **Литература** - к ней я всегда был равнодушен, но во многом уступал таким книголюбам и знатокам, как Санька Кий, Витя Сидоренко или Галя Фтёмова. Ярким пятном в памяти моей возникает ещё один учитель русского языка - рано ушедшая из жизни Клавдия Елисеевна - высокая, стройная и строгая жгучая брюнетка. Могла уgomонить лентяя и разгильдяя одним словом - мало не покажется. Проблемы с дисциплиной на уроках у неё даже и не существовало. Где-то классе в седьмом появился в нашей школе невзрачный на вид, лысоватый и с помятым лицом мужчина, лет сорока, Салмин (если не ошибаюсь, Николай Алексеевич). Он тоже преподавал русский язык и литературу. Старшеклассники прилепили ему прозвище Журден - видимо, за какое-то внешнее сходство с известным французом. Водился за ним грешок: уходил в загулы, пропуская занятия и попадая в больницу. Поручили ему руководство нашим классом. Знали бы вы, с каким нетерпением ждали мы все очередного классного

часа! И это были мы, которые не всякий раз досиживали до последнего урока! Так вот, оказался этот Салмин просто великолепным пересказчиком художественных произведений. Из его уст мы слушали "Аэлиту" Алексея Толстого и "Туманность Андромеды" Ивана Ефремова. Боже, как он умел рассказывать! Весь класс, затаив дыхание, сидел и внимал, будто на замечательном столичном моноспектакле!

Нина Николаевна Лукьянова (Небера) приехала в школу, когда мы, вытянувшись за лето, пошли в девятый класс. Элегантная, строгая и молодая, влюблённая в свою литературу, она зачитывала всякий раз фрагменты наших опусов, особенно на свободную тему, если в них проскальзывала хотя бы какая-то искорка. И это она же вlepила мне жирный "кол" уже в десятом классе, не читая и перечеркнув всю мою домашнюю заготовку, лишь на том основании, что написал я это шариковой ручкой. Нет, не таю я обид на неё за тот казус, хотя бы и потому, что через тридцать с лишним лет послужил он толчком для написания рассказа "Сочинение, которое никто не читал".

История. Ещё один предмет, которому я всерьёз собирался посвятить себя после окончания школы. Как же зачарованно внимал я рассказам Галины Тимофеевны Часовниковой уже в пятом классе! Древний Египет, Китай, Античность, история Киевской Руси, европейское средневековье... А вот вспомнит ли кто из моих однокашников историка-практиканта из Томского университета - Баронаса, по прозвищу Антропос? Высокий, нескладный, кадыкастый, смущающийся, в очках, но, безусловно, талантливый и увлечённый. Мимоходом замечу, что приходилось мне, как профессионалу-библиографу, много позднее встречать в библиографических указателях его научные работы. А ещё вспоминаю, как Санька Кий рисовал на уроках карандашом на него очень хорошие портретные шаржи. А тот, увидев однажды, изъял у Саньки эти шаржи и взял себе, даже не поругав автора... Галина Васильевна Лупинос, она же Галкова. Со всем юная выпускница истфака - стройная красивая брюнетка-татарочка с огромной, модной по тем временам, аккуратно уложенной цилиндрической шишкой волос на голове. В белоснежной нейлоновой кофточке (едва ли не единственной). История новейшего времени: Модибу Кейта, Кваме Нкрума, Секу Туре,

Сиримава Бандаранайке - так и сыпала нам именами современных африканских и прочих князьков и императоров. А ещё: "Имре Надь - не путайте с Ференцем Надем!" Как же, помню, Галина Васильевна! Хотя - к чему они мне! По-моему, тогда в неё были тайно влюблены едва ли не все пацаны нашего десятого класса, уж я-то - точно. А она, видя и догадываясь, застенчиво смущалась...

Химия. Кто не помнит Марию Игнатьевну Волкову?! С седьмого класса и по самый десятый - и всякого ученика, даже распоследнего разгильдяя и хулигана - на "Вы"! Случай для школьной практики уникальный! И ведь стыдно было при таком обращении к тебе - да не выучить урок по химии. А уж десять способов получения солей... Да до сих пор - в печёнках! Пожалуй, не погрешу, что смогу назвать практически все элементы периодической таблицы Менделеева и их латинские словесные и буквенные обозначения. А химические опыты?! Слышал не раз, что все, кому приходилось сдавать на вступительных экзаменах химию, меньше "четвёрки" нигде не получали.

Физика. Её законы открывал нам Владимир Акимович Боярин. Тема урока: "Работа". - Ха, да кто ж не знает, что такое работа?! Бери больше, кидай дальше! Нет, оказывается - физическая величина механики! Законы Ньютона, Ома... До сих пор помню и словесные определения, и их формулы. Опыты с движением тел по наклонной плоскости и с электрической машиной... А в старших классах повезло нам не меньше с учителем физики - пришел Борис Фёдорович Колотовкин! Физик и педагог от Бога! Случалось, всем классом вместе с ним решали целый урок всего одну задачу, заходя в тупики и переводя единицы измерений из системы СИ в СГС. Теперь только доходит: задачи те были явно не из школьной программы. Зато школьные щелкали, как семечки.

География. С пятого класса преподавал её нам сам директор школы Фёдор Филиппович Юрченко - строгий, опрятный, с орденом Красной звезды на лацкане пиджака. Получить у него пятерку было практически невозможно: "Садись, четыре". "Ребята" - это слово в разных оттенках и значениях произносил за урок он раз тридцать-сорок. Как-то из озорства весь урок мы даже не столько слушали его, сколько считали эти повторы. Со-

фья Михайловна Дядькова сменила Юрченко уже в старших классах. Добрейший и интеллигентнейший человек. Голоса не повысит ни на кого. И стыдно было прийти к ней на занятия, не выучив урок.

Мирдза Карловна Грашина! **Немецкий язык.** Ну, кто же не вспомнит её добрым словом?! И проработала она в нашей школе, пожалуй, лет двадцать. О ней я мог бы писать и писать, и даже не очерк - роман: чего стоит одна судьба. Впрочем, у кого из учителей старшего поколения судьбы были лёгкими и прямолинейными? По большому счёту, большинство из них сами или их родители были из репрессированных. Мирдза - так мы называли её за глаза - оставив нас после уроков, шла в школьный буфет, за пирожками с повидлом - для нас же, оболтусов. "Немецкий я не люблю, но не уважать Мирдзу?" - философски и риторически изрекал мой старший приятель Володя Кий-Собакин. И ведь учили все эти инфинитивы, перфекты и плюсквамперфекты, и ведь сдавали! И не только в школе. Мне, неудачнику, трижды пришлось сдавать немецкий при поступлении в вузы. И трижды получал "отлично". Школьных знаний по инязу позднее мне хватило на два курса института. И кандидатский экзамен-минимум сдал, шутя. Мирдза, это её ограда была всегда заставлена нашими великами и лыжами, это калитка её двора и двери квартиры никогда не запирались от учеников...

Математика - особый предмет. Везло нам и на неё. С пятого по восьмой классы преподавала Людмила Александровна Боярина (в девичестве Демешкина) - сама выпускница нашей школы. Да какая - медалистка! Строгая, тактичная, талантливая, справедливая. И этот предмет давался мне, явному гуманитарю, легко. А вот переключиться на методику Андрея Алексеевича Зайцева мне поначалу никак не удавалось. Да настолько, что уже в первой четверти девятого класса норовила заглянуть в мой дневник невиданная доселе "двойка". А ведь и он - педагог с самой большой буквы! Хоть и выделялась в моём аттестате единственная "тройка" по алгебре, но геометрию-то сдал на "отлично"! И у него же...

Рисование и черчение - Иван Тихонович Савушкин. Гора, громада. И молчаливый, как гора. Зато как рисовал, как чертил мелом на доске - шедевры появлялись на наших глазах!

Стирать их с доски рука не подымалась. И карандаши - всегда заточенные идеально у себя, и от учеников того же требовал. Не переносил карандаши-огрызки.

Иван Петрович Неретин - **пение и музыкальный факультатив**. А ещё - ни один концерт не обходился без него, ни один смотр художественной самодеятельности. И в Парабель летали с ним на смотр на самолёте. Призы и грамоты привозили и оттуда. Болезненный с виду, музыкант по натуре. А ведь грамоту музыкальную осваивал уже после инженерно-строительного факультета строительного института. На обычном баяне - и «Сороковая» симфония (" соль-минор") Моцарта; баян - и токкаты с фугами Иоганна Себастьяна Баха! Не говорю уже про «Полонез» Огинского или «Танец маленьких лебедей» Чайковского. В старших классах, когда уже не было уроков пения, пытался он на факультативах научить нас слушать и понимать музыку. Сужу по себе: ещё не видя и не слыша живьём, только на слух по пластинкам, учились мы отличать кларнет от гобоя, трубу от тромбона или саксофона, скрипку от альты...

Труды и производственное обучение. Василий Андреевич Ядрин - с пятого по восьмой класс: ножовки, рубанки, фуганки, пилы, стамески, свёрла, клеи, стружка... бруски, ящики, табуретки, скворечники. А нередко, с ним же - и заготовка дров для школы на лесных делянках. Поистине, золотые руки были у Василия Андреевича! Ну, и нам, пытался привить любовь и уважение к дереву, как материалу, из которого можно изготовить очень многое.

Коля Попов, Николай Яковлевич. Вчерашний пудинский выпускник - и на тебе - преподаватель тракторов и сельхозмашин. Поистине - школьная легенда! Но начиналась она с нас, ещё до летних трудовых лагерей. Со специализированного класса, плакатов деталей, частей и узлов механизмов. С единственного трактора ДТ-54, колёсника МТЗ-50 и полуразрушенного комбайна СК-3. Это потом уже - и опыт, и признание. А тогда - он ещё и студент-заочник Томского пединститута, к тому же... филологического факультета.

Любовь Петровна Петроченко. Как же представить Пудинскую школу, да без неё? Как предметник - **ботаник и биолог**. Но ведь ещё и **директор школы!** К тому же, и дочь её

Татьяна - наша одноклассница. И муж - начальник аэропорта... От пестиков и тычинок - до коацерватов и вакуолей, до ДНК и РНК - и это всё из её уст. И, не дай Боже, из тех же уст - да хула за хулиганство или неуспеваемость!

И как тут забудешь нашего классного руководителя (в 9-м и 10-м) Геннадия Серафимовича Маркатуна?! К тому же, преподавателя **физкультуры**. А в седьмом, ещё будучи студентом, на педагогической практике, он вёл у нас уроки зоологии. Высокий, стройный, симпатичный, спортивно сложенный. И в голове, надо сказать, не как у многих физкультурников, - не только один спорт. Это с ним мы ходили в походы с ночевой, это при нём почти все ребята получили, сдав нормативы, значки ГЗР (Готов к защите Родины), третьи разряды по лыжам, баскетболу, это при нём мы, ученики 10-го «Б» класса, впервые в истории нашего негласного соперничества выиграли КВН у 10-го «А»!

Назову и ещё тех, кого вспомнил, но кто не вёл у нас занятия: Антонина Ивановна Мартынова, Сапранков Никита Тихонович, супруги Сухоруковы, Виктор Акимович и Инна Васильевна Боярины. И этих, пришедших чуть позднее, с которыми я сдружился уже после окончания школы, уж извините, без отчества: Рута Грашина и Николай Симаганов, Татьяна Дейнека и Валерий Куликов, Иван Голощапов, Нина Абакумова...

Четырежды я побывал на школьных юбилеях. Выступал, отчитывался, читал стихи, сочинённые по поводу школьных юбилеев. Не удержусь, помещу их тут.

ПУДИНСКОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ (на 70-летие)

Из Томска, Омска, Кемерово, Чуди ли,

Тувы, Московии, Урала иль Чечни -

Как в Рим, ведут дороги нынче в **Пудино**,

И в **ШКОЛЕ** завершаются они.

Взлетевших, оступившихся, потерянных,

Как мать, своих повзросших детей

Нас собрала - размётанно-развеянных -

На свой, **семидесятый ЮБИЛЕЙ!**

Мы помним, будем помнить, не забудем мы,

(И от того на сердце уж теплей):

И **ШКОЛУ**, что нашла прописку в Пудино,

И наших дорогих **УЧИТЕЛЕЙ!**

Тебе не пожинать, а сеять знания -

Летит к другим **твой** дивный бумеранг.
Ведь это **нам** - и должности, и звания,
А у **тебя** - один и тот же ранг.
Ведь это **мы** взрослеем, любим, женимся,
Ведь это **мы** - **твой** многоногий след,
Ведь это **нам** - по двадцать, сорок, семьдесят...
Это **тебе** - всегда **семнадцать** лет!
И до тех пор сюда стремиться будем **мы**,
Хоть на неделю, хоть на пару дней -
Покуда **ШКОЛЕ** оставаться в **ПУДИНО**,
Покуда **мы** кочуем по стране!

ПУДИНСКОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ (*на 75-летие*)

Кто-то ходит сюда и поныне,
Кто - в холодно-голодных тридцатых,
Ну, а нам - дороги дни иные
Нашей школы - шестидесятых!
Годы "оттепели" и метелей -
Не убавить вас, не прибавить.
Как же быстро вы пролетели,
Не догнать вас и не ославить.
В их бы честь - сочинить поэму,
Да о них написать романы,
Юбилейные оды на тему:
Нашей школы - как общей мамы!
Поименно нам вспомнить надо бы
Тех, кому мы так все обязаны,
И как встретиться были рады мы
С теми - кто нас учил уму-разуму!
Вальсы школьные нас кружили,
Твисты с шейками расступались.
Ах, как преданно мы дружили,
Как застенчиво там влюблялись!
Где ж теперь вы друзья-подруги,
С кем у школьных ворот расстались?
Запуржили в житейской вьюге
И безадресно затерялись.
Как хотелось казаться умными
От постигнутых истин распятых.
Ах, какими ж мы были юными
В нашей школе - шестидесятых!

Кемерово - Пудино, март 2005 г.

Из ученичества – в учительство

*Антон Палыч Чехов как-то заметил,
Что умный любит учиться, а дурак – учить...*
(**Булат Окуджава**)

О том, кем мне стать после окончания школы, долго выбирать не приходилось: историком, и только им. Из школьных предметов она мне нравилась более остальных. Уже тогда мне было ясно, что я (ну, не дурак ли?) – чистый гуманитарий-учитель, которого не прельщают ни медицина, ни сельское хозяйство, ни техника, ни точные науки.

В июле 1968 года мы втроём (бывшие красноярцы) – я, Гена Ластовко и Тамара Томилова отправились покорять Новосибирск. Я выбрал этот город ещё и потому, что там жил мамин брат дядя Саша и при пединституте был исторический факультет. У Тамары тоже в нём проживали какие-то дальние родственники, а для Гены это было решением в связи избранным вузом. Итак, я подался в пединститут, Тамара – в педучилище, а Гена – в институт инженеров водного транспорта. Из нас троих только Тамаре удалось взять установленную планку. Гена срезался на каком-то предмете, я недобрал одного балла.

Как ни печально, приходилось возвращаться домой. Утешало одно, не прошёл по конкурсу в Томский университет и мой дружок, лучший ученик класса Санника Кий. Зато он научился там играть на семиструнной гитаре. Был ходячей легендой в Томске среди абитуры в общежитии на Никитке, «в пятихатке»: «А, это тот, который за неделю научился играть на гитаре?!». Надо отметить, что в тот год нам не повезло: аукнулась волна сдвоенного выпуска 1966 года - из армии возвращались ребята, зачислявшиеся в вузы вне конкурсов. Так было и на следующий год. Из 19 выпускников нашего 10«Б»-класса с первого захода поступили в институты только четверо: Толик Устюгов и Вася Кардаполов (в ТПИ, Вася проучился там только один семестр), Вера Ковецкая (ТИСИ) и Маша Лушова – ТГУ. Из параллельного класса с первого раза поступили в институты Саша Синицын и Коля Шаров (Омский сельхоз – по целевому направлению от нашего совхоза), Толя Филёв (Томский мед), Володя Захаров (не помню куда), Коля Кондратьев – в школу милиции.

Из девчонок попали в институты Галя Фтёмова (ин-т культуры в Улан-Удэ), Люба Абакумова (кажется, ТГУ), кто-то ещё...

Вернувшись домой, с настроением поступать во второй раз на следующий год, я подался разнорабочим совхоза в наше Калининское отделение. Никакой трудовой книжки мне не оформляли. Немного поработал на свободном колёсном тракторе, поскольку наряду с аттестатом зрелости нам выдали ещё и удостоверение тракториста-машиниста третьего класса широкого профиля.

Где-то в начале октября 1968 года на месяц уезжала на курсы повышения квалификации одна из учительниц нашей Калининской школы – мать Саньки Кия Екатерина Сергеевна. Мне предложили попробовать себя в качестве учителя. И я, не долго думая, опрометчиво согласился. Достался мне сдвоенный класс – первый и третий. Что касается третьего класса, то тут было полегче. А вот первоклашки... Их нужно было учить всему, с нуля. Было интересно, но я не владел какой бы то ни было методикой преподавания, тем более, в сдвоенных классах. Мало того, их нужно было научить правильно и красиво писать буквы, а у меня с почерком был полнейший швах. Дело в том, что почерк у меня был и в самом деле прескверный. Его пыталась выправить ещё Таисия Ильинична, заставляя меня писать уже в четвёртом классе в тетрадках для первоклашек, с крупными косыми линейками. Не получилось. Не зря, видать, в народе говорят, что «горбатого только могила исправит». Это и про мой почерк. И, тем не менее, теперь я старался. Как мог, писал образцы букв на доске мелом и в тетрадках первоклашек – красными чернилами. С азами методики помогала справляться вторая учительница Василенко Мария Афанасьевна, которую я помнил ещё по пудинскому пионерскому лагерю, там она у нас была не то пионервожатой, не то воспитателем. Так меня впервые стали называть официально по имени и отчеству.

Моя первая педпрактика закончилась так же быстро, как и началась. Вернулась Екатерина Сергеевна, и я снова подался работать в совхоз. На сей раз меня определили скотником на ферму. Вот поиздевались мои бывшие ученички, особенно хулиганистые третьеклашки, которым я ставил двойки, называя меня уже не по имени-отчеству, а не иначе, как Витькой-

говновозом. Одна отрада была для меня в то время: я начал осваивать игру на семиструнной гитаре, которую передавал мой первый учитель дружок Санька Кий. Осваивал аккорды. Бил «восьмёрку», учился играть щипком... И, естественно, при этом ещё и петь песенки из того репертуара, которым владел Санька.

Сразу после ноябрьских праздников в ту зиму залютовали морозы. Нередко они зашкаливали за сорок градусов. Навоз из скотного двора я вывозил рано утром исключительно на свой огород, удобряя его. При этом всякий раз спешно выбегала из дома баба Настасья, помочь мне перевернуть металлическое крыто, приговаривая: «Ничё силушки не стало». А мне было и невдомёк, что она уже неизлечимо больна – привязался рак... Хуже всего было на таком морозе ездить на поле, километра за полтора, и возить оттуда солому на подкормку коровам. Ездил на лошадке, запряженной в сани-колымагу. На эту колымагу нужно было надёргать вилами соломы из заснеженной скирды, уложить в воз, увязать верёвкой и довести до места. Солома – не силос и не сено - скользит, плывёт с поклажи. Бывало, с горем пополам натереблю на воз, уложу её на повозку, затагну верёвкой, довезу до входных ворот в коровник, а в воротах, зацепившись боками, уже весь воз соломы и останется. Приходилось тогда таскать всю эту солому вилами на место.

Морозы всё крепчали. Где-то в самом начале декабря меня срочно вызвали в контору, к телефону. Звонок был из Львовки. Звонил наш бывший директор школы Фёдор Филиппович Юрченко. Выяснилось, что во Львовке уходит в декретный отпуск учительница второго и четвёртого классов Мусохранова. «Ты, вроде, поступал в пединститут, собираешься стать учителем?», - вопрошал Фёдор Филиппович, - давай, к нам. Жильё тебе будет. И практика тоже, льготы заработаешь при поступлении...». Что касается льгот, то тут и впрямь, некоторые педвузы при зачислении отдавали предпочтение сельским учителям, уже имеющим педагогический стаж.

Взвесив все «за» и «против», я согласился. Изрядный перевес в сторону «за» потянули морозы. Всё-таки тёплый класс был несравненно предпочтительнее, нежели работа скотником на холоде и в коровьем дерьме.

12 декабря 1968 года, через 20 минут после посадки в самолёт аэропорта Пудино, я был уже во Львовке. Меня встретил на аэропорту директор школы и отвёл на квартиру. Недалеко от Львовского аэропорта была улица из новых брусовых домов. В одном из трёхквартирников находилась однокомнатная квартира для приезжих учителей. Там уже третий учебный год обитал приезжий из Колпашева молодой учитель физики и математики Владимир Иванович Иванов, к которому подселяли новичков.

Должен заметить, что Львовская восьмилетняя школа образца шестидесятых годов была своеобразным испытательным полигоном для будущих учителей и тех, кому из пудинских выпускников не удалось поступить в институты. За год до меня таким был Володя Гурзо. Когда один из моих недавних магистров математики Андрей Алексеевич Зайцев узнал о том, что меня пригласили учителем начальных классов во Львовскую школу, уничижительно-скептически проронил в присутствии учительского состава Пудинской школы о моей педагогической перспективе: «Ну, этот научит...» Нашлись доброхоты, передали эту фразу и оценку меня, как будущего педагога. Было обидно, но этого я не забыл и, став доцентом высшей школы и заместителем декана факультета, в письме в свою школу припомнил Андрею Алексеевичу эту оценку меня, как учителя...

Абориген квартиры-общаги Иванов встретил меня с прохладцей. Был он четырьмя годами старше меня, окончил краткосрочные курсы при Колпашевском педучилище и здесь обосновался временно, чтобы накопить деньги, как он откровенничал, на «Волгу» и подготовиться к поступлению в институт. Был он худощав, горбонос, хромоног и желчно-злоблив. На его уроках царил идеальная дисциплина, ученики его боялись, в отличие от меня или ещё одного молодого учителя Владимира Федосеевича Шадрина (однофамильца, а, может быть, и даже дальнего родственника по маме).

Иванов считал себя в этой квартире полным хозяином, а меня – иждивенцем-примаком, поскольку приехал я с одним чемоданчиком, в котором лежали пара сменных рубашек, носки и нижнее бельё. У него же тут имелась какая-никакая утварь, кухонная посуда, крутился катушечный магнитофон «Астра», и временами брэнчала старенькая расхристанная гитарёшка.

На следующий день я уже сидел стажёром за одной из задних школьных парт, а учительница, которую я должен был заменить, вела свои последние уроки...

Достался мне здесь самый большой сдвоенный класс, аж 25 разновозрастных учеников. Некоторые из переростков-второгодников четвёртого класса были всего на три-четыре года моложе меня.

В освоении и вхождении в роль сельского учителя сыграл уже, хотя и небольшой, но опыт по Калининской школе. Набирался я опыта и здесь, овладевал методикой. Учитель начальных классов – универсал. Тут надо научить не только русскому языку и математике, но и другим предметам: чтению и литературе, истории, природоведению, труду, физкультуре, пению, рисованию. Работал с увлечением и самоотдачей. Хуже всего, после письма (всё из-за того же скверного почерка) у меня было с рисованием, художник из меня был аховый, некоторые четвероклассники рисовали гораздо лучше меня. Но проблемней всего было с дисциплиной на уроках. Из меня просто «вили верёвки», а порой на уроках едва ли не стояли на ушах... Это выводило меня из себя, а те, видя мою слабинку, вытворяли ещё сильнее... Сны на эту тему ещё долго потом терзали меня, я просыпался в холодном поту, но с облегчением, что всё-таки это только сон, а не явь... Вот уж, поистине, права пословица: «Умный любит учиться, а дурак учить», хотя дураком никогда не слыл, но «колпак» учителя надевал на себя всё же добровольно.

В январе-феврале морозы залютовали ещё сильнее. Порой, доходили до минус пятидесяти трёх градусов. Мы с Ивановым после занятий к вечеру раскаляли печь своей квартиры докрасна, так, что однажды даже подгорело моё стёганое одеяло (моя кровать стояла около печной стенки). Готовили на печи немудрящий ужин, поджаривая котлеты, что в мороженом виде присылала мне мама, или варили супчик из концентратов Иванова. Нередко брали в магазине бутылку водки (а в субботу, после бани – непременно). Возвращаясь из школы после обеда, мы обнаруживали в ведре с питьевой водой корку льда. Занятия в школе не отменяли. Из-за морозов и отдалённости (некоторые из учеников жили километра за полтора от школы) на занятия являлись всего по пять-семь человек. И всякий раз разные. «Что

делать?» - обращался я каждое утро к директору. «Повторяй, - реагировал всегда одинаково тот, - пусть хоть за пару уроков отогреются в классе». Вот и приходилось почти месяц топтаться на месте, повторяя один и тот же материал, а потом срочно навёрстывать упущенное время, галопируя по темам.

Из коллег-учителей того времени запомнились Калерия Мироновна Строкова, Татьяна Георгиевна Пасаженикова, Захарова, учительницы начальных классов Пасаженикова (забыл имя-отчество) и та, которую сменил я – Мусохранова... При школе находился в соседнем доме интернат, где жили с десятком школьников из соседнего села Шерстобитова, откуда и была переведена не так давно восьмилетка, но где ещё оставался сельсовет, куда входила и Львовка. Случалось, мы, учителя-холостяки, и столовались там, из одного котла с интернатовскими школьниками.

Во Львовке мы с Ивановым скооперировались с третьим молодым учителем - Владимиром Федосеевичем Шадриним, местным неженатым парнем, находящимся в академотпуске физмата Томского пединститута за задолженности. И потихоньку спивались, поскольку заняться там в свободное время, кроме вечерних кинофильмов в клубе, было нечем. Забегая вперёд, отмечу, что нам с Ивановым всё же удалось вырваться оттуда, поступив на следующий год в институты (он – в ТИСИ, я – в институт культуры), а вот Федосеевич и в самом деле спился. Его уволили из школы, пединститут он так и не закончил. Работал на местной электростанции. По пьяному делу обморозился, ему в Пудино, в больнице, ампутировали частично руки и ноги, а вскоре он и вообще покинул этот мир...

Здесь я проработал, получая зарплату в 63 рубля, (опять-таки даже без оформления трудовой книжки и записи в ней) до конца учебного года, а по сути - до 1 июля (и даже две недели с отстающими), прилетев домой на два дня на похороны бабы Анастасии, которая умерла 6 июня 1969 года.

О своей педагогической практике во Львовской восьмилетке я попытался поведать в художественной форме в 8-10-х главах повести «Подорожная рапсодия», разумеется, поменяв фамилии, преподаваемые предметы и кое-что ещё...

Студенчество

*Спешит по жизни весело,
Звучит в стихах и песенно,
Лишь молодости требуя взамен,-
Отличная профессия,
Почётная профессия,
Одна на всех профессия –
Студент!*

*...Там в Alma-mater мы учились
Одновременно, спору нет.
Как на иконы все молились
На Стасов лик, на Циркин свет...
(Виктор Арнауттов)*

Моя краткосрочная практика необученного сельского учителя, хотя несколько и поколебала веру в правильность избранной профессии, однако не оставила надежду на освоение её в теоретическом плане. Имею в виду, обучение в вузе на историка.

Не теряя времени даром и восполняя некоторые пробелы своих школьных знаний, я готовился ко второй попытке попасть в институт. Рассчитавшись во Львовской школе и не получив даже трудовую книжку, поскольку за нею надо было лететь на самолёте аж в Парабель, в РайОНО, подался я в середине июля 1969 года снова в абитуриенты, но на сей раз уже не в Новосибирский пединститут, а в Томский университет на историко-филологический факультет.

Увы, и вторая попытка оказалась не лучше первой. Мне опять не хватило баллов для зачисления в студенты. Настроение моё было подавленным, и я уже мысленно собирался осенью в армию. Но тут какие-то ребята, неудачники вроде меня, показали мне газетную вырезку из кемеровского «Кузбасса» об открытии в Кемерове нового института и объявлении набора в него студентов. И сдача экзаменов туда – только после 20 августа, тех же самых, что и в университет. Судьба подарила мне в этом году ещё один, последний шанс!

Это был открывшийся в июле 1969 года первый во всей Западной Сибири институт культуры. Поскольку там объявлялся набор всего по четырём специальностям, три из которых творческие и требовавшие сдачи экзамена по специальности

(музыке, хореографии или режиссуре), мне ничего не оставалось, как сделать свой выбор в пользу библиотечного факультета. На оставшиеся деньги за пять рублей я взял билет на самолёт до Кемерово, и уже 20 августа сдавал первый экзамен – сочинение, за которое мне поставили три балла. Это было почти очередным провалом. Однако, три остальных экзамена (русский язык и литературу устно, историю и немецкий язык) я сдал на «отлично». Меня к огромной моей радости (а также радости и гордости моих родных) зачислили в число студентов дневного отделения библиотечного факультета. Из 90 принятых на этот факультет студентов-очников всего восемь человек были мужского пола, из которых только шестеро явились на первые занятия... Учились мы в девчачьей «малине».

Учился с увлечением и со всей ответственностью, хотя и понимал, что профессия библиотекаря – весьма далека от учителя. Зато тут преподавали по большей части именно те предметы, которые мне особенно нравились. Одних только различных общих и специальных предметов истории было не менее десятка!

О том, как я, у кого и с кем учился, где жил и чем занимался в свободное от учёбы время, я написал в своих обширных мемуарах «Профессия – студент!» Из педагогов, оставивших особый след в нашей студенческой жизни, значительное место занимали: ректор Шуранов Николай Павлович, проректор Изюмский Юрий Васильевич, Сбитнев Стас Андреевич – наш шеф-универсал, декан Циркин Алексей Васильевич, сменивший его декан, у которого я позднее был четыре года замом, - Шиков Рудольф Сергеевич, наша кураторша, преподаватель немецкого языка Антонова Эрна Давыдовна и многие другие. Огромное им спасибо всем!

Замечу одно, что студенческие годы – самые запоминающиеся, самые счастливые, самые-самые... Да что там говорить, молодость – одно слово!

Пополнили ряды студентов в тот год и многие мои школьные друзья и однокашники. Так, в ТИСИ поступил Валера Лавров, в ТПИ – Коля Ковшаров, в Лесохозяйственный институт города Йошкар-Ола – Санька Кий, в Томский пединститут – Валя Галкина и Тамара Беспятова...

Свои первые летние каникулы провёл у себя дома, добираясь из Кемерова до Пудино аж восемь дней. Об этом я поведал в повести «Подорожная рапсодия».

А после второго курса (лето 1971 года) меня сагитировал мой дружок из политеха Коля Ковшаров в строительный отряд ССО, так коротко именовались стройотряды, в то время были весьма популярны среди студенчества. Там не только проверяли себя на трудовые мозоли, но и за полтора месяца зарабатывали неплохие деньги, если конечно повезёт с командиром и принимающей организацией. В самом первом ССО томских политехников-электрофизиков под названием «Гаёжный десант», где Коля был бригадиром, а я у него в бригаде простым бойцом, мы были аж на севере Томской области, за Стрежевым, в ЦТП, не доехав по Оби тридцать километров до Нижневартовска. ЦТП (Центральный товарный парк) – это нулевой километр в рямном месте нефтепровода «Александровское – Анжеро-Судженск». Вот где было гнуса и комарья! Столько мне не доводилось видеть даже на своей малой родине. Зато черники было так много, что в пятидесяти метрах от нашей столовки, можно было лёжа на сухом мху, горстями срывать её и кидать в рот, до набивки оскомины.

Вернувшись в самом конце августа в институт, нас тут же отправили на полтора месяца на сельхозработы в деревню Красные Орлы (станция Бериккульская), недалеко от Мариинска. Там, договорившись с местным руководством, я собрал полтора десятка наших ребят и сколотил строительный спецотряд «Арчекас», где уже сам был за командира.

На следующий год (1972), опять же летом всё тот же Коля Ковшаров уговорил поехать меня с ними снова, но уже в Кожевниково Томской области, где он был командиром отряда «Меридиан», а я через некоторое время стал там комиссаром отряда. К тому времени я уже был женат, мы ожидали появление нашего первенца и деньги были не лишними. Кстати, тогда я привёз из отряда более четырёх сотен рублей – деньги по тем времена немалые, если сравнить с тем, что стипендию мы получали всего по 28-35 рублей. О том стройотряде у меня есть рассказ «Ну, ты - Витя!»

Стройотряды, чтобы покончить с этой темой, затягивали, словно какого маньяка, в свою зависимость. После этого я съез-

дил ещё три раза! В 1974 году я, уже окончивший институт и проработавший в нём год лаборантом, ездил со студентами аж на остров Шикотан Малой Курильской гряды, на сайровую путину. И у меня появилось позднее путинно-путевое эссе «Шикотан».

После службы в ВМФ и проработав в институте ещё год преподавателем, летом 1976 года меня в буквальном смысле назначили командиром студенческого стройотряда «Искремас» - уже нашего института. Работали на строительстве ЗКПД в посёлке Яшкино Кемеровской области. И под завязку, последний ССО «Октябрь» в 1982 году, в Чумае. Месяц назад у нас родилась вторая дочь – Настя, деньги были нужны. Там собралось на летний «калым» под маркой ССО аж 18 преподавателей нашего вуза! Среди них были уже два кандидата наук, а двое – заведовали кафедрами. Отдельные эпизоды того времени легли в сюжеты повести «Этюды на предлагаемые обстоятельства».

Таким образом, начавшись во студенчестве, моя сзэзошная биография продолжилась ещё более, чем на десять лет. Пять лет в ССО, по полтора месяца, работая без выходных по десять-двенадцать, а то и более часов в день, никто и нигде не учитывал ни в какой трудовой стаж. А ведь только из этих отрядов у меня набирается около года строительного трудового стажа! Не скажу, что стал классным строителем, но приходилось и бетонными работами заниматься, и штукатурке обучился, и брусовые дома собирали, и баньку рубили из кругляша, и кирпичную кладку освоил, и в чертежах разбирался, и в ЕНиРах со СНиПами – тоже кое-что кумекал...

В самом конце третьего курса (13 мая 1972 года) я стал женатым человеком, обручившись со своей однокурсницей Велюкосельской Людмилой Михайловной. (С ней мы прожили уже 42 года). А в середине четвёртого курса, 12 января 1973 года, у нас родилась первая дочь, которую, перебрав весь алфавит женских имён от А до Я, решили назвать старорусским красивым именем Ярославла.

Студенческие годы неразрывно связаны со студенческой общагой, её обитателями и студенческими друзьями. Вне всякого сомнения, на всю жизнь мы подружились по-настоящему с будущими «библиотекарями»: Юрой Ли, Володей Грачёвым, Витей Эрлихом, Володей Есениным. Ныне Грачёв Владимир

Иннокентьевич и Эрлих Виктор Альбертович – доктора наук, профессора, Юра Ли был кандидатом наук, доцентом, а мы с Володей Есениным умудрились попасть в сочинители, став членами Союза писателей России!

Помимо названных друзей, студенческие годы надолго сдружили нас с ребятами других специальностей: Володей Ерёмченко (кстати, тоже членом Союза писателей России, поэтом), Анатолием Гусевым, Владимиром Максимовым, Владимиром Печенем, Николаем Смольским, Толиком Кудряшовым. Многие дамы тоже остаются с нами на связи. Это – Галина Гордукалова (Емельянова, доктор наук), Татьяна Мельникова (Ерёмина, кандидат наук), Валя Якушева (заслуженная артистка России), Светлана Карпушина, Эльвира Новаковская, Лариса Кемерова, Лариса Двойнос, Люда Пилипчук (Синичкина, директор филармонии), Галина Галкина (Швец), Распопина Татьяна, Любовь Жукова, Зинаида Грохольская (Григорьева) и многие другие... До сих пор мы собираемся вместе, отмечая юбилеи первого набора, выпуска, института (ныне университета культуры и искусств); вспоминаем годы молодые, своих педагогов, сокурсников...

И почти ежегодно уже теряем и недосчитываемся тех, с кем учились когда-то вместе. Назову лишь некоторых из них: Ольга Мышляева, Юрий Ли и Нина Шарапова, Любовь Ордовская (Антонюк), Лариса Лепихова, Анатолий Гусев, Николай Смольский, Валерий Левченко, Виктор Мухин, Владимир Юстус, Юрий Борисенко, Людмила Кузнецова, Анатолий Кудряшов...

Ушли в мир иной и многие наши педагоги: Шуранов Н.П. Жаворонков Т.Н, Циркин А.В., Изюмский Ю.В., Рыленков А.Н., Шиков Р.С., Сбитнев С.А., Бабышин Н.И., Ляхова В.В., Тимошенко И.С., Пудалова Л.А., Потявин В.М., Стрик В.В...

Вечная память нашим студенческим друзьям и педагогам...

Во флотском бушлате, но в армейских сапогах

*Как замёрзнет лёд на речке,
Так приказ подпишет Гречко!
(Из армейского фольклора)*

Почти все здоровые и нормальные ребята моего возраста и поколения считали, что служба в армии – это действительно почётная обязанность всякого гражданина нашей незыблемой

Родины – Страны Советов. А поэтому, отлынивать и искать лазейки, чтобы вернуться от службы в армии, было зазорным. И хотя в шутку говаривали: «Лучше б в армии служили мы заочно», не попадали туда разве что комиссованные больные и те, кто оканчивал институты с военными кафедрами.

В нашем институте военной кафедры не было. Поэтому все выпускники вуза мужского пола, годные по здоровью и не служившие до института, оказывались вскоре в рядах СА или ВМФ. Не был исключением и я.

К тому времени те, кто оканчивал вуз без военной кафедры, призывались на службу всего на один год, рядовыми. Меня призывали трижды. Но, получив повестку и уволившись с работы, пройдя все медицинские комиссии, меня сначала оставляли в резерве, а потом и вовсе – до следующего призыва. Таким образом мне дважды пришлось увольняться и вновь возвращаться к своим студентам, но уже со сбритой наголо, как у эков, головой. Тогда ходить с причёской «под Котовского», было не в моде и считалось явным признаком побывавшего за колючим забором.

В третий раз, получив повестку, я не спешил расставаться со своими волосами и увольняться с работы, устраивая «пышные проводы». В последний раз вышел на занятия 29 октября 1974 года, а 2 ноября меня уже увезли из Кемерова электричкой в Анжерку, не дав даже попрощаться на вокзале с женой. Три дня, с такими же призывниками, я прокантовался на полу в старом деревянном анжерском клубе, что находился рядом с железнодорожным вокзалом. Приезжавшие туда «покупатели» ни в какую не хотели брать меня к себе – из-за краткосрочности службы и моей гражданской специальности. Возвращаться же снова домой и на работу никак не хотелось, уж поскорее бы отслужить своё... Однако мне всё-таки удалось уговорить одного флотского старшину-срочника, и тот взял меня в свою команду.

Пять дней наш эшелон, набитый по 90 человек в каждом вагоне, катил на Дальний Восток. Я ехал тем же маршрутом, что и в начале июля (на Шикотан). А во Владивостоке, на станции Первая Речка, нас выгрузили и отправили всех в так называемый Экипаж. Экипаж – это место, куда привозили со всех уголков Советского Союза призывников для прохождения оконча-

тельной медицинской комиссии и распределения по частям Тихоокеанского ВМФ и военным кораблям.

Пять дней я парился на двухъярусных двухсторонних нарах в огромной душной щитовой казарме, вмещавшей в себя до двух тысяч человек. Наконец, во время ночных комплектаций на принизывающем ветром плаце Экипажа, выкрикнули и мою фамилию, назвав номер команды. А 13 ноября 1974 года рано утром меня вместе с тремя десятками таких же призывников, вывели из ворот Экипажа, строем доставили до вокзала, и электричкой через полтора часа я оказался на станции Раздольное, расположенной на железнодорожной ветке между Владивостоком и Уссурийском.

Нас привели в воинскую часть под номером 40159. Так я стал потенциальным морским пехотинцем, попав в 186-й Отдельный морской инженерный батальон Морской Инженерной службы ВМФ Краснознамённого Тихоокеанского Флота.

Таким образом, у нас была самостоятельная часть, со своим знаменем, командиром и штабом, подчинявшаяся морской инженерной службе тыла флота. Находилась она между сопками и основной (едва ли не единственной) улицей длиной в 13 километров приморского села и станции Раздольное. Добротные кирпичные двухэтажные казармы были построены ещё после Гражданской, когда тут верховодил сам С.М. Будённый.

Пройдя курс молодого матроса, 20 декабря мы приняли присягу и нас, призывников, распределили по ротам. В нашей части было четыре роты: Инженерная (ИР), Инженерно-базовая (ИБР), Инженерно-десантная (ИДР) и Рота подвижных средств базирования (РПСБ). Я попал в Инженерно-десантную роту, в сапёрный взвод.

В нашей роте было порядка ста человек рядового и сержантского состава и около десятка офицеров и мичманов.

Командовал нашей частью подполковник Шамрин. Начальником штаба был майор Журавлёв, зам. командира части по тылу – майор Князев, замполит части – старший лейтенант Торопов, парторг – старший лейтенант Макаров, зампотех – капитан Разманов, начальник медсанчасти – капитан Матвеев.

Командовал нашей ротой весьма деликатный, достаточно справедливый человек и грамотный офицер, старший лейтенант

Котельников. Был он немногим старше меня, лет двадцати пяти, не более. Замполитом же роты у нас являлся довольно оригинальный человек – лейтенант Матюхин Валерий Павлович – умный, но невероятно поганый и пакостливый по своей натуре. Любил, когда его называли не по званию, а по имени-отчеству. Зато его не любили ни офицеры, ни матросы с сержантами. В нашей роте он сумел наладить фискальную службу из своих же подчинённых-срочников «стукачей» и знал обо всех и вся: кто и где проштрафился и чем занимался недозволенным. Как ни странно, не смотря на такое «рвение» по службе, Матюхина постоянно прокатывали на очередное звание. А то и снимали звёздочку.

В нашей роте было четыре взвода: два сапёрных, один водолазный и автовзвод. Водолазным взводом командовал старший лейтенант Карп – тучный здоровяк, пришедший к нам в часть из флота. Нашим, сапёрным взводом командовал лейтенант Михейлис – недавний выпускник военного училища. Надо сказать, далеко не глупый и начитанный человек, но флегматичного темперамента.

Со всего призыва, человек девяносто-сто, в нашей части оказалось восемь ребят с высшим образованием – годичников, большинство из которых попало в РПСБ. Я же был в единственном числе в своей роте из годичников. Поэтому, мне сразу сказали ротные «дедки»: за этот год тебе придётся отпахать как за два, с двоекратной нагрузкой. Гальюн – после отбоя – твой, и не дожидайся вызова нарядчиков вне очереди.

Определили меня сначала матросом-стрелком. Потом, вскоре перевели в механики-водители БМП. А потом – в расчёт «узэпистов». Командовал расчётом сержант Сиренко, а с мая, когда мне присвоили старшего матроса – я был у него заместителем отделения и расчёта. С тех пор я уже не ходил в наряды вне очереди, и гальюн ротный перешёл другому салаге.

Что такое наш отдельный инженерный батальон? Это – батальон, обеспечивающий высадку морского десанта с десантных катеров и БДК (Большой десантный корабль). То есть, теоретически мы шли впереди основного десанта! И на каждом из наших флотов было всего по одному такому батальону, который на случай военных действий, в течение четырёх часов за счёт

резервистов и запасников разворачивался в полк. Этому, разворачиванию в полк, нас тренировали ежемесячно по тревоге «Огонёк», а дважды за время моей годичной службы мы принимали «партизан» (запасников) в реальных условиях. Время было тревожное, совсем рядом находилась китайская граница, на которой пять лет назад, на Даманском, дело едва не дошло до большой войны.

В задачи нашего расчёта «узэпистов» входило обеспечение прохода (коридора) от десантного корабля до самого берега. Иначе, уничтожение всех минных и механических заграждений в стометровой зоне от берега моря. В этих целях у нас имелся секретный снаряд (УЗП-69 – удлинённый заряд плавающий, образца 1969 года), представляющий собой 26 сборных двухметровых двухсоткилограммовых секций, начинённых взрывчатым веществом, соединяющихся последовательно, друг за другом, со шнуром-детонатором. Этот снаряд собирался на плаву, на десантном катере и с помощью радиоуправляемого катерка-буксира направлялся к берегу. Дойдя до берега, снаряд взрывался и, таким образом, получался разминированный проход-коридор, шириной метров до пятидесяти, по которому шла высадка основного десанта, не без помощи других наших расчётов, обеспечивающих высадку и разминирование уже морского побережья. В этом боевом расчёте я и состоял на самом деле – на всех учениях и тренировках, не смотря на то, что приходилось заниматься не только этим делом.

Зима в Приморье – не лучшее время года. Не смотря на то, что больших морозов там не бывает и выпадает мало снега, - пронизывают ветра. Пока стоишь на плацу на разводе – ноги в сапогах примерзают к плацу, а руки в тряпичных перчатках – к автомату. Несколько слов о нашей форме. В отличие от армейцев или чисто флотских, у нас была и та, и другая форма. Так, для полевых и повседневных дел у нас имелась форма морских пехотинцев: чёрные х\б или п\ш, (куртки непременно с отложным открытым воротником, из под которого виднеется от горла к груди треугольник тельняшки). На ногах – укороченные кирзовые или яловые полусапожки. На голове – чёрный берет, лихо заломленный на правое ухо. Эмблема на рукаве: в красном кругу золотой якорь. Зимой – это дополнялось специальной утеплённой чёрной

курткой-бушлатом с меховым воротником морского пехотинца. Парадная форма – как у всяких моряков – от «двойки-тройки» и до «четвёрки-шестёрки» («четвёрка» - морской бушлат, «Пятёрка-шестёрка» - шинель, на голове либо бескозырка, либо чёрная шапка-ушанка). Из обуви – непременно ботинки.

И звания у нас смешанные: матрос, старший матрос, младший сержант, сержант, и далее, как у сухопутных. То же и у офицеров, звания, как у сухопутных, только форма, как у морских пехотинцев, а на погонах – красные просветы. Некоторые офицеры, переведённые к нам из флота (как старший лейтенант Карп, или наш ротный старшина мичман Панюков), какое-то время всё ещё носили флотскую форму, и имели флотские звания (мичман, капитан-лейтенант, капитан третьего ранга...).

Не смотря на мою не совсем мужскую гражданскую специальность, она мне очень даже пригодилась и во время действительной службы. Дело в том, что в нашей части был хороший клуб и своя приличная библиотека. И то, и другое находились в ведении начальника клуба – прапорщика Чирцова Александра Тимофеевича, а он подчинялся непосредственно замполиту части Торопову. Ещё до нового года и до присяги меня заметили в штабе: разузнали, что я немного умею печатать на пишущей машинке. Вот и призывали меня на эту работу, когда нужно было срочно что-то напечатать, а гражданская машинистка – то дома, то на больничном, то в отпуске. Печатать приходилось порой и ночью, всё: приказы командира по части, донесения в вышестоящие инстанции, даже представления на очередные офицерские звания и кое-какую информацию секретного отдела. Вот тут уже меня заприметили и замполит части с начальником клуба. Стали приобщать меня к клубно-библиотечной работе. Я оказался в помощниках у киномеханика части – старшего матроса Саньки Мокушева, удмутра, имевшего на гражданке специальность киномеханика. С кинопередвижками мне приходилось иметь дело и на гражданке, а тут стояли аппараты КН-15, для показа даже широкоэкранных фильмов. Освоил и их, правда, один фильм почти новый («В бой идут одни старики») запарол, просмотрев, что на одном аппарате заклинило фетровый ролик, попала соринка и процарапала все части фильма этого аппарата. Был скандал...

Большей же частью в первое время я проводил в библиотеке, особенно вечерами, помогал нашему штатному библиотекарю Надежде Васильевне Копытиной – в организации фонда, выдаче книг, книжных выставок, и даже проведению массовых мероприятий. Мне же досталась и батальонная почта. Почти каждый день, взяв большой чемодан, я выходил (после учебных занятий и тренировок) за пределы части и отправлялся в посёлок, на почту, находившуюся от нашего расположения примерно в километре. Туда я нёс письма, а оттуда – целый чемодан писем, газет, журналов и прочую корреспонденцию. Иногда мне доверяли получить чью-либо посылку. Особенно просили это сделать молодые, чтобы посылка не попала в роту, иначе от неё доставалась адресату пачка сигарет, кусок колбасы или какая-нибудь шоколадка. Я припрятывал эту посылку в клубе или библиотеке, а потом честно передавал её содержимое порциями тому, кому положено. Кое-что перепало от неё и мне.

Как правило, перед дембелем, чтобы попасть в число самых первых уволенных в запас, многие стремились заполучить «дембельский аккорд» - то есть, выполнить какую-то значительную работу – по строительству, ремонту и прочему. Был такой «аккорд» и у меня. Замполит части поручил мне к увольнению составить алфавитный каталог на имеющиеся книги, которых в нашей библиотеке насчитывалось около пяти тысяч. Пришлось изрядно потрудиться, просиживая в библиотеке до полуночи и печатая карточки на пишущей машинке. Из-за большого объёма и недостаточного для этого времени его я так и не закончил.

Получив звание старшего матроса, я всё чаще оставался в клубе. Я почти не ходил в суточные наряды: караул, по камбузу, по роте, медсанчасти... А с июня и фактически по сентябрь месяц я оставался за начальника клуба, поскольку прапорщик Чирцов два месяца был на больничном, а потом столько же в отпуске. У меня уже был свой кабинет, я распоряжался нарядчиками, которые занимались уборкой клуба, кинозала (на 400 мест) и библиотеки. Нередко я даже не появлялся в роте на вечерней проверке, отзвонив ротному дежурному, что нахожусь в клубе, а летом несколько раз оставался там и с ночевой, удобно устроившись на диване.

Вот тогда-то я и занялся сочинительством своего незаконченного романа. Об этом у меня написан рассказ «Письмо из Питера». В нём же я описал и тот факт, как меня пытались завербовать в сексоты (стукачи), а я отказался...

Из тех, с кем был в приятелях, следует отметить «годовичников»: Александр Слащёв – из Алма-Аты (преподаватель физики и математики, был батальонным электриком), Дмитрий Самарский (такая же специальность, комсорг части), Владимир Боярчук (механик из Курска, и.о. зампотеха базовой роты), Вася Коробейников (хлеборез), Боря Чередниченко – красноярец, питерец Владимир Лунин; отчисленный из Кемеровского мединститута Санька Былин (батальонный художник-оформитель, томич), двухгодичники - Серёга Мингалёв (связист), Лёха Малов (матрос из Ангарска)...

Из бывших сослуживцев встречался на гражданке лишь с Санькой Былинным несколько раз - в Томске, Кемерове и даже в Москве. Переписывался одно время с Лёхой Маловым. И дважды встречался случайно с однополчанами, служившими в нашей части либо раньше меня, либо позднее. Так, на 45-летию сестры Татьяны в Красноярске за одним столом я оказался с мрачноватым мужиком, похожим на татарина, Сангаджиевым. Он служил после меня в нашей части полутора годами позднее, а на гражданке был уже ментовским майором (дослужился до полковника). Второй случай: на юбилее В.М. Шукшина в Сростках, в 2004 году, на заключительном банкете я сидел за одним столом с актёром Барнаульского драмтеатра Михаилом Переверзиным – он служил в нашей части пятью годами раньше меня.

Будучи клубным работником, неплохо освоил игру в бильярд. Играл и со срочниками, и с офицерами, случалось, выигрывал у них. Помню, заместителем начальника штаба был молодой лейтенант Артём Можаяев, - сильно злился, если я у него выигрывал, особенно перед моим уже увольнением в запас. Всё время приговаривал, грозя, в таких случаях: «Ну, ты у меня уедешь на дембель «золотым эшелон»...».

По традиции, служба последний год, деды-дембеля заводили дембельские календарики, где вычёркивали или выкалывали иголкой в нём отслужившие дни. При этом делалось это не вечером, в конце дня, а утром, после завтрака, на который полага-

лось помимо прочего 20 граммов сливочного масла: «Масло съел – день прошёл!» Был такой армейский календарик и у меня. Особо почиталось у тех, кто служил, известие о Приказе министра обороны об увольнении в запас и призыве новичков на воинскую службу. Министром обороны в то время был маршал Гречко. Бытовал афоризм: «Как растёт лёд на речке, так приказ подпишет Гречко!» - это для весеннего призыва. У осенников вместо «растет» было «замёрзнет».

А уехал я всё-таки «золотым эшеленом», получив накануне звание младшего сержанта. В моём дембельском чемодане-портфеле лежали помимо прочего пять почётных грамот командира части за хорошую службу. Ночью 12 ноября все отбывающие из нашей роты на увольнение в запас, накрыли последнюю «полянку» - с конфетами, пряниками, сгущенкой и даже с небольшим количеством спиртного. А 13 ноября, рано утром, нас выстроили в последний раз в штабе, осмотрели нашу дембельскую форму, проверили чемоданы – и на электричку, снова во Владивосток, в Экипаж, а оттуда, маршем по городу, в строевых «коробках» по 90 человек – на жд вокзал. И наш эшелон, вагонов семнадцать, сплошь из моряков в чёрных бушлатах и бескозырках, покатыл через всю Сибирь и Урал - аж до Киева, высаживая на всех станциях тех, кто проживал недалеко или для пересадки. Таким образом, в части я прослужил ровно один год, день в день! В моём военном билете стоял штамп об увольнении в запас 13 ноября 1975 года по ВУС-100, состав: сержанты, военная специальность - старший линейный надсмотрщик полевых кабельных линий. Уж почему меня туда причислили – я так и не понял. А уже потом, на гражданке переквалифицировали меня, как запасника: состав - прапорщики, специальность - начальник клуба морской пехоты.

Конечно, было трудно. И не столько физически, сколько морально. Унижений было предостаточно, от старослужащих. Получал несколько раз и зуботычины, и под дых. Приходилось давать и сдачи, а чаще – улаживал дело дипломатически. По своей гражданской подготовке я вполне потянул бы на замполита роты. Мне всегда было непонятно: почему так расточительно в нашей стране обходились со специалистами с высшим образованием, призывая их служить после институтов и

университетов рядовыми, наравне с необразованными восемнадцатилетними пацанами. Куда разумнее было бы призывать таких на два года: первые три месяца – краткосрочные офицерские курсы – по освоению воинского устава, строевой, а потом, после присвоения офицерского звания – по частям, в зависимости от гражданской специальности. Так, те, кто оканчивал вузы типа нашего или пединститут (историки, филологи, биологи и т.п.) – вполне могли служить замполитами рот, комсоргами или парторгами батальонов, технари - зампотехами... А семейным была бы возможность получить жилплощадь и вызвать по месту службы жену с ребёнком (если таковые, как у меня, имелись).

Только вот вернувшись на гражданку, никак не покидало чувство какой-то вины и неполноценности: служил-то всего один год. И вот, мне стали сниться сны, что меня всё призывают и призывают дослуживать этот второй год. И попадаю я, как правило, опять в свою родную часть. Только там всё уже по-иному... Снилось мне это лет двадцать, пока я не написал об этом рассказ «Второй год службы». И дослуживать, слава Богу, мне уже не пришлось... Даже на переподготовке не был ни разу, оставаясь до самого снятия с воинского учёта младшим сержантом запаса.

Не то – учёба, не то – наука...

Снял я сержантские погоны

В земле Сибирской, неуклонно

Решил науку постигать...

(Семён Печеник)

Я сам себя баюкаю: «Хорошенький ты мой,

Нельзя же всё с наукою, шагал бы ты домой»...

(Евгений Клячкин)

Демобилизовавшись, вернулся домой, в Кемерово, к семье. Побыв с женой Людмилой и дочерью Ярославой недельку, подался к матери, в Пудино, показаться во флотском бушлате и бескозырке, как истинный мореман, хотя морозцы уже зашкаливали в иные дни за минус двадцать. Покрасовался там, сходил в свою школу, встретился с друзьями-товарищами, осевшими в Пудино однокашниками.

И, не отгуляв положенного месяца после демобилизации, вернулся в институт. Уже преподавателем, всё на ту же кафедру НТИ, к Стасу Сбитневу. Поручили мне вести технические сред-

ства, в коих я немного поднаторел за год до службы. Наряду с практическими занятиями уже читал и лекции. Кроме этого курса мне доверили ещё и курс «Организация работы в научно-технических библиотеках», о чём имел очень смутное представление. Зато самонадеянно уже сочинял шуточные песенки на эту тему, под Высоцкого, вроде этой:

Сижу средь книг – студентам лекции кропаю,

Я типизацию по мэтрам изучаю:

Что там Черняк сказал, Теплов что выдал?

Понять мне нужно: где же тип, а где же вид там!

(...Ох, повстречались бы мне только эти типы!)

Год педагогической практики в институте завершился моим командованием, как я уже отмечал, летом 1976 года в ССО «Искремас». А осенью – меня ждала дорога дальняя – в Ленинград, на годичную стажировку, с прицелом на поступление в целевую аспирантуру. Надо сказать, что за этот прошедший послеармейский преподавательский год я уже сделал один шаг к аспирантуре, сдав два кандидатских экзамена («минимума») по философии и иностранному языку. Философию сдавали в политехе, немецкий язык – в университете.

В осенний дождливый Питер, тогда ещё Ленинград, приехал я по дорожке, проторенной моим студенческим другом Володи Грачёвым. Он уже был аспирантом, пройдя годичную стажировку, и котировался там довольно высоко. Я остановился сначала у него в комнате, на Смирнова, 9, на 6-м аспирантском этаже новой общаги.

В среду аспирантов и преподавателей-стажёров входил с трудом, из-за своей провинциальной застенчивости, считая их более одарёнными и склонными к науке, нежели я сам. Перед зачислением меня в преподаватели-стажёры на кафедру информатики, коей заведовал профессор А.В. Соколов, мне устроили экзамен-собеседование. Из-за волнения его я выдержал не особенно блестяще. До зачисления оставалось ещё почти две недели, и я решил съездить в Молдавию – самолётом до Одессы, а там – поездом. Обо всём этом я поведал в своём рассказе «На Кагуле, в степях Буджака».

Моим руководителем стажировки определили доцента кафедры, кандидата философских наук Валерия Шлёмовича Ру-

башкина – флегматично-немногословного человека, лет сорока. Вёл он курсы «Высшей математики» и «Математических методов», которые меня совсем не интересовали. Зато из курса «Технические средства» у них на кафедре уже появились первые персональные компьютеры с магнитными компакт-кассетами, такими же, как на бытовых магнитофонах.

Чем занимать преподавателей-стажёров и как с ними работать, по-моему, толком никто не знал и всерьёз их не воспринимал. В принципе, это была первая «оценочно-притирочная» ступенька к аспирантуре. Вместе со мною в тот год в Питере на стажировке оказались вчерашние выпускницы нашего института Галина Черкашина и Татьяна Лотохина. Но они попали на другие кафедры. Встречались мы с ними вместе по разу-два в месяц на семинарах по истории КПСС, который вёл для нас троих профессор Мати Коронен, ходили на курсы по педагогике высшей школы к профессору Гончарову.

Помимо этого я посещал иногда лекции А.В. Соколова, Д.Е. Шехурина, Р.Ф. Грининой. А вот педпрактику я проходил у доцента Блюменау Дмитрия Иосифовича – стройного интеллигентного человека, имевшего два высших образования (морской офицер с якорем-наколкой на правой руке и журналист-филолог), вёл практические занятия по курсу «Информационно-поисковые языки». В то время кафедра исповедовала концепцию «Социальной информатики». Вот эту-то «бумажную» информатику, а точнее теорию социальных коммуникаций и информационных документальных потоков я и штудировал основательно. Потом, вернувшись к себе в Кемерово, я и преподавал то, что было обозначено, как «Введение в информатику», «Введение в информационно-поисковые системы» и «Социальная информатика».

В общем, стажировка моя была очень даже необременительной. Мною особо никто на кафедре и не интересовался, практически я был предоставлен сам себе, лишь бы им там особо не докучал. За время этой стажировки я сдал ещё один кандидатский экзамен-минимум – по педагогике.

Весь год я прожил на шестом аспирантском этаже новой общаги на Смирнова, 9, в комнате гостиничного типа, номер 102. Моим соседом был литовец Валдис Янонис, специализиро-

вавшийся по отраслевой библиографии, кажется, общественно-политической – из Вильнюсского университета – флегматичный молчаливый неженатый парень, но педантичный в делах аспирантских. У него был чёткий план на все три года обучения: что и когда сделать и сдать. Вставал он рано, так же, как и ложился. Практически никогда не ужинал после 18 часов вечера. Правда, иногда позволял себе попить чай с овсяным печеньем или домашней сырокопчёной колбасой, которую ему присылала из Вильнюса мать. Бывали дни, когда мы с ним кроме слов «Доброе утро» и «Спокойной ночи» не произносили ничего. Целыми днями он просиживал в Публичке, если его присутствие не требовалось в институте или на кафедре.

Зато в смежной комнате жил москвич, сын профессора Д.Я. Коготкова (приятеля нашего Стаса) - Сергей, с которым мы познакомились ещё в конце третьего курса института, когда он приезжал к нам в Кемерово на практику и жил в студенческой общаге. Серёгу сюда спровадили родители, хотя он мог спокойно поступить в аспирантуру и в Москве, но там он засветился в среде вольнодумных диссидентов. И был «под колпаком» у КГБ...

Почти четыре месяца в той же комнате жил с Серёгой и немец Дитер Раух – уже доктор философии из Института библиотековедения Берлинского университета им. Гумбольта. Его моложавая жена Рената Раух была журналистом, специализирующимся по советской культуре и большую часть времени проводила в СССР. Вот Дитер и подгадал себе полугодовую командировку-стажировку в Питер, якобы, для написания учебника. Был он старше нас лет на пятнадцать, прекрасно знал русский язык и никаким образом не выказывал превосходства - своей докторской остепенённостью. Даже наоборот, живо интересовался и обсуждал научные проблемы наших диссертантов. Жил жизнью аспирантского этажа и считался среди аспирантов своим малым. Особо часто он вел споры на научные темы с Серёгой Коготковым. Вообще, Серёга был очень даже неплохим исследователем, рано и вовремя защитившим кандидатскую диссертацию, и подававшим большие надежды учёного. Я позднее бывал даже у него дома в Химках. Увы, Серёга нелепо погиб в автокатастрофе, кажется году в 1987 или 1988.

А осенью я уже сдавал вступительные экзамены. Да, собственно и сдавал-то всего два из четырёх, поскольку иностран-

ный язык мне зачили по «минимуму», так же как и педагогику, которую я тут сдал на «отлично». «Историю КПСС» и «специальность» я тоже сдал на «отлично». И на кафедре за год стажировки я произвёл неплохое впечатление, участвуя в неформальных посиделках, капустниках и прочих мероприятиях - даже на такую сторговую даму, как Татьяна Николаевна Колтыпина. Между прочим, из-за неё пришлось год назад перевестись в Москву нашей умнице, Ленинской стипендиатке и красnodипломнице Тане Ерёминой (Мельниковой, тоже Николаевне). Тем более, что до меня тут с успехом уже обучались Владимир Грачёв и Наталья Гендина.

Из преподавателей кафедры был в неплохих отношениях с молодыми ещё кандидатами наук Валерием Павловичем Леоновым (который был шефом Гендиной, а позднее стал доктором наук и директором Библиотеки Академии Наук) и Валерием Михайловичем Мотылёвым (впоследствии доктором, заведующим этой кафедрой). Припоминаю скромную и обаятельную блондинку Светлану Леонидовну Лохвицкую и сдержанно-строгую, требовательную Татьяну Николаевну Колтыпину.

Путь в аспирантуру для меня был открыт. Мне было выделено Министерством культуры целевое место на дневное обучение со стипендией в 90 рублей. Такую же стипендию я получал и на стажировке. Но, видя, как тут распадаются за три года дневного обучения семьи, я сделал выбор в пользу сохранения семьи и решил подать на заочное обучение. Туда меня и зачислили, определив тему диссертации по «Способам оптимизации информационного поиска в массивах, организованных по иерархическим классификациям». А вот руководителем диссертации мне назначили всё того же В.Ш. Рубашкина. Хотя я мог бы попросить и другого, вплоть до самого Соколова. Я же поскромничал, не желая обижать Валерия Шлёмовича. И, как оказалось, весьма напрасно. За всё руководство аспирантами (я был у него едва ли не первым) у него защитился всего один человек, и тот был с наработанной темой из НИСа. В принципе, Рубашкин был весьма даже неплохим человеком и учёным, но своим аспирантам он предъявлял весьма высокие требования, считая, что диссертация должна и впрямь быть научной работой, а не компиляцией нескольких сотен первоисточников. Я частенько

бывал у него дома, знаком с его женой, детьми. После обсуждения моей работы меня непременно приглашали к столу и, мы с ним нередко пропускали по рюмке-другой вина или чего покрепче, ведя непринуждённые разговоры на бытовые темы или темы истории, искусства и литературы.

За годы стажировки и обучения в аспирантуре в Ленинграде я неплохо уже ориентировался в городе, знал его достопримечательности и исторические места, хаживал в музеи, лицезрея воочию истинные шедевры русского и мирового искусства. Смотрел спектакли во многих театрах со знаменитыми артистами. Видел на сцене Владислава Стржельчика, Сергея Юрского, Евгения Лебедева, Юрия Толубеева, Игоря Горбачёва, Владимира Рапопорта, Тамару Макарову и многих других... Бывал в Мариинском театре, в Ленконцерте.

Иные места Питера меня поначалу просто шокировали от осознания только того, что именно тут вершилась история нашей страны, что тут хаживали сам Пушкин или Гоголь, а в Публичке работал библиографом баснописец И.А. Крылов! Рядом с институтом находился знаменитый Летний сад. Всего через Набережную с высоким и широким гранитным парапетом, метрах в тридцати от здания института, несла свои не совсем чистые воды Нева, напротив, через неё и чуть правее – виднелась «Аврора», слева, через Неву и Кировский мост – Петропавловская крепость. Позади фасада института (здания бывшего Австрийского посольства, где бывал и сам Пушкин, встречаясь с Долей Фикельмон) раскинулось Марсово поле, а за ним – Михайловский дворец и храм Спас на крови... Бывал в Александроневской лавре на всеобщей на Пасху.

Стоял у могил писателей: Александра Блока, Ивана Гончарова, Белинского и Добролюбова, Александра Куприна – на Волковом кладбище или так называемых Литераторских мостках. Тут же рядом вздыбливались ещё совсем свежие бугорки могил с ворохом живых цветов и временными фотопортретами - поэтессы Ольги Берггольц, артистов Ефима Капеляна, Василия Меркурьева... Черным мрамором отливали надгробия и памятники Д.И. Менделееву, революционерам Елизаровым, матери Марии Александровны и сестры Ольги нашего пролетарского вождя Владимира Ульянова-Ленина...

В Комарово – дачной вотчине ленинградских поэтов и прозаиков – на кладбище поклонился праху писателей Анны Ахматовой, Ивана Ефремова, Сусанны Георгиевской, Веры Пановой...

При этом работа над диссертацией у меня почти никак не продвигалась вперёд. Всякий раз, приезжая в Питер, на, так называемую, сессию я привозил с собой материалы – главу из диссертации, опубликованные статейки и тезисы по теме, прекрасно проходил промежуточную годовую аттестацию на кафедре... Но мой шеф считал, что всё, что я делаю – не то, что нужно. А вот – что нужно и как нужно – он мне никак конкретно не объяснял. Мы топтались на одном месте, словно завязшие в киселе. Получалось как в русской народной сказке: «Пойди туда – не знаю куда, принеси то - не знаю что».

С этими результатами я подошёл и к финишу обучения. Когда дошла очередь до предоставления мной диссертации на обсуждение, то её в целом и готовом виде просто не было. Это повергло в шок всю кафедру! В том числе и самого Аркадия Васильевича Соколова! Ведь я считался у них вполне порядочным и перспективным аспирантом! Позорно было и мне самому...

У себя же в Кемерове, на кафедре НТИ у Стаса, я уже достаточно уверенно вёл учебные курсы, даже с избыточностью, частично выполняя и учебную нагрузку Н.И. Гендиной, которая тормознулась с защитой и ей продлили пребывание в аспирантуре ещё на полгода. Вернувшись на кафедру после годичной стажировки в Ленинграде, я получил уже должность старшего преподавателя с окладом в 143 рубля.

Стажёрско-аспирантские дни долго ещё вспоминались, как некое продолжение беззаботной студенческой жизни и студенческого братства. Вот что по этому поводу сочинилось, посвященное одному из юбилеев Галины Брагиной, которая тоже в то время была в аспирантуре и жила в одной комнате аспирантской общаги с Натальей Гендиной:

Как не худо было б снова
Всем собраться на Смирнова,
Аспирантском этаже -
Хоть в “глиже”, хоть в неглиже!
Где так молоды все были,
Где влюблялись и любили,

Где писали, где творили,
Где общались, где сроднились:
Будь ты русский иль узбек,
Немец, чех, словак иль грек,
Лях, еврей иль молдаванин,
Украинец иль болгарин,
Сибиряк, прибалт, грузин -
Был на всех единый *ЧИН*:
АСПИРАНТ! Звучало дивно,
Интригующе-призывно!
Поздно спали. Днями были:
Кто в Публичке, в книжной пыли,
Кто в музеях, кто в кино,
Кто в кафе пивал вино,
Кто в учебе, как в дыму,
Кто у кафедры в плену;
К шефам шли, как на войну,
Неся свежую главу,
Без наград и без побед -
Диссертаций умный бред!
Вечерами - все на кухне!
Впрочем, с голоду не пухли.
Там на плитах томно млели:
Плов, борщи, шурпа, пельмени,
Бешбармак, шашлык, тефтели,
Рыба в кляре и с сунели,
Щи, хазани-хоравац,
Иль картошечка (не раз!)-
Тут уж - кто во что горазд!
В каждой комнате - чаёк...
(Коль забрел на огонёк
Ночью, часика так в два:
“Диссертация” звала...)
Помнишь, (мысли налегке)
В нашем Красном уголке
Отмечались как защиты?!
А капустаники?! - Забыто?!
Нет, такого не забыть
Летою не потопить...
А наш холл?! И телик в нём?!:
Все сидим одним кружком,
Комментарий разной,

Сигаретный дым трубой...
Помнишь, летом - в Комарово!
На три дня - не “до второго”...
Озеро и бор сосновый
(А не скалы, право слово)
В двух палатках, помнишь, Галка:
Славик, Бэла, Таня, Алка,
Саша, Серж, Усман-узбек...
Все шестнадцать человек!
Среди прочих - я с гитарой,
Не седой, не лыс, не старый...
...Был мускат, глинтвейн и грог,
Комарьё! И - сто дорог!
Ночи белые, купанье,
Охи, вздохи, обещанья...
Танцы, песни до утра
У веселого костра.
...Как давно те были встречи
Нет иных, други - далече...

У кафедры в плену...

*И пора мастерства наступила:
Вынес, выдюжил, взял высоту!
...Я терпел, но подумывал часто,
Стариком доведённый до слёз:
Вот возьму, и дойду до начальства,
На другой попрошусь паровоз...
(Виктор Баянов)*

В самом начале этой главы придётся нарушить хронологию и вернуться немного назад. Уже в начале последнего курса обучения в институте из всего нашего выпуска факультета стали в качестве эксперимента отбирать наиболее перспективных студентов для будущей педагогической работы в институте после его окончания. Критерием для этого решили избрать написание дипломной работы. До этого ни в одном институте культуры нашей страны дипломные работы на аналогичных факультетах не практиковались. Наш институт, а точнее заведующий кафедрой научно-технической информацией (НТИ) Сбитнев Стас Андреевич выступил с такой инициативой, решив дипломной работой заменить два государственных выпускных экзамена по

специальности – библиотековедению и библиографии. Отобрали претендентов, в число которых попали все ребята (я, Юра Ли, Владимир Грачёв, Витя Эрлих) и три дамы: Галя Емельянова (Гордукалова), Таня Ерёмкина (Мельникова) И Светлана Котлярова (Попова). Определили темы дипломных работ и руководителей. Всех нас, за исключением Эрлиха, курировал Стас Андреевич Сбитнев, которого мы меж собой называли либо просто Стасом, либо Шефом.

Шеф был весьма оригинальной личностью, которая уже при жизни обрастала легендами. По некоторым версиям его, студента (?) третьего (второго?) курса философского (?) факультета МГУ, ещё накануне войны призвали в армию. И попал он на флот, в Севастополь матросом на крейсер «Красный Крым». Когда его крейсер был потоплен, воевал он в морской пехоте, участвовал в Феодосийском десанте, в котором от двух батальонов морских пехотинцев осталось всего восемь человек, среди коих чудом уцелел и Сбитнев. Был он крепкого и крупного телосложения, с размашисто-степенной походкой моремана. Войну закончил в звании мичмана и множеством боевых наград. Попав в Кузбасс после войны, работал в комсомоле, потом – директором библиотеки горного института. Заочно окончил Московский библиотечный институт, где и познакомился с Д.Я. Коготковым. С образованием совнархозов, в начале шестидесятых годов у нас в Кемерове появился межотраслевой территориальный Центр научно-технической информации (ЦНТИ), в котором Стас работал сначала директором научно-технической библиотеки, а потом – заместителем директора ЦНТИ по научной работе. Уже тогда в ЦНТИ начали искать новые средства оперативного доведения информации до потребителей. Осуществляли малую механизацию, используя перфокарты с краевой перфорацией, разработали несколько отраслевых дескрипторных словарей. Совместно с Томским ТИРиЭТом и Алтайским политехническим институтом разработали и создали одну из первых экспериментальных автоматизированных информационно-поисковых систем «Квантор» - на 80-колонных машинных перфокартах, за которую на ВДНХ её разработчиков (в том числе и Стаса) наградили малой золотой медалью.

Кемеровский ЦНТИ, где Стас оставался замом, одновременно уже работая и в институте и даже образовав новую кафедру, одним из первых внедрил в практику информационного сервиса большую ЭВМ (М-220), работавшую на широких ленточных магнитных носителях. Эта ЭВМ была довольно громоздкая, и разместили её в левом крыле первого этажа нашего учебного корпуса на Спортивной, 91. Кстати, Юра Ли с Володей Есениным и некоторыми другими ребятами-студентами участвовали в сентябре 1971 года в строительстве зала под ЭВМ, пока мы работали на совхозных полях и на стройках.

Когда ЦНТИ получил более совершенную и более компактную ЭВМ, эту вместе с прочим оборудованием, чтобы не возиться с демонтажом, безвозмездно передали в наш институт, на кафедру НТИ. Надо сказать, что Стас перетащил в институт почти половину устаревшего оборудования ЦНТИ и других организаций, собирая по крупицам технику и оснащая ею наши кафедральные лаборатории. Технически на кафедре мы сильно отставали от реальных условий нашего информационного сервиса, не говоря уже о зарубежных системах. На этом устаревшем оборудовании мы обучали и своих студентов, выдавая за передовое достижение науки и техники. А фактически мы шли позади производства на два-три шага...

Тем не менее, Шеф отлично понимал, что за механизацией и автоматизацией – будущее, что век обычной печатной книги в получении знаний и информации, как ни печально, но заканчивается. Да и к книге он относился весьма прагматически, утверждая, что «Книга должна работать!». Обладая феноменальной памятью, он, вычитывая или узнавая что-либо новое даже из смежных отраслей, ухватывал суть, и пытался это адаптировать под свои задачи и проблемы. За эту его аналитико-синтетическую способность мы называли Стаса «генератором идей», которыми он просто фонтанировал. Правда, мой друг и коллега Юра Ли за это же самое называл Стаса за глаза «великим шаманом», «комбинатором» и «Остапом Бендером». И не без основания. Дело в том, что в наше время, когда мы с Юрой уже были преподавателями и доцентами этой кафедры, Стас, как заведующий, заключал хозяйственные научно-исследовательские темы с библиотеками и ЦНТИ. Тогда в сметах расходов госбюджетных организаций, коими явля-

лись и почти все библиотеки, предусматривались в обязательном порядке статьи расходов на научно-исследовательские работы. Стас заключал договор по теме, обычно связанной с механизацией и автоматизацией конкретной библиотеки или какого-либо её участка. На эту тему отводились немалые средства. И начиналось «шаманство». Проводилось так называемое «предпроектное обследование объекта» - первый этап работы. С помощью нас, мэнэ-эсов, лаборантов и студентов-практикантов, собиралась исходная статистическая информация. Её посредством математических методов, коими владели его племянник (ст. преподаватель нашей кафедры В.Т. Сбитнев) и В.П. Лушников, обрабатывали, получали всевозможные таблицы, строили графики, гистограммы, давали текстовые комментарии и выдавали в виде промежуточных отчётов по НИР. А далее – должны были идти разработка этих самых механизированных и автоматизированных участков (отделов) библиотеки и их внедрение. А вот до этого-то, как правило, никогда и не доходило. Сорвав куш на предпроектном обследовании, хозтема либо сворачивалась, либо в следующих отчётах давались весьма туманные рекомендации...

Однако, вернёмся к нашим дипломам. Параллельно с их написанием, уже на последнем курсе Стас решился ещё на один своеобразный тест – проверку нас, дипломников, на педагогическую пригодность. А для этих целей он предложил нам вести некоторые практические занятия у студентов, обучавшихся курсом ниже с последующим «разбором полётов». Это испытание прошли все претенденты довольно неплохо, особенно мы с Грачёвым, поскольку я уже почти год проработал в школе учителем начальных классов, а Володя – почти пять лет преподавал в средних школах уроки пения, прекрасно играя на баяне.

Опыта руководства, написания и защиты дипломных работ не было ни у кого. Что-то там писали, выдумывали, предлагали. А когда дело дошло до защиты, то четверым из нас, явных кандидатов на красные дипломы, поставили по четыре балла. Наши красные дипломы, что называется, накрылись медными тазами. Особенно было обидно Грачёву, ведь за все годы обучения в институте в его зачётной книжке не было даже ни одной четвёрки! А Витю Эрлиха вообще завалили, обязав пересдать это уже в виде госэкзаменов. Но тут была явная интрига между

нашим Стасом и руководителем Вити Эрлиха Н.И. Кудиновой. Чтобы досадить ей, всемогущий Стас отыгрался по мелочному на её дипломнике, в то время, как работа Эрлиха на самом деле была одной из самых сильных. Впрочем, Витя это прекрасно доказал в будущем, став кандидатом, а потом и доктором наук, в то время, как Стас, будучи завкафедрой и её профессором, официально не являлся даже кандидатом наук... Случай для вузовской практики – уникальнейший!

После получения дипломов почти все мы, за исключением Эрлиха, были оставлены в институте на кафедрах, в качестве лаборантов, с перспективой стажировок в Москве или Питере и последующим обучения в целевой аспирантуре.

И уже осенью 1973 года кое-кто отправился покорять столицы. Среди них были Грачёв, Таня Ерёмкина, Юра Ли, а позднее к ним присоединилась и Галя Емельянова (Гордукалова), которой при распределении сразу дали место и должность заведующей нашей институтской библиотекой.

Меня закрепили за лабораторией копировально-множительной техники, которой заведовал Александр Николаевич Потёмкин, старше меня на полтора десятка лет, но сам ещё только студент-заочник нашего факультета. Мы вели с ним попарно практические занятия по техническим средствам, которыми была оснащена лаборатория. Это были уже довольно старенькие копировальные плоскостные аппараты «ЭРА» и «ВЭГА», ротатор, электронно-искровые аппараты «Элика», термокопир и даже ротапринт. Закончив занятия, обычно две-четыре пары, мы с Потёмкиным и ребятами частенько «причались» в этой же лаборатории, играя в шахматы, пивком или чем-либо покрепче. У нас с ним появились карманные непредусмотренные деньги: мы втихушку копировали ноты, прочие текстовые документы, за которые обычно брали 10 копеек за одну страницу-копию. Заказчиков хватало, особенно, когда приезжали на сессии заочники-музыканты. Рядом находилось музучилище, где тоже были востребованы ксерокопии нот. Иногда нам предлагали за эту работу уже натуроплату, опять же в виде спиртного, порой и хорошего – коньяка или невиданного по тем временам шотландского виски. В заглазнике нашей лаборатории всегда стояло несколько бутылок хорошего спиртного.

Вообще, спиртное у нас было неким цементирующим средством кафедрального и даже межкафедрального общения и формирования коллектива. Стас, бывший фронтовик, сам никогда был не прочь выпить «пять грамм». Правда, частенько эти «пять грамм» вырастали в весьма значительные объёмы.

Сколачивая кафедру, Сбитнев подбирал для неё и соответствующие кадры. Поначалу он привлекал для ведения курсов почасовиков-практиков, как правило, своих недавних коллег из ЦНТИ и библиотек. Потом появились на кафедре некоторые преподаватели из КузПИ. Это были В.П. Лушников и М.А. Сивушкин. Уже к нашему выпуску кафедра пополнилась недавними выпускниками пединститута В.Т. Сбитневым (племянник Стаса) и Г.И. Архиповой, окончившей не то столичный, не то Харьковский аналогичный нашему институт (вскоре ставшей женой Сбитнева-младшего).

С появлением на кафедре молодой поросли – вчерашних выпускников нашего института, прошедших стажировки и аспирантуры (Ли Ю.Б., Грачёв В.И., Гендина Н.И., ваш покорный слуга) кафедра набиралась опыта и весомости. Примерно в это же время её пополнили выпускники Кемеровского техникума механизации учёта Владимир Прохорович Дрягин, Владимир Фёдорович Денисов и Галина Фёдоровна Леонидова. Они, обучаясь у нас заочно, уже и сами вели практические занятия по техническим средствам. Долгое время лаборантками кафедры были Нина Ивановна Турдакова, Наталья Владимировна Булычова и бессменно – Наталья Николаевна Окунева, выполняя роль профессиональной машинистки. Коллектив кафедры вместе с лаборантами и завлабами в лучшие времена достигал пятнадцати-семнадцати человек.

К восьмидесятым годам наша кафедра, окрепнув и замазав терев, по многим показателям была одной из лучших не только на факультете, но и в институте! На базе кафедры уже в 1979 году был проведён общесоюзный научно-практический семинар по проблемам автоматизации и механизации библиотечно-информационных процессов, на котором приняли участие преподаватели, учёные и практики Сибири, Москвы, Ленинграда, Минска, Харькова и других городов и регионов. Имя Сбитнева тогда гремело по библиотечно-информационному миру Союза и

котировалось очень высоко, перепадало и нам лучей его славы, впрочем, небезосновательно. Свою лепту каждый из нас в дело кафедры вносил по мере своих сил и возможностей.

Все праздники и многие дни рождения мы отмечали на кафедре вместе, обычно после четвёртой или третьей пары занятий. Сбрасывались на спиртное, немудрящую закуску и устраивали в одной из лабораторий, как правило, капустники – с розыгрышами, представлениями, моей гитарой, баяном Грачёва, песнями и танцами и соответствующими техническими средствами... А как же мы балдели, когда на кафедре появился первый в институте катушечный видеомэгнитофон с видеокамерой! Делали целые «телепередачи», сочиняя и разыгрывая сами же сюжеты с информационными сообщениями... Нашей кафедре в то время могли позавидовать даже массовики-затейники с кафедр факультета КИП. Когда не хватало купленного спиртного, Стас намекал завлабам (Дрягину или Денисову), и те приносили неразведённый технический (довольно качественный) спирт, который в изобилии выдавался нам на кафедру для работы с ЭВМ и копировально-множительной техникой. По прямому назначению использовалось не более десяти-двадцати процентов спирта, остальное, разбавляя и настаивая, выпивали мы сами.

Через пять лет после окончания института наша молодая семья получила наконец-то квартиру, двухкомнатную «улучшенной» планировки в совершенно новом панельном доме по проспекту Химиков. А когда в 1982 году родилась вторая дочь Настя, я снова встал в общую очередь на квартиру, но уже на расширение.

На кафедре я вёл многие курсы, предусмотренные учебными планами и программами – как на дневном, так и на заочном отделениях библиотечного факультета. А когда Стас и кафедра с нашей поддержки решились на подготовку специалистов для автоматизированных библиотечных систем, пришлось осваивать и вести уже оригинальные курсы по спецподготовке и руководить дипломными работами студентов по нашей специализации.

Кафедра из НТИ была переименована в кафедру Автоматизированных библиотечных систем и вычислительной техники (АБСи ВТ), а ещё через некоторое время - в кафедру Техноло-

гии автоматизированной обработки информации (ТАОИ). Как грибы на ней стали появляться доморощенные кандидаты наук: Лю Ю.Б., Гендина Н.И., Сбитнев В.Т., Колкова Н.И., Перевозчикова К.В., Скипор И.Л. Лишь я оставался без степени, да Стас. Но Стас к тому времени уже получил учёное звание ваковского доцента. Я же работу над диссертацией забросил окончательно.

Тем не менее, накопленный опыт преподавателя и куратора студенческих групп, позволил мне согласиться занять в 1987 году место заместителя декана библиотечного факультета по учебно-воспитательной работе. При этом, я выполнял полную учебную нагрузку старшего преподавателя кафедры.

В 1990 году должность замдекана на факультете упразднили вообще. Но в конце сентября я попал на полтора месяца на стажировку в Москву по курсу «Автоматизированный тестовый контроль знаний студентов». Курсы эти проходили при Московском институте нефти и газа им. Губкина. Главным теоретиком тестового контроля был профессор Аванесов А.С. Там же преподавал нам курс «Мат. статистики и доведения тестовых заданий до валидности» Георгий Александрович Сатаров – вскоре занявший должность Советника Президента по социально-экономическим вопросам.

Вернувшись в институт, я стал разрабатывать оригинальные тестовые задания для текущего, промежуточного и даже итогового контроля знаний студентов по своим учебным дисциплинам. Можно сказать, что я был первым, кто грамотно применил тестовый контроль знаний студентов в нашем институте.

А в следующем, 1991 году я принял участие в конкурсе на замещение вакантной должности доцента кафедры и выиграл его у кандидата наук, претендующего на эту должность.

В 1993 году меня избрали неосвобождённым Председателем профкома преподавателей и сотрудников института. Я стал членом Учёного Совета института. На многих заседаниях и собраниях приходилось высказывать своё мнение на те или иные проблемы. Со мною уже считались на факультете и в институте. Без решения профкома и моей подписи не могла быть распределена ни одна квартира. Тогда все квартиры распределялись ещё

бесплатно. Получили новую трёхкомнатную квартиру в апреле 1993 года и мы, уже в новом микрорайоне, именуемом ФПК.

Все мы, бывшие ученики Сбитнева С.А., уже успели достаточно крепко опереться и встать на профессиональное крыло. Однако всё чаще и чаще на заседаниях своей кафедры и обсуждении различных наболевших проблем мы вынуждены были сидеть и отмалчиваться, или молча соглашаться с мнением Шефа. Заседания проходили как монологи Шефа, длившиеся порой по три-четыре часа. Стоило кому-либо из нас сказать что-нибудь в пику Шефу, тот взрывался, словно фугас, и заседание заканчивалось скандалом. При этом, Стас старался всячески оскорбить и показать: кто такой он, и кто такие мы, уничижительно относясь к своим оппонентам.

После одного из таких заседаний, в 1995 году мы собрались в одной из лабораторий кафедры и сочинили коллективное письмо в ректорат с просьбой освободить Стаса от должности заведующего кафедрой. Наше письмо было оглушительным камнем, брошенным в болото! Однако к нашему мнению прислушались, и Сбитнева освободили от занимаемой должности, оставив профессором кафедры. Заведующей до конкурсного избрания назначили Колкову Н.И. Фактически же получилось так, что Стас опять был у руля, поскольку Колкова Н.И. в то время была бледной тенью Шефа.

В этом же, 1995-м, году проводились первые «демократические» выборы нового ректора института, поскольку бывшего ректора Титаренко Е.М. перевели на новую должность - начальника Департамента образования Администрации области. В претендентах на эту должность оказались: к.п.н. Грачёв В.И., к.п.н. Кудрина Е.Л. и доктор философских наук Балабанов П.И. По всем канонам дружбы, я должен был бы агитировать и голосовать за своего студенческого друга Володю Грачёва. Но, зная его взрывной характер и барское отношение к своим подчинённым, я, как Председатель профкома и член Учёного Совета, ему прямо сказал, что голосовать буду за другого, поскольку ему (Балабанову Павлу Ивановичу) я обещал поддержку ещё до того, как Грачёв выдвинул свою кандидатуру.

Многие из нас были уверены, что ректором станет Балабанов П.И. При таком удачном раскладе, мне был обещан пост

декана факультета. А получить звание ваковского доцента, даже без кандидатской степени, при этом не было большой проблемой, поскольку у меня уже была большая педагогическая практика и достаточное количество научных и учебно-методических публикаций.

Выборы ректора на институтской конференции приобрели неожиданный поворот. Кандидатуру Балабанова прямо на конференции вдруг сняли с претендентов, поскольку у него, якобы, не было достаточного стажа руководства коллективом. Администрация области упорно двигала в ректоры Кудрину. Грачёв был заведомо битой картой. Он бы не получил поддержки большинства. Хотя и Кудрину тогда ещё особо никто не знал, она занимала довольно незначительное место в НИСе, которым до неё руководил Грачёв.

После того, как кандидатуру Балабанова сняли с претендентов, его поддержка, в лице меня, зав. кафедрой хореографии Щанкина В.И. и зав. кафедрой режиссуры Штальбаума Ю.К. (всего человек десять делегатов) покинули в знак протеста конференцию. И, похоже, мы просчитались. В ректоры прошла Кудрина. Видя мою антикудринскую политику, она своим клеветам заявила, что Арнаутову в этом институте карьера заказана.

А на следующий год заканчивался пятилетний срок моего избрания на должность доцента кафедры. Я ушёл добровольно с должности Председателя профкома, передав её моему приятелю Князеву Анатолию. На нашей кафедре тоже всё складывалось не очень благополучно, и Стас недвусмысленно намекал, что на очередном конкурсе моя кандидатура на должность доцента кафедры может и не пройти. Психологический климат на кафедре даже и после ухода формально с этого поста Стаса оставался очень напряженным и взрывоопасным. Мы с Юрой Ли всячески агитировали на эту должность Н.И. Гендину, защитившую уже докторскую диссертацию и работавшую проректором по науке, являясь одновременно и профессором нашей кафедры. Но она от такой перспективы всячески отказывалась.

Тогда в конце учебного года, в июне 1996 года 6 человек – два доцента, два старших преподавателя и два завлаба написали заявления об увольнении из института по собственному желанию. Это было явным громом среди ясного неба! Одна из

лучших кафедр института просто разваливалась! Среди подписантов на увольнение были: я, Юра Ли, Лушников В.П., Енина, В.А. Нагорный, И. Левакин... От этого шага меня пытались приостановить, всячески отговаривая, - и мой бывший декан А.В. Циркин, и оба проректора, и многие благосклонные и доброжелательные преподаватели. Я же был решителен. К тому же, если честно признаться, мне уже стала наскучивать эта моя работа. А пребывать всю оставшуюся жизнь в институте вечным старшим преподавателем или «яловым» доцентом уже никак не хотелось. Мало того, время диктовало и новые условия. Кафедра оснащалась новым оборудованием, персональными ЭВМ, компьютерами. Прежние технические средства безвозвратно устаревали и выбывали напрочь из обращения... Целые ряды традиционных учебных курсов тоже устаревали, нужно было разрабатывать новые. А с появлением в обиходе Интернета – вообще очень многие проблемы библиотечно-информационного сервиса, особенно фактографического поиска, полностью вытеснили традиционные библиотечно-библиографические технологии.

Была и ещё одна причина расставания с институтом: в те смутные времена из зарплат преподавателей исключили все добавки и доплаты, оставив лишь голый тариф ЕТС (у меня был 13-й разряд ЕТС), равнявшийся зарплате дворника и в два раза меньше зарплаты сторожа или охранника. Вузовского преподавателя не ставили буквально ни во что, вытирая об него ноги...

Так в конце июня 1996 года я оказался вне стен института. И, видимо, не совсем напрасно.

Ох, рано встаёт охрана...

*Если рядом воробей –
Мы зарядим пушку,
Если муха – муху бей,
Взять её на мушку!*

(Песенка из мультфильма «Бременские музыканты»)

Вторая половина девяностых постылых годов прошлого столетия явилась, если и не снегом на голову во время ранней осени, то уж и далеко не бабьим летом для нашей страны. Многие из нас, её рядовых и законопослушных граждан, всё ещё верили, что распад Советского Союза - этого незыблемого колосса

на одной шестой территории земного шара – лишь кошмарный сон, который вот-вот закончится и всё пойдёт по-старому. Увы, не пошло и не вернулось.

Повсеместный развал, бессовестное разворовывание и растаскивание всего, что можно было украсть – так цинично провозглашенное новым «всенародным избранником» Борисом Ельциным – делали своё чёрное дело.

Закрывались тысячи предприятий, шахт, заводов, НИИ, лабораторий, строительных организаций. Квалифицированные и опытные специалисты, так необходимые ещё совсем недавно, оказывались не у дел, их просто выставляли за порог. Повсеместный локаут профессиональной рабочей силы и творческой интеллигенции, словно весеннее наводнение, ежечасно полнил растущую армию безработных. Делалось это на фоне беззастенчивого обогащения хапуг и рвачей, как правило, ещё вчерашних идеологов и руководителей советской власти, КПСС и комсомола. Они-то своего не упускали и не хотели упускать.

И уже шёл процесс активного криминального передела нахапанного. Повсеместно полнились лишь ряды воров и охранников. Всякое мало-мальски выжившее или вновь созданное предприятие, офис или фирма-однодневка взяли за моду и хороший тон создавать у себя в структурах охранные службы.

Вот и потекли отовсюду бывшие рядовые шахтёры и инженеры, химики-технологи, строители, производственники, оставшие военные и изгнанные со службы спившиеся и обнаглевшие милиционеры, преподаватели школ, техникумов и даже доценты вузов в эти самые охранники. Всё-таки там платили, хотя и с большими задержками, но более-менее приличные зарплаты. Многим надо было не только кормить свои семьи и себя, но и где-то и как-то дорабатывать свой пенсионный стаж. Мне к тому времени исполнилось 45 лет, до официальной пенсии оставалось ещё 15 годков.

Кадры охранных структур многих контор, офисов и чудом выживших предприятий оказывались самыми образованными, в них сосредотачивались до 75 процентов людей с высшим образованием, ставших никому ненужными. При этом, низкоквалифицированный труд охранников, по сравнению с профессиональным образованием и прежними должностями, в

большинстве случаев приводил к тому, что эти люмпенизированные вчерашние специалисты просто-напросто спивались и деградировали на глазах. Их выгоняли с одной «работы» за пьянство и прогулы, они тут же переходили в другие охранные организации. Текучка кадров доходила до 40-50 процентов в году.

Так было и там, куда попал я, в «Водоканале», преобразованном позднее в ОАО «КемВод».

А случилось всё следующим образом. Один мой приятель, Алексей Подаруев, бывший преподаватель культпросвет училища, устроившийся на работу дворником в наш ЖЭК на ФПК, чтобы получить квартиру дочери, ещё и подрабатывал охранником в «Водоканале»: сутки на охране, трое – свободен. Мало того, он «заболел» и ещё одной «болезнью», которой был безнадежно «болен» и я с раннего детства – рыбалкой.

В мае-июне того года рыбка в нашей Томи ещё водилась немалая. Туда из Оби зашли крупные лещи и даже судаки. Ночные уловы составляли порой по пятнадцать-двадцать килограммов. Рыбку девать было некуда, холодильники были забиты, каждодневное домашнее рыбное меню уже изрядно надоедало. Приходилось, смилив гордыню и стыд, стоять где-нибудь в людном месте и продавать свои уловы, тем самым добывать для семьи ещё и наличные деньги.

Так вот, этот самый Алексей, частенько заплывал с вечера вместе со мной в Берёзово на ночную рыбалку, но утрами я его почти никогда не видел, он исчезал. Позднее выяснилось, что он к утру просто сплавлялся вниз по течению Томи на лодке до «Зелёного острова», где с восьми часов заступал на суточную службу, приняв стакан водки и завалившись спать.

Когда я посетовал на то, что собираюсь уходить из института, он мне тут же предложил поступать к ним на службу охранником, назвав сумму зарплаты, в два раза превышающую мою доцентскую ставку по 13 разряду ЕТС.

Когда я спросил, а как туда попасть, он ответил, чтобы я брал с собой литряк водки и парочку свежих лещей, кило по два. Так я и сделал. На следующий день он привёл меня к начальнику службы охраны Бровкину Юрию Ивановичу, бывшему подполковнику-пограничнику. Смотрины состоялись. Бровкин ска-

зал, что охранники им нужны, чтобы я проходил медицинскую комиссию, писал заявление о приёме на работу и с трудовой книжкой приходил к ним на службу уже желательно 2 июля.

Так я и сделал. Уволившись 1 июля из института, 2 июля 1996 года я уже был на первом суточном дежурстве на, так называемой, Основной базе «Водоканала», располагавшейся по улице Волгоградской, 47 - в сторону совхоза «Суховский».

Первые суточные стажёрские дежурства на проходной и на машинных воротах меня просто шокировали своей примитивной монотонностью и однообразием. Время тянулось потрясающе медленно, я делил прошедшие часы на суточные части: одна восьмая, одна четвёртая, половина, никак не мог дождаться окончания службы. Ко всему, внутри меня просто червоточила мысль: «Куда ты попал, Виктор Степанович? Чем ты, вчерашний доцент и замдекана, занимаешься?! Да это же – полнейшая деградация!!!»

Видя мою маету и какую-то внешнюю неудобицу, Юрий Иванович Бровкин предложил мне примерно через месяц перейти на «Зелёный остров» - новый «посёлок» коттеджного типа, который строил «Водоканал» для своих служащих на бывшем совхозном поле, недалеко от берега Томи. Там было поспокойнее и подальше от множества людских глаз. Гораздо реже туда навевывалось с проверками и наше начальство, особенно в ночное время.

А возглавлял в то время «Водоканал» опытный хозяйственник, но очень жесткий человек, Владимир Андрианович Усольцев. За любой прокол он мог тут же уволить с работы – будь ты охранник, слесарь-аварийщик, машинист насосной станции или даже классный зуботехник-стоматолог. Его все боялись, как огня. Но при нём был и порядок, при нём зачуханный городской «водоканал» на глазах превращался в технически оснащённое передовое акционерное предприятие. В его штате работали даже порядка 6-7 кандидатов наук. У «Водоканала» имелся свой профилакторий «Водолей» - со стационаром и с отличным стоматологическим кабинетом, где зубы лечили всем работникам, включая и охрану, бесплатно. Вот он и начал строить своим служащим новые трёхуровневые коттеджи (по плану на 20 гектарах земли, около 90 штук) на несколько обособлен-

ной территории - силами РСУ, являющимся структурным подразделением «Водоканала». При нём же начали строить и цех розлива чистой воды и итальянскую линию сладкой газировки под названием «Галинка».

Строящийся «Зелёный остров» охраняли три охранника с собаками и начальником караула. Начкаром там, сначала сменно-общим, был Котовщиков, потом его сменил Иван Михайлович Зайцев, работавший ранее начальником цеха, не то на «Азоте», не то на «Химпроме» или «Коксохиме». Зайцев приезжал к нам по будням на пересменок и появлялся иногда минут на двадцать-тридцать, под окончание смены эрсэушников, чтобы с ними же и уехать на служебном автобусе домой. Особо нам он не докучал. В своей смене я числился старшим охранником. И мы, охранники, с наступлением ранней зимней темноты и окончанием работы строителей, обычно заваливались спать в своих сторожевых будках, лишь изредка делая обходы территории и делая пометки в журнале обходов, находящемся на первом посту. Особенно спокойно бывало зимой, когда все подступы к посёлку были заметены глубочайшими снегами, и попасть туда можно было только одной дорогой через первый пост. Беспокойство начиналось с таянием снегов, и особенно летом, куда просто стекались как паломники отдыхающие горожане, стремящиеся к Томи и на её берега. Случались и хищения стройматериалов, порой и не без участия охранников. Ограждения по периметру не было, имелся лишь небольшой ров, который можно было без особого труда преодолеть любому злоумышленнику. Так, уже едва ли не в первое моё дежурство ко мне подкатил мотоциклист с коляской, предлагая продать ему несколько десятков кирпичей. Я, естественно, оказал ему. Бывали и угрозы в наш адрес. А однажды, будучи в будке на третьем посту, по мне стреляли из мелкашки. Слава Богу, мимо...

Свободного времени было завались.

Кое-кто увлекался спиртным. Однажды, после дня рождения нашего приятеля, я пришёл на службу с глубочайшего похмеля, прихватив с собой по пути в киоске ещё трёхсотграммовую баночку водки. Впив её, я снова оказался пьяным. Завалился прямо днём спать. И едва не попался проверяющему. С тех пор я взял для себя за правило: на службе – ни грамма. И следо-

вал неукоснительно этому правилу все последующие пятнадцать лет! Так что все уже знали, что поймать меня пьяным во время дежурства – невозможно по той причине, что я никогда на службе не выпиваю! Знали это и все рабочие, поначалу неоднократно предлагавшие мне выпить с ними. Я отказывался, называя причину. И те, понимая, вскоре перестали мне предлагать выпить с ними в рабочее время.

Избыток свободного времени и дефицит привычной для меня социосреды привели к тому, что я начал писать. При этом, частенько делал это прямо во время дежурств, находясь на постовых вышках. Вдохновение накатывало как днём, так и ночами. Время за этим занятием пролетало быстро. Мои дежурства уже не казались такими обременительными, как это было вначале...

Отработав на «Зелёном острове» около трёх лет, когда начали уже заселять коттеджи, охранников там стали сокращать и переводить на другие объекты «КемВода». Тогда я оказался на «Зоне А», что располагалась по улице Терешковой и пересечении проспекта Химиков. Там находились резервуары с запасами чистой питьевой воды для города и мощная насосная станция. Там же базировались и аварийщики со своей техникой и складами запчастей и материалов. Почти три года проработал я и здесь. Помимо этих объектов пришлось охранять и основной водозабор, что находился на берегу Томи в районе Металлплощадки, и на цехе розлива - «Талинка», бывать и на других объектах.

А с июня 2003 года меня перевели на Городские очистные сооружения – уже в качестве начальника караула, где я и проработал до самого увольнения 8 лет. В моём карауле числились три охранника (иногда бывало и по четыре) и три сторожевые собаки. Состав караула менялся довольно часто. Но дольше всех я проработал с Александром Лыковым и Александром Александровым, даже подружившись с ними.

Со всеми остальными охранниками и сменными начальниками караулов отношения были весьма сдержанными, если не сказать натянутыми. Дело в том, что начкарами назначались, как правило, бывшие менты или гуиновцы – народ весьма подленький, придирчивый, мелочный, готовый в любую минуту подставить тебя, выгораживая себя или сваливая на тебя свои проколы и косяки по службе.

После Ю.И. Бровкина некоторое время начальником СБ работал В.И. Чехлатов, отставной армейский подполковник, которого вскоре сменил Сергей Фёдорович Шкрылёв – армейский капитан запаса.

Будучи сам любителем выпить, Шкрылёв стал закручивать гайки в отношении выпивох, и особенно в рабочее время. За малейший прокол и уличение в выпивке, а также сон на посту, как правило, следовало увольнение. В его подчинении находились не только вчерашние рядовые и сержанты со старшинами, но и немалое количество отставных майоров, подполковников и даже полковников. И всех он строил в один ряд! Не давал спуска никому. Беда была тому, кто прокалывался по службе. Его фамилия склонялась ещё с полгода на ежемесячных скучнейших и однообразных обязательных собраниях личного состава. Этот человек попадал под опалу. Так случалось и со мной, пару раз, когда я пытался после подставы показать, что я не из тех, на ком можно срывать свои накопившиеся негативные эмоции. Правда, бывали случаи, когда я получал даже благодарственные грамоты и письма за примерную службу – вплоть до Губернаторских. Не говорю уже про ежемесячные премиальные. И немалые.

Однако, видя, как быстро и стремительно растёт армия охранных по всей России, вскоре опомнились и менты с государственными чиновниками. Ведь с этой армии вчерашних профессиональных военных, и даже бывших коллег-ментов и прочих деклассированных специалистов, подавшихся в охранники, можно было срубить, ничего не делая, очень даже приличные деньги!

Чиновники стали разрабатывать поспешные и не очень продуманные инструкции и статьи законов – об охранной деятельности, о служебном оружии и спецсредствах. И вот тут-то закончилась вольная жизнь охранников.

Теперь уже нужно было проходить обучение на охранника, получать лицензии на охранную деятельность, разрешение на служебное оружие и спецсредства и сдавать ежегодные квалификационные экзамены и зачёты. И всё это делалось обычно за счёт самого охранника, а не предприятия, где он работал. Сначала сдавали экзамены и зачёты в лицензионно-разрешительном отделе УВД устно, и лишь те, кто имел дело на

объектах с оружием. Потом обязали сдавать и всех начкаров. А поняв халявную дармовщинку – и всех прочих охранников поголовно. Перешли на тестовую форму сдачи экзаменов и зачётов. Тестовые задания были разработаны так безграмотно и примитивно, что мне, прошедшему в Москве курс по педагогическому тестированию, все эти огрехи были видны очень даже хорошо. Но – мои знания и навыки были никому ненужными и переубедить кого-либо в некачественности (невалидности) тестовых заданий было просто бессмысленно! Мало того, нужно было ещё и сдавать стрельбу из пистолета Макарова – по движущимся и неподвижным мишеням с разного расстояния. И, если я сдавал все тестовые задания, выучив «правильные» ответы, без проблем, то стрельба стала меня огорчать. Раньше я всегда (особенно во время действительной службы) стрелял неплохо, даже с отличием. Тут же, волнуясь, стал мазать. К тому же стали подводить зрение и дрожание руки. Пришлось однажды даже оплачивать стрельбу повторно...

Структура и численность нашей службы безопасности стала резко расти и меняться. Появилась группа оперативного реагирования, которая не столько реагировала на помощь на объектах, сколько занималась проверкой несения службы на постах и особенно в ночное время, разъезжая на специальных машинах. Мало того, оперативных дежурных обязали проверять знание охранниками статей законов наизусть. Особенно это любили делать сам Шкрылёв и особо ретивые опера. И многие охранники, волнуясь, не могли наизусть быстро и без запинок и искажений воспроизвести содержание спрашиваемого материала. Тогда доставалось и самим охранниками, и начкарам – за слабую подготовку своих подчинённых. Вплоть до снятия какой-то части премии.

С переходом на Городские очистные сооружения (ГОСК) и на должность начкара, у меня появилось гораздо больше ответственности и стало меньше времени писать во время службы. Зато я начал приносить на службу целые кипы рукописей, которые мне давали на чтение и рецензии в редакции нашего журнала «Огни Кузбасса» и Союзе писателей.

Где-то в начале 2008 года нашу службу безопасности вывели из структурного подразделения ОАО «КемВод» и сделали

из неё ЧОП (частное охрannое предприятие), которое возглавил Тимошкин, а Шкрылёв стал его замом.

Постоянное пребывание «под Дамокловым мечом» со стороны начальства нашего ЧОПа день ото дня делало службу всё тягостнее и невыносимее. На каждом собрании тебе напоминали, что ты ешь чужой и дармовой, неотработанный хлеб. Закручивались гайки всё туже и со стороны системы выдачи лицензий и приёма экзаменов. Нужно было вновь проходить оплачиваемую переподготовку, сдавать экзамены и получать удостоверения нового образца охранника 6-го разряда. Всё это стоило порядка 5-6 тысяч, при месячной зарплате в 12-13 тысяч рублей. К тому же, приближалось время выхода на пенсию, то есть моего 60-летия...

И я принял решение: уйти на пенсию. Уведомил об этом начальство и, переработав лишь две смены после своего юбилея, уволился из ЧОО «СБ СКЭЖ» 2 июня 2011 года. Что самое обидное, при увольнении и выходе на пенсию, мне никто не сказал даже спасибо за 15 лет службы в охране. Уж кому-кому, а Шкрылёву-то было это очень даже хорошо известно. К тому же, я никогда не числился среди самых плохих начкаров и охранников. Не выдали мне даже хотя бы какую-то бумажку в виде Грамоты или Благодарственного письма, ни рубля вознаграждения сверх положенной отработанной месячной зарплаты начальника караула. Обидевшись, я передумал делать даже отвальную «полянку» с нашим начальством. Правда, мои ребята из караула всё же проводили меня.

Ну, и на том спасибо... Всё, всё, с охраной покончено, как когда-то и с работой вузовского доцента... Уходя, уходи – это я взял за принцип!

Алгебра родства, или за пределами семейного круга

*Родно не выбирают
(народная мудрость)*

Как ни странно, но эту главу я писать не намеревался, и получилась она по времени написания этих биографических заметок самой последней. Когда я стал собирать и работать над

материалами родовой ветви моей второй половинки, понял, что не имею права хотя бы коротко и обзорно не написать о тех её родственниках, с которыми мне пришлось сталкиваться на протяжении многих лет нашей с Людмилой семейной жизни.

По сути дела все её родичи – это её весьма богатое приданное, с которым она вошла и в мою жизнь.

Мало того, все они имеют теперь самое непосредственное и прямое родственное отношение и к нашим детям – Ярославе и Насте, а также уже и внукам – Николке и Алёне, которым приходятся они: дедом и прадедом, бабушкой и прабабушкой, родными, двоюродными и троюродными тётями и дядями, двоюродными и троюродными братьями и сёстрами...

А начну с Михаила Николаевича и Полины Фёдоровны Великосельских – моих тестя с тещей. Познакомились мы с ними ещё до нашей свадьбы, когда после осенних работ 1971 года, на октябрьские праздники я рискнул поехать в Ижморку, будучи потенциальным женихом и мужем Людмилы. Наверное, это можно назвать смотринами. По-моему, смотрины получились, и мы оставили друг о друге вполне приличные впечатления. По крайней мере, я потом слышал неоднократно, что Полина Фёдоровна одобрительно отозвалась обо мне и выборе своей дочери. Тогда же я впервые увидел и брата Людмилы – Виктора, который был уже женат на Галине и имел двоих детей – Мишу и Олю.

А в мае 1972 года у нас была свадьба – сначала студенческая, а потом и дома у Великосельских, в Ижморке. Я очень стеснялся и не знал, как мне называть будущих тестя с тещей. Поскольку у меня к тому времени уже не было отца, а по традиции - отца жены у нас принято было называть папой, то я несколько раз пытался буквально выдавить из себя это слово в отношении тестя.

Выручил Михаил Николаевич, отозвав меня в сторонку, сказал, чтобы я не мучился и называл их по имени и отчеству. Немного всё же обидевшись, так и повелось. Пожалуй, это была единственная обида с моей стороны в отношении моего тестя. С ним у меня сложились самые добрые и взаимоуважительные отношения. В моей памяти он остался довольно грамотным человеком, не смотря на то, что образования у него было не ахти

какое. Зато всяких курсов повышения и переподготовки за свою жизнь – он назаканчивал, пожалуй, на целый институт. Имел неплохую память, очень много выписывал и читал периодики. И что самое интересное - на всё имел весьма трезвое собственное аргументированное суждение и мнение! Хорошо разбирался не только в сельском хозяйстве, управлении, но и в политике и даже геополитике... Несколько раз избирался депутатом Областного Совета Кемеровской области и членом Обкома КПСС. В общем, был очень и очень уважаемым человеком.

О своём военном прошлом вспоминал не очень часто и не с большой охотой. По крайней мере, особого геройства в его рассказах не было. Чаще рассказывал о каких-нибудь обыденных военных историях, эпизодах и мелочах... Опять же не акцентируя, вскользь, иногда упоминал о своих военных ППЖ, от одной из которых, якобы, у него даже был сын...

Военные награды, коих у него было довольно много, в том числе и три ордена, а также несколько медалей ВДНХ – за достижения в мирное время, носил не очень часто, заменяя их орденскими планками на праздничном пиджаке.

Много лет спустя, мне неоднократно приходилось слышать лестные отзывы о нём от родни и от сельчан, как о строгом, но очень умелом и авторитетном председателе колхоза! Как о лучшем из всех председателей – до него и после – в колхозе имени Жданова. В советские времена и председательства в нём Михаила Николаевича - это был один из показательных колхозов области, куда не гнушался приехать и сам Первый секретарь Обкома партии А.Ф. Ештокин! Да ещё и гостей понавести - для показа и обмена опытом.

Любил тесть сам выпить и других угостить. На спиртное был очень крепким, а дойдя до кондиции, на автопилоте, всегда собирался идти домой, даже если сам в это время находился дома... Да, почти всех людей он называл уважительно, чаще всего по имени и отчеству, в том числе своего родного брата, сестёр, сына, шуринов, свояков и, конечно же, меня.

С тещей, Полиной Фёдоровной, мне не довелось пообщаться много, так как вскоре после нашей свадьбы почти сразу же она заболела тяжёлым и неизлечимым недугом – раком желудка. И ровно через четыре месяца после нашей свадьбы её не

стало. Но и за это незначительное время у меня осталось о ней хорошее впечатление, как о порядочной, умной, заботливой и деликатной женщине.

Без преувеличения скажу, что **меня приняли почти все родственники Людмилы очень даже хорошо и доброжелательно!** Только добрых слов заслуживает трудяга и гостеприимный человек – дядя Федя, брат тестя – Фёдор Николаевич Великосельский. Бывая в гостях в Берикуле, редкий случай, чтобы мы не зашли к нему в дом. А попав туда, никогда не обходилось без хлебосольного застолья и рюмки-другой горячительного – для разговора... Дядя Федя, несмотря на свою малограмотность, был весьма тактичным человеком и большим тружеником. Это ему в своё время был доверен едва ли не первый в колхозе самоходный комбайн. В пенсионном возрасте держал скотину и пчёл. Более сдержанной была его жена – тётя Зина (Зинаида Андреевна, бывшая сельская учительница). Но и она относилась ко мне всегда благорасположенно.

На торжествах и юбилеях приходилось неоднократно встречаться и общаться почти со всеми взрослыми детьми дяди Феди – Александром, Володей, Тamarой, Ниной, Светой...

Чаще других тёток Людмилы по отцу мне доводилось видеться с тётёй Паруней (Прасковьей Николаевной) Семенистовой – очень живой, общительной, не без юморинки, и даже некоторого ироничного отношения к себе и другим. Её дом, как и дом дяди Феди, (а они стояли рядом), для нас был всегда открыт, и в нём всегда находилось для нас угощение! Случалось, она принимала мою сторону в мелких семейных конфликтах между мной и Людмилой. В здравом уме и памяти дожила она едва ли не до ста лет. Встречаемся и общаемся и с её детьми – Марией Красновой, Фаиной Гавриленко. Уже нет в живых хлебосольной (в мать) Антонины Петровны и шебутного (в отца) Михаила Петровича. Зато частенько видимся с сыном Антонины Петровны – Александром Михайловичем Вичкановым, живущим в Кемерово, неподалёку от нас.

Ещё одной долгожительницей оказалась и тётя Стюня (Тася, Анастасия Николаевна), жившая в Мариинске. И с ней не очень часто, но встречались на семейных праздниках, бывал не-

сколько раз и у них дома. Виделся и общался с её мужем Степаном Егоровичем и детьми - Николаем и Фаиной Истоминой.

Замечательна фотография в нашем семейном архиве. На ней вместе запечатлены на 80-летнем юбилее Михаила Николаевича, уже больного, все четверо. А моложе его был лишь дядя Федя.

Несколько раз виделся и с самой старшей сестрой тестя – тётёй Надей Густап и её мужем – дядей Пашей, жившими в Анжерке. Некоторым особняком стоит в этом круге двоюродный брат Людмилы Николай Порфирьевич Великосельский – единственный сын погибшего на войне брата тестя - Порфирия Николаевича. Лиха ему досталось в безотцовской жизни и сиротстве предостаточно. Лишившись отца, по сути, и не помня его, детство Николая было связано с бабушкой по материнской линии. Правды ради, и отцовская родня не гнушалась им, чем могла, помогала. Женившись на учительнице Августе, сельский кинемеханик стал подтягиваться до её уровня образованности.

В итоге закончил заочно Новосибирский институт, уже в зрелом возрасте, работал на ОбГЭСе в автопарке, занимая хорошую должность. Вырастил детей, одна из которых, Людмила, ставшая кандидатом наук, уже лет пятнадцать, как после Новосибирского Академгородка обосновалась со своей семьёй аж в Австралии. Не имея своих родных братьев и сестёр, Николай Порфирьевич до сих пор всегда рад общению с двоюродными, в том числе и со мною... Непременно приезжал на все юбилейные торжества своих дядей и тётушек, а так же и проститься с ними в самый последний раз...

Особую симпатию у меня всегда вызывала старшая из тёток Людмилы **по материнской линии** – тётя Лиза (Елизавета Фёдоровна Овчаренко). Я её называю нашей свахой. А получилось так. Осенью 1971 года, в начале третьего курса института, мы были на сельхозработках на станции «Берикульская» (деревня Красные Орлы). Как раз там-то и проживала тётя Лиза с дядей Гришей. Однажды дождливым и промозглым вечером мы с Людмилой подались к ним в гости. Познакомились, поужинали, выпили, как и полагается, попели песни под гитару. В общем, тётё Лизе и её мужу Григорию Даниловичу я показался. Мы собирались, было, в свой лагерь, но она нас отговорила, сказав,

что идти далеко, уже поздно, темно, грязно, и по пути нас могут подловить местные ребята. А от такой встречи ничего хорошего ожидать не приходилось. Вот она и оставила нас ночевать у себя, в боковушке, постелив вместе... В общем, после такого доверительного отношения родни моей будущей половинки, мне ничего не оставалось, как сделать Людмиле предложение.

Всегда доброжелательно ко мне относился и муж тёти Лизы – дядя Гриша (Григорий Данилович Овчаренко), работавший в то время, кажется, управляющим отделением совхоза, и не без его участия я тогда организовал там с ребятами строительную бригаду (отряд «Арчекас»).

Той же осенью познакомился я там же и со старшим сыном тёти Лизы – Юрием – скромным и немногословным парнем-механизатором, а также с её младшей дочерью – ещё школьницей Светланой.

Удивительные иногда переплетения и сюрпризы преподносит нам жизнь. Мы уже жили с Людмилой и дочерью Ярославой в новой квартире, на проспекте Химиков. И вот к нам в гости вдруг нагрянули моя младшая сестра Раиса и двоюродная сестра Людмилы (дочь тёти Лизы) – тоже Людмила (Новоженникова). Оказывается, они обе заочно учились в одном техникуме (Кемеровском кооперативно-торговом, на бухгалтеров), случайно встретились и познакомились в одной комнате общежития, будучи на сессии. Там-то и выяснили, что у них имеются общие родственники.

За время нашей супружеской жизни приходилось неоднократно бывать в гостях и на юбилеях у тёти Лизы и дяди Гриши. И всякий раз встречали там нас очень тепло и радушно!

Ещё одну тётку Людмилы – тётю Дусю (Евдокия Фёдоровна Попович, надо же, день рождения-то у неё, как и у моей мамы, на святую Евдокию – 14 марта) я знал менее всего. И не потому, что там не привечали нас. Просто не получалось видиться с ними чаще, так же, как и с её детьми – Ниной, Виктором, Сашей и Иринкой. Правда, Саша несколько раз приезжал в Кемерово и останавливался у нас, а вот с Виктором, который живёт в Новосибирске, я так ни разу и не виделся, знаю лишь понаслышке.

Зато дольше всех её тёток длится наше знакомство (и родство) с самой младшей – Валентиной Фёдоровной Ивановой (не знаю, почему, но я ни разу не назвал её тетей Вале́й, только по имени-отчеству). Может быть потому, что её образование и занимаемые должности требовали называть её так. Изначально – школьная учительница, в конце трудовой биографии – зав. организационным отделом Тяжинского райкома партии. К сожалению, бывать у них в Тяжине мне приходилось редко, зато она бывает у нас (и до сих пор) довольно часто. И ни разу у нас не было повода остаться друг другом недовольными. Общительная, грамотная, деликатная, гостеприимная, заботливая, радушная – вот далеко не полный перечень эпитетов её нрава и поведения. Мало того, ей удаются ещё и стихи. С пятюк из того, что мне приходилось читать и слушать, можно без стеснения порекомендовать и для печати.

Её старшая дочь – Галина Алексеева Сошникова в студенческую пору была у меня на глазах: училась в КемТиППе, частенько заходила к нам, и даже какое-то время жила у нас на квартире. Общительная, со своим мнением. Перед выходом на пенсию много лет проработала в районной Администрации Тяжина. Её второй муж – Александр Сошников, офицер МВД, увлёкся коллекционированием музейных раритетов. Его домашней коллекции может позавидовать любой нумизмат! Есть и редкие картины, оружейные экспонаты и многое-многое другое.

У них – трое детей: Алексей (от первого брака) – ныне заведует секцией хореографии в Кемеровском колледже культуры. Средний сын Павел – певец, уже лет семь является участником (и даже солистом) хора имени Пятницкого! Объехал с прославленным коллективом и концертами полмира! Младшая дочь Екатерина в этом году окончила Кемеровский сельхозинститут.

Младший сын Валентины Фёдоровны и Алексея Васильевича Ивановых - Владимир после окончания военного училища в Новосибирске и военной академии, до выхода на пенсию служил в Омске. Подполковник в отставке.

Ну, вот, дошла очередь и до брата и сестёр Людмилы.

Прежде всего, немного о брате, Викторе Михайловиче. Они с Людмилой – почти погодки, правда, от разных матерей. Родная мать Виктора, а также старших сестёр Валентины и Раи-

сы, умерла почти сразу же после его рождения. Вот и пришлось моей теще, Полине Фёдоровне, вышедшей замуж за Михаила Николаевича, заменить ему мать. С Виктором, его женой Галиной и детьми – Мишей и Ольгой - приходилось видеться довольно часто в первые годы нашего семейного союза, у них в Ижморке. Пока они не переехали в Иркутскую область, сначала на станцию Речушка, а затем в городок Железногорск. Виктор был человеком, хотя и весьма общительным, но, как говаривают, не без хитринки и себе на уме. Очень остроумен, за словом в карман не лазил. Реакция была мгновенной. «Отбрить» мог любого. Всю жизнь проработал шофёром, технику знал на зубок. Умер от рака, едва выйдя на пенсию. Его жена Галина Николаевна, начав свою карьеру школьной учительницей немецкого языка, позднее заочно окончила в Ленинграде высшую школу профсоюзного движения. В последние годы работала в Администрации (кажется, заместителем главы) города Железногорск.

Старшая сестра Людмилы по отцу – Раиса Михайловна Великосельская-Татаркулова. Уехала ещё в молодости в Краматорск. Там окончила торговый техникум и вышла замуж за Сергея Татаркулова – карачаевца по национальности из старинного княжеского рода. Долгое время работала в торговле. Во времена тотального дефицита, работая на торговой базе, доставала и нам дефицитные товары (ковры, обувь, сорочки, платья, детские вещи и т.п.). Её муж - Серёжа (так звали все его, в том числе и я) работал инженером на НКМЗ, был очень деликатным и спокойным, уравновешенным интеллигентным человеком. Своим княжеским титулом и происхождением среди нас никогда не кичился. После развала СССР переехали на Кавказ, поближе к Родине, в Черкесск. Там и умер, а вслед за ним – и Раиса. Похоронены на местном мусульманском кладбище.

У Раисы и Сергея было двое детей: сын Анзор и дочь Фатима. Виделся с ними несколько раз в Краматорске и Кемерове, ещё в их юную пору.

Следующая из сестёр Людмилы по отцу – Валентина Михайловна Сверкунова родилась в тот день, когда отца призвали в армию, в 1940 году. Рано вышла замуж, уехав на Украину, в Краматорск. Работала почти всю жизнь сварщиком на крупнейшем заводе Краматорска, выполняя оборонные заказы. Как и

брат, невероятно юморная, остроумная и находчивая, жизнерадостна и жизнелюбива и жизнерадостна. Хотя жизнь была не из лёгких, с раннего детства: отец восемь лет пробыл на фронте и в армии, потом умерла родная мать... Рано потеряла мужа Владимира. Один сын – Игорь (которому недавно исполнилось 50 лет, живёт и ныне в огненном непокорном Краматорске Донецкой области). Двое внуков, уже взрослых: Богдан и Ярослав. Уже более десяти лет Валентина живёт в станице Привольная на Кубани, выйдя замуж (уже в третий раз) за Николая Ильича Гончаренко.

И, наконец, младшая, родная сестра Людмилы – Надежда Михайловна Кириенко. С нею мы общаемся больше и чаще, чем с остальной роднёй. Знаю её ещё с дозамужних времён. Был у неё и на свадьбе, в феврале 1973 года. Выйдя замуж, некоторое время она с мужем Виктором жила в Ижморке. Работала в райкоме комсомола. Потом судьба занесла их к старшим сёстрам – в Краматорск. Оттуда – в Ангарск. Живя в Ангарске, училась заочно и окончила наш институт, библиотечный факультет. В Ангарске работала в книготорге, в букинисте. Хорошо знает литературу и книгу. Была знакома со многими иркутскими писателями. После Ангарска судьба занесла их в Прокопьевск, куда пришлось забрать и парализованного отца.

Отстроили свой большой дом в Берикуле, на своей родине и жили там, перевезя туда из Прокопьевска и большого отца. Почти десять лет (до самой смерти отца) Надежда и её семья ухаживала за ним, парализованным и практически неговорящим. Одновременно, до выхода на пенсию работала в местной восьмилетней школе – учителем-универсалом, ведя уроки по различным предметам – от истории и географии и, едва ли, не до математики.

Её муж – Виктор Григорьевич Кириенко – хозяйственный здравомыслящий человек. Не имея большого образования, он – человек практической сметки, отлично знающий и понимающий сельскохозяйственную технику: трактора, комбайны, автомашины. Во время Чернобыльской аварии на полтора месяца, как классный экскаваторщик, был командирован из Ангарска от министерства среднего машиностроения (оборонной промышленности) на ликвидацию последствий. Как чернобылец, имеет льготы и хорошую пенсию. В деревне держит всевозможный

скот, птицу, кроликов, большую отличную пасеку. Заядлый охотник и рыбак.

На протяжении длительного времени видимся с ним довольно часто, бывая и у них в гостях, и в Кемерове. Ни разу не было повода для ссор и принципиальных разногласий.

Отличные отношения у меня сложились и с его родителями - Григорием Артемьевичем и Екатериной Даниловной Кириенко. Бывая в Берикуле, непременно захожу к хлебосольным и гостеприимным дяде Грише и тётке Кате - попроведать. И не было случая, чтобы ушёл от них без угощения... А ещё остались в памяти хлеба, что выпекала тётя Катя – румяные, пышные, высокие вкуснющие караваи...

У Надежды и Виктора – двое детей – Василина и Артём.

Василина в своё время окончила наш институт, работала в библиотеке, в училище связи. От первого брака – сын Никита, оканчивает школу. От второго брака – трое детей: сын Данилка и близняшки – Костя и Варя. Второй муж – Сергей Ли (наполовину, по отцу – кореец) – полковник в отставке. Служил до расформирования Кемеровского военного училища связи в нём, преподавая военные дисциплины, кандидат наук. В настоящее время – декан экономического факультета РГТЭУ.

Сын Надежды Михайловны Артём Викторович Кириенко окончил Кемеровское высшее командное училище связи. Служит в Подмосковье, в космических войсках. В настоящее время в звании майор. Женат. Имеет двоих детей: дочь Полину и сына Григория.

Вот такой он, второй круг, наших ближайших родственников...

Одна, но пламенная страсть...

*Снова май изумрудной стопой
Марафонский взял старт к октябрю.
Ну, а я – в рыболовный запой,
И всё прочее – по фонарю!
(Виктор Арнаутюв)*

Ну, вот, настала пора написать и о своих любимых занятиях, или, как принято говорить, хобби. Их у меня не так много, но все они длительно-устойчивые. Прежде всего, это – рыбалка.

Потом я увлёкся фотографией. Со студенческих времён не расстаюсь с гитарой. И, наконец, - сочинительство.

С рыбалки и начну. Пожалуй, процитирую тут самого себя, из моего раннего рассказа «Песнь моя колыбельная»:

«Увлечение моё рыбалкой началось давно. С самого раннего детства. Порой мне кажется, что и родился я с удочкой в руке. Уж откуда взялась страсть эта – сказать затрудняюсь. Отец мой, хоть и брался за удочку, но крайне редко. По крайней мере, болезнью этой не страдал и всерьёз рыбалку никогда не воспринимал, в отличие от охоты. Дедов своих я или не помнил, или не знал совсем. Должно быть, извечный инстинкт добытчика рано коснулся души моей.

С возрастом всё чаще переношишься в годы детства и юности. Многое забывается, что было совсем недавно, а вот картины детства возникают объёмно, детально, ярко: оттуда, где течёт и течёт речка со странным названием Чузик. Среди болот и лесных островков, куда ссылали многочисленных раскулаченных в тридцатые годы, петляет по Нарымским просторам Чузик, нанизывая на себя не очень частые теперь дереvушки.

Что означает это название, выяснить мне так и не удалось даже у полуоседлых аборигенов-остяков. В местах наших Чузик очень извилист, на плёсах метров по двадцать пять – тридцать шириной. Почти на каждой излучине – омут. Вода тёмная, коричневая, как чай заваренный. Течение медленное, равнинное, отчего Чузик кажется каким-то прирученным, домашним. И лишь в половодье река становится сердитой, бурной, как подгулявший мужичонка.

Нет, не было в нашем Чузике знаменитых обских осетров и стерлядей. Не прыгал на перекатах шустрячок сибирских рек хариус, не шлепотил в лунные ночи ленок, не пугали редких рыболовов сказочные таймени.

Когда и как взял я в руки удочку в первый раз, кто её оснастил, кто научил насаживать червяка на крючок – не припомню. Может быть, отец, а может, мой добрый старший друг Серёга. Несомненно одно: в подготовительный класс рыболовной школы ходил я с такими же босоногими пацанами на ближнее озёрко, между Шаманской горой и речкой. Названия у него не было. Просто озёрко, метров на пятьдесят в диаметре. Мои пер-

вые уловы состояли исключительно из гольянов. Любовь и нежность к этой незатейливой рыбке сохранилась и поныне».

Итак, первыми моими уловами были исключительно из одних гольяшков. Потом я стал ловить ершей, следом – пескарей. За ними последовали караси. Один из эпизодов ловли первых моих карасей на Боталёвском озере послужил основой для рассказа «Меченые караси». Потом были окуни, ельцы с чебаками, щуки и, наконец, язи. В общем, все девять видов рыбы, водившейся в нашей округе, я переловил летом. Исключение составили лишь линьки, которые водились только на Скитовском озере.

Караси – мой излюбленный вид рыбы, а карасёвая рыбалка – одно из самых любимых моих занятий. Карасей я ловлю с самым началом таяния льда на озёрах (иногда это бывает даже в самом конце апреля) – практически весь май и половину июня. Летом и осенью на карася выбираюсь крайне редко. И чаще это бывает где-нибудь за пределами Кемерово (Куйтун, Пудино,...). Удалось замечательно половить карасей на своей малой Родине этим летом (2014г.), в Калининском, на озере под невзрачным названием Свиной лагерь. Это – в пятнадцати минутах ходьбы от маминого дома, там мы в детстве ловили лишь весенних гольянов да бегали купаться. А оказывается, там полно карасей. Отвели душу на них сначала я со своим однокашником Николаем Шаровым, а потом и с братом Володи. Караси там невелики, граммов по сто, но Володя поймал трёх штук и граммов за триста!

Относительно щук следует сказать несколько слов особо. Во-первых, мы их добывали разными способами. Летними погожими днями эти хищники, как правило, поднимались из глубины и стояли в траве или в коряжных заводях. Небольших щурят, размером в десять-пятнадцать сантиметров, которых в шутку называли аршином и малаланом, мы силяли силышками из медной проволоки. Этим же приёмом удавалось иногда подсилить и щучек покрупнее – четвертушек и полторушек (в двадцать-тридцать сантиметров). Блёсен у нас не было. Зато за игрищами в войну, где мы использовали самодельные луки, иногда пробовали из лука стрелять и по щуряткам. Лучшее из этого получалось у Коли Ковецкого (Рыжего). Пробовали мы ловить щук и на живца. Очень интересной была рыбалка на живцов-

гольянов на Третьем Дудинском озере, обычной поплавочной удочкой. Правда, щуки там были некрупными, граммов до трёхсот-четырёхсот, но довольно много. Об этом у меня есть в рассказе «Хом».

В то время почти в каждой семье имелось оружие – дробовики или мелкокалиберные винтовки («тозовки»). Никто не требовал тогда ни разрешений на оружие, ни лицензий на охоту. Так вот, из мелкашек было очень удобно стрелять стоящих в заводях щук, а иногда и крупных яззей. Патрончики к мелкашкам продавались пачками по 50 штук и стоили сущие копейки. А ещё на крупных щук ставили жерлицы – из довольно грубой снасти. Как-то я с братом Володей вытащили щуку килограмма на три, правда, жерлица со щукой была не наша, а соседского деда Толстова.

Зато самим, на свои снасти нам довелось половить крупных щук на Мирновских озёрах. Там попадались экземпляры по 70-100 сантиметров, и весом до семи килограммов! Мирновские озёра – это нечто! До сих пор те рыбалки видятся мне едва ли не чудом. От нас до них насчитывалось не то 40, не то все 50 километров. Ходили туда мы пешком, ребячьей ватагой, человек по пять-семь, как правило, в середине июня, на неделю, поскольку только дорога туда и обратно занимала по одному дню. Кроме щук там мы ловили на обычные поплавочные удочки, насаженные хвостиком мелкого окушка огромных окуней, весом до полутора килограммов. Таких экземпляров мне ловить больше нигде не доводилось! Трижды в 1967-68-м годах я побывал на Мирновских озёрах. Об этом я написал рассказ «В ожидании праздника».

Почти постоянным спутником наших рыбалок был мой младший брат Володя.

С переездом в Калининский я постиг ещё один вид рыбалки – зимнюю. Вот как это описано в моём рассказе «На Чузике зимнем»:

«В ту зиму появилось у нас в обиходе новое слово – «тунеядец». А вместе с ним – и сами тунеядцы. На наш ребячий взгляд, кстати, – вполне нормальные люди, чаще всего – одинокие мужчины, лет двадцати пяти – сорока. Тунеядцев присылали

к нам из городов, обычно из Томска, но попадались и москвичи. Якобы, на трудовое перевоспитание.

В одном из пустых домов, что стоял напротив конторы возле Ложка, поселился тунеядец Борис – мужчина тщедушный, лет тридцати пяти, заросший рыжей редкой щетиной, гнилозубый и щербатый. Ничем бы Борис не запомнился в деревне, как и десятки других тунеядцев, уехавших через год-два назад, если бы не одно занятие. Занятие это уже в ту зиму, как эпидемия гулявшей кори, поразило большую часть мужского населения Калиновки.

О том, что Борис-тунеядец ловил из-под льда рыбу, первыми, как всегда, прознали мы, пацаны. Молва эта в одночасье облетела едва ли не все полсотни домов деревушки. Самое же любопытное в той молве было то, что ловит он, будто бы, на почки. На какие почки – никто толком не знал: на берёзовые, смородинные ли. А кто и вовсе говорил: на бычьи или свиные. Как выяснилось вскоре, ловил рыбу Борис вовсе даже и не на почки, а на сырое мясо или печень, нарезанное мелкими брусочками.

Место для своей рыбалки Борис выбрал безошибочно уловистое. Это мы уже поняли позднее, когда издолбили пешнями не только этот омут на Чузике, но и многие другие омута и плёсы. Лучше, чем тут, не ловилось нигде.

Снасть Бориса была не совсем обычной, нами невиданной: коротенькая палочка с рогожным утолщением для руки. К концу палочки – привязана леска, ну, а дальше, всё, как и летом – крючок и грузило. Впрочем, и не совсем так.

Здесь же мы увидели впервые у Бориса и необычные крючки, с дробинкой на цевье или месте ушка. Называл он их «мармашками». И этот непривычный для нас термин надолго вошел в наш рыбацкий обиход, а правильно произношение «мормышка» ещё долго резало слух уже и в позднее время.

Не помню, сколько прошло дней, только Борисово одиночество на омуте закончилось. Прибежав из школы после уроков, мы передевались, торопливо, на ходу, хватали по куску хлеба, брали свои удочки – и бегом, на омут, занимать уловистые Борисовы проруби...»

С переездом в город Кемерово и, странствуя по России и Союзу, расширились и мои рыбацкие трофеи. Вообще-то в моём рыбацком трофейном арсенале насчитывается более трёх десятков различных видов рыбы, включая и морскую. При этом основным видом ловли является рыбалка крючково-лесковой снастью. И лишь на Оби и на отдельных небольших озёрах, очень редко ловлю сетями или даже неводом. Этот вид ловли хотя и является весьма добычливым, меня привлекает совсем мало.

Попробую очень кратенько перечислить, где и какую рыбу я ловил. Итак, в Кемерове, в начале 70-х годов я прибавил в свою копилку *верхоплавку*, или *серебрянку* – рыбёшку мелкую, сорную и годную лишь на живцовую наживку на хищную рыбу.

Будучи на Шикотане, на удочку-закидушку ловил в море *морских красных окуней и терпугов*. Там же был на сайровом лове с сейнера. Специальными ловушками-сетью ловили *сайру*. В японские краболовки попадались *крабы, осьминоги, кальмары*. Этот вид рыбалки описан у меня в путинно-путевом эссе «Шикотан».

Из морской рыбы следует приплюсовать: *тараньку и морских бычков*, которых доводилось удить в Азовском море, в Белосарайке, летом 1981 года.

В этом же году, будучи в Молдавии, в Вулконештах, где жил наш дядя Толя Арнаутов, на проточном озере, которое пронизывает знаменитая речка Кагул, я впервые ловил *карпят и судачков-веретёшек*. Об этих рыбалках у меня упоминается в рассказе «На Кагуле, в степях Буджака».

Будучи в Питере на стажировке, с Ушаковского моста через Неву ловил впервые *уклейку*, а в Невке и Лебяжьей канавке – *колюшку* – мелкую несъедобную колючую рыбёшку. Тогда же ездил со студентом-художником Валерием Лунёвым на Вуоксу, ловить лещей, но ничего не поймали. Свои впечатления от той рыбалки я оставил в рассказе «За лещами, на Вуоксу». Что касается уклеи, то до недавнего времени её в наших водоёмах не было вообще, но со строительством крупных искусственных водохранилищ («морей») её развелось несчитанное количество. Летом, на кольцевую снасть она не даёт ловить крупную рыбу, обчищая крупные крючки с червями. Зато зимой, в часы бесклевья, уклея – безотказная палочка-выручалочка. Как-то на со-

ревнованиях по подлёдному лову, за пару часов рыбалки я выловил более килограмма уклейки и занял первое место!

А с первыми *лещами*, точнее подлещиками я познакомился, будучи в стройотряде летом 1972 года в Кожевникове Томской области, на Оби. Чуть позднее ловил подлещиков на Обском море, в Абрашино - с лодки и с «сижей», в 1978-1980 годах.

А ещё позднее, где-то с середины 80-х годов я серьёзно заболел лещовой рыбалкой на, так называемое, «*кольцо*» - своеобразную снасть - закидушку-донку, которой рыбачат с лодок на течении. И с тех пор это – основной вид моей ловли и в настоящее время. Моим учителем по кольцевой рыбалке сначала на Оби стал Володя Чернов, бывший десантник, с которым в последние пятнадцать лет, ежегодно, в сентябре, на три-четыре ночи мы ездим к моему другу-однокласснику Анатолию Устюгову в Мельниково, на Обь. Но ловим там уже в основном плавной сетью.

Рыбалка на «*кольцо*» - одна из самых моих любимых – вкуче с летней карасёвой поплавочной и зимней, мормышечной. На «*кольцо*» я рыбачу с конца мая и по середину сентября, на Томи, с лодки. В лучшие времена уловы на эту снасть доходили до тридцати килограммов за ночь. И до трёх килограммов веса на один экземпляр. За летний сезон удавалось поймать по 350-400 килограммов рыбы! Сейчас уловы стали поменьше, килограммов по пять-десять за ночь (в редких случаях – кило 12-15), лещи - в среднем от 500 граммов до полутора килограммов по весу.

Этому виду рыбалки и её рыболовам-фанатикам я посвятил свою вторую книгу рассказов «Кольцом едины». Долгое время моим постоянным партнёром в этой рыбалке был Александр Дмитриев – мой друг и даже бывший коллега с 1982 года, которого убил в своей собственной квартире один мерзавец в марте 2014 года...

Число рыбаков-кольцевиков на Томи год от года всё сокращается. Из друзей-приятелей по кольцевой рыбалке остаётся неизменным лишь один Борис Владимирович Колотовкин. По-реже, но всё же появляются на ночной Томи Иван Маслов, Миша Матвеев, Юрик Кондратьев (Рыжий), Санька (Лохматый).

Чтобы закруглиться с кольцевой рыбалкой, следует упомянуть, что попутно с лещами, на неё отлично ловятся чебаки, сорога, окуни, уклейка, пескари, язи. В конце августа 2014 года, рыбака на «кольцо», под утро, перед рассветом поймал *окуня* на килограмм! Таких экземпляров на Томи брать ещё не доводилось...

Ловил в Томи на «кольцо» *карпов*, до трёх килограммов. Неплохо одно время брал и *судака*, на резку или хвостик чебака. Самым крупным моим судачьим трофеем был экземпляр весом в четыре килограмма. Случались рыбалки, когда за ночь попадалось по два-три судака. Увы, в последние годы судак на Томи стал очень большой редкостью.

На эту же снасть иногда по холодной воде, в мае-июне или в сентябре попадаетея *налим*. Очень редко, но ловил экземпляры до двух килограммов весу.

Осенью 1985 года я со своим студенческим другом и коллегой Юрой Ли оказался на сельхозработках со студентами института культуры в Марьевке – на родине нашего знаменитого поэта Василия Дмитриевич Фёдорова. Там протекает очень интересная речка Яя, а в неё впадает речушка Уда. Вот там-то мы и ловили своих первых ручьевых *хариусов*. Ловили на обычную поплавочную удочку, сооруженную там же из подручных средств. Насадкой служил обыкновенный дождевой червь. Попадались экземпляры граммов до трёхсот, но в основном – размером с хороших ельцов, граммов до ста. Немного позднее доводилось ловить хариусов на Енисее и в районе Ангарска. Но там рыбачили мы с дюралевых моторных лодок, на спиннинговую плавучую снасть. А ещё ловил ручьевых хариусов а речушке Быстринка, что в Крапивинском районе, в деревне Каменка, опять-таки, будучи со студентами на сельхозработках. Несколько хариусов случайно попадались и в Томи, как летом, на поплавочную снасть, так и на зимнюю, мормышечную.

В самом конце 80-х годов я приобщился к *зимней рыбалке* и на Томи, в районе Кемерова. Заслуга в этом деле принадлежит моему приятелю Андрею Масляницыну. Зимней, преимущественно мормышечной снастью, рыбаку с начала ледостава, сперва на озёрах (Ленинградка, Андреевка, Берёзовский Отстойник, Красновское озеро, Калтырак, Танай...), потом перехожу на Уньгу и Томь – и до последнего льда. Наиболее любимыми мес-

тами зимней рыбалки у меня являются Берёзовские ямы, протока Автомобилиста, район Копыта и Осерёдыша, Балахонка, Старый мост через Томь. Очень хорошо в марте месяце, когда я бываю у мамы на своей малой Родине, ловится всё на том же «борисовом пяточке» Чузика, на омуте у впадения в него Николки, окунь. Иной раз за рыбалку (с утра и до обеда) там ловлю по пять-семь килограммов. Правда, окушок не очень крупный, но берёт бойко, практически всегда и в любую погоду. Моя мечта – хотя бы разок зимой порыбачить на Большом Мирновском озере. Увы, пока не получается...

Что касается карпов, то мне доводилось ловить несколько их разновидностей. *Карп обычный, или сазан* – водится во многих реках и зарыбленных водоёмах. Его я ловил как на поплавочную удочку, так и на «кольцо». *Карп зеркальный* – разновидность чисто прудовая. Рыбачил на прудах Калинкино и в «арыке», соединяющем «виповский» пруд с верхним. Попадались до двух килограммов. В основном же были экземпляры от 300 граммов до килограмма. Насадка – крупный червяк или пучок червей, кукуруза, варёная молодая картошка. Там же выловил и трёх штук *японских карпов* - красных. Размерами до килограмма. И ещё один вид карпов. По крайней мере, местные инструктора говорили, что это карпы, назову их условно *«китайскими»*. Дело в том, что они мало похожи на наших: полосатые наподобие окуней, с такой же жесткой чешуёй. Ловить мне их пришлось на платной рыбалке на горном озере китайского острова Хайнань. А клевали, как обычные карпы или караси, на хлебные катыши-шарики. Весом до 600 граммов.

В этих же прудах Калинкино, в Промышленновском районе, попутно поймал несколько *белых амуров, толстолобиков и даже канальных сомиков*.

Перечислю несколько видов, которые в моём рыбацком арсенале встречаются в единичных экземплярах: *бычок подкаменщик, вьюнок-усач*,

В последние годы, как и уклейка, которая водится в основном в речках, в прудах и озёрах развелось много *ротана*- это тоже разновидность бычков. Ротаны-головёшки – пришельцы, говорят, с Дальнего Востока. Но здесь они прижились и акклиматизировались. Рыба сорная и даже вредная, пожирает икру

всякой другой рыбы того водоёма, где завелась. Попадает попутно, в основном при рыбалке карасей. Размерами невелика, чаще всего со среднего ерша, бывает и мельче, и крупнее. Говорят, что вырастает и до полукилограммов, но мне таких ни ловить, ни видеть не доводилось. Однажды, на пруду у деревни Кузбасский, поймал порядка пяти десятков этой рыбёшки, перекрутили на фарш, вкус – так себе...

Теперь о той рыбе, которую ловил не на спортивную снасть – сетями и даже неводом, на Оби. Рыбалка эта – не моё занятие, но как средство добычи рыбы.

Рыбачу этими снастями (плавёжная донная сеть, ставная сеть и даже невод) на Оби, у друга-однокурсника Анатолия Устюгова. Итак, перечислю, что там попадалось помимо дозволенного: *стерлядь* (до пятисот граммов), *кострюки* (*осетрята*, до двух килограммов), *сырок* (*сырка*, *пелядка*) – до семисот граммов весом. Рыбалка, как и снасти, запретная, браконьерская. Но затягивает и она... Одна из первых таких рыбалок описана у меня в рассказе «Азартный ты, Парамоша...».

Теперь попробую перечислить те реки и водоёмы, на которых доводилось рыбачить. Начну с Чузика и Николки – речек моего детства и малой Родины. Там же, озёра и старицы: Школьное озёрко, Боталёвские, Дудинские, Круглое, Щучье, Светлое, Скитовское, Мирновские озёра. Притоки Оби – Ньюролька и Парабель. Карельская Вуокса, молдавский Кагул...

Крупные реки: Обь, Енисей, Ангара, Томь, Нева.

Рыбачил несколько раз на Оке, что является притоком Ангары и течёт в Иркутской области, впадая в Братское море.

Притоки Томи: Уньга, Терсь (Средняя), Барзас, Каменушка, Быстринка, Чесноковка, Осиновка, Промышлёнка, Змеинка, Грязная, Заломная, Берёзовка, Писанка...

Реки и речушки Кемеровской области: Яя, Кия, Алчедат, Уда, Амзас, Кайсас, Иня...

Уральское озеро Иткуль – особая статья. Об этом у меня написано в рассказе «Уфалейские встречи». А заливное приобское озеро Юнанга в районе Молчанова! Об этом я тоже написал два варианта рассказа «На Юнанге», и пока оба варианта ещё нигде не опубликованы.

Видимо, не все виды выловленных мною рыб я тут перечислил и далеко не все места, где доводилось порыбачить.

Начав свою писательскую стезю с рассказов о рыбалке, от книг я перешёл к публикациям в газетах и даже в журналах. Так, мой друг Саня Дмитриев ещё в начале 2000-х годов порекомендовал своему институтскому однокашнику Евгению Богданову, редактору опально-оппозиционной газеты «Край», меня, как автора. И с Богдановым мы заключили негласный договор, что я каждый месяц буду давать ему в газету материалы о рыбалке. Так появился цикл моих очерков «Рыболовный календарь», который печатался ежемесячно в 2004 году в этой газете. За эти материалы редактор мне регулярно выдавал гонорар, по тем времена очень даже неплохой, в переводе на водку – бутылок по пять за публикацию.

С 2008 года я стал практически регулярным автором региональной газеты «Охотник и рыбовод Сибири», где уже несколько раз перепечатали мой «Рыболовный календарь», разбавив и новыми фотографиями. Помимо прочего, там печатали и мои новые рассказы о рыбалке, а также некоторые ранние рассказы и фрагменты из повестей и даже романа. Тюменский журнал «Врата Сибири» во втором номере за 2007 год напечатал рассказ «В ожидании праздника». В художественно-литературном альманахе «Охотничьи просторы» (2011 год, книга 68,2) напечатали рассказ «Стариково – рыбацкое Эльдorado». Ставропольский журнал «Южная звезда» в 2004 году (№ 3) напечатал рассказ «На Кагуле, в степях Буджака». Кемеровский альманах «Университете культуры» в 2009 году напечатал рассказ «Лысые романтики». Ну, и наш, основной журнал «Огни Кузбасса» начал мои регулярные публикации в нём с рассказа «Виталия Трёхрублёвый», ещё в 2000 году...

Что в заключение: надеюсь ещё повстречать немало интересных рыбацких мест, стать обладателем новых рыбацких трофеев и выразить надежду, что пока хватит моего здоровья и жизни – никогда не изменю этому любимому занятию.

К тому же, ведь недаром же бытует среди рыбаков пословица: **«Время, проведённое на рыбалке, в счёт жизни не входит»**. Поистине: Божественное занятие!

Теперь немного о том занятии, которое сопутствует рыбалке. Я имею в виду **сплавы по рекам на резиновых лодках**.

Первая резиновая двухместная лодка ЛГН-2 появилась у меня в 1978 году. Верой и правдой прослужила она мне порядка 15 лет, да потом ещё у брата – лет пять.

А сманил меня на сплав по Томи на своей резинке-двухместке, пообещав хорошую рыбалку (ещё до того, как я познал кольцевую снасть), где-то в самом начале 80-х годов, в конце мая по большой воде, преподаватель музучилища, великолепный баянист-виртуоз и фанат-рыболов Александр Малютин, внешне очень похожий на Пьера Безухова в исполнении Сергея Бондарчука. В тот раз мы прошли от Крапивина и до Кемерова всего с одной ночевкой в Змеинке. При этом, участок от Кедрового острова (выше Шевелей) и до Кемерова мы преодолели практически за семь часов, постоянно попеременно, под морозящим дождём, гребя на вёслах!

Первый сплав по реке Мрассу мы задумали с друзьями ещё в начале девяностых годов. Но сплавиться по этой красивой горно-таёжной реке, так же, как и по Кие, не получилось. Тогда мы решили ограничиться Томью.

Втроём: я, Саня Дмитриев и Гена Миненко – мы в начале августа сплавились от Зеленогорска до Кемерова, рыбача на стоянках на кольцо. В тот самый первый сплав мы открыли для себя и рыбное место: Фомихинский плёс – от выхода из Утячьей протоки и до Крапивинского водозабора. В тот же раз были Змеинка и Городок, которые мы активно осваивали в следующее лето.

Обычно на сплав по какому-либо участку реки я отвожу от шести до четырёх суток. Это – то оптимальное время, за которое сплав и его команда не успевают надоесть. Почти все сплавы мы снимали на фото и позднее – на видео камеры. За капитан-командора сплава обычно выступаю я. Я же и иницирую эти сплавы, и подбираю команду. Наиболее постоянными членами наших сплавов являлись Саня Дмитриев, Алексей Гук и Виталий Андреевич Коротков, отставной подполковник, самый возрастной наш сплавщик. В один из сплавов, ему было уже 65 лет. Представляясь на камеру, он говорил: «Я – уже трижды пенсионер: по военным меркам, российским и даже европей-

ским». Самым комфортным членом команды во время сплавов является Алексей Гук – доктор философии, профессор нашего института (КемГУКИ), моложе нас с Саней лет на пять.

Вообще на резиновых лодках я прошёл с ребятами по Томи в несколько приёмов маршрут от Салтымакова и едва ли не до самого устья, то есть впадения её в Обь, общей длиной километров в четыреста с лишком. Самый удобный участок, от Зеленогорска и до Кемерова, мы прошли несколько раз. В сплаве от Салтымакова и до Кемерова принимали участие: Саня Дмитриев, Виталий Андреевич Коротков, Сергей Некрасов, Алексей Гук, Владимир Ерёмченко и его сын Саша.

Участок от Кемерова и до Юрги мы одолели за четыре дня в составе четырёх человек: меня, Алексея Гука, Виталия Андреевича и Николая Шарова – моего школьного однокашника, ныне юргинца.

От Юрги до Томска по большой воде в начале августа мы прошли за три перехода. Ко мне, Сане Дмитриеву и Николаю Шарову присоединился ещё и томич, мой друг детства и юности Николай Ковшаров. В тот раз Саня Дмитриев наткнулся на рыбное место во время стоянки в Курлеке, что по реке выше Томска километрах в тридцати пяти. Потом туда мы ездили на машинах из Кемерова ещё года четыре, почти всегда приезжали с хорошими уловами, в которых помимо лещей бывало немало язей. Ездили на машинах Александра Ярощука, А.П. Карманова, Володи Чернова, Володи Денисова, Игоря Долгова, Сергея Некрасова, как правило, на две ночи.

Там же, как-то в сентябре я поймал на кольцо и двух хороших налимов.

И наконец, самый неудачный и не пройденный участок Томи – от Томска и до её устья мы сплавились в августе 2011 года: я, Саня Дмитриев и Алексей Гук. Из состава команды ещё на начальном участке сплава, в самом Томске выбыли Сергей Некрасов и Николай Ковшаров, по разным причинам. Мы не учли, что на том участке во время малой воды почти нет течения. А встречные ветры при ширине Томи – большей, чем в её среднем течении – вообще захлёстывали волной борта наших лодчонок. Почти половину пройденного маршрута (до Самуськов) пришлось идти на вёслах. Как раз в то время моя дочь с

семьёй попала в автоаварию. Пришлось принять решение: прекратить сплав на четвёртые сутки...

Не смотря на мирный характер тех рек, по которым я сплавлялся, не раз приходилось сталкиваться и с трудностями, и даже экстримом. Связано это, прежде всего, с непогодой и с нашим сибирским гнусом. Неоднократно попадали в затяжные морозящие дожди, как это было при сплаве в самой середине лета, в июле, всемером от Салтымакова. Все мы тогда не только промокли, но и изрядно замёрзли, а Володя Ерёмченко даже подхватил простуду и затемпературил. У Алексея Гук в тот раз вышла из строя видеокамера. Невероятная гроза со шквалистыми ветрами почти полдня преследовала меня с Алексеем Гук и Виталием Андреевичем при сплаве от Городка. Благо, мы были на берегу, в двухместной палатке. Но ветер так трепал палатку, что казалось, он нас унесёт вместе нею или повалит прямо на неё стоящие рядом тополя. Огромное количество мошки пришлось пережить нам же троим при сплаве по Яе. Медленное течение и встречный ветер не дали нам пройти участок Томи от Томска и до устья...

Самый же романтический сплав оказался по реке Яя, в начале июля. Намереваясь пройти по ней чуть ли не до устья, из-за обилия гнуса, мы тоже ограничились её небольшим участком – от станции Яя (железнодорожного моста) и до деревни Арышево – того самого места за Марьевкой, где мы с Юрой Лили ловили хариусов. Сплавлялись втроём: я, Алексей Гук и Виталий Андреевич. Две ночи стояли у Арышева на замечательном песчаном острове, загорая, купаясь и рыбача. А мы с Алексеем, запасаясь продуктами, сходили пешком в Марьевку. Побывали и в музее-усадьбе В.Д. Фёдорова. В речке Уда половили довольно крупных ручьевых хариусов...

А какой оказалась уха! В котелке оказалось аж восемь видов свежей речной рыбы... Да под водочку...

И, наконец, последний сплав по времени (но, надеюсь, не самый последний вообще) мы осуществили вчетвером в конце июля этого (2014) года от Шевелей и до Берёзова (высоковольтки). С одной ночевкой пониже острова Буян, опять же попав под дождь, сплавлись на двух лодках семьями: я с женой Людмилой и Серей Некрасов со своей Галиной. Этот сплав я посвятил

памяти нашего общего друга Сани Дмитриева. Мир его праху и вечная память о нём... Как же не хватает его мне... Как и Юры Ли...

С выходом на пенсию, я «заболел» дальними странами. Побывав впервые в тропическом Таиланде, в самые зимние сибирские январские морозы, теперь уже планируем с женой посетить и другие страны, и опять располвинивая нашу зиму. Бывая там, свои впечатления я оставляю в ежедневных дневниковых записях. И уже дома, обработав их, делаю книжки: «Десять дней январского лета» (о Таиланде), «У слияния трёх рек» (о китайском острове Хайнань) и «Гоа – это тоже Индия» (о последней поездке в Индию на Гоа).

Остановленные мгновения

*И остались годы эти
В «Униброме», в «Бромпортрете»,
В фотографиях «На память...»
(Дмитрий Сухарев)*

Пожалуй, вторым моим серьёзным увлечением после рыбалки была фотография. Да и по хронологии – тоже.

Моя память уводит меня в самое начало шестидесятых годов. Я очарован магией фотопечати, когда при тусклом красном свете в тарелке с прозрачной жидкостью на белом листе фотобумаги вдруг начинают проявляться очертаний людей, домов, деревьев...

А чуть-чуть до этого я рассматриваю новенький фотоаппарат, пахнувший чем-то особенным и непонятным, фотоаппарат с таким же пока загадочным для меня названием - «Юнкор». Он – собственность моего старшего друга Серёги Димитренко. И стоил он шесть рублей новыми деньгами. Фотоаппарат – широкоплёночный. На плёнку можно было сделать всего, кажется, девять или двенадцать кадров, поэтому что попало снимать Серёга себе не позволял. Снимали, в основном, своих родителей, родню, друзей, одноклассников. На природу и прочее плёнку не переводили.

Потом я с интересом наблюдаю (и даже чем-то помогаю), как Серёга из фанерок, деревянных досочек и брусочков мастерит фотоувеличитель и фонарь для красного света. Вместо фо-

тообъектива в фанерный проекционный ящичек вставляли всё тот же «Юнкор», только без задней крышки. Вместо стекла на фанерный ящичек для красного света крепили пионерский галстук. Помню, Серёга как-то доверил мне самостоятельно сделать отпечаток с кадра, где я с мамой, братом и сестрёнками стоим вместе. Фотку эту я почти запорол, дал слишком много света на фотобумагу, и фотокарточка получилась темноватой (как говаривают фотографы, передержанной). Но это была – уже *моя фотография*, как некогда первый *мой карась*, пойманный мною самим на Боталёвском озере.

А чуть позднее, когда мы жили уже в Калининском, в конце лета 1962 года отец купил мне настоящий фотоаппарат. Назывался он «Смена», просто «Смена», ещё без цифр, это уже потом пошли «Смена-2» и далее. К нему же он купил и все принадлежности: фотобачок, ванночки, фотоувеличитель, металлический фонарь красного света... Даже и не знаю, как он решился на такое, ведь всё это стоило тогда весьма приличных денег! Сам он фотографией никогда не занимался. Осваивали это дело мы с братом, правда, приоритет был явно за мною.

Фотоаппарат снимал на 35-миллиметровую фотоплёнку, на которую помещалось до 36 кадров. Правда, из-за неопытности и отсутствия знаний, на плёнке пригодными для печати поначалу оказывалось всего-то с десяток кадров, остальные из-за неверной экспозиции (установки выдержки и диафрагмы) были либо совсем тёмными, либо светлыми. А отдельные кадры были не в фокусе, ведь фотообъектив на нём стоял примитивный, и фокусировка (метраж) устанавливалась на глазок.

Сколько плёнки и фотобумаги мы произвели с братом – уму не постижимо. И опять-таки, я удивляюсь, как на это родители давали нам деньги. Фотоплёнка стоила тогда 36 копеек, пачка бумаги (размером 9 на 12) – двадцать копеек, проявитель с закрепителем – копеек по пятнадцать-двадцать...

Мой темперамент не давал мне как следует выдержать все рекомендуемые сроки и параметры обработки плёнки и фотобумаги. Как только я заснимал всю плёнку до конца, мне тут же хотелось её проявить. Проявив плёнку, не давал ей как следует промыться в воде и просохнуть. А следом – уже торопился отпечатать фотографии. И снова – мой нетерпёж не давал качест-

венных снимков: из-за плохой промывки фотоснимков после проявителя или закрепителя, снимки тут же желтели и портились. А если получались сносными, то половина их прилипало к стеклу, на котором мы их сушили. Фотоглянцевателей ещё не было... Помню, с каким нетерпением вскрывал я упаковки фотобумаги со странными и непонятными для меня названиями – «Унибром», «Бромпортрет», «Фотобром», «Йодокнт», с маркировками: №2, №3, №4, №5 и даже №6; «Нормальная», «Контрастная», «Глянцевая», «Матовая»... Ещё загадочнее были надписи на химикатах: «гипосульфит», «сульфит натрия», «метолгидрохинон»...

На следующую ступеньку фотомастерства я поднялся, когда в сентябре 1967 года мы с братом Володей получили зарплату за летнюю работу в совхозе. Рублей сто с лишком. По тем временам – деньги немалые. Уж как нам мама разрешила потратить их по нашему усмотрению – диву даюсь, ведь мы тогда нуждались в очень многих необходимых вещах. И, тем не менее, на заработанные деньги мы с братом купили велосипед за 54 рубля и новенький фотоаппарат «Зоркий-6» - за 35 рублей! Новый фотоаппарат был уже более высокого качества, чем предыдущий «Смена». У него уже имелся сменный объектив «Индустар-50» с видоискателем, то есть устройством наводки на резкость. Качество снимаемых объектов значительно повысилось. Да и возраст уже был - не те десять-двенадцать лет.

С этим аппаратом, как со своей первой гитарой я прошёл лет пятнадцать своей жизни. Где он только у меня не побывал за то время: и на рыбалках, на Мирновских озёрах, и на охотах, и во все годы студенчества, и на Шикотане, и даже в Питере. И первые фотки наших обеих дочерей – тоже сделаны этим «Зорким-6». Разве что не тянул со мною вместе мою морпеховскую ляжку.

Фотографий, что я наснимал этим аппаратом – целые чемоданы. И не один семейный фотоальбом украшают его снимки. Разлетелись по разным уголкам нашей необъятной Родины, как и мои родные-знакомые, школьные друзья и собратья по студенчеству и стройотрядам. Верным и безотказным оказался мой этот спутник жизни.

После него у меня перебывало ещё несколько аппаратов. Конечно, «зеркалки» стояли выше обычных фотоаппаратов. И я мечтал о таковом. Купил-таки себе «Зенит», который лет через пять украли у жены в Сочи, где она отдыхала вместе с младшей дочерью Настей. Вместо него пришлось приобрести «ФЭД-5» - тоже неплохой аппарат, но не зеркалка. А поработав с аппаратом высшего класса, опускаться ниже уже не очень-то хочется. Тогда я приобрёл себе снова «зеркалку», «Зенит - ЕТ». Это был лучший фотоаппарат изо всех моих предыдущих и будущих. Увы, очень скоро время его закончилось вместе с чёрно-белыми плёнками и такими же фотографиями.

Пожалуй, стоит отметить и тот факт, что, приобретая фотоаппараты более высокого уровня, снимки по качеству получались на них не всегда лучше тех, что снимал «Сменой» или «Зорким-6». И вот почему. На заре моей фотобиографии фотоматериалы (как плёнка, так и бумага) содержали гораздо больше натурального серебра. Поэтому чистота негативов и фотографий были выше, то есть на них было совсем мало зернистости, они были чётче, у них была большая разрешающая способность. Позднее серебро стали заменять всякими химическими суррогатами, от которых страдало качество снимков.

Накопив целые чемоданы фотографий, стало очень трудно найти нужные снимки в нужное время. Тогда я решил хотя бы как-то систематизировать их. А сделать это было можно с помощью толстых фотоальбомов. И я занялся этим: сортировкой фотографий и распределением их по альбомам. Так появились сначала альбомы: мой личный, начиная с раннего детства, потом – армейский, студенческий, совместно-свадебный и досвадебный. Потом пошли альбомы наших дочерей. Наконец я дошёл до хронологических альбомов, то есть, клеивал в них с помощью клея ПВА текущие фотографии, а на корешках альбомов указывал даты начала и конца помещённых в них снимков. Таким образом у меня получилось 22 альбома, в каждом из которых размещалось порядка 200-250 снимков, с указанием времени снимка. Они хранятся и поныне, правда из некоторых альбомов постепенно бесследно исчезают отдельные фотоснимки.

Появление цветной фотографии перевернуло моё представление о ней и значительно изменило сам фотопроект. Те-

перь оставалась в арсенале фотографа только съёмка. Проявка плёнки и фотопечать – осуществлялись уже в фотоателье. По-первости я продолжал снимать на «зеркалке». Потом приобрёл «мыльницу» «SAMSUNG». Началось это примерно в самом конце прошлого тысячелетия. И я потерял тот прежний азарт фотолюбителя, мне стало просто неинтересно заниматься только одной съёмкой. Хотя и новые, уже цветные, фотографии я всё ещё продолжал клеивать в текущие хронологические альбомы.

А где-то году в 1995-96-м моя двоюродная племянница Наталья Шадрина привезла из Новосибирска во время своей заочной учёбы у нас в институте видеокамеру. Я попробовал снять ею и – заболел, теперь уже видеосъёмкой. И, как у маньяка, возникла навязчивая идея: приобрести свою видеокамеру. Перейдя работать из института в охранники, появилась возможность подзаработать побольше и скопить необходимую сумму на видеокамеру. Таим образом где-то в начале 1997 года я смог осуществить эту свою мечту, приобретя за 3,1 миллиона (теми ещё «лимонными» рублями) новую 8-миллиметровую видеокамеру «Samsung».

И начались видеосъёмки, которые я потом переписывал с помощью видеомэгнитофона на 16-миллиметровые трёхчасовые видеокассеты VHS. Года через три-четыре я понял, что качество видеозаписей на 8-миллиметровой плёнке получается похуже, чем с 16-миллиметровой аналоговой камеры. Тогда я приобрёл новую видеокамеру, продав прежнюю брату Сергею Некрасову. И опять – тот же процесс: съёмка, перезапись на кассеты. И снова мой видефонд, как некогда из фотографий, стал расти снежным комом. Пришлось и эти кассеты идентифицировать, то есть наклеивать на корешки ярлычки-наклейки с указанием фрагментов видеозаписей (где и когда). Потом дело опять дошло до тематической группировки. Так появились кассеты семейные, застольные, юбилейные, рыбацкие.

А с конца прошлого столетия – и писательские. Несколько первых кассет я записал, ещё не будучи принятым в СПР. А с момента приёма меня в СПР (с 2001 года) я стал практически видеохроникёром нашей писательской организации. Записал на видео многие мероприятия, выездные фестивали, конкурсы, юбилеи, заседания, в том числе и «полянки». Особо ценными

записями считаю видеозаписи поездки на Шукшинские праздники в Барнаул, Бийск и Сростки в июле 2004 года. Там на мои плёнки попали весьма замечательные люди: киноартисты - Валерий Злотоухин, Александр Михайлов, Александр Панкратов-Чёрный, Людмила Зайцева, Ольга Остроумова, кинооператор Заболоцкий, снимавший все картины Василия Шукшина; скульптор Клыков – изваявший скульптуры Шукшина; писатели: Валерий Ганичев, Валентин Распутин, Станислав Вторушин, Виталий Зеленский, Владимир Берязев, Анатолий Байборodin, Александр Казанцев, Владимир Башунов, Анатолий Личутин, Анатолий Кирилин, Александр Родионов; бард Олег Митяев, Александр Заволокин со своим коллективом, тогдашний губернатор Алтая Михаил Евдокимов, депутат Госдумы Харитонов. Здесь же - три поколения Шолоховых (сын писателя - Александр, внук – Михаил Александрович и правнук). Не говорю уже про наших писателей – делегацию кузбассовцев: Борис Бурмистров, Иосиф Куралов, Виталий Крёков, Александр Раевский, Виктор Коврижных, Сергей Павлов и я...

Все видеозаписи я дублировал: для себя и для СПК. Но те видеокассеты, что я передавал Борису Бурмистрову в СПК бесследно исчезали. Так же, как и «замыллил» одну мою личную кассету ижморец Михаил Шеховцов, которому я давал её для мероприятия по поводу Первых Матвеевских чтений.

Параллельно видеосъёмкам, я продолжал делать и фотоснимки, сначала «мыльницей», а потом и цифровиком. И снова пошли фотоальбомы, преимущественно семейные, рыбацкие и писательские. Из писательских альбомов набралось уже три штуки (тома), начиная с 1999 года и по сей пору. В каждом из них по 100 уникальных фотографий, с надписями: кто, где и когда... Со многими из изображённых на них, уже никогда не свидеться в этом мире.

С переходом на цифровую видеосъёмку, перебрав две видеокамеры, у меня почему-то пропал интерес к видеосъёмке. И я уже почти три года ничего не снимаю. Полностью перешёл снова на фотокамеру, уже цифровую. Из цифровиков у меня теперь три аппарата: «PANASONIC LUMIX», «FUJI FILM» и «CANON». И всеми тремя я не очень доволен: не всегда устраивает качество снимков.

Что касается фотоархивов, то теперь эти цифровые снимки я сортирую по темам в отдельные компьютерные папки, храня их как в памяти своего компьютера, так и дублирую на отдельных (тематических) флэшках. Особое место теперь занимают папки с фотографиями внуков – Николки и Алёны.

Изгиб гитары жёлтой...

*На гитаре моей буквы-шрамы столпились,
Как на карте, на ней города разместились,
Островов и морей, поселений названья
И, как каменных гор, цифр немое молчанье...*
(Виктор Арнаут)

Эту главу, пожалуй, следует начать с небольшого отступления от непосредственной гитарной темы. Ведь до начала её освоения в моей биографии прошло целых семнадцать молодых лет.

Любовь к песне и пению, наверное, перешли ко мне от родителей. И отец, и мама – оба имели хороший музыкальный слух и голоса. Отец самоучкой освоил гармонь и в компаниях-гулянках неплохо играл на ней. Под его гармошку не только пели, но и плясали. Плясали плясовые; вальсы с танго только-только ещё начинали входить в моду. А вот чтобы они вдвоём исполняли что-то в клубе, участвуя в самодеятельности, такого я не припомню – то ли стеснялись, то ли времени на это не было. У мамы и до сих пор остался сильный приятный голос и потрясающая память на тексты песен. Она и до сих пор поёт в компаниях. Полагаю, даже уверен, живи она в городе и попади к хорошему хормейстеру – не испортила бы любой народный хор, а, возможно, могла бы быть в нём даже и солисткой.

А ещё в памяти отчеканилось, как мама с отцом пели дуэтом, у них это очень хорошо получалось, не мешали друг другу и не подавляли партнёра силой своего голоса. Пели в основном популярные в то время песни, что слушали по радио, смотрели и запоминали по кинофильмам. Это – и ностальгические песни моего раннего детства и отрочества: «Весна на Заречной улице», «Над широкой Обью бор шумит зелёный», «Над волной голубой синяя прохлада...», «Едут новосёлы по земле целинной», «Рябина кудрявая», «Отпел гудок заводской», «Погас закат за Ирты-

шом», «Каким ты был, таким остался» и многие другие. Это - и ставшие народными песнями, такие, как «По диким степям Забайкалья», «Степь да степь кругом», «На Муромской дорожке», «Ой, мороз, мороз», «Отец мой был природный пахарь», «Охотник с рыбачкой», «Во кузнице», «Вот мчится тройка почтовая...», «Я пулемётчиком родился», ...

Как я уже отмечал, у отца была гармонь-двухрядка, изрядно расхристанная по гулянкам. Она стояла у нас на почётном месте в горнице, накрытая сверху выбитой вручную узорной белой накидкой. По-моему, ещё до школы, время от времени, с разрешения отца или мамы я брал её в руки и пытался что-то извлечь. Лучше всего получалось на басах, и выходило-выговаривало на них «мо-ло-ка, мо-ло-ка». Как-то зашёл к нам во время такого моего музицирования сосед, бывший учитель, Николай Фастович Крушельницкий. Одобрительно похвалил меня за это занятие. То ли брат Володя, то ли сестра Татьяна ему сказали: «А у него выходит только «молока да молока». «Ничего, - успокоил он нас, - иногда из молока может получиться и масло». Настоящего масла, к сожалению, из всего этого «молока» у меня так и не сбилось. Тем не менее, я пытался запомнить и воспроизвести из того, что мне показывал отец, и на голосовых кнопках. А вот одновременно – на голосах и на басах – долго не выходило.

Когда я учился в Пудинской школе, у нас пение преподавал Иван Петрович Неретин, музыкант от Бога. Разучив на уроках новую песню, я с нетерпением дома пытался подобрать её на гармони. Что-то из этого стало получаться.

Очередным этапом освоения мною гармони стал конец апреля 1965 года, когда из Томска отец привёз новенькую двухрегистровую двухрядку. Вот тогда-то на ней я начал по слуху подбирать многие песни и вальсы. Играл дома, на улице, а позднее - в клубе, и во время вечерне-ночных летних «жениханий». К окончанию средней школы я уже неплохо владел гармонью, не ведая нотной грамоты. Её я, к слову, так и не освоил.

Припоминаю, у нас в Калининске, на стене висела гитара, оставленная нам, кажется, дядей Толей, после того, как они переехали в Молдавию. Играть на ней не умел даже отец. А я иногда брал в руки этот инструмент и пытался на нём на одной

струне, опять же по слуху, щипками извлечь какую-нибудь мелодию. Об аккордах я и понятия не имел и крайне досадовал, что на гитаре никто в нашей деревне играть не умеет. Примерно то же самое было и с моим школьным другом Санькой Кием (Собакиным). Он обладал гораздо большими музыкальными задатками, нежели я, самоучкой играл лучше меня не только на гармонии, но даже и на баяне.

Когда после окончания Пудинской школы мы поехали с ним поступать в институты (он поступал в Томский университет), Санька как бы мимоходом обронил: «Ну, насчёт поступления не знаю, а вот на гитаре играть я непременно научусь». Так и случилось. В университет на желаемый факультет он не попал из-за своего дальтонизма, зато стал легендой абитуры Томского университета лета 1968 года! За неделю – от кого-то из абитуриентов он освоил гитару: научился брать семь-восемь аккордов в двух тональностях на семиструнке. Мало того, играл щипками и популярным в те времена боем-восьмёркой. Таким же боем многие песни исполнял и сам Владимир Высоцкий (например, песню «В суету городов и в потоки машин...»). Ко всему, Санька выучил с десятков песен и исполнял их под гитарное бречание! Для меня это было – пределом моих музыкальных желаний.

Вернувшись домой после неудачных первых попыток одолеть планку вступительных экзаменов в вузы, я стал просить Саньку научить меня играть на гитаре. Он радушно показал мне все аккорды, какие знал сам, научил по слуху настраивать семиструнную гитару. И пытался передать мне свои навыки игры на ней «восьмёркой». Эту «восьмёрку» Санька «бил» неклассически и сам. После похода с ним летом этого года рыбачить на Мирновские озёра, когда метровая щука располосовала ему указательный палец на правой руке, палец так и не заживал. Так вот, при игре «восьмёркой» Санька заменил его средним пальцем. То же самое делал и я, отрабатывая технику боя по столешнице, по коленке, по чему угодно, что подвёртывалось под руку. И лишь потом – по гитарным струнам. Получалось хуже, чем у моего учителя, но всё же получалось.

А в конце сентября Санька ушёл со своим дядей, промысловиком-охотником, на полтора месяца в тайгу, добывать соболя, я постигал технику игры на гитаре уже самостоятельно.

(Замечу, кстати, что тогда он лично сам добыл семь соболей и чуть было навеки не остался там из-за заражения крови в пораненном пальце). Так вот, на концерте к Октябрьским праздникам, когда Санька был ещё на охоте, я со своим другом Колей Ковшаровым уже исполнял со сцены нашего деревенского клуба песню «Гренада» под игру на гитаре. И это стало моим публичным гитарным дебютом.

Труднее всего было с самой гитарой. В магазине их было не достать - не то чтобы в деревне, даже в городе – начался повальный гитарный бум, особенно среди студенческой молодёжи. В это самое время появились и вошли в моду бытовые катушечные магнитофоны. И на затёртых некачественных лентах, переписанных по нескольку раз, были записи бардов: Высоцкого, Кима, Городницкого, Анчарова, Галича, Клячкина, Кукина. Эти песни под гитару бардов первой волны покоряли сердца и умы пытливейшей молодёжи. Они отлично пелись под нехитрое гитарное сопровождение во время походов, вечеринок, стройотрядовских вечерних костровых посиделок. Да и сама гитара была легка и неприхотлива в таких условиях. А эти песни можно было не только петь хором, но и просто слушать!

Та гитара, что висела до поры до времени у нас на стене, куда-то исчезла. Санька нашёл себе невесту как какую-то плохо строящую гитарёшку. А я на время его отсутствия выпросил гитару у одной деревенской пожилой вдовушки, к которой прилабунился кто-то из молодежавых городских фраеров, высланных за тунеядство и бродяжничество в наши края. Всего его имущества и было-то лишь гитара, сам он куда-то временно исчез.

А в декабре этого же 1968-го года я попал в учителя начальных классов во Львовскую восьмилетку. Там, как я уже отмечал в одной из ранних глав этих воспоминаний, у моего коллеги-сокомнатника Иванова имелись магнитофон «Астра» и старенькая гитарёшка с высоко поднятой от струн декой и узким корпусом. На одной из катушечных плёнок было записано в плохом качестве несколько ранних песен Высоцкого, Юлия Кима, Анчарова и Городницкого. Я выучил эти песни и самостоятельно подобрал под них гитарное сопровождение. А у кого-то из учеников, на чердаке дома, обнаружили гитару с поломанным корпусом и натянутыми вместо струн ... заячьими петлями.

Корпус этой гитары мы отремонтировали, вклеив клин и замазав его жёлтой краской, и поставили настоящие струны. Как ни странно, но звук у неё и аккордный строй были даже лучше, чем у гитары моего компаньона, с которым мы иногда выступали даже дуэтом в самоделке со сцены местного клуба.

С тех пор гитара стала на долгие годы моим постоянным спутником и другом. А впервые я стал обладателем гитары после возвращения из Кожевниковского стройотряда осенью 1972 года студентов Томского политеха, где я был комиссаром, а друг и постоянный мой сценический партнёр Коля Ковшаров – командиром отряда «Меридиан». Тогда на каждый самостоятельный линейный стройотряд, областной штаб ССО выделял ещё и одну новую дешёвенькую (рублей за семнадцать) гитару-семиструнку. Шестиструнные гитары в то время ещё не вошли в моду.

В отличие от более поздних, корпус этой моей первой гитары был не жёлтым, а тёмно-коричневым, плавно переходящим к центру в более светлые коричневые тона. У кого-то из ребят я увидел на корпусе гитары надписи. Тогда-то и я впервые оставил на корпусе моей звучащей подруги шариковой ручкой глубоко вдавленную надпись «Кожевниково ССО 1972 год». С тех пор на ней, словно на карте, разместились наименования тех мест, где я бывал с ней и выступал под её аккомпанемент. По сути это – наша общая совместная гео-биография. После неё у меня побывало не менее десятка различных гитар, но эта, латанная и подклеенная, с полломанными колками и самодельной уже кобылкой под струны и верхним порошком на деке, жива и поныне, и на ней можно ещё извлекать кое-какие дребезжащие звуки.

Студенческая пора... Как же да без гитары, всё с той же, самой первой! Ни одна вечеринка не обходилась без гитары или баяна. А иногда с той и другим вместе. Когда у Володи Грачёва появился баян, а жили мы с ним в одной комнате общаги, то неплохо умудрялись совмещать два этих инструмента. Конечно же, лидировал баян, но и гитара была нелишней.

Как-то в самом начале 80-х годов мы с женой приехали в Молдавию, в гости к дяде Толе. У него в доме были баян и гитара. Подстроив гитару под баян, приняв на грудь изрядное коли-

чество его замечательного домашнего красного винца, с наступлением темноты и обострением природной акустики, мы слаженно, как нам тогда казалось, музицировали, задушевно напевая «Ой, мороз, мороз», «Тройку», или его любимые «Черимэ» и «На крылечке вдвоём...». И по Вулканештско-Кагульской молдавской округе разносились наши слаженные русские голоса... А петь и играть там любят и умеют...

Не разлучался я с нею и в Ленинграде, будучи на стажировке. Что самое смешное, мою самодеятельную игру на ней и пение одобряли даже ребята с музыкальными образованиями. Помню, одно время мы скорешились с аспирантом Димкой Журавлёвым, окончившим Одесскую консерваторию. До сих пор не могу понять, как он мог переносить и даже поддерживать меня в моих гитарных изысках, не знающих даже нотной грамоты... А вот в армию, точнее на действительную службу, свою гитару я не взял. Зато как-то дал там сольный концерт бардовской песни, исполняя под собственный аккомпанемент на электрогитаре.

Ни один капустник, ни один КВН, в которых я участвовал, ни одна вечеринка, стройотряд или поход не обходились без моей гитары.

Очень многое в плане песен под гитару я перенял от Коли Смольского, сначала студента специальности дирижёров народных оркестров нашего института, а позднее и преподавателя. Появился он, когда мы уже сдали вторую зимнюю сессию. Приехал он из Томска, где два года числился в студентах-электрофизиках ТПИ.

В гитаре он был виртуоз, а точнее в исполнении бардовских песен. Эти песни хлынули на меня потоком. А где-то году в семьдесят девятом, когда Смольский вернулся из армии (упекли его-таки после института и двухгодичной стажировки в Москве), при Кемеровском горкоме комсомола был создан КСП (клуб самодеятельной песни) «Гренада». Верховодили в нём сначала Виталька Лизин, сам сочинявший песни под гитару, потом Юрий Кувшинов, студент мединститута. И, наконец, Коля Смольский. Вот тогда-то и стали приглашать от КСП к нам на концерты бардов, что называется, живьём! Кого в ту пору у нас только не перебивало. Концерты проходили в переполненных

залах – то в КузПи, то в универе, то в меде, то в нашем институте, или в ДК шахтёров. За это время тут выступали и даже по нескольку раз: Юрий Визбор, Евгений Клячкин, Валентин Вихорев, Вадим Егоров, Александр Городницкий, Юрий Кукин, Владимир Туриянский, Александр Розенбаум, Юлий Ким, Борис Бурда, Луферов, Муравьёв, Вахратимов с Бруновым и многие другие.

С некоторыми из них довелось, хотя и шапочно, но пообщаться: Вихорев, Кукин, Егоров, Визбор. А с Юрием Визбором и Юрием Кукиным посчастливилось даже принять по соточке... До сих пор жалею, что не поехал домой к Евгению Клячкину, когда во время одной из кафедральных вечеринок в Питере предложил мне это сделать завкафедрой Соколов А.В. Оказываются, они когда-то вместе учились в школе, а я постеснялся...

На концерты эти я, как один из активистов бардовского движения, ходил бесплатно. А после концертов, которые записывались на катушечные плёнки, благодаря Коле Смольскому, я становился в числе первых обладателей магнитофонных записей этих концертов. И почти тут же разучивал и исполнял под свою гитару концертный репертуар из наиболее понравившихся мне песен.

Дошло до того, что несколько песен я сочинил и сам. И даже выступал с ними на фестивалях и на концертах, совместных с другими ребятами из клуба. Так случилось и с песней о Шикотане, где мне достался второй приз. Слова, правда, были не мои.

Лет шесть назад жена с дочерью Ярославой подарили мне новую хорошую акустическую гитару, шестиструнную, которую я строю на семиструнный лад.

Редко дело обходится без гитары и сейчас, в домашних посиделках, или выезжая к друзьям на дачу или пикничок. Правда, стал это делать всё реже и реже. Стал забывать тексты песен, да и техника игры на гитаре тоже оставляет желать лучшего...

Но до сих пор люблю слушать песни других под гитару и тихонько подпевать, если песня окажется знакомой мне...

Среди писателей

*У поэтов всё не слава Богу.
Не давая сердцу отдохнуть, -
Рано собираются в дорогу,
Первыми заканчивают путь.*
(Валентин Махалов)

О том, как я начал писать, повторяться не буду.

А вот с писателями, которых считал небожителями, «живьём» пришлось свидеться, будучи студентом института, едва ли не на первом курсе. Тогда было в порядке вещей приглашать местных писателей в студенческие аудитории и устраивать с ними встречи.

Так вот, уже в самом начале семидесятых годов я увидел и слушал стихи таких наших кузбасских поэтов, как Валентин Махалов, Виктор Баянов, Евгений Буравлёв, Михаил Небогатов, Геннадий Годенов, Геннадий Юров, Игорь Киселёв, Николай Колмогоров, Виталий Крёков. Встречался с прозаиками Зинаидой Чигарёвой, Владимиром Мазаевым, Любовью Скорик.

Колмогоров и Крёков были ещё достаточно молодыми. Оказалось, что Николай Колмогоров – всего только студент музыкального училища, что находилось напротив корпуса нашего института. А Крёков – вообще обычный работяга, одолевающий вечерне среднюю школу. Кстати, Крёков стал частенько захаживать к нам в ребячью комнату, когда мы жили на втором курсе в учебном корпусе на пятом этаже. Несколько раз он даже оставался ночевать в нашей общаге на свободной койке. Он и явился для меня первым писателем, с которым можно было запросто общаться.

Гроном среди ясного неба стало для меня в самом начале девяностых годов увиденное в газетном ларьке: там среди прочей продукции стояла книжка в красном переплёте с названием «Голос», на которой значилась фамилия Есенин. Что-то я не припоминал, чтобы у Сергея Есенина было что-либо подобное. Из любопытства я взял её в руки и обнаружил, что автор её – тот самый Володя Есенин, с которым мы вместе учились в институте и даже жили целый год в одной комнате общаги! Вовка Есенин – и писатель?! Я не верил своим глазам. Но это было так. В

книге находились рассказы и повести. Читал с упоением, ещё не замечая огрехов и авторских просчётов...

А когда я и сам написал в середине девяностых годов несколько своих первых рыбацких рассказов, нужно было их кому-то показать. Сначала всё написанное было от руки. И я решился переступить порог той двери на Советском проспекте в центре города, что вела к писателям, а точнее в журнал «Огни Кузбасса». С огромным волнением я зашёл туда. Поздоровался. За одним из столов я увидел мужчину (теперь уже и не могу даже сказать, кто это был). Сказал, что принёс почитать написанное. «Что у вас? - поинтересовался мужчина. - Стихи, проза?» Я ответил, что рассказы. Протянул ему тоненькую картонную папку с листками, исписанными вручную. Он взял у меня папочку, небрежно раскрыл и, обнаружив ручную писанину, даже не удосужившись глянуть, что там написано, тут же вернул мне. «Мы не принимаем материалы, написанные от руки», - таков был безжалостный вердикт. Униженный и оскорблённый я покидал обитель писателей.

Года два после этого я не предпринимал никаких попыток показать кому-либо написанное мною. Я ещё по несколько раз переписывал и правил свои первые рассказы. Потом приобрёл в каком-то комиссионном магазине бэушную пишущую машинку «Москва». Перепечатал эти рассказы и решился наконец-то показать их своему бывшему сокурснику, а к тому времени уже и коллеге по институту Володе Ерёменко. Это были рассказы «Песнь моя колыбельная», «Меченые караси», «В ожидании праздника», «На Чузике зимнем». И каково же было моё удивление, когда ироничный и педантичный в литературе Ерёменко (с режиссёрского отделения) проявил неподдельный восторг от прочитанного! Мы пообщались с ним, и он сказал, что передаст эти рассказы Сергею Донбаю.

А незадолго до этого я, будучи Председателем профкома института, посодействовал Володе Ерёменко в получении новой квартиры, большего метража, чем у него была. Так вот, при переезде в 1994 году, у него в помощниках оказались и некоторые писатели. Я таскал в паре с Александром Ибрагимовым на девятый этаж тяжелые контейнеры с картинами Володиной мамы – самодеятельной художницы-примитивистки Ирины Ерёменко. Там же

был и Донбай. Уже тогда мы шапочно познакомились с ними. А немного погодя, Донбай появился у нас в институте на какой-то творческой встрече, и я купил у него небольшой коллективный сборничек стихов, получив при этом писательский автограф (после автографов Виталия Крёкова и Володи Есенина).

Примерно через месяц, после нашей встречи с Ерёменко по телефону позвонил тот самый Донбай, что являлся руководителем литературной студии «Притомье» (и одновременно – ответственным секретарём журнала «Огни Кузбасса»). Он представился и сказал, что прочитал мои рассказы и приглашает меня на студию «Притомье». Занятия (или заседания) студии проводились дважды в месяц, по четвергам, с шести часов вечера.

В то самое первое для меня занятие я познакомился с некоторыми студийцами, среди которых были, в основном, поэты: Виктор Кальсин, Антонина Шматкова, Альбина Радченко, Володя Дылевский, Светлана Куралова, Андрей Правда, кто-то ещё, всего человек пятнадцать. Сначала читали свои новые стихи они. Я сидел, как на иголках, пока не дошла очередь и до меня. Сергей Лаврентьевич Донбай представил меня. И я начал со своего первого рассказа «Меченые караси». Слушали меня внимательно и доброжелательно. Сделали несколько замечаний. Потом предложили прочитать ещё. Осмелев, я прочёл рассказ «На Чузике зимнем». Получил одобрение студийцев. После занятия была «полянка», я расслабился и осмелел ещё больше.

С тех пор (где-то с декабря 1998 года) я стал постоянным участником занятий студии «Притомье». Читал свои рассказы и даже некоторые стихи, обсуждал чужие. Выступал оппонентом прозы. В общем, вливался в среду будущих писателей. Через «Притомье» я познакомился с Андреем Пятаком, Сергеем Самойленко, Александром Зарубиным, Сергеем Павловым, Ветой Боргес, Анатолием Кулаковым (Валентиновым), Ниной Глушковой, Ниной Суровой, Дмитрием и Натальей Мурзиными, Константином Акатновым, Алексеем Патшиным (Белогвардейцем) и многими другими начинающими авторами. Временами сюда заглядывали по «старой памяти» и недавние студийцы, среди которых оказались и мои бывшие студенты – Юлия Лавряшина и Михаил Стрельцов. Иногда наведывался и Володя Ерёменко.

Появлялись со своими новыми книжками и стихами именитые поэты: Валентин Махалов, Владимир Матвеев, Семён Печеник, Борис Бурмистров, Александр Ибрагимов, Виктор Баянов, Иосиф Куралов. Захаживали и некоторые художники: Николай Бурцев, Василий Кравчук, Валерий Громов, Николай Вертков, Владимир Сотников, братья Корягины; почти всегда являлся народный художник Виктор Сергеевич Зевакин. Нередко появление кого-либо из художников или писателей сопровождалось непременно последующими посиделками в «предбаннике» со спиртным. Подключался к ним и я, скромно выставляя в качестве лепты пиво и вяленую рыбу своего улова.

Постепенно эти «вливания» стали перерастать и в сферу уже признанных и опытных поэтов и прозаиков. Я стал захаживать в Дом литераторов не только на «Притомье», но и так, по случаю. Там я познакомился с Владимиром Мазаевым, Александром Катковым, Анатолием Кругляковым, Геннадием Естамоновым, Анатолием Иленко, Валерием Козловым, Владимиром Шумиловым, Александром Брюховецким, Анатолием Козловым, Владимиром Ширяевым, Валерием Зубаревым. Приезжали и иногородние, с области: Александр Раевский, Виктор Боков, Сергей Побокин и Сергей Подгорнов, Валерий Ковшов, Любовь Никонова, Тамара Рубцова, Тамара Страхова, Алексей Бельмасов и Галина Золотаина...

Частенько в ДЛК устраивались шахматные баталии и даже турниры. Неплохо играли в шахматы Валентин Махалов, Виктор Баянов, Анатолий Иленко, Анатолий Кругляков. Призы же и первые места чаще всего доставались художавому поэту и прозаику из Старо-Бачат моему ровеснику Виктору Коврижных.

Где-то году в девяносто девятом я познакомился с поэтом и прозаиком Владимиром Ивановым. А получилось так, что мы оказались с ним в одной организации – «КемВоде», только я работал там охранником, а он редактором малотиражки «Вода и люди». Мы обменялись с ним книжками, я подарил ему свою первую книгу рассказов «Вокруг рыбалки», он – один из последних сборников стихов «На Родину еду» и книжку прозы «Вот такая история».

Та откровенность и чистота, что я обнаружил в стихах и прозе Володи Иванова, сразу настроили меня на расположение к

нему. Взаимные симпатии (и общий приятель, если не друг, Володя Есенин) нас тут же толкнули друг к дружке. С тех пор мы с ним настоящие друзья! Он же инициировал и приём меня в Союз писателей России (СПР). Если бы не эта его настойчивость, ходить бы мне в писательских подмастерьях ещё лет пять. (Кстати, многие из студийцев «Притомья», с кем я начинал, издав уже по несколько книжек, так и не приняты до сих пор в Союз).

А случилось всё следующим образом. В 2000 году в Новосибирске у меня вышла вторая книжка «Кольцом едины». На подходе была третья «От Ленинграда до Курил». Мои рассказы «Виталия Трёхрублёвый» и «Второй год службы» были уже напечатаны в альманахе «Огни Кузбасса». Писалось и дальше. Встречаясь с Володей, мы часто говорили с ним на темы литературы, наших творений, читали друг другу новое. И вот, где-то в середине ноября 2001 года он говорит мне: «Пиши заявление о приёме тебя в Союз писателей России, дней через десять будет общее собрание. А то будут тебя вольтанить ещё несколько лет, у нас это любят делать...». И я написал заявление о приёме меня в СПР. Пошли с ним в ДЛК. Я взял литр водки, пива, прихватил с собой вяленых лещей. Посидели там, пообщались. Я сказал Бурмистрову, что хочу вступить в СПР, передал ему своё заявление. Потребовались срочно рекомендации. Одна была уже - от Иванова. Другую обещал дать Сергей Донбай. Тут же согласился дать мне рекомендацию и Валентин Васильевич Махалов. И ещё я заручился одной рекомендацией – от Володи Есенина (оказывается, его приняли СПР уже лет пять назад).

Таким образом, в срочном порядке я попал в кандидаты на приём в СПР на ближайшем общем собрании, которое состоялось 29 ноября 2001 года. Вместе со мной принимали ещё троих поэтов: Андрея Правду, Алексея Бельмасова и Елену Быкову.

На тайном голосовании я прошёл без единого «чёрного шара», в то время, как остальным таковых бросили по три-четыре штуки.

На этом же собрании я познакомился с замечательным поэтом и человеком, рыбаком и охотником - Леонидом Михайловичем Гержидовичем, и его женой Ниной Красовой, тоже пи-

шущей стихи и прозу. С тех пор у нас с ними настоящие дружеские отношения, не смотря на то, что живут они в пятидесяти километрах от Кемерово, в таёжном селе Юго-Александровка и видеться с ними приходится не так часто. Тогда же познакомился и с поэтом Олегом Максимовым – из Таштагола, который протезировал в Союз молодую поэтессу Елену Быкову – с прицелом на литинститут.

Всё, путь в большую литературу мне был открыт, правда, как напутствовали рекомендующие – пока ещё только авансом.

19 июня 2002 года мои документы и книги (высылал туда уже три книги) рассмотрели на Приёмной комиссии в Москве. И там мне тоже не бросили ни одного шара «против», зато Лену Быкову прокатили вообще. Мне выписали членский билет Союза писателей России за номером 6127, который я получил в августе этого же года. По этому случаю, естественно, была «полянка» в ДЛК со всеми моими писателями-доброжелателями. Тогда наш юморист и остряк Владимир Фёдорович Матвеев, произнося тост в мой адрес сказал: «Ну вот, в нашем Союзе стало ещё одним членоносцем больше». А прозаик Анатолий Иванович Кругляков пригвоздил меня ещё крепче, сказав, что Арнаутов въехал в Союз писателей верхом на карасе!

Мой писательский билет, который торжественно вручил мне Борис Бурмистров, обмывали в самом конце декабря 2002 года на предновогоднем празднике.

Несколько слов скажу о том, что к тому времени, когда я попал в среду кемеровских писателей, Союз писателей Кузбасса был расколот на два крыла. Одну его часть возглавлял Валерий Зубарев, другую – Борис Бурмистров. Произошёл раскол Союза писателей с развалом Союза ССР, где-то в середине 90-х годов. Половинки эти были примерно равными по количеству членов в них, человек по 25. Как-то я поинтересовался у Володи Есенина: а чем же отличаются они друг от друга? Тот не без юмора ответил, что в одном союзе – пьющие, в другом – непьющие. Сам он к тому времени с выпивкой завязал основательно, но подвергся иной пагубной страсти – азартным играм в автоматах. Так вот, Есенин был в «крыле» «непьющих», у Зубарева. Там же к тому времени состояли писатели Иосиф Куралов, Владимир Куропатов, Зинаида Чигарёва, Любовь Скорик, Владимир Мазаев, шор-

цы-новокузнецчане, кто-то ещё. Но со временем оттуда стали объявляться перебежчики. И где-то году в 2003 оба крыла вновь объединились под Председательством Бориса Бурмистрова. А матёрые члены упразднённого крыла вошли в состав Правления и редколлегии журнала «Огни Кузбасса». При этом, Куралову отдали секцию поэзии, а Мазаеву – прозы.

Что касается журнала «Огни Кузбасса». До 2006 года он числился альманахом, выходя по 2-4 номера в год, иногда вообще сдвоенными номерами. На переломе тысячелетий, в самые трудные для него годы, лет шесть возглавлял его Виктор Михайлович Баянов, а ответственным секретарём журнала был Сергей Донбай. Впервые я увидел Баянова в ДЛК ещё довольно молодым и пышущим здоровьем. Но на моих же глазах он стал резко и стремительно сдавать, даже внешне. Уже в моём присутствии он несколько раз просил Бурмистрова освободить его от занимаемой должности по состоянию здоровья. Но Баянова просили оставаться хотя бы, как знамя и лицо журнала, поскольку его поэтический авторитет был очень высоким.

А в конце 2003 года состоялось расширенное заседание редколлегии журнала и Правления уже объединённого СПК. Каким-то образом на него попали и мы с Сергеем Павловым, только что принятым в СПР. На должность главного редактора претендовали Сергей Донбай и Иосиф Куралов. Ситуация складывалась очень неустойчивой в пользу обоих претендентов. Уж каким боком дали нам с Павловым высказаться, но мы были категорически за Донбая – нашего недавнего шефа по «Притомью». Главным редактором избрали Сергея Донбая. Виктора Михайловича Баянова оставили пока в составе редколлегии в качестве консультанта. А уже с начала нового, 2004 года, Донбай предложил мне сотрудничество с журналом (альманахом), и вскоре, со второго номера этого года, моя фамилия уже значилась в составе редколлегии, хотя и шла после фамилии В.М. Баянова. Было одно время даже предложение от Донбая возглавить в журнале секцию прозы, но я заскромничал. И тогда секцию прозы он отдал В.М. Мазаеву. В состав редколлегии вошёл и Валерий Зубарев. Кроме указанных членов, в редколлегии журнала были: Валентин Махалов, Владимир Иванов, Александр Катков, Борис Бурмистров, Любовь Никонова, Юлия Лав-

ряшина и Василий Попок (отдел публицистики). А с третьего номера 2006 года и до сих пор моя фамилия стоит первой в списке членов редколлегии журнала. Таким образом, в этом году (2014-м) я отметил своё десятилетие работы в составе редколлегии журнала «Огни Кузбасса», который уже восемь лет выходит шестью номерами в год, являясь с 2010 года журналом писателей России.

Некоторое время, пока не стал ответственным секретарём журнала Дима Мурзин, я вёл в нём рубрику «Литературная жизнь». В каждом номере давалась на полторы-две странички информация о том, что делалось в течение прошедших двух месяцев в нашем Союзе (журнал стал регулярно выходить один раз в два месяца). Нередко помещались там и мои фотографии. Работа трудоёмкая и ответственная, за которую доплачивали копейки. Потом, с выводом из редколлегии Васи Попка, я стал делать обзоры литературных журналов, таких, как «Сибирские Огни», «Начало века», «Алтай», «Бараул», «Бийский вестник», «Родная Ладога», «Литературный меридиан», «День и ночь», «Всерусский Собор».

Начиная с 2000 года, времени публикации моего первого рассказа в журнале и до сих пор, мои рассказы, эссе, очерки и публицистические материалы были напечатаны в 24-х номерах «Огней Кузбасса», не говоря уже о рубриках «Литературная жизнь» и «Литературные обзоры».

В 2011 году за опубликованный в нём журнальный вариант моего романа «Велимир» («Предприниматель») я стал лауреатом Премии журнала «Огни Кузбасса».

В прошлом, 2013 году, главный редактор журнала Сергей Донбай предложил мне, как профессиональному библиографу, составить библиографический указатель содержания журнала – к 65-летию юбилею этого литературного издания. Такой указатель за первые 25 лет (с 1949 и по 1974) был уже составлен Областной научной библиотекой. Когда я прикинул объёмы работы, то понял, что это займёт очень много моего времени и труда. Тогда я предложил ограничиться последними годами, начиная с 2000 и по конец 2013 года, написав при этом и большую обзорную статью о 65-летней истории журнала «Огни Кузбасса». Работу эту я выполнил за три месяца упорного и кропот-

ливого труда, хотя и с некоторыми нарушениями правил библиографирования. Несколько раз пришлось переделывать в угоду Донбаю. Но до сих пор мой Указатель пока ещё не увидел свет. Жаль, но надеюсь, что он всё же выйдет отдельным изданием.

Уходит время, уходят в прошлое и многие писатели, стоявшие у истоков начала кузбасской литературы. О них как-то постепенно начинают забывать. А жаль. Этот факт побудил меня на написание очерков об этих писателях. А первым, о ком я написал, был очерк о поэте и прозаике Косте Акатнове, моём приятеле, нелепо погибшем в 2003 году. Потом я написал литературно-биографические очерки о наших корифеях: Виталии Степановиче Рехлове, Михаиле Александровиче Небогатове, Геннадии Модестовиче Молостнове, Владимире Фёдоровиче Матвееве, Валентине Васильевиче Махалове. Эти очерки печатались параллельно – в нашем журнале «Огни Кузбасса» и в альманахе «Красная Горка», который возглавлял поэт Геннадий Юров, и у которого я печатался подряд лет семь-восемь в каждом номере. (Кстати, в это время у меня сложились неплохие отношения ещё с одним корифеем кузбасской литературы – Геннадием Евлапмиевичем Юровым). Изменённый вариант очерка о Г.М. Молостнове был напечатан в 2012 году и в красноярском альманахе «Енисей».

Помимо очерков и своих рассказов, я стал писать отзывы с рецензиями и на книги моих коллег, в основном, начинающих. А первым, о ком я написал, был поэт Валерий Козлов, ставший моим приятелем. Написал о его поэтическом сборнике «Сазонов ключ». Отзыв был напечатан в газете «Кузнецкий край» у Жени Богданова ещё в марте 2001 года.

Потом пошли отзывы и рецензии на книги Леонида Кирчика (Юрга), Владимира Неунывахина (Новокузнецк), Геннадия Неунывахина (Мыски), Михаила Кривошеина (Мыски); Геннадия Дырина, Владимира Иванова, Сергея Павлова, Александра Ярощука, Александра Хохлова, Игоря Петрова, Геннадия Дорогова, Валерия Баранова, Вольдемара Горха – все Кемерово; Анатолия Грохова (Прокопьевск), Валерия Берсенёва (Междуреченск), Виктора Коняева (Новокузнецк), Станислава Вторушина (Барнаул), Андрея Калугина (Белово-Хиросима), Вольде-

мара Франка (Германия), Михаила Спивака (Виннипег, Канада) и других авторов.

Возможность оперативно напечатать в газете «Кузбасс» подобные рецензии и отзывы появилась с началом ежемесячного приложения рубрики-вкладыша «Круг чтения», которую пробил в 2005 году и курировал известный журналист, недавно принятый и в СПР, Василий Попок. За три года в этом приложении к газете «Кузбасс», где платили ещё и неплохие гонорары, я опубликовал более десятка своих, довольно объёмных для газеты, статей и рецензий.

Большинство рецензий и отзывов были доброжелательными, отчего авторы рецензируемых произведений и книг вскоре становились, если и не друзьями, то моими приятелями. К концу 2012 года поднакопилось материалов подобного рода уже на целый приличный сборник (295 страниц), который я издал в 2013 году под названием «Как слово наше отзовётся». За него я стал лауреатом областной литературной премии «Энергия творчества» в номинации «Публицистика» (уже во второй раз, в первый раз – в 2009 году за повесть «Мелодия текущего тока» - в номинации «Проза»).

Что касается литературных премий иного ранга, то я трижды номинировался на литературную областную премию им. А.Н. Волошина (в первый раз за книгу «Где Чузик мой коричнево змеится» ещё в 2004 году), и меня трижды прокатывали. Полагаю – чисто из конъюнктурных соображений, а не из-за слабости моих номинируемых книг.

То же касается и областных наград и премий. За всё время я удосужился получить лишь благодарственное письмо и одну денежную премию Администрации области, в то время, как почти все члены нашего Союза имеют по две-три медали областного значения. Обо мне даже забыли, когда журнал отмечал своё 60-летие (2009 год). Тогда все члены редколлегии и его редакторы (бывшие и настоящий), кроме меня, получили Почётные грамоты Администрации КО с денежными вознаграждениями.

В моём гео-издательском арсенале имеются следующие периодические издания и города: «Огни Кузбасса», «Красная Горка», «Университет культуры» (Кемерово), «Сибирские огни»

(Новосибирск), «Тюмень литературная», «Врата Сибири» (Тюмень), «Южная звезда» (Ставрополь), «Охотничьи просторы» (Москва), «Новый Енисейский литератор», «Енисей» (Красноярск), «Начало века» (Томск), «Образы жизни» (Сан-Франциско, США), «Новое время» (Виннипег, Канада). Это – журналы и альманахи.

Кроме того, печатался в газетах нашей области: «Кузбасс», «Край», «Площадь Пушкина», «Земляки», «Культура Кузбасса», «ЛиК», а так же в региональной газете «Охотник и рыболлов Сибири».

Написанные рецензии и отзывы на книги моих коллег, нередко служили поводом для возникновения дружеских взаимоотношений. И это перерастало, как правило в то, что уже я инициировал приём в СПР наиболее талантливых, с моей точки зрения, писателей. Так, не без моего усилия и помощи, в Союз писателей России были приняты прозаики: Владимир Максимович Неунывахин, Александр Михайлович Ярошук, Игорь Фёдорович Петров, Александр Андреевич Хохлов, Михаил Александрович Кривошеин, Валерий Викторович Берсенёв.

В последнее время я дал свои рекомендации в СПР Леониду Кирчику, Виктору Коняеву, Нине Суровой, Антонине Шматковой. Правда, никого из них пока ещё в Союз не приняли. Но, надеюсь, что – пока... Писатели они и впрямь неплохие, особенно Леонид Васильевич Кирчик и Виктор Фёдорович Коняев.

В последние годы жизни нашего маститого поэта и прозаика Валентина Васильевича Махалова мы были довольно близки дружески. Нередко общались с ним на «полянках», ездили вместе на рыбалку на Томь, в Змеинку, бывали на выездных чтениях (Мариинск, Марьевка). Не забывал его я и тогда, когда он был уже неизлечимо болен, навещая его дома, до самой смерти. Бываю и на его могиле...

Завязались очень тёплые и настоящие дружеские отношения с писателями Владимиром Неунывахиным, Леонидом Гержидовичем, Владимиром Шумиловым, не говорю уже про Володю Иванова. И лет десять уже продолжается наша настоящая дружба с Сергеем Павловым и Александром Ярошуком. Дружим уже семьями, регулярно встречаясь как в Союзе, в ДЛК, так

и в дачно-домашних условиях, с баньками, вечерними застольями, с пением под гитару и ночевками. Частенько в программы таких встреч входит и чтение вслух своих произведений, с последующими замечаниями и обсуждениями... Как-то на одной из «полянок» Сергей Донбай обозвал нашу троицу за оппозиционность и строптивость «Детьми лейтенанта Шмидта». С тех пор так и повелось... Дай-то Бог, чтобы эти наши отношения продлились как можно дольше.

Хотя бы перечислю ещё некоторых ныне здравствующих и доселе не упомянутых писателей-кузбассовцев, с которыми приходится общаться на различных встречах и мероприятиях: поэт и прозаик, маг-волшебник, заслуженный артист России Владимир Андреевич Переводчиков, поэты-кемеровчане - Василий Феданов, Вячеслав Лопушной, Владимир Соколов, Людмила Чидилян; полковник запаса КГБ прозаик- кемеровчанин Михаил Петрович Гоголев, геолог-прозаик Сергей Чиняев, писательница-универсалка, кандидат наук Вера Лаврина, критик-публицист Валерий Плющев; березовчане - Анатолий Горепякин и Юрий Михайлов, новокузнецчане - Николай Ничик, Эдуард Гольцман, Геннадий Косточаков, Михаил Анохин, Александр Паршуков, поэт-мысковчанин Виктор Жаданов, гурьевчанин поэт Дмитрий Клёстов. Из «молодой» поросли: Юрий Дубатов, Сергей Чернопятков, Виктор Киселёв, Ирина Тюнина, Алексей Петров, Марина Брюзгина; шорцы: Таяна Тудегешева, Любовь Чульжанова, Любовь Арбачакова, Вениамин Борискин и другие.

В бытность начала моего внедрения в писательскую среду довелось несколько раз пообщаться с Представителем Президента по Кемеровской области, писателем, отставным полковником Валерием Казаковым и его женой, поэтессой Элеонорой Акоповой.

Членство в СПР и в СПК дало мне возможность бывать на различных литературных мероприятиях за пределами и нашего города, и области. А это – потрясающие возможности расширить свои личные знакомства с писателями других регионов!

Так, на одном из юбилеев нашего Союза писателей Кузбасса, ещё в 2002 году, довелось познакомиться с интересными писателями Горного Алтая – Аржаном Адаровым и Бронтоем Бетюровым. Тогда же на праздник приезжали к нам в Кемерово

и наш бывший земляк Гарий Леонтьевич Немченко, и главный редактор «Нашего современника» москвич Станислав Юрьевич Куняев.

На Чивилихинских чтениях в 2004 году в Мариинске познакомился и с замом гл. редактора «Н.С.» публицистом Александром Казинцевым. На Фёдоровские чтения неоднократно приезжали к нам писатели из Томска, Новосибирска, Барнаула.

Из томичей хорошо знаком с поэтом и бардом Николаем Хоничевым, моим земляком-пудинцем Владимиром Крюковым и поэтом Геннадием Скарлыгиным (оба – председатели Томских отделений СПР и СРП и соредакторы журнала «Начало века»). Знаком с поэтом и неплохим бардом, окончившим некогда наш институт, Сергеем Максимовым. Был знаком и с Александром Казанцевым. Несколько раз встречался в Томске и общался с патриархом от литературы Борисом Николаевичем Климычевым. Сначала заочно (обменялись книгами и письмами), а недавно и воочию познакомился ещё с одним мэтром томской литературы - Вадимом Николаевичем Макшеевым.

Шукшинские чтения в 2004 году расширили мои знакомства со многими писателями Алтая. Это – Станислав Вторушин, Валерий Тихонов, Сергей Филатов, Анатолий Кирилин, Александр Родионов, Владимир Башунов, Людмила Гаркавая, Валерий Казаков.

Там же посчастливилось видеть и немного даже пообщаться с классиком нашей современной русской литературы Валентином Григорьевичем Распутиным. Очень скромный и несколько даже замкнутый человек. Здесь же присутствовал и Председатель нашего СПР москвич-профессор Валерий Ганичев.

Из новосибирцев был знаком с гл. редактором «Сиб. огней» Виталием Зеленским; его преемником Владимиром Берязевым и нынешним Председателем Правления новосибирцев Анатолием Шалиным.

Дважды, если уже не трижды, встречались с очень интересным иркутским прозаиком и учёным-литературоведом Анатолием Байбородиныным.

Красноярцы - ещё одни наши ближние соседи. Пожалуй, самый близкий и знакомый для меня писатель – это мой бывший

студент, ныне Председатель Правления Красноярского отделения СРП Михаил Стрельцов, сменивший Романа Солнцева на этом посту. Как писатель, он весьма своеобразен, разнообразен и современен. Ещё в самом начале моей писательской деятельности я задумал сделать коллективный сборник стихов и прозы писателей-выпускников Библиотечного факультета нашего института. В этом сборнике «След от полёта», изданном в 2004 году, в авторах оказались я, Володя Есенин, Юлия Лавряшина и Миша Стрельцов (тогда - ещё кемеровчанин). Он же, Стрельцов, посдействовал и тому, что два моих рассказа были напечатаны в Сан-Франциско (США), в русскоязычном альманахе «Образы жизни».

Заочно был давним поклонником рыбацкой прозы красноярца Бориса Петрова. То же самое касается и Сергея Кузнецихина – рыбака и оригинального, с юморинкой, прозаика и поэта. С обоими довелось лично познакомиться в декабре 2011 года, на 60-летнем юбилее Красноярской писательской организации. Там же познакомился с писателем Сергеем Кузичкиным, главным редактором «Нового Енисейского литератора», у которого был напечатан ещё в 2008 году мой рассказ «Нашёл – не радуйся и потерял – не горюй!». Встречался с писателями Александром Щербаковым, Алексеем Мещеряковым, Анатолием Зябревым и Александром Астраханцевым. Готовя очерк о Г.М. Молостнове, немало нового почерпнул при общении с этими писателями. Особо же помог с новыми материалами о Молостнове ещё один красноярский писатель-краевед – Владимир Яковлевич Шанин. С ним мы обменивались несколькими письмами. Он же помог напечатать этот обновлённый очерк о Г.М. Молостнове и в красноярском альманахе «Енисей» (2012 год).

На семинаре редакторов сибирских литературных журналов в Кемерове, встречался с красноярцами Мариной Саввиных и молодым поэтом Иваном Клиновым.

Очень много в плане расширения внешнего знакомства с писателями иных регионов дали мне участия в ежегодных конференциях Ассоциации писателей Урала и Западной Сибири (АСПУР). Дважды я побывал на таких конференциях – представителем от писателей Кузбасса: в Челябинске (ноябрь 2006 года) и в Оренбурге (ноябрь 2012 года). Эти участия подарили неза-

бываемые встречи и дали возможность познакомиться с замечательным талантливым организатором и очень плодовитым писателем, Главным Координатором АСПУРа – Александром Борисовичем Керданом! Общались с ним и у нас, в Кемерове. В Челябинске, по соседству с моим, в гостиничном номере шикарной гостиницы «Малахит» жили тюменцы-ханты-мансийцы Николай Денисов и Андрей Тарханов.

Конференция в Челябинске позволила более тесно познакомиться с Николаем Васильевичем Денисовым – поэтом, прозаиком, публицистом и издателем «Тюмени литературной», где он напечатал в 2007 году мой очерк «А что у нас?». Ещё один тюмонец-издатель журнала «Врата Сибири» прозаик-краевед, исследователь поры декабристов и их пребывания в Сибири, Анатолий Васильев, напечатал в этом журнале в 2007 году мой рассказ «В ожидании праздника».

Здесь же, в Челябинске, познакомился (и даже принимал участие в творческих встречах в библиотеках города) с писателями Андреем Расторгуевым, Сергеем Аксёненко, Вадимом Осиповым и Арсеном Титовым – все из Екатеринбурга, поэтом Николаем Шамсутдиновым (Тюмень), прозаиком Сергеем Луцким (Нижне-Вартовск), Ириной Аргутиной (Челябинск). Запомнились умница Нина Ягодинцева - доцент Челябинской академии культуры, поэтесса и литературовед, а также - замечательный краевед, поэт Кирилл Шишов. Шапочно, но знаком с писателем-генералом из Кургана В.А. Усмановым, Галиной Четвериковой и Валентиной Ерофеевой-Тверской – из Омска, Татьяной Козловой – из Сыктывкара), Вячеславом Моисеевым и Петром Красновым – из Оренбурга.

Блистательно выступал, покоряя аудиторию своими глубокими знаниями и остроумием, и бывал душой застольных межсобойчиков профессор-литературовед и поэт-импровизатор из Екатеринбурга Леонид Петрович Быков (Рыжий Лёня)! В этом я убедился окончательно и через шесть лет, на конференции в Оренбурге.

Конференция в Оренбурге, в ноябре 2012 года, была ещё маститее – по количеству учёных-писателей. Так, одних только докторов наук там оказалось аж четыре человека, это – Кердан Александр Борисович, Быков Леонид Петрович, Быковский Ва-

сий Алексей (г. Муравленко Ямало-Ненецкого нац. округа) и Фатыхов Салим Галимович (Челябинск).

Василий Быковский – доктор-экономист, организатор-управленец, бывший глава Администрации города Муравленко, мой ровесник и даже «близнец», (у нас с ним 2-3 дня разницы, как и с екатеринбуржцем Сергеем Аксёненко). Обменялись с Василием книгами и автографами.

Доктор наук, профессор Салим Фатыхов стал лауреатом премии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка – за солиднейший и фундаментальнейший труд «Мировая история женщины». Человек он поистине интеллигентнейший, очень образованный, ко всему ещё и хороший поэт. С ним у меня сложились доверительные отношения, я подарил ему одну из своих книг, а он мне потом прислал аж две своих книги, каждая только весом более чем по 2 килограмма! Ещё одним лауреатом премии стал Владимир Мазин – кандидат наук, поэт, кажется, из Нижне-Вартовска.

Выступал с докладом на этой конференции и я, так же как и на творческом совместном вечере со сцены в прекрасном татарском национальном театре. Не очень удачно. Доклад мой попал не совсем в струю темы конференции, а на вечере, начав читать своё стихотворение «Как маняще давно я на родине не был», на второй строфе споткнулся, растушевался и забыл слова... Правда, второе стихотворение прочёл нормально, под аплодисменты зала.

На этой конференции упрочил своё знакомство с писателями из Оренбурга Петром Красновым (кстати, в Челябинске мне и Арсену Титову доверили вручать ему премию им. Д.Н. Мамина-Сибиряка) и Славой Моисеевым. Тут же познакомился ещё с тремя интересными оренбуржцами – Сереем Хомутовым, Виталием Молчановым и Иваном Юлаевым.

Приезжал из Москвы и мой бывший земляк-томич, секретарь Правления СПР Василий Дворцов. Кроме того, что он неплохой поэт, он ещё и художник.

Туда и обратно, в одном купе поездов (от Кургана и до Кургана) ехал с Председателем правления курганцев Владимиром Филимоновым. Здесь же познакомился с дамами-поэтессами: Анной Самойловой (Барнаул) и Ольгой Даниловой-

Пушкарь (Тюмень). Из Уфы приезжал Айдар Хусаинов, которому я подарил один из номеров нашего журнала.

Получилось так, что на сей раз моим постоянным соседом по месту в экскурсионном автобусе и на мероприятиях конференции (в том числе и банкетах) оказался Павел Черкашин – из Ханты-Мансийска, очень душевный человек лет сорока, поэт, отставной майор, прошедший уже войны и ранения в Чечне.

Чем ещё интересны такие мероприятия, кроме общепознавательных в географическом плане, так это межсобойчиками. В Оренбурге, например, трижды собирались после всех официальных мероприятий; два раза в фойе на нашем этаже, образуя товарищеский круг (со спиртным, естественно), где и на самом деле по кругу читаются стихи. И один раз, уже под завязку – в Доме литераторов Оренбуржья. Потом продолжили в купе поезда, едва ли не до самого Челябинска... Тут люди раскрепощаются и очень быстро знакомятся и становятся с родственными душами...

До сих пор немного жалею, что в своё время не оценил, не уделил достаточного внимания и не познакомился лично с корифеем нашей поэзии Михаилом Александровичем Небогатовым, зато после опубликования очерка о нём, у меня завязались неплохие отношения с его дочерью от первого брака Ниной Михайловной Инякиной.

То же касается и ещё одного корифея от русской литературы советского периода, кузбассовца, выходца из деревни Марьевка – Василия Дмитриевича Фёдорова. Уже в первый год после открытия в Марьевке (в 1985 году) дома-музея поэта и памятника ему в этой усадьбе, я с другом и коллегой Юрой Ли оказался там со студентами на полтора месяца на осенних сельхозработах. И лет десять уже являюсь обладателем уникального акварельного портрета Фёдорова, который висит в моей комнате, выполненного художником Черепановым.

Будучи преподавателем института, видел и слушал на одном из творческих вечеров в нашем актовом зале Роберта Рождественского. Из ныне именитых и популярных столичных писателей бывал на творческой встрече Сергея Алексеева (ноябрь 2009 года), от которого получил автограф на книге «Возвращение Каина», кстати, почти моего ровесника и уроженца Зырянки

Томской области. В марте 2011 года встречался и общался даже в неформальной обстановке с прозаиком Алексеем Варламовым. В моих фотоархивах имеются и фотографии с ними вместе.

Так что круг моих знакомств с писателями России расширяется.

Правда, за время моего официального членства в СПР наш Союз писателей Кузбасса понёс и невозполнимые утраты. Среди тех, кого я знал: Максим Сибирцев (Александр Голунчиков), Анатолий Козлов, Зинаида Чигарёва, Виктор Баянов, Геннадий Естамонов, Тамара Рубцова, Тамара Страхова, Евгений Левшов, Валерий Ковшов, Владимир Куропатов, Константин Акатнов, Анатолий Кругляков, Владимир Ширяев, Александр Курицын, Валентин Махалов, Владимир Матвеев, Любовь Никонова, Семён Печеник, Любовь Скорик, Валерий Зубарев, Алексей Бельмасов.

Через два дня после знакомства с моим рыбацким кумиром - писателем Борисом Михайловичем Петровым, он скончался в середине декабря 2011 года в Красноярске. Не стало и томича Бориса Николаевича Климычева...

Над могилами некоторых из наших писателей я взял добровольное шефство: Владимира Матвеева, Кости Акатнова, Семёна Печеника, Валентина Махалова. Захаживаю поклониться и помолчать и на могилы других писателей, что похоронены на 4-м и 5-м кладбищах города Кемерово.

Мир их прахам и вечная память... А память останется, прежде всего, в их созданных и опубликованных творениях: стихах, поэмах, рассказах, повестях, романах, публицистике.

Ну, а пока – живу я сам. Живу по-разному. Вот уж, воистину, как любила говаривать моя баба Настасья: жизнь прожить – не поле перейти.

И надеюсь пожить ещё недожитыми годами моего отца Степана, рано погибшего в сталинских лагерях деда Фёдора, павшего на войне маминого приёмного отца Якова Андреевича, убитого на Даманском пограничника одноклассника Ивана Ветрича, моих преждевременно оставивших этот мир друзей - Миши Синицына, Юры Ли, Сани Дмитриева...

Пожить ещё, чтобы сделать что-то несделанное и недоделанное мною, оставив после себя и память, и свой след...

Кемерово, 16 июня – 15 сентября 2014 г.

МИХАИЛ ВЕЛИКОСЕЛЬСКИЙ

**БИОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ,
взятые из «Личного листка по учёту кадров»,
заполненные рукой самого автора 9 ноября 1978 года.**

Великосельский Михаил Николаевич – родился 8 (21) ноября 1918 года в селе Берикуль Ижморского района Кемеровской области, из крестьян, член КПСС с мая 1943 года. Образование – неполное среднее. Учился в Троицкой средней школе.

Сведения о работе и службе:

1935 год – колхозник села Берикуль Ижморского р-на

Июль 1935- июль 1936 – заведующий библиотекой села Берикуль

Июль 1936 – январь 1937 – налоговый агент Берикульского сельсовета

Январь 1937 – февраль 1940 – налоговый инспектор Ижморского райфо

Февраль 1940 – май 1940 – красноармеец 385 стрелкового полка 112 стрелковой дивизии. – Уральский военный округ

Май 1940 – август 1942 – красноармеец, зам политрука 67-го горнострелкового полка 20-й горнострелковой дивизии – Закавказский военный округ

Август 1942 – апрель 1943 – зам политрука, зам командира отряда по политчасти 113 заградотряда 46-й армии – Закавказский фронт

Апрель 1943 – декабрь 1946 – оперуполномоченный отдела контрразведки «Смерш» 46-й армии – Степной фронт, 3,4-й Украинские фронты, Центральная группа войск

Декабрь 1946 – декабрь 1948 – председатель Берикульского сельсовета

Декабрь 1948 – апрель 1956 – секретарь Ижморского райисполкома

Апрель 1956 – март 1970 – председатель колхоза им. Жданова – село Берикуль

Март 1970 – июнь 1971 – начальник ремонтно-строительного прорабского участка р\п Ижморский

Июнь 1971 – и до выхода на пенсию в 1978 году – председатель Ижморского поселкового совета

Пребывание за границей:

Иран, Румыния, Венгрия, Австрия, Югославия – 1941-1946 годы – во время Великой Отечественной войны

Выборные органы:

Депутат Кемеровского Областного Совета 10-го созыва

Член обкома КПСС Кемеровской области

Депутат Ижморского районного Совета

Депутат Ижморского поселкового Совета

Правительственные награды:

Орден «Красная звезда» (6 апреля 1945 г.)

Орден «Знак почёта» (23 июня 1966 г.)

Орден Великой Отечественной войны 1-й степени (1975 г.)

Медаль «За оборону Кавказа»

Медаль «За взятие Вены»

Медаль «За Победу над Германией»

Медаль «За освоение целинных и залежных земель»

Малая золотая медаль ВДНХ

Юбилейные медали (всего – более 10 штук)

Воинское звание – капитан запаса

ВЫСТУПЛЕНИЕ на митинге 9 мая 1981 года

Товарищи! Мне, как и многим другим советским воинам, находящимся на действительной военной службе, пришлось столкнуться с коварным врагом – немецким фашизмом в первый же год Великой Отечественной войны. В составе 20-й горно-стрелковой дивизии, которая в мирное время дислоцировалась в Грузии, городе Гори, пришлось пройти Иран, где немцы пытались подготовить плацдарм для захвата Бакинской нефти. Этот замысел немцев был разгадан, и доступ к нефти был закрыт.

После Ирана наша 20-я горно-стрелковая дивизия была направлена на оборону Кавказа – перевалов Белореченского и Псеашха. В чрезвычайно трудных условиях наши солдаты под командованием командиров, воодушевлённые политруками, сумели создать мощную систему узлов обороны. Много было построено ДОТов, ДЗОТов, окопов, противотанковых рвов, ходов сообщения. Продуманная система оборонительных сооружений

минных полей и других заграждений, хорошо увязанных друг с другом, надёжно закрыла входы в Закавказье.

Большую роль в снабжении войск в горах сыграли самолёты У-2, которые днём и ночью доставляли на высокогорные базы продовольствие и боеприпасы, а также горно-вьючный транспорт. На огромной высоте, достигавшей порой трёх тысяч метров и более, по вечному снегу и ледникам, через непреступные скалы шли вперёд отважные советские воины.

Чтобы выбить фашистов с занимаемых позиций мой земляк-берикулец Цапаев Владимир Васильевич ещё с одним бойцом ночью, под проливным дождём, таща на себе ручные миномёты и боеприпасы, забравшись на высоту, обрушили на гитлеровцев шквальный огонь, который поверг фашистов в панику. Они стали разбегаться, бросая убитых и раненых. И только немногим из них тогда удалось спастись.

В обороне Кавказа отважно сражались и другие замляки-ижморцы; это – Горелкин Михаил – из села Святославка, Сквипин Григорий – из Новославянки, Прянишников Александр – из села Берикуль, Чекмарёв Пётр – из рабочего посёлка Ижморский. Служили вместе и воевали, а встречаться мы не встречаемся, так как нет в нашем районе Совета Ветеранов Великой Отечественной войны, который мог бы организовывать эти встречи, как это делается в городах и в других районах.

Товарищи! Я никогда не забуду 11 января 1943 года, когда войска Закавказского фронта, измотав и обескровив противника в ходе оборонительных боёв, контрударов и частых наступательных операций, сумели внести перелом в боевые действия на Северном Кавказе и перешли в общее наступление на всём фронте!

Этот перелом явился следствием героических усилий наших солдат, сумевших в исключительно тяжёлых условиях оперативной обстановки сломить хребет вражеским армиям. И за месяц наступательных боёв продвинуться на глубину до 600 километров, освободив от немецко-фашистских захватчиков огромную территорию Северного Кавказа. Армиям врага были нанесены большие потери в живой силе и технике.

За годы наступательных боёв в составе войск мне пришлось принимать участие в освобождении Кубани, Украины,

многих городов и сёл. Я видел, как фашисты уничтожали наши города и сёла, убивали мирных ни в чём неповинных людей.

Советские вооружённые силы вышвырнули гитлеровских захватчиков со всей родной земли и дальнейшим наступлением освободили Румынию, Болгарию, Венгрию, Чехословакию, Польшу, Югославию и другие западные государства.

Фашистский зверь был окончательно добит в его собственной берлоге – Берлине.

Я закончил войну в Австрии, городе Вена. И вот уже 36 лет мы живём под мирным голубым небом, благодаря большой и неустанной заботе о мире Центрального Комитета нашей партии, Политбюро и лично Генерального Секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева. В Отчётном докладе на 26-м съезде он сказал: «Отстоять мир – нет сейчас более высокой задачи в Международном плане для нашей партии, нашего народа, да и для всех народов планеты».

Боевой путь 46-й армии и 20-й горно-стрелковой дивизии. (Военно-исторический очерк).

Перед грозой

С середины 1935 года в жизни частей Кавказской Краснознамённой армии начинается новый этап. 6 июля 1935 года на основании Приказа Наркома обороны СССР она преобразуется в Закавказский военный округ.

Переименование Кавказской Краснознамённой армии в округ не было формальным актом. Увеличение численности армии, оснащение новой техникой и связанные с этим усложнения руководства обучением и воспитанием личного состава, потребовали реорганизацию и преобразования. Кроме того, назревала опасность военного нападения на Советский Союз.

В связи с реорганизацией все воинские соединения и части округа получили и новые наименования (нумерацию). Так, 3-я Кавказская горно-стрелковая дивизия была переименована в 20-ю горно-стрелковую дивизию.

Нашему полку было присвоено наименование 67-й горно-стрелковый полк. В начале 1939 года весь личный состав принял и новую военную присягу. Каждый воин принимал присягу персонально, скрепляя свою священную клятву собственно ручной подписью.

Это способствовало усилению личной ответственности воинов за выполнение своего долга перед Родиной.

В 1940 году в округ прибыли пять стрелковых дивизий и дивизий других родов войск. В сентябре 1940 года Заместитель Наркома обороны маршал С.М. Будённый проводил смотровые учения и проверял тактическую подготовку 4-й, 9-й и 20-й стрелковых дивизий. Эти учения во всех отношениях были приближены к условиям боевой действительности. Лучшие результаты по тактической подготовке показали четыре дивизии, в числе которых была и 20-я горно-стрелковая дивизия. За эти показатели она была удостоена наградой Наркома обороны – Переходящего Красного знамени.

Начало войны

... Наступил 1941 год. Стужались тучи над горизонтом. Жизнь воинов проходила в напряженной учёбе и военной подготовке, основной упор которой делался на горную подготовку. Были проведены учебные сборы бойцов по лыжному спорту в высокогорном лагере Бакуриани.

Утром 22 июня окружная газета «Боец РККА» сообщала читателям о событиях прошедшего дня, о том, как воины решают задачи боевой и политической подготовки. Прошедший день был обычным трудовым учебным днём. В передовице газета призывала большевистски руководить учёбой командиров, образцово готовиться к очередному призыву в Красную Армию. Читая свою газету, бойцы и начсостав ещё ничего не знали о том, что на западных границах уже запылал пожар невиданной доселе войны.

А с юга готовила нападение на Советский Союз Турция.

Удобным для немцев мог оказаться и Иранский плацдарм. В целях самообороны и на основании статьи 6 Советско-Иранского договора, заключенного в Москве ещё 26 февраля 1921 года «Об установлении дружественных отношений между РСФСР и Ираном и признания независимости Ирана», на его территорию были введены наши войска, в том числе и нашей 20-й горно-стрелковой дивизии, которой командовал полковник Турчиский. Нашим 67-м горно-стрелковым полком командовал майор Мурашов.

Ввод советских войск в Иран и изгнание оттуда агентуры Гитлеровской Германии разрядили обстановку на южной границе СССР, сняли угрозу захвата важнейшего стратегического нефтяного региона страны - Баку.

Боевой путь 46-й армии

46-й Армии ставилась задача ещё в ноябре 1941 года: не допустить прорыва противника через Главный Кавказский хребет. Основные же силы её были сконцентрированы на Черноморском побережье.

Большинство перевалов вынуждены были обороняться слабыми силами. Некоторые из перевалов не были заранее подготовлены к обороне, и оборонительные сооружения вынуждены были создавать уже в ходе ожесточённых боёв.

Решения Ставки ВГК о мерах по усилению обороны перевалов: увеличению существующих гарнизонов и выдвигании 20-й горно-стрелковой и 394-й стрелковой дивизий на северные склоны хребта - выполнялись командованием армии медленно.

Уже в период с 17 августа по 9 сентября 1941 года немецко-фашистским войскам удалось захватить ряд перевалов на участке от Эльбруса до перевала Умпырский. На Клухорском и Сончарском направлениях (*территория нынешней Абхазии – В.А.*) они вышли на южные склоны перевалов, продвинувшись вглубь на 10-15 километров. Создалась явная угроза выхода противника в Закавказье.

Оборона перевалов Белореченского и Псеашха возлагалась на 20-ю горно-стрелковую дивизию.

Большая и кропотливая организаторская работа штабов фронта и армии позволили вновь назначенному командующему 46-й армией генерал-майору Леселидзе направить действия войск на уничтожение просочившихся через перевалы вражеских войск.

Значительная часть войск 46-й армии была двинута в горы. По крутым извилистым тропам бойцы день и ночь шли, неся на себе всё необходимое для боёв и жизни.

Для решения задач армии нужны были подготовленные воины, а их не было. Искусству ведения горной войны солдаты и офицеры учились в ходе ожесточённых боёв, приобретая этот опыт ценою сотен жизней.

Особенно активными стали действия советских войск тогда, когда на перевалы прибыли специально сформированные и обученные горно-стрелковые отряды. Большую роль в снабжении войск 46-й армии сыграли самолёты У-2, которые ежедневно доставляли на высокогорные базы до 60 тонн продовольствия и других грузов, а также горно-вьючный транспорт.

Неоценимую помощь армии оказывали и сотни опытных проводников, которые вели за собой батальоны и полки по местам, где, казалось, не пройдёт и одиночный боец. Они выводили наши подразделения – им одним известными путями - на фланги и тыл противника. Положение советских войск значительно улучшилось. Наши бойцы стали чувствовать себя уже хозяевами положения. Они навязывали гитлеровцам свою волю и, в конце концов, принудили их перейти от наступлений к обороне.

Наши части метр за метром стали отбрасывать врага назад, на северные склоны Главного Кавказского хребта. Теперь уже и занимаемые врагом позиции стали уязвимыми. Боясь окружения и уничтожения, гитлеровцы стали отходить. В сентябре части Сончарской группы перешли в наступление, и в ходе двухдневных ожесточённых боёв, ударом с юга, овладели селением Псху. Но окружить и полностью уничтожить противника, как это предполагалось замыслами боя, не удалось, так как отряд 1-го Тбилисского пехотного училища не сумел перерезать пути его отхода к перевалам.

В боях за Псху батальон старшего лейтенанта Ульченко разрушил переправу через реку Бзыбь и истребил 120 гитлеровцев. Миномётный батальон под командованием лейтенанта Малофеева уничтожил колонну фашистов до 150 человек. Упорно и ожесточённо с небольшими перерывами на Сончарском направлении продолжались в течение месяца. И лишь 15 октября 1942 года, осуществив перегруппировку и нанеся врагу большие потери, нашим войскам удалось овладеть перевалом Сончор, а к 20 октября – всей группой перевалов. Противник понёс большие потери, отойдя на северные склоны хребта.

Располагаясь на тактически выгодных рубежах две роты 174-го горно-стрелкового полка 20-й дивизии (командир – полковник Турчинский А.П.) 28 августа отразили все атаки превосходящих сил противника и нанесли ему значительные потери.

Дважды гитлеровцы предпринимали попытки наступления на перевал Умпырский, и оба раза неудачно. Тогда они решили обойти его долинами рек Умпыр и Луга. Подтянув резервы после мощного миномётного огня, они вновь перешли в наступление и, благодаря численному превосходству 31 августа всё же овладели перевалом, потеряв порядка 500 человек убитыми и ранеными. Им так и не удалось овладеть перевалами на Главном Кавказском хребте – Псеашха и Апшха.

Получив приказ: выбить фашистов с занимаемых позиций, воины миномётной роты 379-го горно-стрелкового полка в ночь на 1 сентября 1942 года под проливным дождём в течение пяти часов взбирались по отвесным скалам, таща на себе миномёты и боеприпасы. Взобравшись, они отрыли в скальном грунте окопы, а на рассвете наводчики – младший сержант Гомтенадзе Н.П. и уроженец села Бериккуль Цапаев В.В. обрушили на палаточный лагерь гитлеровцев шквальный огонь, повергший врага в панику. Лишь немногие из них остались в живых.

Таким образом, на обширном фронте от Эльбруса и до перевала Белореченский более двух месяцев шли упорные бои. На огромной высоте, достигавшей порой 3000 метров, по вечному снегу и ледникам, через неприступные скалы шли вперёд советские солдаты и офицеры.

Привыкнув к новым условиям высокогорья, войска 46-й армии стали осваивать по-настоящему тактику горной войны. Первые, хотя и небольшие успехи, придали уверенность нашим бойцам. Они понимали, что за их спинами – зелёные плантации Абхазии, марганец Грузии, медь Армении, нефть Баку.

Был сломлен и моральный дух противника. Хвалёные горные стрелки всё меньше уже верили в свою победу, а в письмах на родину всё чаще жаловались на свою судьбу и упрямых русских...

Борьба на седых вершинах Кавказа стала символом нерушимой дружбы народов нашей страны и величия духа советского человека. В одном ряду, соревнуясь в отваге и умении сражаться, воевали и наши земляки Ижморского района. Это – А. Прянишников, М. Горелкин, Ф. Горелкин (погиб), Г. Сковпин, П. Чекамрём, М. Курышин, М. Шинкевич, А.К. Здвижков (погиб) и многие другие. Из Новокузнецкого района – Б. Тульцев, М. Тузовский, Н. Аманьев, Н. Беляев.

За успешные действия по обороне Кавказа Президиум Верховного Совета СССР 13 декабря 1942 года наградил 121-й и 174-й горно-стрелковые полки 9-й и 20-й горно-стрелковых дивизий орденом Красного знамени.

Наступление Черноморской группы началось 11 января 1943 года. Для отвлечения внимания противника от направления главного удара первыми в наступление перешли войска 46-й армии. И к исходу 16 января удалось сломить сопротивление противника и отбросить его назад на 10-15 километров.

Глубокий снежный покров, достигавший местами 1,5 метров, ледяные завалы и минные поля снижали темпы преследования, что давало возможность противнику почти без потерь отходить на новые рубежи. Тем не менее, уже 26 января 1943 года наши войска овладели районами Ходжентский и Нефтегорский.

После Главного Кавказского хребта 20-я горно-стрелковая дивизия принимала участие в боях в составах Северо-Кавказского фронта, Отдельной Приморской армии, 4-го Украинского, 1-го и 3-го Белорусских фронтов.

В составе 28-й армии 1-го Украинского фронта её полки штурмовали пригороды Берлина, замок Грюнсвальд и другие укрепленные участки логова фашистского зверя.

Лично я, в составе 20-й горно-стрелковой дивизии, прошёл Иран, оборонял Кавказ на перевале Псеашха. А в составе войск 46-й армии дошёл до Австрии и города Вена, где и встретил день Победы!

АЛЕКСАНДР ВЕЛИКОСЕЛЬСКИЙ

ПРО РОДНЮ И О СЕБЕ...

Наш прадед по отцовской линии – **Великосельский Дмитрий** (отчества не знаю) родился в селе Берикуль. У него было трое детей, сыновья: Николай, Ефим и Яков.

Наш **дед Николай Дмитриевич Великосельский** родился 20 декабря 1979 года в Берикуле. Дата его рождения на один день отличается от дня рождения Сталина. В семье он был старшим сыном.

У младшего брата деда Николая – **Якова Дмитриевича** Великосельского – было трое детей: Мария и Василий и Александр.

Мария вышла замуж и уехала на север, в Инту. Когда-то Фая Иванюк (старшая дочь тёти Стюни) уехала туда же к ней. У Марии было двое детей – Светлана и Алла. Одна из них – юрист по профессии.

Василий Яковлевич был лётчиком, жил в Новосибирске. Был он женат на Бугасовой Екатерине Николаевне (дочери Николая Никитича – брата моего деда по матери Андрея Никитича Бугасова). Потом он с нею развёлся. У жены Василия, Екатерины, был брат Валентин. После возвращения со службы в армии он тронулся умом. Его забрали в Кемерово, в спецбольницу, и оттуда он больше уже не вернулся.

Николай Никитич был хороший гармонист. Помню, на свадьбе у Тони Семенистовой (старшей дочери тёти Прасковьи Николаевны) его катали зимой на овчине, привязанной за сани. А он, сидя на ней, играл на гармонии...

Яков Дмитриевич после смерти жены, от которой у него были Василий и Мария, женился во второй раз и уехал из Берикуля в Малую Песчанку. Там он прожил до конца своей жизни, и умер в возрасте за восемьдесят лет.

Средний брат деда Николая **Ефим Дмитриевич** умер рано, где-то в конце сороковых – начале пятидесятых годов. Жили они в Берикуле напротив нашего дома. Потом в нём, кажется, жила какое-то время тётя Стюня.

У Ефима Дмитриевича была дочь **Мария**, которая была замужем за Колосовым Михаилом Николаевичем. У Колосовых

было три дочери: Валентина, Галина и Тоня. Тоня живёт в Ижморке (является сватьей моей двоюродной сестры Надежды Михайловны Кириенко и бабушкой их общего внука Никиты, старшего сына Василины).

У Михаила Колосова был младший брат Гоша, который жил на блокпосту и работал на железной дороге. Умел он и класть печки, сложил печь и в нашем доме. Михаил Колосов работал в колхозе трактористом. Помню, доверили ему новый трактор ДТ-54, который получил колхоз. Потом работал он в животноводстве.

Наш дед Николай Дмитриевич Великосельский был женат на **Карташовой Ефросинье Михайловне**, кажется, 1881 года рождения. Как я слышал, была она сиротка. Умерла бабушка Ефросинья в возрасте 76 лет, в 1957 году.

Детей у них было много: Надежда (тётя Надя, 1903 г.), Праксovia (тётя Паруня, 1909), Анастасия (тётя Стюня, 1911), Порфирий (Панфил, 1914), Михаил (1918), **Фёдор (мой отец, 1920)**. Были и ещё дети, умирали... Все выжившие дети, за исключением Порфирия, погибшего на войне, оказались долгожителями.

Надежда Николаевна вышла замуж за **Густав Павла Григорьевича**, который жил в Михайловке. Там же всю жизнь прожила и его сестра Вера. Были они латышских кровей. Через некоторое время тётя Надя с Павлом Григорьевичем уехали в Анжерку. Было у них много детей: Виктор, Анна, Валентина, Александр, Галина, Тамара.

Виктор Павлович Густав родился ещё в Бериккуле, в 1928 году. Окончил сначала Анжерский горный техникум, потом Томский политехнический институт, по специальности горная электромеханика. Долгое время жил в Алма-Ате, работал главным механиком треста «Казметаллургремонт». Умер года три назад (2010 г.).

В первый раз Виктор Павлович женился ещё в Томске, но его жена Наташа рано умерла (через год или два). Вторая **жена Тамара** (кажется, тоже Павловна) работала в Алма-Ате, едва ли не министром лёгкой промышленности Казахстана. В 1969 году я и брат Володя ездили к ним в гости.

Сын Виктора Павловича, **Николай**, учился в Томском университете, окончил юридический факультет. Жил в Томске,

сейчас живёт в Москве. Дочь Виктора Павловича **Татьяна** жила в Алма-Ате, а замуж выходила в Иркутске, за курсанта военного училища (ИВАТУ) **Андрея**. Виктор Павлович приезжал к ней на свадьбу, а я им «сделал» комнату в общежитии Ново-Иркутской ТЭЦ. Прожили они в этой комнате около года, пока курсант не окончил учёбу. Потом я слышал, что у них родился ребёнок, и он, кажется, умер. Через некоторое время Татьяна с Андреем развелись. Таня осталась жить в Алма-Ате, там же вышла замуж и во второй раз.

Дочь тёти Нади, **Анна Павловна** (в замужестве **Рожкова**) жила в Алма-Ате. Её муж **Анатолий** был военным. У них были дети.

Другая дочь, **Валентина Павловна**, ещё с молодых лет уехала на Сахалин, там и живёт.

Третья дочь, **Галина Павловна**, в замужестве **Бондарева** всю жизнь живёт в Анжерке. Её муж Анатолий умер лет семь назад. Её сын **Алексей** окончил Томский политехнический институт, работал в Томске, потом, уже пять лет, как уехал в Москву. Дочь **Марина** – учительница, живёт вместе с матерью в Анжерке.

Младшая дочь, **Тамара Павловна** (1942 года рождения) в Алма-Ате закончила иняз. Жила и работала в Москве, вышла замуж. Там у неё родилась дочь Алёна. Переехала в Краматорск к двоюродным сёстрам (Валентине и Раисе Великосельским). Работала переводчиком на заводе НКМЗ. Алёна вышла замуж за немца и уехала в Германию. Недавно забрала к себе мать Тамару Павловну.

Сын тёти Нади **Александр Павлович Густав**, учился и окончил Анжерский горный техникум. Женился. Сначала жили они в Анжерке, потом уехали в Душанбе. Жили они там в своём доме, хорошо. Говорил, что только там он и увидел жизнь. Но когда распался Союз, жить там стало невыносимо, и они переехали в Калужскую область.

Внучка тёти Нади (дочь Александра Павловича), **Ирина Александровна Кудрявцева**, живущая ныне в деревне Бронцы Ферзиковского района Калужской области, напечатала большую статью «Мне года – не беда, коль душа молода» в районной газете «Ферзиковские вести» (от 22 января 2013 г.). В этой статье

она довольно подробно делится с читателями воспоминаниями и откровениями о своих родословных корнях и своей нелёгкой судьбе. Вот что пишет она:

«Дед по отцу Густап Павел Егорович из латышской семьи, перебравшейся в Сибирь на постоянное жительство, занимался сельским хозяйством. Участник 1-й Мировой войны, за героизм в боях награждён Георгиевским крестом. Бабушка, Великосельская Надежда Михайловна, родом из Ижморского района Кемеровской области. Там, в деревне Бериккуль, родился и мой отец. И до сих пор в сибирской глубинке проживают далёкие и близкие родственники. Баба Надя была домохозяйкой, воспитывала детей.

У отца, Александра Павловича Густап, было четыре сестры и брат. Отец родился 23 февраля 1930 года. После окончания семилетки поступил в горный техникум. Армейскую службу проходил на Тихоокеанском флоте, в Совгавани. Можно сказать, что оба моих родителя хлебнули солёной океанской водички. Демобилизовавшись, папа работал на Анжерском машиностроительном заводе. Вернулся на шахту. Овладел несколькими смежными специальностями: проходчик, машинист, взрывник. В 1973 году наша семья переехала в столицу Таджикистана город Душанбе. В Таджикистане он стал мастером карьера Душанбинского цементного завода, где отработал 14 лет. Имел весёлый характер, был добрым, терпимым к иноверцам и обычаям местного населения. Очень скоро он стал своим на улице Сеченова, где прожили более 22 лет.

Я училась в педагогическом институте на факультете русского языка и литературы, работала в научно-медицинской библиотеке, затем в МВД. В 25 лет вышла замуж, в 27 – родила сына Ярослава. Но семейная жизнь не сложилась...

А потом началась в Таджикистане та страшная война. Не однажды пули залетали в наш маленький дворик. Вспоминаю пережитое, как кошмарный сон. Мы не перенесли этого и в 1995 году уехали в Ферзиково Калужской области, где к этому времени уже жил брат с семьёй. Работала почтальоном. Сейчас сын Ярослав вырос, получил специальность, работает на железной дороге. В 2009 году я вышла замуж. Была Землякова, стала Кудрявцева. Сейчас я на пенсии. И вроде бы всё хорошо, не даёт

покая здоровье отца. Стараюсь чаще навещать его. Благодарю судьбу за то, что кончились все мои невзгоды. Только теперь я поняла и всем существом почувствовала, что такое – счастье».

Вторая сестра отца **Прасковья Николаевна** (1909-2002) всю жизнь прожила в Берикуле, была замужем за **Петром Михайловичем Семенистовым** (1907 г.р.). Их дети: Тоня (1932), Мария (1935), Фаина (1938) и Михаил (1940).

Антонина Петровна (1932 – 2009) вышла замуж за **Вичканова Михаила Романовича**. Жили в Кемерове, работала на электротехническом заводе. Имели двоих детей: Виктора и Александра. **Виктор Михайлович Вичканов** (1955) после службы в армии жил некоторое время с родителями, потом женился и уехал в Башкирию. Там у него родился сын. Сам он заболел раком лимфатических узлов, больного его привезли в Кемерово, где он и умер. **Александр Михайлович** (1957 г.) окончил КузПИ, работал в НИИ, учился заочно в аспирантуре. Женился, родилось двое детей: **Ксения и Михаил**. Возвращаясь из гостей, в районе Белова, их машина попала в автоаварию. Жена Ирина погибла на месте. Детей помогала растить и воспитывать бабушка, Антонина Петровна, потерявшая вскоре после старшего сына ещё и мужа. В настоящее время Александр живёт в Кемерове, женат во второй раз. Растит третьего сына **Алексея**. Работает частным предпринимателем. Антонина Петровна, заболев раком, умерла в августе 2009 года. Похоронена на Кемеровском городском кладбище № 4.

Мария Петровна, в замужестве **Краснова** живёт в Берикуле. Почти всю жизнь проработала дояркой в колхозе, являясь передовицей по надоям молока и ударницей труда. Муж Марии, **Владимир Осипович**, работал в колхозе механизатором – трактористом и комбайнером. Их сын **Анатолий Краснов** живёт, как и родители, в Берикуле. Работал механизатором колхоза. В настоящее время – частник, живёт своим хозяйством. Дочь Марии Петровны, **Фаина Владимировна**, замужем за российским немцем Александром **Бундан**. Живут в Постниково. Её муж – активист комсомола и передовик производства Ижморского района.

Фаина Петровна более двадцати лет прожила в Берикуле. Переехала в Томск, жила у бабы Нины – родственницы бабушки, где некоторое время в 1962 году, будучи студентом, жил и я. Фая работала сначала в универмаге, потом на заводе резиновой обуви. Вышла замуж за татарина **Галиакбарова Рамиля**. Родила от него сына **Юрия**. Потом с мужем что-то случилось, как говорят в народе, «он тронулся умом». Развелись. Она уехала сначала в Мариинск, потом – к двоюродным сёстрам в Краматорск. Там вышла замуж во второй раз, за **Михаила Гавриленко**. Через некоторое время вернулась она с семьёю в свой Берикуль. Родила дочь Татьяну. Работала в столовой, муж – в тракторном гараже, потом – в животноводстве. После смерти матери (тёти Паруни) в 2002 году, перешли жить в родительский дом. Михайло и Фая стали прилично выпивать. Фаю парализовало. Прожив в доме матери лет десять, перебрались в Кемерово, к дочери Татьяне.

Михаил Петрович Семенистов после службы в армии жил некоторое время в Берикуле. Работал шофёром. Женился на учительнице **Марию**. Переехали жить в пригород Кемерово – Кедровку. Там он работал на карьерном «Белазе», потом на «дежурке». По тем временам жили они неплохо, в достатке. Имели машину «Жигули 2103». У них было две дочери – **Лилия** и **Света**. Потом он стал прилично выпивать. Развёлся с женой, Мария уехала в Горький (оттуда она родом). Михаил вернулся в Берикуль, жил у матери. Пил и вскоре умер в 2002 году.

Анастасия Николаевна (тётя Стюня - 1911-2006) вышла замуж за **Истомина Григория**, видимо, в 1937 году. Родила от него дочь **Фаину**. Муж Григорий погиб на фронте, и она из Песчанки переехала в Берикуль, жила напротив нас. Держала корову, работала в колхозе, на лесозаготовках. В 1949 году вышла замуж за **Сантьева Степана Егоровича (1907-1983)** – из села Шестаково Мариинского района. Они переехали на станцию Берикульская. Там у них родился в 1950 году сын **Николай**. Затем они переехали в Мариинск, где родился второй сын **Сергей**. Степан Егорович работал плотником на спиртзаводе. Построил свой дом, и в нём они жили до самых своих кончин. В 1970 году Сергей утонул в реке Кия. Николай умер в Мариинске в 2005 году, отравясь палёным алкоголем (сосед угостил). Я у

них жил на квартире четыре года (1958-1962 годы), когда учился в школе с 8 по 11 класс.

Старшая дочь тётки Стюни **Фаина Григорьевна Истомина-Иванюк** в Мариинске окончила медучилище, медсестра. Уехала в Коми АССР, в город Инта. Первое время жила у двоюродной тётки, Марии Яковлевны. Там она вышла замуж за украинца Михаила Иванюка. Сейчас Фаина живёт в Томске с сыном **Игорем**.

У **Николая Егоровича Сантьева** осталось два сына: Сергей и Павел. **Сергей** некоторое время жил в Екатеринбурге, сейчас – в Мариинске. **Павел** проживает где-то в Краснодарском крае.

Порфирий Николаевич (Панфил,) **Великосельский** (1914-1941) «пропал без вести» на фронте ещё в самом начале войны. Был женат на Анне Осиповне, которая умерла, наверное, году в пятидесятом...

Их единственный сын **Николай Порфирьевич Великосельский** родился в 1940 году. Оставшись без родителей, жил вместе с бабушкой (по матери) Аксиньей в Берикеле, напротив, где-то между школой и конторой. До армии работал шофёром в колхозе. После армии женился на учительнице Августе. Уехали в Алейск, работал на военных стройках. После Алейска переехали в Новосибирск. С тех пор живёт там более сорока лет, в районе ОБГЭС. У него три дочери. Старшая **Людмила** живёт с семьёй в Австралии, средняя Марина живёт в Новосибирске, Татьяна проживает – в Тюмени. Николай заочно окончил институт, долгое время работал руководителем автотранспортного предприятия. После смерти жены Августы женился повторно...

Михаил Николаевич Великосельский (1918-1999) родился в Берикеле. Женился ещё до войны на однофамилице **Анне Великосельской**. До призыва на службу у них родилось две дочери – **Раиса** (1939) и **Валентина** (1940). Вернувшись после фронта в своё село, жил с семьёй рядом с нашим домом. В 1948 году родился сын **Виктор**. Вскоре после родов сына, жена Анна (Нюра) умерла. Михаил Николаевич женился повторно на **Непомнящей Пелагее** (Полине), переехали в Ижморку, где родились у них две дочери **Людмила** (1949) и **Надежда** (1952). Работал он там в райисполкоме. Когда Н.С. Хрущёв начал подъём

сельского хозяйства, многие партийные работники были направлены в колхозы, председателями. Так и оказался Михаил Николаевич снова в своём родном селе Бериккуль, возглавив колхоз имени Жданова. Надо сказать, что при нём для колхоза были лучшие времена. С 1970 года переехал снова в Ижморку, где и проработал до самой пенсии (1978 года) председателем поселкового совета, мэром – по нынешним меркам. После смерти жены Полины был женат ещё, на Нине Родионовне Куневич. В июле 1988 году его парализовало. Оставшуюся жизнь, с 1988 года и по декабрь 1999 года, инвалидом первой группы, прожил в семье младшей дочери Надежды Михайловны Кириенко, в Берикуле. Похоронен на Бериккульском кладбище. О детях Михаила Николаевича и их семьях достаточно подробно есть в воспоминаниях моих двоюродных сестёр – Людмилы Арнаутовой и Надежды Кириенко.

Фёдор Николаевич Великосельский (мой отец, 1920-1999) родился и практически всю жизнь прожил в Берикуле. Окончил только начальную школу, работал в колхозе. В армии служить не пришлось, так как попал под суд и в лагерь - за причинение вреда здоровью с последующим смертельным исходом. (В ссоре ударил мужика дугой от упряжки, и тот умер)*. *(Есть и другая версия того, как он попал в лагерь. Убил мужика не он, а его зять – Пётр Михайлович Семенов, муж тёти Паруни. Но на семейном совете было решено: чтобы не попал за решётку дядя Петя, у которого было уже четверо детей, вину на себя должен взять Фёдор. – В.А.)*. На фронт Фёдор Николаевич пошёл, можно сказать, «добровольцем» - прямо из лагеря. Попал на Волховский фронт, под Ленинград. Но воевать довелось недолго, всего несколько месяцев. Во время артобстрела был тяжело ранен в ногу, выше колена. Несколько месяцев лечился в прифронтовых госпиталях, после чего его комиссовали, и он вернулся в Бериккуль. Здесь он женился на **Бугасовой Зинаиде Андреевне** (моей матери, 1920-2010).

Её отец (мой дед по матери) – **Бугасов Андрей Никитович** (1896-1972) родился и долгое время жил в Берикуле. Участник трёх войн: Первой мировой, Финской и Отечественной – всё почти «по полной», и даже ни разу не был ранен. Всю жизнь работал кузнецом. Сначала единолично, имел свою кузницу,

потом работал в колхозе, в Ломачёвке на песчаном карьере. После этого они переехали под Кемерово, в совхоз «Октябрьский», где он умер и похоронен. Её мать – **Краснова Мария Степановна** (1900-1980(?)) была домохозяйкой, так как у них в семье было много детей: Зинаида, Геннадий, Виктор, Александр, Анатолий, Нина, Валентина. Сейчас в живых осталась только одна Валентина, по мужу, Карбышева(1940), живёт в Пензе.

Ну, а нас у родителей было пятеро: **я (Александр) (1944), Тамара (1946), Нина (1948), Светлана (1951) и Володя (1954-2002)**.

Я, Александр Фёдорович Великосельский, родился 8 февраля 1944 года в селе Берикуль. До седьмого класса учился в Берикульской школе. С 8 по 11 класс учился в Мариинске, в средней школе №6, что находится в районе спиртзавода. Четыре года жил на квартире у тёти Стюни, по ул. Октябрьская, 96. После окончания школы с другом Алексеевым Виктором поехали поступать в Томский политехнический институт (ТПИ). Там, на первом же экзамене по математике, не правильно поняв условие, срезались. Вернулся к родителям в Берикуль. Что делать, чем заниматься – не знаю. А тут из Томска приехала дочь тёти Паруни Фаина Петровна, и уговорила меня поехать с нею в Томск: возможно, где-нибудь недобор. Приехав в Томск, недобора для меня нигде не оказалось. Но возвращаться в Берикуль уже не захотел. Устроился на работу в Томске на завод Сибэлектромотор сварщиком. Сначала жил у бабы Нины (Анисья Андреевна), потом перешёл в общежитие. Сначала – прямо при заводе, потом перешёл в отдельное общежитие. В общежитии при заводе проживало много всякой шпаны, случались драки, поножовщина, но меня как-то обошло...

На следующий год поступал в Инженерно-строительный институт (ТИСИ). Но для зачисления у меня не хватило баллов. Подался на подготовительные курсы в ТПИ. После курсов сдавали вступительные экзамены, ещё в июле, до общеинститутских. Но зачисление было только 20 августа. На сей раз меня зачислили на Теплоэнергетический факультет, по специальности «Парогенераторостроение». Когда я подавал заявление на эту специальность, думал, что это – электрические генераторы, а оказалось, что – это котлостроение, то есть паровые котлы на

тепловых электростанциях. И, надо признаться, я потом никогда не пожалел об этом. Учился в ТПИ с 1962 по 1969 год, учиться было интересно. Жил в разных студенческих общежитиях. В 1967 году был на практике в Новокузнецке, на Кузнецкой ТЭЦ. Преддипломную практику проходил в Барнауле, на котельном заводе. Туда же был и распределён после окончания института. Приняли меня в цех помощником мастера. И там на меня набросились комсомольские активисты завода. Комсомольская же работа была явно не по мне. Кое-как отбился от них.

Поработав в цехе месяца три-четыре, мне показалась эта работа довольно тоскливой. И я решил перевестись в отдел наладки, но там не было вакантных мест. Тогда я перевёлся в монтажный отдел в качестве шеф-инженера. Этот специалист осуществлял авторский надзор за монтажом котла на электростанции ТЭК или ГРЭС. Поскольку котёл – это довольно громоздкое сооружение, высотой метров 30-60 и весом от одной до четырёх тысяч тонн, доставляется он с завода по железной дороге разобранными отдельными блоками. Монтаж одного такого котла – процесс длительный, занимает по времени до одного года. Стажировку я проходил на Барнаульской ТЭЦ-2, потом начал ездить по командировкам. В 1970 году был городе Ачинск Красноярского края, в 1971 году – Рефтинская ГРЭС Свердловской области, потом Тюмень. 1972 год – Камышин Волгоградской области. 1973 год – Новомосковск, Владимир. 1974 год – Иркутск.

В 1976 году закончили монтаж 1-го и 2-го котлов на Новоиркутской ТЭЦ. Я был приглашен на работу в ремонт. Работа эта нелёгкая: нужно было лазать по котлам и даже внутрь котлов, - зато интересная и самостоятельная. Пригодилось тут и то, что в школе я получил вместе с аттестатом зрелости ещё и профессию токаря. Сделал много разных приспособлений и даже станков, некоторые из них работают и по сей день. А две моих работы дошли и до Москвы. Одна из них была одобрена в ЦКТИ (Центральный котлотурбинный институт) – по восстановлению труб поверхностей нагрева котлов. А за вторую работу «Люлька для ремонтных работ в топке котла» в 2011 году мне был выдан патент РФ на изобретение. Это устройство – очень нужное для ремонта повреждённых труб в топке, позво-

ляющее поднять в топке котла двух ремонтников на любую высоту, до 38 метров. Устанавливается такое устройство в котёл за полчаса. Таким образом, моя фамилия вписана в Государственный Реестр изобретений РФ.

Не смотря на то, что это приспособление уже используется ремонтниками не один десяток лет и мне выдан патент на изобретение, который юридически закрепляет мои авторские права, за это изобретение мне до сих пор не заплатили ничего... Подавал даже в суд, но ответчик в наглуую заявил, что они это изобретении не используют.

...В армии мне служить не довелось, но несколько раз ещё в Мариинске проходил призывные медкомиссии. В Томске, пока работал на заводе, неоднократно пытались меня призвать на действительную службу, но всякий раз оставляли до особого распоряжения. Даже дважды увольнялся с работы, потом снова возвращался на завод. В ТПИ была военная кафедра, мы называли её «спецура». На ней мы изучали ракеты ПВО – ещё такие, какой сбили в 1961 году американского лётчика-шпиона Пауэрса. Однако офицерского звания мне не присвоили, поскольку присваивали его после трёхмесячных полевых (лагерных) сборов. Как раз в это время я заболел и на сборы не попал. Потом, работая по командировкам, при Барнаурской прописке, мне несколько раз приходили повестки, но оставались без ответа...

С 1974 по 1976 год я был командированным в городе Иркутске. А с 1976 года и по сей день живу в этом городе постоянно. С 1975 по 1981 год жил я «гражданским браком» с одной женщиной, потом, в 1982-1983 годах – с другой.

В феврале 1983 года познакомился с *Ляховой Александрой Георгиевной*, старше меня тремя месяцами, родом из Хабаровского края. В 1984 с ней мы официально зарегистрировали брак. До меня у неё был уже брак. Но к этому времени она была в разводе, а сын *Евгений* уже служил в Армии. В 1985 году у нас с нею родился сын *Виталий*. Жили мы в Иркутске сначала в общежитии ТЭЦ, в 1988 году нам дали квартиру.

Несколько раз ко мне в гости приезжал отец, Фёдор Николаевич: в первый раз ещё в 1977 году, когда мы перегоняли машину «Москвич», потом приезжал с Тимуром (сыном моей сестры Тамары). Тимур со своим другом побывал ещё раз, на

машине «Нива». Бывали у нас в Иркутске и Лесниковы (сестра Нина с мужем Виктором, жившие в поселке Яя Кемеровской области). Сестра Тамара с мужем Василием (Мазяркины) тоже приезжали в Иркутск, с ними мы совершили поездку по Байкалу на теплоходе.

Сын **Виталий** после окончания школы поступил в Иркутский политехнический институт. Проучился два курса. Его мать Александра, уже больная, перевела на него деньги со своей сберкнижки. Виталий стал жить вольготно, обзавёлся друзьями, учёбу бросил. Я долгое время не знал, что Виталий бросил учёбу. Его мать от онкологического заболевания умерла 2 августа 2004 года. Я написал письмо на имя ректора института, Виталия восстановили в институте, но на третьем курсе он опять оставил институт, кучкуясь со своими недоучившимися друзьями. Я предложил ему пойти учиться на курсы машинистов. Это были курсы путевой машины. Он их закончил и стал работать на ремонте путей. После года работы я предложил ему съездить вместе со мною по родственникам. Побывали в Новосибирске, Яе, Кемерове.

В 2013 году Виталий женился, а в июне 2014 года у него родилась девочка, **Кира**. Его жена **Мезенцева Марина Васильевна** (1987) за месяц до родов защитила диплом экономиста. Работает в банке. По ипотеке купили они однокомнатную квартиру в новом доме. Сейчас Виталий обустраивает квартиру и достраивает гараж, который достался Марине от отца. Друзья Виталия продолжают оказывать на него негативное влияние. Нередко выпивает с ними и задерживается в гараже. От этого – семейные скандалы.

Я же с самой весны и всё лето провожу обычно на своём дачном участке, приезжая в город за продуктами и питьевой водой. С 2010 года избрали меня председателем садоводческого товарищества, таковым и являюсь уже третий срок. Забот хватает. Вот так и живём...

В нашей семье было пятеро детей: я, Тамара, Нина, Светлана и Володя.

Великосельская Тамара Фёдоровна (Мазяркина)

Родилась 2 июня 1946 года в с. Бериккуль. В 1953 году пошла в школу, тогда была ещё семилетняя школа. Окончила её

в 1960, продолжила обучение в селе Красные Орлы (станция Берикульская), где в 1964 году окончила 11 классов. С 1965 года по 1969 обучалась в Кемеровском химико-технологическом техникуме. После окончания техникума была направлена на работу на Саратовский химкомбинат. В Саратове вышла замуж за Мазяркина Василия Ивановича. В 1973 году семья переехала на постоянное местожительство на Украину в г. Краматорск, где проживала до 1995 года. После развала Советского Союза вынуждены были уехать из Украины в Кемерово, где проживает по сей день. Тамара - индивидуальный предприниматель. Дети: Тимур 1974 г. р., Илона 1976 г.р. Тимур проживает в Кемерово, работает в полиции, имеет 3 дочерей: Арина, Ева, Милана. Илона - военнослужащая, проживает в Санкт-Петербурге. Замужем.

Великосельская Нина Федоровна (Лесникова)

Родилась 1 августа 1948 года в с. Берикуль. В 1955 году пошла в 1 класс. Окончила Берикульскую восьмилетнюю школу в 1964 году. В дальнейшем поступила в Томске в учётно-кредитный техникум, после окончания была направлена на работу в посёлок Яя, где долгие годы работала бухгалтером, главным бухгалтером в райфинотделе, военкомате. До сих пор трудится. В 1970 году вышла замуж. Вспоминая их свадьбу, можно сказать, что удивительно красивая была пара. В их семье родились 2 дочери. Наталья – проживает в Яе, работает фельдшером; Надежда живёт в Рубцовске Алтайского края - врач. Четверо внуков.

Великосельская Светлана Фёдоровна (Рагулина)

Родилась 24 октября 1951 года. В 1959 году пошла в 1 класс в 1967 году окончила Берикульскую восьмилетнюю школу. Дальнейшее обучение проходила в Ижморской средней школе, которую окончила в 1969 году. В этом же году начала работать на Кемеровской кондитерской фабрике. С 1972 по 1975 обучалась заочно в Кемеровском пищевом техникуме. Впоследствии работала в Кемеровском горном техникуме. С 1989 года индивидуальный предприниматель: содержит свой зоомагазин. У Светланы два сына: Виталий и Владислав, оба окончили Кемеровский политехнический институт. Виталий – ведущий специалист в Кузбассэнерго, Владислав – инженер по технике безопасности на заводе «Азот», трое внуков.

Великосельский Владимир Федорович

Родился 5 декабря 1954 года. С 1962 по 1970 годы учился в Берикульской восьмилетней школе. В том же году поступил в Кемерове в училище, после окончания работал на Карболите, водоканале. Женился на недостойной женщине, пьющей. Родились трое детей. Затем переехал жить в село. С помощью родителей построил добротный дом. Дети: Юрий, Юлия, Евгений. Володя крепко выпивал, заболел язвой желудка.

Умер в 2002 году.

Иркутск, ноябрь 2014 г.

НАДЕЖДА КИРИЕНКО
(Надежда Михайловна Великосельская)

ВОСПОМИНАНИЯ О СЕМЬЕ ВЕЛИКОСЕЛЬСКИХ

Я вот всё думаю, с чего же начать своё повествование? Просто рассказать о Великосельских, Непомнящих... Что же нас всех объединяет?

Наверное, будет справедливо начать с нашего села, с нашей малой Родины. Село Бериккульское – одно из старейших сёл Ижморского района. Название пошло от одноимённой реки, на которой оно стоит. Развитие его связано с Московско-Иркутским трактом, строительство которого началось по Сенатскому Указу в 1773 году. Этот тракт должен был стать надёжным путём между Центральной Россией и Сибирью. Проходил он по протоптанной арестантской дороге. Не было в ту пору в России другого большака, который мог бы соперничать с ним по горькой известности. По нему часто раздавался заунывный звон кандалов. Здесь прошло много русских людей – от простых крестьян до выдающихся деятелей: А.Н. Радищев, Н.Г. Чернышевский, декабристы и их жёны; позже – петрашевцы и народники. На полуэтапе имели ночлег пересыльные и арестанты. В Церковной летописи есть запись и о посещении села цесаревичем, будущим императором России Николаем Вторым.

...Начало 19 века ознаменовано открытием прихода и строительством здесь храма. Церковь во имя Архистратига Михаила просуществовала в селе почти 120 лет. Старожилы рассказывали, что она была сложена из белого камня, очень высокая. Её было видно издалека, а звон колоколов слышался за 12-15 километров. В Мариинском уезде, куда входило и наше село, в то время было всего две каменные церкви. Внутри кирпичной церковной ограды лежали могильные плиты. Храм имел три свода. Купол на ней был синим, крест – бело-жёлтый, входные двери – двустворчатые, обитые железом.

Как рассказывала П.И. Моисеева (Жененко), в 1931 году с церкви сняли кресты и в ней сделали клуб. Снимал кресты Коляров. Люди плакали, ругались, в него кидали камнями. Само здание церкви было окончательно разрушено в 40-м году. Ломали и оскверняли церковь зэки. Камни от церкви вывозили на

станцию Берикульская. В память о ней остались два кедра, посаженные у ворот...

В 2004 году жителями села Сабуровым А.Н и Кириенко В.Г. на месте церкви установлен деревянный крест, освященный отцом Владимиром Бородиным.

В 1876 году в селе Берикульском открылась первая школа – от Министерства внутренних дел.

Речка Берикуль, впадающая в Кию, была очень чистая и глубокая, на ней стояло две мельницы. Село огораживалось с четырёх сторон. Были и околичные ворота. Поскотину ремонтировали всем селом. Воду брали из двух колодцев: один находился в центре села, другой – в Жененковом проулке. Именно в этом колодце была очень вкусная вода. Из него всегда набирали воду в логушки, когда ехали на покосы.

К сожалению, история не сохранила имена первых жителей села. Вероятно, это могли быть Александровы, Великосельские, Дятловы, Ивановы, Редковские, Подкопаевы – старейшие и многочисленные роды Берикуля.

Наше село пережило вместе со всей страной и тяжёлые годы войн, и революций, и коллективизацию, и годы репрессий. Имена наших земляков вписаны в летопись Великой Победы в Великой Отечественной войне. Они защищали Москву, Сталинград, Кавказ; освобождали от фашизма страны Европы, брали Берлин... Безмерная благодарность им и вечная память...

Многие старожилы вспоминают о патриархальном укладе села: жили тихо-мирно, красиво, пристойно. Друг к другу обращались уважительно – по имени-отчеству или по имени. Но, если уж давали прозвище, то это надолго, порой, и до самой смерти.

Во время войны ждали новостей с фронта, вместе оплакивали погибших. И, наверное, чтобы хоть как-то скрасить трудное время, женщины много пели. На покос и с покоса шли с песнями. Очень внимательны и добры были друг к другу. Вспоминают: засватали в соседнюю деревню Михайловку девушку, а у неё в доме – пусто. И вот, соседи этой девушки, кто что мог, собрали невесте приданное: кто простыню, кто наволочки, кто подушку, кто полотенце... Вот так и помогали друг другу выживать в трудные годы.

Во время войны с Поволжья приехали эвакуированные немцы и жители Курска. Их расселили по домам. Впоследствии они стали как родные. Всем селом кормили немецкую семью. Каждый день мальчик обходил дома, и все ему подавали: кусок хлеба, картофелину, молоко...

Вторая половина 20 века связана с активным развитием сельского хозяйства. В 1956 году несколько колхозов Берикольского сельсовета были объединены в колхоз имени Жданова. Первым председателем этого колхоза был избран наш отец - Великосельский Михаил Николаевич – уроженец этого села, участник войны, орденносец. До самой горбачёвской перестройки это было богатое хозяйство. В селе была построена 2-х этажная восьмилетняя школа, детский садик, сельский дом культуры, столовая, профилакторий. По древне проложен водопровод, установлен памятник павшим в годы Великой Отечественной войны. Сейчас, увы, здесь нет колхоза. Гибнет наше село...

А закончить этот небольшой исторический экскурс хочется стихами нашего земляка, поэта, члена Союза писателей России В.П. Романова:

*В Бериколь родной приеду и под кедрами пройду,
В бывший дом родного деда обязательно зайду.
Здесь пахал мой прадед, сеял, молотил, здесь и косил.
Беглый ссыльный из России выпить квасу жбан просил.
Здесь мой дед родился, вырос, бабку сватал, в дом привёл.
Здесь нужда в углах не была, и достаток в ней не цвёл.
А теперь зарыты деда, я продляю дедов род.
Поклонюсь высоким кедром, словно свечкам у ворот.*

Моя бабушка по отцу – Ефросинья Михайловна Карташова (в замужестве – Великосельская). Её мать – **Анна Афанасьевна Вичканова**, отец – **Михаил Петрович Карташов**.

Мне было 5 лет, когда умерла баба Апросинья (Ефросинья), но я её хорошо запомнила. В памяти она осталась очень опрятной, в платочке. У неё были открытые большие глаза, седые волосы и белое лицо. Носила она кофты с юбками, и обязательно – фартук с кармашками, куда клала гуманок или платочек с деньгами.

Жили они с дедом Николаем в семье Фёдора Николаевича Великосельского – младшего сына, у которого было пятеро детей. Особой мебели, кроме столов и кроватей, не было. Кровати стояли головками друг к другу вдоль стены, отделялись занавесками. Помню, в их старом доме были полати. Я часто ходила к ним, тем более, что далеко и ходить-то не надо было – жили они напротив нас.

Баба всегда встречала меня ласково, угощала вкусными пирогами с молотой черёмухой. Конечно, пироги пеклись не так часто, зато хлеб на столе был всегда. Намазывала толстый слой масла, и мы со Светой (дочь дяди Феди) бежали на улицу. До сих пор помню необыкновенный вкус душистого ржаного хлеба с маслом, на морозе.

Баба заболела, но больной лежала недолго. Перед смертью все дети собрались около неё, не было только Михаила (нашего отца). Она всё ждала и звала его. Когда ему сказали, что мать умирает, он приехал. Дождалась-таки. Посмотрела на всех и затихла. К утру она умерла. Я помню, что мне было очень жалко бабу, и я плакала...

Ефросинья Михайловна Карташова была сиротой, когда выходила замуж за **Великосельского Николая Дмитриевича**.

Его родители – **Анастасия Афанасьевна Иванова и Дмитрий Иванович Великосельский** были приезжими – из России. У них были дети: Надежда, Прасковья, Анастасия (Стюня), Порфирий, Михаил и Фёдор. Они были верующими людьми.

Поскольку в селе была церковь во имя Архистратига Михаила, посещение службы в ней было обязательным. По большим, Престольным праздникам (Рождество, Пасха, Троица) батюшка ходил по домам, поздравляя прихожан. Тогда вся семья выстаивалась во главе с отцом и матерью, приветствовать священника.

Папа (**Михаил Николаевич Великосельский**) вспоминал забавный случай. Однажды батюшка пришёл к ним с трапезником Алексеем Дятловым, которого в селе дразнили «Кыром». Вот папа потихоньку и сказал: «Кыр». За это он получил от своего отца хороший подзатыльник и вылетел из строя.

Ещё папа любил вспоминать, как он с братом Федюхой намазали Боженьке (на иконе) рот сметаной. В тот раз их родители ушли к кому-то «на складчину», наказав детям: не блудить, а то Боженька всё увидит. Ребятишки захотели есть, залезли в погреб и наелись там сметаны. А чтобы Боженька не рассказал про это родителям, намазали сметаной ему рот на иконе: дескать, это не мы съели сметану, а Боженька.

Погреб у них в доме был интересный, сейчас таких не делают. Вход в него был из сеней. Оттуда спускались по ступенькам в большое просторное помещение. Внутри там всегда было побелено, на полках стояли припасы. Капусту, грибы, огурцы солили в больших бочках. В углу погреба, на лето, накладывали колотый лёд большими кусками, который служил своеобразным холодильником.

До коллективизации у деда с бабой было большое хозяйство. Держали лошадей, коров, овец и всякую мелкую живность. Имели свою пашню (сеяли рожь, пшеницу, лён), покосы, огород. Лошади были хорошие. В Томск, если ездили на них за водкой, оборачивались за сутки. Вся семья их трудилась, с раннего детства приучались к труду и дети. Поэтому учиться в школе приходилось мало. А девочкам, считалось, вообще грамота не нужна – письма ухажёрам писать?

Во время Гражданской войны в селе месяц стояли колчаковские войска, занимали дома, а хозяева вынуждены были жить в банях, избушках и погребях. Баба Апросинья пекла им хлеб.

По рассказам тёти Паруни, мирное население колчаковцы не обижали. Но мужчин забирали в свою армию. Некоторым удавалось и спрятаться. Заменяли и лошадей: справных хозяйских – на своих, плохоньких, которых сельские называли «колчаковками». На горе и на церковной колокольне были установлены пулемёты.

При приближении красного отряда Лубкова колчаковцы оставили Берикуль и направились в Мариинск. Никаких военных действий в селе не велось, но местные ребятишки потом ещё долго находили старые ружья, штыки и даже гранаты.

Хозяйство деда Николая вряд ли можно назвать зажиточным, но жили они справно. Часть выращенных продуктов вози-

ли продавать в Анжерку, Мариинск, Томск. На вырученные деньги покупали необходимые товары. Так, тётя Паруня говорила, что пока жила у тяти, одевалась хорошо: ботиночки были со шнурками – «чик на вытчик», катетки красивые, пальто, полушалки...

Дед сам катал валенки. Потом это очень трудное мастерство передал своему младшему сыну Фёдору. Я ещё помню эти катаные валенки, такие ладные, пока новые – ходишь в них, как на каблуках.

Женщины пряли, ткали, шили одежду, стегали одеяла... Тётя Паруня так приспособилась к портновскому ремеслу, что последнее платье она сшила себе сама в 90 лет!

... Но скоро пришли другие времена, началась коллективизация. Отдавать своё кровное добро и хозяйство в колхоз не хотелось. Однако пришли с ружьями активисты, и повели коров из их хлева. Баба ухватилась за корову, плачет. А дед говорит: «Пусть забирают...». Как вспоминала, опять же тётя Паруня, раскулачивали такие, у которых не было ни кола, ни двора, деревенские лодыри.

Стали работать в колхозе. Жили беднее, чем прежде, но не голодали. Целый световой день приходилось трудиться в колхозе, а потом – дома, работы всегда хватало. И уже, в основном, при керосиновой лампе...

Помню, тётя Паруня на 18-летие моего сына Артёма подарила льняное полотенце, которое было сделано ещё бабой Апросиньей. И настолько оно было тонкое и ровное! Просто удивительно: сколько же труда было в него вложено - вырастить лён, его убрать. Затем тот лён трепали вручную, пряли из него нити, ткали, отбеливали на солнце и вымачивали... Какие же это были великие труженики – наши предки!

Много пришлось пережить нашей бабушке: на войну проводила троих сыновей. А когда забрали младшего сына, она решила отправиться в сопровождении дочери Прасковьи повидаться с ним аж в Омск, где он проходил военное обучение перед отправкой на фронт. Ехали на поезде долго, кое-как отыскали часть и сына. А виделись всего три часа. Бабушка и сын очень плакали, прощаясь...

Как и весь наш народ, война не обошла и наше село. В его центре, на площади, установлен обелиск – в честь берикульцев, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. Имена 122 наших земляков вписаны в историю Великой Победы. Среди них – и сын Ефросиньи Михайловны и Николая Дмитриевича – **Порфирий Николаевич Великосельский**.

Тётя Паруня рассказывала мне: как-то деду Николаю приснился такой сон - будто плывут по речке его сыновья. Первым на берег выбрался младший Фёдор. Потом, ухватившись за ветку тальника, Михаил. А Порфирий так и уплыл за поворот, скрывшись из вида... А наутро он рассказал этот сон и пояснил его: Фёдюха и Михаил вернутся, а Панка – нет...

Так и произошло: первым после ранения приехал в село Фёдор. Уже после Победы вернулся Михаил. А на Порфирия Николаевича пришло извещение, что он пропал без вести...

Отца призвали на службу ещё до войны, в феврале 1940 года. Я помню, как папа рассказывал о своём возвращении домой. Его служба продолжалась после окончания войны ещё два года, за границей. Наконец-то он смог вернуться домой. «Сошёл с поезда на разъезде, было лето. Самое время покосов. Травой пахнет – аж дух захватывает! А дорога проходила мимо нашего покоса, отец, как раз, сено косил. Я направляюсь к нему, а он продолжает косить, не обращая на меня внимания. Я говорю: «Тятя, я вернулся...» Коса выпала из его рук, обнялись и заплакали оба... Идём домой. А навстречу нам уже бежала жена и ребятишки. Спрашиваю: «А которые тут мои?» Мне отвечают, мол, те, которые беленькие. Не узнал ни Раю, ни Валю... Валя – так и вовсе родилась в тот день, когда ещё только в армию на службу провожали...»

Дедушка Николай был у нас заядлым рыбаком. Уходил на «Ямы» (так назывались глубокие омуты на речке Берикуль). Удил на удочку, ставил морды, которые плёл сам. Ребятишки знали, что у деда есть крючки. Подныривали под его удочки и откусывали крючки с лески. «У, язва, - ругался дед, - наверно, большая рыба была...». Пойманной свежей рыбой он угощал всех, по очереди одаривая и семьи своих детей...

Я помню его уже стареньким: бородка уголком, седые волосы, нос немного крючком. До смерти сохранил здоровые зу-

бы. А тётки наши говорили, что в молодости он был коренастым и очень сильным. Дед Николай никогда не сквернословил. Сыновья и дочери называли его тятей, относились к нему с большим уважением и почтением.

У нашего отца на руке была татуировка – бегущая женщина в неглиже (сделал наколку ещё на фронте по глупости, потом всегда носил рубашки с длинными рукавами). Когда приходилось ему мыть в бане уже старенького отца Николая, то стесняюсь, никогда не снимал свою рубаху, чем очень удивлял.

Читать дедушка научился уже в глубокой старости. Читал детские книжки с большими буквами. До сих пор помню, как он приходил к нам в гости. Если мама угощала его блинами, то масляные руки он вытирал о свои волосы. Попив чаю, просил принести книжку. Я с удовольствием приносила тоненькую книжку и слушала, как смешно деда читает – по слогам, как в первом классе. Вот он прочитывает книжку и просит меня принести другую. Я бегу в комнату и несу будто бы другую, а на самом деле даю ему ту же самую. Прочитывая страницу, он, наконец, понимал, что это уже читал. И начинал улыбаться, глядя на то, как смеюсь я...

Наша мама его очень уважала. Деда всё время что-то делал: туески из бересты. В таких туесках можно было держать даже воду или молоко. Плёл корзинки, рыболовные мордушки. У нас, ребяташек, были и свои корзинки. И чем меньше внук деда – тем меньше была и корзинка. Тётка говорила, что он умел плести и хорошие лапти. И я даже видела: у неё в сенях висела пара лаптей.

А когда в колхозе появились машины, трактора и комбайны, он очень удивлялся этой технике. Выходил за ворота, опираясь на батожок, смотрел на проезжавшую мимо технику. Больше всего его интересовали комбайны и то, как они работают.

После смерти бабушки Апросиньи, за дедом ухаживали его дочь Прасковья Николаевна и сноха (жена дяди Феди) Зинаида Андреевна.

У деда Николая было два брата: Яков Дмитриевич и Ефим Дмитриевич. У *Якова Дмитриевича* дети: Мария Яковлевна (во время войны работала в Мариинском сиблаге), Михаил Яковле-

вич (погиб на фронте), Николай Яковлевич (работал в Тайге на ж.д.), Александр Яковлевич (работал на ж.д. в Богатоле), Василий Яковлевич, Татьяна Яковлевна, Зинаида Яковлевна (из близнецов).

У **Ефима Дмитриевича** дети: Мария Ефимовна, Евдокия Ефимовна (во время войны работала на тракторе), Алексей Ефимович (погиб на фронте).

Надежда Николаевна (Густап) – старшая из детей в семье деда Николая, родилась 30 сентября 1901 года. Родные называли её Надёхой. Росточка она была небольшого, очень походила на свою мать – белым лицом, фигурой, открытыми глазами. Была шустрая, работающая: не успеют ей сказать что, она тут же всё сделает. Отец хвалил её. Могла скакать на лошади без седла. Забот на ней было много: поле, огород, нянчилась с младшими сестрами и братьями.

Из воспоминаний Ирины Густап: «У неё были роскошные длинные волосы, когда она сидела – коса доставала до пола. Во время болезни тифом косу её отрезали – оказалась настолько длинной, что, перекинутые через сундук, концы её доставали до краёв. А мне запомнилось, как она свои волосы расчёсывала после бани. Расчёсывая гребнем, перебирала прядь за прядью до низу».

Во время войны жили с мужем Павлом Григорьевичем и семьёй в Анжерке, работали на шахте. Было очень голодно. Надежда ходила пешком в Берикуль к родителям за мукой и картошкой, а это – 90 километров. Зимой дорога проходила по льду реки Яя. Как-то прямо у неё на глазах провалился под лёд человек, было страшно и холодно. Обратном везла на санках то, чем поделились родственники.

Из 12 родов в живых осталось шестеро детей: Анна (1924), Виктор (1928), Александр (1930), Валентина (1931), Галина (1938) и Тамара (1943).

Умерла Надежда Николаевна 2 октября 1989 года.

Дорогая моя тётушка **Прасковья Николаевна** (в замужестве **Семенистова**), 1909 года рождения. Если бы ей довелось родиться позднее и жить в наше время – была бы профессором медицины! Умела заговаривать «рожу», зубную боль, вырывала

больные зубы. А когда муж, Петр Михайлович, обморозил пальцы на ногах, - ампутировала их самолично.

Была она среднего роста, крепкого телосложения; имела большие натруженные руки, носила обувь большого размера. Густые тёмные волосы собирала в узел. На голове носила всегда платок, поскольку считала, что «простоволосой» ходить неприлично. Как у матери, открытые глаза, и небольшой нос, немного крючком. По земле ступала крепко, уверенно.

Рассказывала, как в молодости к ней сватался один очень хороший парень. Но она ответила ему, что в эту зиму замуж не пойдёт. Тот и женился на другой. А на следующую зиму к ней посватался Пётр Семенов, родители дали согласие. И пришла она в большую семью работницей. Золовка встретила недружелюбно, зато её очень любила и жалела свекровь.

Вскоре молодые сумели отделиться от родителей, перейдя в дом к чужому больному деду. И девять лет, до самой смерти этого человека, ухаживали за ним. Позже построили свой дом. Главным «прорабом» был у них дядя – Яков Дмитриевич Велюковский, родной брат отца Николая. Любил дядя выпить, просил, чтобы выпивка для него была каждый день. А когда дом был готов, то за вычетом выпитого, «прорабу» причитался всего один рубль полного расчёта.

Муж тётки Паруни, Пётр Михайлович, долгое время работал конюхом в колхозе, любил и понимал толк в лошадях. Ездил на бега в Мариинск и там даже брал призы. Кони у него были породистые, чего стоил только один Гамильтон! Тёмной масти, с белыми носочками. Когда дядя Петя приходил домой навеселе, уже с порога командовал: «Смирно!!!» Тётка не очень-то его боялась, но старалась поскорее уложить спать.

Была она очень гостеприимна, аккуратна и даже расчётлива. К ней в гости приезжали многочисленные племянники, родственники, просто знакомые – дальние и близкие, - всех она привечала с дядей Петей и угощала.

Отменно пекла хлеб. Если это были блины, то они просто плавали в масле. До 80 лет держала корову, сама копала картошку. Выпивку не любила, да и вообще, считала, что на неё – пустая трата денег. Говорила: «Покупать водку – начётисто!»

В разговорах частенько употребляла пословицы, поговорки и устаревшие слова. До самой глубокой старости сохранила ясный ум и светлую память. Было у Прасковьи Николаевны четверо детей: Антонина, Мария, Фаина и Михаил.

Умерла Прасковья Николаевна 19 июля 2003 года, на 95 году жизни.

Дочь тёти Паруни, **Мария Петровна**, вместе со своим мужем Владимиром Иосифовичем **Красновым** работали в колхозе, в своём родном селе Берикуль. Мария – дояркой, Владимир – механизатором. Своим честным и добросовестным трудом внесли достойный вклад в развитие села и колхоза. Их труд отмечен многими районными, областными и государственными наградами. Имеют детей: Анатолия и Фаину, внуков и даже правнуков.

Об **Антонине Петровне Вичкановой** и её семье написано довольно подробно в воспоминаниях моей сестры Людмилы и двоюродного брата Александра Фёдоровича.

Фаина Петровна Гавриленко – от первого брака имеет сына Юрия, от второго – дочь Татьяну. Второго мужа, Михаила Гавриленко, встретила на Украине, в городе Краматорск.

Любимый сын тёти Паруни **Михаил Петрович Семенов** отслужил в армии, работал шофёром на разрезе в Кедровке, женат был на учительнице Марии Яковлевне. Имели двоих детей: Светлану и Лилию. Умер в 2002 году, в возрасте 62 лет.

...Самая близкая и родная моя сестра **Людмила**. Мы с ней по жизни идём вместе, все радости и тяготы делим пополам. Её муж – Виктор Арнаутов – талантливый писатель. Дочери – Ярослава и Настя – умницы и красавицы. Зять Игорь, внуки Николай и Алёна. Всё это – и моя семья! Её приезд в Берикуль для меня всегда был праздником. И сейчас, в непростой период моей жизни, она меня поддерживает, помогает...

Брат **Виктор Михайлович Великосельский** – очень рано женился по большой любви на учительнице **Галине Николаевне Кусковой**. В 1967 году у них родился сын **Михаил**, названный в честь деда. В 1970 году родилась дочка **Оля**. С Галиной Виктор прожил 37 лет. В 2003 году умер их сын Миша, а в 2004 году – Виктор.

Галина сейчас живёт в г. Железногорск Иркутской области в своём доме, который они купили с Виктором. Большая её гордость – внуки Ярослав и Алексей, получившие хорошее образование. Оба работают по специальностям. В последние годы своей жизни Виктор тосковал по Берикулю, часто звонил, приезжал. Мне не хватает его поддержки, доброго слова. Для меня и Галина – родной человек. Все свои тяготы жизни переносит стойко, её поддерживает дочь Ольга, живущая в Железногорске.

Ну, наконец, добралась и до себя, любимой. Писать о себе сложно, но попробую.

Я, Великосельская Надежда Михайловна, по мужу *Кириенко* родилась в посёлке Ижморском 1 февраля 1952 года, была последним, пятым ребёнком в семье. Меня все любили, особенно папа.

Мои воспоминания начинаются с раннего детства, с 1956 года, когда в рядах 25-ти тысячников отца направили в отстающий колхоз им. Жданова, в своё родное село Берикуль. Его избрали председателем колхоза. Мы поселились у бабы Оли. Но мне почему-то там не очень нравилось, и я иногда ночью принималась капризничать. Тогда меня относили к тётке Паруне. Очень хорошо помню, как папа рано утром (часов в 6) уходил на работу, стараясь встать для меня незаметно. Но я просыпалась и бежала за ним. Приходила в правление колхоза и вставала у него между колен. Мне нравилось, что на меня все смотрят, а папа всеми командует.

Папа объезжал поля и фермы верхом на лошади – так ладно и красиво он сидел в седле. А когда приезжал домой вечером, коня нужно было отогнать на конюшню. Сын Виктор этого только и ждал! Виктор очень любил лошадей и быструю езду. У мамы сердце захватывало, когда он ставил коня на дыбы и мчался по улице. А лошади были знатные: Серко, Кабардинка!

Частенько и я ездила с папой по полям в кошевке, иногда и в седле с ним сидела (тогда ещё не было машины). Доводилось и обедать вместе с колхозниками на полевых станах. Но больше всего я любила ездить на колхозную пасеку. Пасечником был Орёл Николай Иванович, он всегда угощал мёдом. А когда в колхозе появилась легковая машина, долгое время шофёром у папы был Кириенко Григорий Артемьевич.

Мама нас всех любила, никого не выделяла. Благодаря ей, мы с Людой не чувствовали, что наши старшие – Рая, Валя и Витя – не родные нам по матери. Старшие сёстры начали рано жить самостоятельно. А мы (я, Люда и Витя) жили с родителями. Мама и папа целыми днями были на работе, мы – на хозяйстве. Частенько между нами вспыхивали баталии, дрались по любому поводу.

Мама жалела нас, давая поспать лишний часок, строго не спрашивала за работу. Конечно, обязанностей по дому было и у нас немало: убраться в доме, летом – огород, наносить воды на поливку. Зимой воду возили из речки в бочках. А из бочки наливали её в большую кадучку. Главным помощником мамы во дворе (напоить скотину, наколоть дрова, дать сена, привезти воды из речки) был, конечно, Виктор. Это была уже – тяжёлая мужская работа, но ею занимались все деревенские ребяташки, поскольку взрослые в это время были на колхозной работе.

Большого достатка у нас, как и у всех в селе, не было. Держали корову, и нас с Людой рано научили доить её. В то время много скота колхозникам держать не разрешалось. К 7 ноября, обычно, резали свинью, из мяса делали фарш, а вечерами лепили пельмени всей семьёй.

Электричество в наше село провели лишь в 1961 году. А до этого долгими зимними вечерами зажигали керосиновую лампу. Мы, школьники, садились за стол и готовили уроки (домашние задания). А в выходные дни все вместе слушали вечером радиопостановки, щелкая семечки.

Лето мы всегда ждали. Лето – это каникулы, лес, речка! А весной, только-только сходил снег, любили ходить в лес. Там мы отыскивали и рвали медунки, гусинки, саранки, пили берёзовый сок. Летом в лесу было много ягод и грибов. Но главное место для ребятни – речка! С малых лет все мы умели плавать. Старшие купались на глубине, возле мельницы, а малышня – на корягах или в небольшой заводи.

В селе многие держали гусей. И как только появлялась зелёная травка и выводились гусята, нас посылали на речку – пастить и присматривать за ними. Ребятишек там собиралось много. Разводили костры, играли в «чеку». И вообще, в свободное вре-

мя мы дома не сидели, бежали на улицу, играли там в лапту, «круговую», «бить-бежать» и в другие игры.

Вечером взрослые шли в клуб, там танцевали под баян или играли уже в иные игры. Заведующей клубом была Орлова Анастасия Михайловна, или попросту тётя Стюня.

Папа наш был заядлым грибником, мешками приносил домой груздей и опёнок. На зиму грибы солили бочками.

Помню сахар – головками. Его нужно было расколоть на куски ножом. А потом пили чай в прикуску. Были и конфеты – «подушечки», драже и леденцы – в железных баночках.

Первой моей учительницей была Августа Фёдоровна Великосельская, очень красивая и строгая. Она вышла замуж за нашего двоюродного брата Николая (Порфирьевича Великосельского). Мои подружки: Таня Швырина, Таня Орлова, Света Великосельская (двоюродная сестра). С Таней Швыриной (Сосниной) дружим до сих пор. Наша мама любила её и брата Сашу, жалела их, рано оставшихся без матери. Жили они с бабушкой Марией Фёдоровной Редковской.

Школу вспоминаю с большой теплотой. Нас учили хорошие учителя: Сурина Нина Алексеевна, Лялин Виктор Андреевич, Сокурова (Воробьёва) Нина Ивановна, Кускова (Великосельская) Галина Николаевна и другие. В школе проводилось много интересных мероприятий, праздников. Там нас принимали в пионеры, потом в комсомол.

После окончания 8 классов продолжила учёбу в Ижморской средней школе. В 1970 году, не добрав одного балла в институт, уехала в Казахстан, в город Джамбул. Родители не хотели меня отпускать, но мне настолько надоела уже их опека, что я настояла на своём отъезде. Когда у меня появились свои дети, я поняла: как им было тяжело меня отпускать. Да и не на пустое место я туда уехала: там жили мамыны родственники – родной дядя Иван Михайлович Непомнящий, его сын Валентин Иванович, сестра мамы - Евдокия Фёдоровна Попович. Конечно же, там они не оставили меня без внимания, устроили на работу секретарём-машинисткой в «Энергосбыт», выхлопотали для меня место в рабочем общежитии. Там мне очень нравилось: жаркое лето, тёплая зима, обилие всяких фруктов.

В Джамбуле у меня появилось много друзей, было весело и беззаботно. Подругу, Свету Бабичеву, вспоминаю и по сей день. В то время там жила и мамина двоюродная сестра с дочкой Жанной. Светлана Молодцова (Бугаенко). Она мне стала старшей сестрой и подругой. Не забываем друг друга и до сих пор. Сейчас живёт она в Усть-Илимске.

Когда заболела мама, папа вызвал меня домой. Я вернулась в Ижморку, и последние несколько месяцев жизни мамы была рядом с нею. 13 сентября 1972 года нас постигло большое горе – умерла наша дорогая мамочка. Мне было всего 20 лет, я до сих пор чувствую эту утрату и боль. Мы с папой остались в доме вдвоём. Но он не смог перенести одиночество, и к 40 дням со смерти мамы привёл в наш дом новую жену, с которой у меня не заладились отношения. Видимо, не готова я была так быстро принять в наш дом чужую женщину...

Через полгода я вышла замуж за бериккульского парня Виктора Кириенко, знали мы друг друга ещё с детства. Я вошла в новую семью – **Кириенко Григория Артемьевича (1927 г.р.) и Екатерины Даниловны (1929 г.р.)**, в девичестве – Митрохиной. Родители устроили нам большую свадьбу...

Тут хотелось бы поподробнее остановиться на своих вторых родителях – родителях мужа. Поженились они в 1947 году, а зарегистрировались в 1949-м, когда у них родился уже старший сын, первенец Толя. Так и живут они вместе уже 65 лет! Их дети – статные и красивые ребята (Анатолий, Виктор и Владимир) переняли от родителей трудолюбие, любовь к земле и к своей малой родине. В своё время они отдали воинский долг Родине: Анатолий – на Тихоокеанском флоте, Виктор – в Монголии, Владимир – на границе, в Находке.

Когда произошла авария на Чернобыльской АЭС, среди ликвидаторов её последствий оказался и Виктор, работавший на строительстве саркофага. Владимир за высокие показатели и трудовые достижения в своём колхозе награждён орденом «Трудовой Славы третьей степени».

Тружениками тыла были и Григорий Артемьевич с Екатериной Даниловной. Много работали в колхозе и после окончания войны. Всегда имели и своё добротное хозяйство, держали пчёл. Предки Екатерины Даниловны приехали в Сибирь из Рос-

сии, а Григория Артемьевича – из Украины. Его мать, Мария Никитична, умерла в возрасте 101 год, будучи в здравом уме и при хорошей памяти.

Старшие мои сёстры жили на Украине, в городе Краматорск. Позвали нас к себе. И мы, молодожёны, с двумя чемоданами отправились в новую для нас жизнь, устроились там на работу. Я – в библиотеку индустриального института, а Витя – на завод ЛИП. В библиотеке был очень интересный интеллектуальный коллектив. Я многому научилась у сотрудников, прочитала много замечательных книг. Мой чистый русский сибирский говор обращал на себя внимание, но всего через каких-то полгода – и я за-гэкала и за-якала.

Дорогие мои сестрички (*Рая и Валя*) тогда очень помогли нам и поддержали нас. Особо хочу сказать об отношениях в их семьях. У них обеих были очень хорошие и добрые мужья.

Муж *Раисы* – *Сергей Татаркулов* – образованный, воспитанный человек, карачаевец по национальности. При регистрации брака Рая сохранила свою фамилию - Великосельская. И Сергей, и Рая уже ушли из жизни. У них осталось двое детей: *Анзор* (живёт в Краматорске) и *Фатима* (живёт в Ставрополе).

Сестра *Валя* долгое время прожила с *Володей Сверкуновым*. Не имея высшего образования, это был очень начитанный человек, хорошо знал историю. Он рано ушёл из жизни. Во втором браке Валентина замужем за *Гончаренко Николаем Ильичём*. Живут они в Краснодарском крае, в станице Привольная. Сын Вали и Володи *Игорь* живёт в Краматорске.

Здесь же, в Краматорске, долгое время жила и наша двоюродная сестра *Тамара Фёдоровна Мазяркина* (Великосельская) – с мужем Василием и детьми Тимуром и Илоной.

Здесь, в Краматорске, мы собирались в празднике большой дружной семьёй, много пели, танцевали, шутили. На высоте тут бывала Валентина, умела всех развеселить. Её шутки мы потом ещё долго вспоминали...

В смутные перестроечные времена Тамара с семьёй переехала в Кемерово. Не по душе пришлось на Украине и Виктору, он мечтал вернуться в Сибирь.

В 1975 году мы переехали в город Ангарск Иркутской области. В 1977 году я заочно окончила Кемеровский институт

культуры, библиотечный факультет. В Ангарске у каждого из нас была интересная работа. Виктор работал экскаваторщиком, в строительном управлении. Я – сначала в библиотеке, а потом 12 лет – в Ангарском книготорге, товароведом и заведующей книжным магазином «Букинист».

И здесь, в Ангарске, у нас были родственники – мамина двоюродная сестра Сергеева (Бугаенко) Галина и её муж Геннадий. Безмерно благодарна им за тепло, добро и поддержку. Мы очень подружились с ними. Не могу не сказать и о нашем земляке-беркульце Леденеве Борисе Михайловиче и его жене Алле. Это – открытые и добрые люди. Борис Михайлович был военным. Нашему сыну Артёму очень нравилась форменная фуражка с кокардой и погоны со звёздочками. Всё это он получил в подарок. Возможно, уже тогда у него появился неосознанный интерес к военной службе, которой Артём себя и посвятил.

В Ангарске родились и наши дети: в 1975 году – доченька *Василина*, и в 1981 году – сыночек *Артём*. Мы любили друг друга и растили наших детей в любви к ним.

В 1988 году заболел мой папа, его парализовало. И в 1989 году мы переехали поближе к нему, в город Прокопьевск, поменяв свою квартиру. Забрали отца к себе. И решили строить свой дом в Беркуле.

Выстроив там свой новый дом из деревянного бруса, в 1991 году мы вернулись в Беркуль. Десять с половиной лет наш папа был парализован: лежал, не говорил, требовал постоянного ухода. Много тогда пришлось пережить с ним. Большой поддержкой тогда были мой муж, дети, родственники. Помогали сёстры: Валя и Люда, спасибо им.

В Беркуле я пошла работать в школу, учителем. И семнадцать лет составляет мой педагогический стаж. Мои коллеги, школьные учителя: Воробьёва Нина Ивановна, Пасхаль Антонина Ивановна, Бохан Николай Иванович, Чайкина Мария Николаевна, Викторова Людмила Николаевна, Воронина Елена Васильевна, Алексеева Ирина Михайловна, Александрова Ирина Васильевна, Киселёв Валерий Дмитриевич, Игнатьева Оксана Алексеевна, Ерёмкина Татьяна Ивановна, Аветисян Эмилия Павловна, Краснова Валентина Александровна – самоотверженно

«сеяли разумное, доброе, вечное» в души бериккульских ребятишек.

С 2007 года я на пенсии. В 1997 году у нас родился первый внук **Никита**. Такую радость принёс в дом этот малыш! От второго брака у Василины ещё трое детей: **Даниил, Варя и Костя** (двойняшки). Василина окончила институт культуры. Сейчас осваивает новую профессию – косметолога и учится в медицинском колледже.

Артём окончил Кемеровское высшее командное училище связи, женился на Варвянской Юлии Александровне. Кстати, мать Юлии, Пьянкова Галина Павловна – уроженка села Бериккуль. Артём служит в Москве, в настоящее время в звании майора Российской армии. Имеет двоих детей: **Полину и Гришу**.

Наши дети не похожи друг на друга – внешне и характерами. Василина – малоразговорчивая, как и её бабушка Катя, любит порядок и чистоту. У неё четверо детей и много забот по их воспитанию. Артём, наоборот, любит поговорить, развлечь, организовать компанию, умеет интересно проводить время. Многое хочет узнать и испытать. Занимался подводной охотой, рыбалкой, поиском старинных и редких монет, умеет ездить верхом на лошади. В его характере, манерах я вижу многое от моего отца: самостоятельный, всего добывается сам в своей жизни.

Я всегда чувствую внимание и заботу детей и моих дорогих внуков, а их у меня уже шестеро: Никита, Полина, Даниил, Варя, Костя и маленький Гришаня. И каждого из моих внуков я встретила из роддома и искупала в первый раз (кроме Полины). Большой радостью для меня всякий раз был их приезд в наш деревенский дом. Собиралась вместе наша большая семья – двенадцать человек! За один стол всех и не усадить было, места не доставалось, зато угощения хватало всем...

Приезжали к нам в гости и много родственников и знакомых. Всегда бывало весело и хлебосольно. В каникулы постоянно гостили у нас внуки, оздоравливались на свежем воздухе и домашнем молочке...

Сейчас я живу в Кемерове, одна...

Октябрь-декабрь 2014 г.

ЛЮДМИЛА АРНАУТОВА
(*Людмила Михайловна Великосельская*)

КАКОГО МЫ РОДА-ПЛЕМЕНИ...

Мой род. Как до обидного мало я о нём знаю!

Вот сейчас думаю: почему не расспросила дедушку и бабушку, когда они были живы – ведь я уже была взрослая, могла бы записать что-то, да и запомнить? Но я этого не сделала. Жалею!

Начну с **прабабушек**, я помню двух. Это – *мамины бабушки*: баба Аксинья – Аксинья Страдонитовна Стефанова (Степанова) – бабушка по материнской линии. Бабушка мамы по линии отца – Екатерина Яковлевна Непомнящая.

Что я помню про *бабу Аксинью*? В памяти осталась невысокая морщинистая старушка, с какими-то любопытными глазами. Помню, встречала она меня на Пасху, целовала и давала крашеное яичко. Примерно за год до смерти у неё что-то плохо стало с памятью и, как говорили старшие, баба принялась «чудить». Она выходила с узелочком на дорогу, добрые водители останавливались, спрашивали её: «Бабушка, тебе куда?» Она отвечала: «В Барановку». А это – в 6-ти километрах от села Бериккуль. Её подвозили до Барановки, и она ходила там целый день. Потом кто-нибудь также привозил её обратно. Что ей надо было в этой Барановке – никто толком так и не понял. Сама она была родом из деревни Тунда, что в Ижморском же районе. Мужа звали Иваном.

Жила она в маленьком домике (он стоит и поныне) со своим младшим сыном Николаем и его женой Натальей. Дядя Коля был хромой с детства. Это был бесконечно добрый человек, улыбчивый, наивный, если не сказать, простоватый. Работал он колхозным кузнецом, никогда никому не отказывал, если нужно было что-то сделать: тятку какую, или что ещё из утвари. Его любили в селе ещё и за то, что он хорошо играл на гармони. Репертуар у него был незатейливый, но без его участия не обходилось ни одно деревенское застолье – будь то свадьба, именины, или какой другой праздник. И до самой смерти его звали в дерев-

не, стар и мал, - Коля Хромой. Жаль, что теперь уже не могу отыскать его могилку на кладбище. А помнить его – помню...

Умерла баба Аксинья в 1959 году летом, хоронили её в жаркий день. Кроме Коли Хромого и моей бабушки Ольги были у бабы Аксиньи ещё дети: дочь Татьяна, сыновья Александр и Константин (дядю Костю я хорошо помню), Александр погиб на войне. О нём мне ничего не известно...

О другой прабабушке помню побольше. Мы звали её *баба Катерина*. Такой светлый образ возникает, вспоминая её... Её лицо, хотя и было в морщинках, но какое оно было красивое! Когда я родилась, ей было уже 70 лет. Я помню её с семи лет. И до сих пор всё думаю: откуда в этой женщине, всю жизнь прожившей в селе, не знаю, как и назвать, - такой *аристократизм*, что ли? Ровная, прямая, спина, негромкий голос, белое лицо, очень умные глаза и чувство собственного достоинства! На голове она всегда носила платочек, чистенький и светлый. Её длинные юбки и фартуки тоже были светлых расцветок и всегда чистыми. Седенькие волосы иногда выбивались из-под платка – такими белыми кудряшками. Она рассказывала нам о своём нелёгком детстве, и мы с сестрой уливались слезами... Вот, и сейчас – слёзы...

А история такая. Жили они в Берикуле. Её отец был ссыльным – как и за что – не знаю. Было им с сестрой (по-моему, они – погодки) лет по пять-шесть. И вот, мать этих двух девчушек бросила их и ушла с каким-то заезжим офицером. Отец ждал какое-то время, надеялся, что та одумается и вернётся. Потом поехал её искать, обещая девчонкам, что скоро вернётся. А перед тем, как уехать, всю ночь не спал и курил. Уехал, да так и не вернулся. Девчонки остались одни, всё ждали отца и мать. Собрали все отцовские окурки, сидели и плакали над ними.

Потом соседи стали девочек подкармливать. Кто-то приглашал с ребёнком посидеть, кто – прясть, что-то ещё сделать... Да так одни они и выросли в этом селе. Что произошло с бабиной сестрой дальше – не знаю.

А баба Катерина в шестнадцать лет вышла замуж за Михаила Непомнящего. К тому времени она была уже первой красавицей на селе. Это мне дед Николай, папин отец, рассказывал. А были они с ней примерно одного возраста. У бабы Катерины с

дедом Михаилом родились дети: старший Фёдор (мой дед, 1899 г.р.), Николай, Пелагея, Анастасия и Иван. О них – позже.

Баба Катерина не всегда жила в Бериккуле: на моей памяти она – то уезжала к дочерям, то к сыновьям, а последние года четыре жила как раз у моих дедушки Фёдора с бабушкой Олей. Была она очень приветливой. Даже, если что-то хлопотала по кухне, обязательно радостно улыбалась, стоило только мне переступить порог. Помню, что пекла она пироги – такие большие и пышные. А про маленькие пирожки она говорила: «Не пирог, да и не пирожился бы».

Сколько помню, она всегда была чем-то занята: то плела вязанки из лука, то вытрясала мак из маковых коробочек, то пряла овечью шерсть, то вязала из неё носки и варежки. Летом, работая на огороде, она даже над грядкой нагибалась как-то по-особенному, степенно. Не знаю, жаловалась ли она на своё здоровье. Но помню: как-то мама пришла от своих родителей и сказала, что баба Катерина заболела. После школы я пошла её попроведать. Она лежала бледная, сказала мне, что её повезут в больницу на станцию Бериккульская. В больнице ей поставили диагноз: острый аппендицит. От операции она отказалась. Несколько дней ещё промучилась и умерла. Было это зимой 1963 года. Пусто стало как-то сразу... Было очень жалко бабушку...

Баба Оля

Моя бабушка – Ольга Ивановна Стефанова (Степанова), в замужестве Непомнящая, родилась 24 июля 1896 года. Вернее, её крестили в этот день, о чём есть запись в метрической книге Бериккульской церкви. Про её детство ничего не знаю, почему-то она не рассказывала нам про это, хотя я-то её расспрашивала о том, как они жили раньше. Одно знаю, жили они в селе Бериккуль и, как понимаю, жили бедно. Бабушку Олю я очень любила.

Было ей 16 лет, когда её отправили в Томск. Там её устроили горничной или кем-то ещё к одной богатой татарке. Знаю, что и там ей было тоже не сладко. Целыми днями она работала по дому и только в воскресенье ходила в церковь или с хозяйкой на базар. Рассказывала, что та накупит целые корзины всего, а я тащу. Особенно плохо было зимой: хозяйка наденет валенки, тёплую шубу, и ходит по базару, а на мне – лёгкие ботинки да

старенькое пальтишко. Бывало, так замёрзну... Ноги так и примерзали к ботинкам.

Есть старая фотография, где баба Оля с отцом. На бабе надет фартук с широкими бретелями. Я спрашивала у неё: «Это что на тебе?» Она отвечала, что этот фартук ей дали в фотосалоне, а под тем фартуком было старенькое платьице...

Через некоторое время она заболела, отец приехал и забрал её назад. В 1917 году баба Оля вышла замуж за Фёдора Непомнящего. Он был моложе её на три года. Да, вот ещё про бабу Олю: была она смуглая, невысокого роста, с чёрными глазами и чёрными, как смоль, волосами. На деревенских посиделках и гулянках в молодости она «с круга не сходила»: пела и плясала, веселила всех, потому что язычок у неё был необычайно острый.

Я спрашивала как-то у неё: «А какой был дед тогда?» Ответила, что сидел всегда в углу, да рукомойником играл. Похоже, сказала это она про него в сердцах: на самом деле дед в молодости был высокий красавец и грамотный (4 класса образования).

Баба Оля рассказывала такую историю: когда они с дедом поженились, жили одни. Как-то на Пасху поднялись они рано, с вечера тесто было поставлено, напекла баба куличей. В церковь идти было ещё рановато, решили они немного ещё поспать. А когда проснулись, принарядились, взяли куличи и пошли в церковь, то там уже никого не было. Часов-то у них не было, вот они и проспали утреннюю службу.

Ещё она рассказывала. Уже в Гражданскую, Колчак шёл через село, отступая на восток. Вот деда и призвали насильно в его армию. Но дед недолго у Колчака прослужил, при удобном случае дезертировал. Домой тайком вернулся. Баба спрятала его. А тут приходит к ней староста и спрашивает: «Ольга, а что, Федор-то, не приходил ли домой?» Баба ему: «Нет, нет, не было...». Староста осмотрел комнату и говорит ей: «Ну, раз не было - тогда ты и ремень-то его тоже спрячь...». Так деда и не нашли.

Вот и всё, что я знаю о её молодости, так мало... А жаль, ведь я с ней общалась довольно много, могла бы и побольше узнать...

У бабы Оли с дедом Фёдором родилось десять детей, выжили всего четыре дочери: моя мама и мои тётки: тётя Лиза

(1926 г.), тётя Дуся (1930 г.) и Лёля (Валентина, 1935 г.). Первым был сын Кузьма, 1918 года рождения. В 12 лет, весной, он провалился в рыхлый снег, весь промок, заболел воспалением лёгких, вылечить его не смогли. Баба всегда плакала, когда вспоминали о нём. Последним ребёнком у них был мальчик Юра, 1937 года рождения, умер младенцем.

Вторым ребёнком у них была моя мама, Пелагея, правда, все звали её Полиной. Родилась она 22 октября 1920 года. Последним выжившим ребёнком у них была Валентина, 1935 года рождения. Из всех их к настоящему времени в живых осталась лишь одна она, любимая моя тётя, крёстная. Я зову её Лёля.

Бедные мои бабушка и дедушка! Это сколько же слёз выплакано по этим детишкам!

В 1934 году, весной, вся семья переехала в Читинскую область, в посёлок Нюкжа – дед до этого уже там бывал. Хотели разжиться золотишком. Уезжали они туда не одни. Кроме их семьи, из деревенских, знаю, уезжал ещё Краснов Иосиф с семьёй. Жизнь на Нюкже была тяжелой, об этом есть в воспоминаниях тёти Лизы Овчаренко и Лёли (Валентины Ивановой).

Помню бабушкин рассказ, она тоже мыла золото, летом ходила босиком. Однажды наступила на какую-то острую железяку и очень сильно распорола пятку. Чем-то перевязала её, работала день, а на другой день нога распухла, наступить на неё было невозможно. Началось заражение. Она несколько дней промаялась, потом какая-то женщина стала её лечить, как я понимаю, народными средствами. И вылечила, а то хотели уже ногу отнимать. В общем, и там жизнь у них была несладкой. Я как-то спросила у неё: «А золота привезли, хоть сколько-нибудь?» Она мне ответила: «Да какое там... В сундуке грамма два песка золотого было, да всё рассыпалось...»

У деда с бабой я была второй внучкой. Первым был Юра Овчаренко, сын тёти Лизы, но жили они в Ростовской области, и бабушка с дедушкой его не видели. Так что, я была у них первой внучкой и первой племянницей у моих тёток. Бабушке моей было в ту пору около 53-х лет, а деду – 50.

Родилась я в Ижморке, в районном центре. Смутно, но помню, что баба приезжала к нам туда, частенько – с нашей соседкой, которую звали Зиновеевна, общалась. Та тоже весёлая

старушка была. Ну, а с 1956 года, когда мы переехали в Берикуль, я бабушку Олю помню уже хорошо.

В тот год ей исполнилось уже 60 лет. Это была уже старушка, худенькая, сутулая, волосы чёрные, почти без седины, пронзительные чёрные глаза и какая-то с лукавинкой улыбка. Я уже упоминала про её острый язычок, этим она славилась в селе. Если она шутила, (а шутила она частенько), то это у неё получалось, как говорится «не в бровь, а в глаз». Если кому-то давала прозвище или кличку, то это тоже было точно и смешно. Вот за это бабу Олю многие побаивались.

Жили дед Фёдор и баба Оля в небольшом домике, в центре села Берикуль. В избе было две комнаты. Первая из них являлась и прихожей, и кухней, и столовой - квадратов на восемнадцать. Но большую часть её занимала русская печка – с лежанкой. В левом углу у входа стоял деревянный топчан, размером с полутораспальную кровать. В комнате было три окна, одно из них выходило во двор, два других – на улицу. Ещё в этой комнате находились: деревянный диванчик, довольно большой обеденный стол, скамейка и два шкафчика, один из которых висел на стене, второй стоял на полу под первым и служил разделочным столом. Оба шкафа прикрывались ситцевыми цветными занавесками. Над окнами были деревянные карнизы, на них крепились белые, либо подсиненные занавесочки. Вторая комната называлась «горницей». Там стояла кровать, большой сундук. На двух стенах под занавесками висели вещи: на одной - не сезонные общие, на другой – Лёлины платья.

Весной, у торцевой стены под занавеской сидела гусыня в каком-то тазике, на яйцах. Днём она вела себя тихо и смирно, а рано утром просыпалась, выходила из гнезда и принималась громко гоготать. Этим гоготом она всегда будила меня, если я оставалась ночевать у них. Её выпускали на двор, там она недолго гуляла и возвращалась в гнездо.

В избе у них было много комнатных цветов. Стоял фикус с большими восковыми листьями, на подоконниках – несколько гераней, баба называла их «иранками». На маленьком столике, накрытом выбитой или вышитой скатертью, в горнице стоял петух из папье-маше и небольшой симпатичный поднос. На по-

лу лежали самотканые половички. Здесь всегда было чистенько и уютно.

Я очень любила у них бывать. Старшие их дочери к тому времени были уже все замужем, а младшая, Лёля, училась в Томском пединституте. Когда она приезжала домой на каникулы, для меня наступал праздник. Если это было зимой, я приходила из школы, делала наспех дома уроки и бежала к бабе. Там я общалась с ними до самого вечера. Вечером Лёля уходила в клуб на танцы, а я отправлялась домой. Ещё больше времени у меня было для общения с бабой и Лёлей во время летних каникул.

Баба отменно пекла хлеб, тогда в деревне все выпекали себе хлеб сами. Хлеб у бабы Оли получался самым вкусным! А ещё пекла она мои любимые пышные пирожки, с картошкой и морковкой. Частенько угощала она меня оладьями. Тесто на них заводила она быстренько и, если топилась в это время печь, минут через пятнадцать были готовы уже первые оладушки. Мне кажется, что я в жизни больше не ела таких вкусных! На чём только я сама позднее не пробовала их заводить: и на сметане, и на кефире, и на дрожжах, но так, как у неё – не получалось...

На подворье у бабы с дедом были: корова, овцы, куры, гуся, маленькая пасака. По двору бегал пёс Шарик – белый с пятнами. Урожай хранился в двух погребах, один из которых находился во дворе, другой – в огороде. Там же, в огороде, стояла и баня.

Баба целый день хлопотала по хозяйству, иногда я помогала ей. Она научила меня плести вязанки лука и многим другим житейским мелочам. Особенно я любила сбивать из сметаны масло в ручной маслобойке. И всегда наказывала бабе, чтобы она меня звала, когда надо будет сбить масло.

На праздники мы всегда приглашали бабу с дедом к себе в гости. С ними было весело. Баба Оля хорошо пела, правда, голос у неё с возрастом стал немного хрипловатым, но пела она правильно. И, если на улице слышались песни, то я всегда узнавала бабин голос среди других. Хорошо пел и дед Фёдор, помню, как они с бабой пели вместе «По диким степям Забайкалья». Хорошо пели.

Острый бабин язычок не только веселил, но и доставлял неприятности. Помню, как-то наш папа пришёл с колхозного отчётно-выборного собрания, тогда он был председателем колхоза, злой, сердитый, говорит маме: «Чтобы тёщи на собраниях больше не было! Там не мой отчёт слушают, а все ждут: что скажет Ольга Ивановна! А она не промолчит, обязательно встрянет, и все хохочут! Не собрание получается, а тещин концерт какой-то!» Мне и Лёня Иванов, Лёлин муж, признавался, что боялся тещу за её язык.

С дедом баба жили, наверное, по-всякому. Баба рассказывала, что он ревновал её к одному старику, который жил за речкой. За речкой же жила и тётя Дуся Попович, дочь, с семьёй. Баба рассказывала: «Решила я за Дусиным огородом черёмуху пособирать, там был большой черемошник. Собираю я ягоды, слышу: кто-то шуршит недалеко. Пошуршит-пошуршит, да и успокоится, потом опять. А когда обобрала ягоды, стала выходить из зарослей, смотрю: а это Фёдор лежит и спит. Это он, выходит, следил за мною, да и уснул».

Ещё помню, было это уже в 1966 году, зимой. Баба пришла к нам заплаканная: дед пьяненький начал драться, сломал даже ей палец. И всё по той же причине: ревновал. Мама пошла к ним, быстро разобралась с дедом. Баба несколько дней жила у нас. Такие вот страсти бушевали у деда с бабой...

Потом пришёл дед, виноватый такой, сел у порога, не раздеваясь. Папа его приглашал к столу. Мы в то время всей семьёй лепили пельмени. Дед сидел-сидел, и говорит мне: «Смотри, Люда, как бабушка-то пельмени лепит: свернёт пельмешек, положит его на ладошку, посмотрит на него – ладно ли получился, и только тогда кладёт его на общий лист...» А баба мне украдкой шепчет тихонечко: «Ишь, подлизывается...».

Иногда баба ругалась на деда: «Чтоб тебя стрешный расшиб!» Случалось это, когда он сильно досаждал ей. А кто такой этот «стрешный» - не знаю.

Когда Лёля училась в институте, помочь ей особенно было нечем, денег не было. Баба сеяла табак. Осенью листья табака сушились. Дед измельчал их на специальной резалке, а баба ездила в Мариинск продавать этот табак. Продаст она этот табак и Лёле деньги высылала на учёбу...

А до Мариинска надо было ехать пригородным поездом. Железная дорога через Бериккуль не проходила, нужно было добираться до неё ещё 6 километров, до Разъезда. Как-то баба пошла с этим табаком на Разъезд. Подходит, а пригородный поезд уже стоит. А стоял он там по расписанию всего две минуты. Она – бегом, да нужно было ещё обежать тепловоз. Видит: машинист смотри в окно. Она ему и кричит: «Подождите меня!» А он ей в ответ: «Да мы только тебя, бабка, и ждём!» Успела, а оказывается, там что-то грузили на поезд. Баба и чужую шутку понимала и умела ценить.

После окончания школы я уехала к своим старшим сёстрам на Украину, в Краматорск. Приезжала домой только в отпуск, и сразу бежала к бабе с дедом. Они оглядывали меня со всех сторон, расспрашивали о моей жизни там. Через три года я вернулась обратно, поступила в Кемеровский институт культуры, училась в нём. Однажды мы с друзьями сговорились пойти в ресторан, собрали деньги. И в этот день, после обеда мне принесли телеграмму, в которой сообщалось, что умерла баба Оля. В последнее время, припоминаю, она частенько сильно кашляла. У неё была эмфизема лёгких.

Нужно было ехать на похороны проходящим поездом «Абакан – Кемерово», из Кемерова он отправлялся в половине первого ночи. Мои подружки уговорили всё-таки меня пойти с ними в ресторан. Правду сказать, тогда мне было совсем невесело. Из него я поехала на вокзал, всю дорогу плакала и корила себя за то, что согласилась пойти в ресторан. На похоронах бабы Оли я тоже много плакала... Хотя бы приснилась когда-нибудь мне баба. Я всегда её помню и люблю...

Дед Фёдор

Мой дед Фёдор, таким я помню его с 1956 года, был высокий и сутулый старик. Хотя, какой старик – в ту пору ему было всего 57 лет. Почему-то они оба быстро состарились – и дед, и баба. Глаза у него были карие, добрые. В молодости, если судить по фотографиям, он был просто красавец! Носил он рубахи-косоворотки, подпоясанные кушаком. А в праздники надевал «казённые» рубахи, то есть, купленные в магазине. Свои редкие с сединой волосы он зачёсывал с одной стороны на другую.

Работал у нас в колхозе кладовщиком. Помню, всё составлял какие-то отчёты. У них в избе, слева за столом у окна, стоял стул. Это было его место. Я тоже там любила сидеть, в его отсутствие. Сидишь, разговариваешь, и в то же время видишь в окно: кто и куда идёт.

Иногда он любил пошутить. Вдруг, как будто увидев в окне что-то необычное, он привставал со стула и говорил: «Ну, надо же! Ох, мать честная! Ох, ясное море!». Присказка у него такая была – «ясное море». Любопытная баба подбегала к окну, намереваясь увидеть там что-то необыкновенное. Там ничего не было. А дед всё продолжал охать. Баба принималась сердиться: «Да каку холеру ты там увидел? Я ничего не вижу...». Дед начался улыбаться, а баба, поняв, что он её разыграл, всё ещё продолжала ругаться... От деда я никогда не слышала бранного слова. Не слышала, и того, чтобы он когда-то кричал.

Помню, дед всегда читал газеты, у него были круглые очки на резинке. В праздники любил он выпить. Случалось, хорошо выпивал. Сам гнал самогон. Тогда, приняв веселящего, он сидел и пел песни. Была среди них и с такими словами: «Бывало, как налижешься в приятельском кругу, едва-едва лишь движешься, и больше – ни гу-гу...».

Своих дочерей дед очень любил и частенько называл их «дочка Поля», «дочка Дуся». И они его тоже любили. И в селе деда любили и уважали. Те, кто его помнит, до сих пор отзываются о нём с большим уважением. А я припоминаю, что деда частенько мучила изжога, и тогда он пил соду. Умер мой дед Фёдор от рака желудка в 70 лет.

Отец - Михаил Николаевич Великосельский

О детстве отца я не знаю почти ничего. О своей бабушке (матери деда Николая) он говорил, что та была очень властная, все её боялись. И сестра отца (тётя Паруня) упоминала, что бабушка была «командир». Бывало, на Пасху батюшка ходил по домам и поздравлял прихожан, вся семья выстраивалась в шеренгу. Батюшка благословлял каждого, и если кто-то шевельнётся, бабушка давала такую затрещину, что непоседа вылетал из строя.

Ещё отец рассказывал, как они с братом (дядей Федей) подглядывали за старшими сёстрами, когда те на святки собира-

лись в баню гадать: «Волосы распустят, всё с себя снимут, кроме исподних рубашек, свечки зажгут. А мы в окошко подсмотрим, да постучим. Эх, они визжат!».

Ещё одно воспоминание из его детства. Было ему лет пять, когда старшая сестра Надежда выходила замуж. Когда её увозили из дома, он сильно плакал, говоря: «Зачем увезли няньку?» А потом слил из рюмок остатки и выпил – потолок начал кружиться, и ему было плохо. Кое-как молоком отпоили. А ещё он рассказывал, что в раннем детстве носил штанишки на одной лямке, а сзади у них был разрез...

Как-то, когда ему было лет 5, встретил он на улице девочку, та ходила с котомочкой и просила «ради Христа», отец пожалел её, привёл домой. Так она и выросла у деда с бабой. Они её и замуж выдали. Звали её Мария.

Пошёл в школу. Четыре класса закончил в Берикуде. Ещё три года учился в Троицкой школе. И редкий случай, если когда кто подвозил. Чаще ходили пешком, а это – 20 километров по прямой дороге.

Окончив школу (7 классов), работал «избачом» - так называли тогда в селе библиотекарей. Наверное, это сказалось и на нашей профессии: мы с сестрой Надеждой получили высшее библиотечное образование.

В 1937 году, когда его сверстников призывали в Армию, папа не прошел комиссию: хрустели колени. Ну, а коль не попал в армию, решил он жениться. В жёны взял свою однофамилицу Анну. Со слов моей тётки Анастасии Николаевны (Стюни), слава о матери Анны и дочери Устиньи, ходила в деревне нехорошая – распутные были. Против этой женитьбы были и его родители, но отец убедил стариков, что Анна «не такая», а хорошая. Женился. А 1 января 1939 года у них родилась дочь, которую называли Раисой.

Где и кем работал папа в те годы, не знаю, но первая запись в его трудовой книжке была такая: «Общий стаж по найму 4 года. Подтверждено документацией».

В феврале 1940 года отца призвали в ряды Красной Армии (В трудовой книжке обозначена дата – 12 февраля). Его жена Анна и ещё одна женщина, Ольга Мотова, провожали своих мужей на лошадях в санях до районного центра – Ижморки. Ан-

на была беременна во второй раз. В Ижморке долго ждали эшелон, но, так и не дождавшись, женщины поехали домой. Путь был неблизкий – 36 километров. Стало быстро темнеть. Когда проехали Постниково, появились волки. Кони с испугу фыркали и неслись во всю прыть. Они стали жечь солому и бросать. У Анны начались схватки и роды... Даже представить сейчас трудно, как же страшно было этим молоденьким женщинам. Волки отступились от них уже перед самой деревней Песчанка.

Доехав до деревни, Ольга повернула в первый же двор, оставила там Анну, а сама одна поехала дальше. Дома заехала к папиным родителям и всё рассказала. Утром дедушка с бабушкой поехали в Песчанку и забрали Анну с родившейся там внучкой, которую назвали Валентиной. Запись о её рождении была сделана 14 февраля, хотя, возможно, родилась она ещё 13 числа.

О её рождении отец узнал много позднее. Тогда он уже служил в городе Гори, в Грузии. Уже там их сразу стали готовить к войне с финнами. Много тренировались в ходьбе и беге на лыжах. Но война с финнами вскоре закончилась.

В самом начале Великой Отечественной войны у него был поход по Ирану, вдоль границы с Советским Союзом. Об этом походе у него на всю жизнь остались большие красные пятна подмышками и в паху. Эти места при походе на страшной жаре были стёрты в буквальном смысле до мяса. В день они проходили пешком по 50-70 километров, ночами «отмокая в арыках».

Далее была оборона Кавказа. Какое-то время они находились в окружении, было очень голодно. Самолётами им сбрасывали провизию, но не всегда до неё можно было добраться: немцы обстреливали. Там они сильно исхудали, обросли бородами, обовшивели... Его дальнейшее участие в войне – в его послужном списке. После краткосрочных курсов, ему присвоили звание младшего лейтенанта и направили в заградотряд. Вскоре, после упразднения в 1943 году заградотрядов, служил отец в контрразведке, в «СМЕРШЕ».

Помню, рассказывал он, как шли по Европе. Чаще других называл труднопроизносимый венгерский город Секешфехервар, а также озеро Балатон. Там они долго стояли. Однажды, купаясь в Балатоне, отец заметил, что тонет мальчик, мадьярёнок, лет шести. Он вытащил его из воды, ребёнка откачали. Я

даже запомнила имя того ребёнка, звали его Арпика – странное какое-то, может, уменьшительно-ласкательное. Родители спасённого мальчика отыскивали спасителя, были очень благодарны отцу, часто приглашали к себе в гости, угощая вином. А когда отец уезжал оттуда, провожали его всей семьёй.

Победу отец встретил в столице Австрии – Вене, а демобилизован, как офицер контрразведки, был лишь в сентябре 1946 года. Почти год после Победы прослужил он ещё в Красной Армии, будучи в Германии.

Его старший брат Порфирий и младший – Фёдор, тоже были на войне. Порфирий пропал без вести. Фёдор после тяжелого ранения вернулся домой. А когда пришёл с войны отец, его встречали все с большой радостью. Бабушка достала четверть самогона, которую почти семь лет хранила с самых проводов сына в армию. Подросли и его довоенные девочки: младшей шёл уже седьмой годик, старшая училась в первом классе. Началась гражданская жизнь.

В марте 1948 года у него родился сын, назвали Виктором – тогда многих мальчиков называли этим именем: видимо все ещё помнили Победу (Викторию). Но судьба приготовила папе жестокий удар: через полтора месяца после рождения сына, жена Анна умерла от сепсиса. Малыш какое-то время жил в Анжерке, у старшей сестры папы Надежды.

Мать папы и его сёстры стали думать о новой жене для него. И уже в августе 1948 года отец привёл в дом новую жену, Полину Батухтину (Непомнящую) – мою маму в скором будущем. Вместе огни прожили 24 очень нелёгких года.

В мае 1949 года родилась я, а в феврале 1952 года – моя младшая сестра Надя. Было это уже в Ижморке, куда отца перевели на работу в райисполком. Это время я помню плохо. Мы жили на улице Коммунистическая, в доме на два хозяина. Квартирка маленькая, из обстановки – одни кровати. И как только мы помещались все в ней такой большой семьёй (нас, детей, пятеро и родители)?!

В апреле 1956 года отца по рекомендации райкома партии избрали председателем колхоза им. Жданова в его родном селе Берикуль. Это было время начала освоения целинных и залежных земель. Отец полностью погрузился в работу. С начала вес-

ны (посевной) и до поздней осени (окончания уборки урожая) мы отца практически не видели дома. Он уходил на работу, когда мы ещё спали, а возвращался, когда мы уже спали. Днём иногда видели его верхом на лошади. Был такой красивый иноходец Серко.

В колхозе отца уважали за честность и прямолинейность. Руководителем он был авторитарным. При нём колхоз быстро пошёл в гору. Почти в три раза выросли показатели урожайности зерновых: отец выписывал с опытных станций для посева элитные сорта пшеницы. Люди на трудодни помимо натуроплаты стали получать и деньги. В деревне многие колхозники стали строить новые дома. Кое-кто стал уже обзаводиться и машинами. Один комбайнер купил даже «Волгу», а отец в 1969 году приобрёл новенький «Запорожец» последней модели.

Отец очень не любил пьяниц, колхозных прогульщиков и разгильдяев, хотя сам выпивал крепко. Уже в мирное время, будучи председателем колхоза, папа за достижение высоких показателей урожая, и колхоза в целом, получил две медали ВДНХ, медаль «За освоение целинных и залежных земель» и орден «Знак Почёта».

За жесткость в руководстве и пристрастие к выпивкам папа поплатился своей должностью. Много раз на собраниях и по местному радио он предупреждал, чтобы колхозники не выпускали своих свиней на поля, но те не внимали должным образом. Однажды, будучи выпившим, он поехал на колхозные поля и пострелял там из винтовки свиней, делавших потраву. Приехав домой, он сообщил колхозникам, чтобы хозяева забрали с полей своих убитых свиней...

За такое самоуправство в 1970 году его в райкоме сняли с должности, однако из членов партии отца не исключили. Пятнадцать лет отец отдал колхозу. И до сих пор жители села вспоминают его, как лучшего председателя за все времена...

В 1970 году родители переехали в Ижморку, где отец до самого выхода на пенсию проработал Председателем поселкового Совета.

Надо сказать, что дома отец был неважным хозяином. Хозяйство всегда было на маминых плечах. Мы, дети, помогали, как могли. Но главным помощником был брат Виктор.

После маминой смерти, осенью 1972 года, отец недолго холостяковал. Вскоре он привёл в свой дом женщину, Клавдию Павловну, – лихую бабёнку, которая и выпить любила, и крепко ругалась. С нею не пожилось... Какое-то время после неё отец жил один, но потом опять женился. На сей раз официально. Ни на Родионовна была его третьей официальной женой. С нею он прожил 14 лет.

В июле 1988 года с папой случился инсульт, после которого он прожил инвалидом ещё 11 с половиною лет. Он не мог ходить, говорить. Живя в семье младшей дочери Нади (сначала в Прокопьевске, потом в Берикуле), по дому передвигался в инвалидной коляске...

Да, вот ещё. В 1988 году, когда я приехала поздравить его с днём Победы, он рассказал мне, что во время войны приключилась у него большая любовь. Было это уже в конце войны. Ту женщину папа называл Катей. Говорил и фамилию, но я забыла. Её демобилизовали по беременности, и она уехала - не то в Ленинград, не то в Ленинградскую область. Отец не признался тогда ей, что уже женат и имеет двоих детей. Обещался приехать к ней после окончания войны. Говорил, что не очень верил в то, что останется живой... Ну, а когда демобилизовался и приехал домой, отсюда было уехать к той женщине уже трудно... Я спросила: «А что же ты не поехал к ней, когда Анна умерла?» Он ответил: «Да как же я заявился бы к ней с тремя детьми? Стыдно было...». Когда он рассказывал мне эту историю, то сильно плакал. Я его успокаивала, а сама думала: «Расспрошу как-нибудь позднее подробности». Но вот так получилось, что его болезнь мне такой возможности больше не предоставила...

Умер папа в декабре 1999 года. Было ему 81 год. Похоронили отца, по настоянию моих старших сестёр, на Берикульском кладбище, рядом с могилой его первой жены Анны...

О маме Пелагее (Полине) Фёдоровне

Моя мама родилась в 1920 году. Из её детства у меня мало сведений. Была она вторым ребёнком в семье и нянькой всем последующим детям. Частенько доставалось ей за этих деток. Мама жаловалась, что баба даже била её. Когда семья переехала на золотые прииски Ньюджи, маме было 14 лет. А в 16 лет она влюбилась в молодого и очень состоятельного молодого челове-

ка, звали его Василием. Занимался он тем, что принимал золото у старателей. Мамины родители запрещали ей встречаться с ним. Баба даже запирала её в доме, но однажды она всё-таки убежала из дома и осталась у своего возлюбленного.

Баба (её мать) себе места не находила. Со слов тёти Лизы, страшно ругалась. А через месяц молодые пришли к родителям, бухнулись на колени перед ними, и баба с дедом простили их.

Мама с Василием жили отдельно. Через год у них родилась девочка, Светочка. Со слов моих тёток, жили они не очень дружно, Василий начал попивать, устраивать дома драки и пьяные дебоши. В пять лет их дочка умерла от дизентерии. Для мамы, ещё совсем молоденькой женщины, это было страшным горем. В то время они уже жили в Сталинобаде.

Вскоре началась война. Едва ли не в первый день начала войны мамин муж был мобилизован и погиб в 1941 году.

Потом судьба забросила её на Украину, в город Бахмач. Упоминался ею ещё и Харьков.

Внешне мама была очень привлекательной женщиной: невысокого роста, чёрные волосы, карие, даже тёмно-карие, глаза, белая кожа, всегда румянец на щёчках, небольшой носик, чуть утолщённый на кончике, небольшой рот с яркими губами. Неудивительно, что мужчины обращали на неё внимание.

Вскоре она познакомилась с майором Батухтиным, вышла за него замуж, и он увёз её в Харьков. В Харькове мама работала заведующей столовой. Прожили вместе они совсем немного: муж был убит в Харькове. Это было военное время, мама вспоминала, что город постоянно бомбили, и она долго слышала звук летящей бомбы. Было очень страшно.

В 1947 году мама вернулась в Бериккуль, а в 1948 году вышла замуж за отца, с тремя детьми в придачу. Я как-то спросила её, а как это она решилась на такой шаг? Она ответила, что, якобы, врачи сказали ей, что своих детей она иметь уже не сможет. Она даже ездила в Томск на консультацию к какому-то известному профессору. Но и врачи ошибаются. 15 мая 1949 года родилась я. Мама вспоминала, что этот было очень тёплое солнечное воскресное утро. Жили они тогда уже в Ижморке. Как же ей было тогда тяжело, с четырьмя детьми! А в феврале 1952 года родилась Надя. Но для ухаживания за Надей нанимали уже

няню. Помню, одна была старенькая, звали её Давыдовна, потом - женщина лет пятидесяти, хроменькая. А я уже ходила в детский сад. Был он довольно далеко. Зимой меня возили туда иногда и на санях.

Мама работала сначала в книжном магазине, потом в продуктовом. Была у них корова. Отец был не очень хорошим хозяином. Всё домашнее хозяйство лежало на маминых плечах. Но всё равно я помню её в ту пору всегда какой-то жизнерадостной. Видимо, по сравнению с нелёгким детством и юностью и недавней войной, всё это было ещё весьма терпимо.

Когда в 1957 году наша семья переехала в Бериккуль, мама стала работать начальником отделения связи. Вместе с Бериккулем обслуживалось ещё пять деревень и Разъезд. Почтовой корреспонденции в то время было много. Утром и вечером дедушка Аносов подъезжал на лошади к почте, забирал посылки, письма, переводы и отвозил в Постниково. А оттуда уже вёз всю пришедшую почту на отделение. Мы с Надеей помогали маме штемпелевать письма, раскладывать газеты и журналы. Мама всё делала быстро, хотя работа была не из лёгких. А в конце каждого месяца, вечерами дома, мама составляла ещё и месячные отчёты. Иногда ей помогал папа, считая на счётах.

Помню, как-то родители справили себе новые костюмы, то есть, сшили им их в ателье. У мамы – однотонный, светло-коричневый, а у отца такого же цвета, только в тоненькую белую полосочку. Обновили они их в первый раз на Пасху. Стоял тёплый весенний день. Нарядившись, они пошли в гости к бабе Оле. У мамы на голове был надет шарф-паутинка, очень тоненький, концы шарфа закинута за плечи. И такими они казались красивыми и нарядными – глаз не оторвать! Помню, я побежала вперёд их, предупредить бабу с дедом, что идут папа с мамой, сильно красивые...

В те послевоенные пятидесятилетие-шестидесятилетие годы почти все семьи выписывали много разных газет и журналов. Не была исключением и наша семья. Отец с мамой очень любили читать. Постоянно читали книги, выписанные журналы и газеты. Выписывали и, по очереди, читали «Роман-газету». А ещё всей семьёй мы любили слушать радиопостановки. Во время таких прослушиваний в доме становилось тихо.

Ещё одним видом досуга являлось, конечно же, кино. Родители в кино ходили часто. Бегали и мы. Одно время кинемехаником работал наш двоюродный брат Коля, отец которого погиб на фронте. Нередко всю нашу двоюродную братию он пропускал в зал бесплатно.

Посещались и колхозные вечера, которые проводились в клубе. Мама хорошо пела и немного играла на гитаре, во всяком случае, себе аккомпанировала.

Когда мама пришла в эту семью, Рае исполнилось уже девять лет, а Вале – восемь. С ними ей было сложно, особенно с Раей. А вот Витю она приняла как своего родного сына. Ему шёл уже девятый год, когда мы с ним узнали, что он неродной сын нашей маме. Кто-то из деревенских доброхотов рассказал ему об этом. Он сильно плакал. Но мама с ним поговорила, и он успокоился. Сильно удивилась этому и я, потому что никогда не замечала разницы в отношении мамы к нему и к нам с Надей. А любила мама нас безмерно! Всегда так беспокоилась за нас и радовалась нашим успехам...

Когда я в семнадцать лет, после окончания школы, уехала на Украину к старшим сёстрам, мама сильно переживала за меня, часто писала мне письма, а я не всегда отвечала на них (каюсь). В таких случаях мама присылала мне телеграмму: «Доченька, что случилось?». Мне было стыдно. Я тут же отвечала ей телеграммой, что у меня всё в порядке, и сразу же садилась за письмо. Мама, мамочка! Прости свою неразумную дочь – тогда я ещё не понимала: как же за детей может болеть сердце...

Последние два года жизни в Берикуле мама работала бухгалтером в сельсовете, а когда переехали в 1970 году в Ижморку, сначала работала кладовщиком в столовой, а потом бухгалтером в школе коррекции. К маме очень уважительно относились в селе. Только самые близкие называли её Поля, а в основном к ней обращались по имени-отчеству – Полина Фёдоровна. Она являлась председателем женсовета села. К ней приходили женщины со своими бедами и за советом.

Нередко родители ссорились, в основном, из-за отцовской пьянки. Мама терпеть не могла отца в пьяном виде.

В мае 1972 года, когда родители приехали в Кемерово на нашу свадьбу, мама была грустная. Когда я поинтересовалась, в

чём дело, она ответила, что часто стал болеть желудок. Правда, она и раньше на него жаловалась. А летом того же года, когда я была дома в Ижморке на студенческих каникулах, ей стало хуже. Боли усилились. 1 августа мама пошла в отпуск, стала обследоваться. Поставили страшный диагноз: онкология, и направили в Кемерово. Там, в онкологической больнице после операции мама прожила всего 13 дней. Умерла она прямо в больнице 13 сентября 1972 года. Горе наше было безмерным... Никто в жизни не смог бы так порадоваться рождению моих детей, получению диплома о высшем образовании и каким-то другим моим успехам, как это сделала бы мамочка! Говорят: «Время лечит». Но вот эту рану оно у меня как-то не залечило. Более сорока лет уже прошло, а я всё плачу...

О себе

Родилась я 15 мая 1949 года, весом 3.400. Жили мы, как и все, по нынешним меркам, очень бедно. Мне было лет пять, а Наде – два годика, нам шили на зиму пальто. Верх этих пальтишек был из зелёной байки, такие же были и штаны, на резинке внизу. Портной был какой-то дедушка, которого я боялась и ревела, а Надя не ревела. Ещё из ранних воспоминаний: мама кормит крошечную Надю грудью. А я, сильно ревнуя её к этому маленькому человечку, плачу горьким слезами, потому что мне кажется: мама меня больше не любит. Забираюсь на кровать, ложусь на подушки и уливаюсь слезами. Мама меня уговаривает, а я всё равно реву. Потом помню, как наряжали ёлку, как радовались мы Новому году...

Когда мы жили уже в Ижморке, на Коммунистической улице, у меня появилась подружка Галя Санникова. Они жили в нашем же доме, только в первой квартире, а мы во второй. Она была старше меня на два года, но мы играли вместе. Чаше – втроём: Галя, я и брат Витя. Была ещё одна подружка, Света Куприянова. Она жила через дорогу и тоже приходила играть с нами.

В детстве очень любила рисовать. Помню, в садике меня хвалили. Рисовала то, что видела, в основном какой-то домашний интерьер: стол со стульями, цветок в кадке, рисовала кукол, что-то придумывала. Одна беда: рисовать-то особо было не на чем, просила у мамы разлинованные листочки, с работы. Одна-

жды, это было уже осенью, родители и старшие сёстры копали картошку, а я осталась дома одна. Ко мне пришла Света Куприянова, и мы решили с ней порисовать. Я знала, что мамины листочки лежат на полке, а полка находилась высоко, под самым потолком. Я встала на спинку кровати и потянулась за этими листочками, мои ноги соскользнули, и я упала почему-то вниз головой. А внизу стоял деревянный ящик (тара из-под чего-то), и я угодила почти макушкой на угол этого ящика. Кровь полилась из раны по волосам и по лицу. Попросила Светку позвать маму, но она не смогла открыть калитку в огород. Тогда я побежала в огород сама. Кровь заливает мне глаза, я вытираю её и кричу: «Мама!». Последнее, что я видела: мама повернулась на мой крик и стала падать, а папка бежит ко мне... Очнулась я в больнице. Туда меня отвезли родители на водовозной повозке, на которой развозил воду по домам дяденька Ажичаков. Рана оказалась небольшая, мне наложили шов и сделали повязку шапочкой. Помню ещё: когда мне обрабатывали рану и выстригли около неё волосы, отцу стало плохо. Он побледнел и чуть не упал в обморок. Мама потом долго подшучивала над ним, говоря: «На войне, наверное, и не такое видел». На то он отвечал: «Там чужие были, а эта – своя».

Помню ещё. 23 февраля. У нас гости, фронтовики: дядя Паша Санников, дядя Ваня Мангазеев, ещё кто-то. Мы с Витей пошли кататься на лыжах к нам в огород, там была гора снега. Лыжи были на валенках. Одна нога у меня провалилась глубоко в снег, и я не могла её вытащить. Брат пытался помочь мне её тянуть, и тоже ничего не вышло. И снять валенок с ноги я тоже никак не могла. Я уже стала замерзать, стояла и плакала. Тогда Витя сбегал за лопатой и стал меня откапывать. Откопал. В ту пору ему было около семи лет, а мне – пять с небольшим. Всё это – из моих ижморских воспоминаний.

Весной 1956 года мы переехали в Берикуль. Летом мы с Надей ходили немного в колхозные ясли, а осенью я уже пошла в первый класс. Мне купили коричневое форменное шерстяное платье, таких было всего два: у меня и у Вали Сухотиной, у остальных девочек были штапельные. Платье это проносила я три года.

Моей первой учительницей была Мария Кирилловна Сухотина, мать Вали Сухотиной. Мы все её очень любили. В школу я пришла уже довольно подготовленной к учёбе: умела читать, знала многие стихи из школьной программы, которые учил мой старший брат. Обычно я вперёд его запоминала то, что он учил, и даже подсказывала ему, за что порой получала от него. Училась в школе я хорошо, была и хорошисткой, и отличницей. Меньше других предметов мне нравилась математика, а в старших классах -ещё и химия. В свободное от учёбы время занималась художественной самодеятельностью, танцевала, пела в хоре, участвовала в каких-то сценках. Моими школьными подружками были Валя Сухотина, Нина Белохвостова, Валя Цветых, позднее – Люда Краснова.

Деревенская жизнь для меня была интересной. Зимой на улице, если не очень холодно, катались на санках, играли в прятки, в какие-то другие игры, было весело. Домой, обычно, приходили мокрые от снега, лезли на русскую печь отогреться, развешивали сушить свою одежду.

В 1964 году закончила восемь классов в своей Бериккульской школе. Далее, учиться в девятый класс отправили меня в Тяжин, к Лёле. Там проучилась я только один год. А доучиваться, в десятом классе, поехала в свою родную Ижморку. Совсем не дружила с алгеброй. Одноклассник Боря Матвиенко сидел впереди меня, обычно я всё списывала у него. И вообще, учиться стало лень. Школьная молодёжь «зажигала» на различных вечерах и танцах. Ну, и я старалась их не пропускать. Школу закончила в 1966 году, в основном, на «тройки». А ведь могла и хорошо учиться. Стыдно.

Летом приехала из Краматорска в отпуск старшая сестра Рая и забрала меня с собой. Поступать в тот год я даже никуда и не попыталась, хотя была мечта поступить на юридический факультет.

В Краматорске устроилась на работу на крупнейший градообразующий завод – НКМЗ, в хозяйственный цех, садовником. Тогда на заводе было две бригады садовников и своя оранжерея. Какое-то время работала там на благоустройстве вокруг завода, а потом попала в оранжерею. Работа в оранжереи была тяжёлой, в основном, физической. Но мне нравилось работать с

цветами. К тому же, здесь работало много девчат моего возраста.

При заводе была хоровая капелла, человек сто, куда меня приняли после прослушивания. Руководил капеллой Петросян. Выступали на праздниках, ездили в Донецк. Один раз нас показывали даже по центральному телевидению. На одном из концертов капеллы присутствовал композитор Арам Хачатурян и очень высоко оценил наше пение. В моём фотоархиве есть даже фотография, где мы сфотографированы с известным композитором.

В Краматорске поступила в Индустриальный институт на вечернее отделение. Прочувшись в нём год, поняла: не моё! Поступать и учиться на гуманитарные специальности надо было ехать в Донецк. Но там уже в то время всюду было распространено взяточничество, а у нас таких денег просто не было.

Жили мы с сестрой Раей в общежитии. С нами в комнате ещё жила моя подруга Галя Прихно, с ней мы и работали вместе – умница, окончила школу с золотой медалью, училась в институте на вечернем. С ней мы практически не расставались. Но в 1969 году я вернулась домой, в Сибирь, и больше мы с ней никогда не виделись, хотя какое-то время ещё переписывались.

В том же, 1969 году, я поступила в Кемеровский институт культуры, на библиотечный факультет. Меня сразу же выбрали старостой одной из учебных групп, каковой я и являлась все 4 года обучения в институте. Учёба в институте – это счастливые годы, годы постижения не только будущей профессии, но и познания жизни. Учиться здесь было интересно, жить в общежитии – весело! Ходили на филармонические и эстрадные концерты, на сдачу спектаклей – в драматическом театре и в театре оперетты – больше благодаря нашему проектору Юрию Васильевичу Изюмскому.

В эту пору случались и любовные драмы.

После второго курса, летом 1971 года, ездила в археологическую экспедицию, возглавляемую нашим деканом – Циркиным Алексеем Васильевичем, в Красноярский край. Классно было!

В конце второго курса начали встречаться с однокурсником Виктором Арнаутовым, а в конце третьего курса – пожени-

лись. На четвёртом курсе обучения в институте, 12 января 1973 года, у нас родилась старшая дочь Ярослава. Без поддержки и помощи старших было очень трудно: мамы уже не было в живых, отцу было не до нас. И маме Виктора, одной, надо было поднимать и учить ещё троих детей... Жили, в основном, на стипендии. Иногда, кроме родителей, немного денег нам высылали Лёля и Надя.

Но ничего, институт окончили оба. Витю оставили работать в институте. Нам выделили в студенческом новом общежитии отдельную комнату, 18 квадратов, с прихожкой, санузлом и сидячей ванной. Вот счастье-то было! Ярославе исполнилось полтора года, когда я устроилась на работу в библиотечный коллектор библиографом. Помню, получала аж 120 рублей! Трудновато было, когда муж ушёл в армию, дочка часто болела, денег не хватало. Через год Виктор вернулся из армии, проработал 1 год и опять уехал, на этот раз на стажировку в Ленинград. Мы снова остались с Ярославочкой одни. Выручало то, что в общежитии все помогали друг другу: и денег займут, и с ребенком часок-другой посидят. Проработала в коллекторе я 3,5 года, потом узнала, что в КемТИПП требуется начальник ОНТИ (отдел научно-технической информации). Я плохо представляла себе эту работу, но пошла смело – в основном, из-за зарплаты: там обещали платить 175 рублей. Освоилась быстро. Работа интересная. Люди в отделе, правда, менялись, всякие были... Почти 14 лет проработала на этой должности.

В 1982 году родилась наша вторая доченька Настя. Забот прибавилось, но мы уже имели двухкомнатную квартиру, и оба стояли, что называется, «на ногах». К тому же и Ярослава уже была добросовестной помощницей: было кому приглядеть за младшей и на кого оставить.

С началом перестройки всё поменялось. Я перешла работать в Международный неправительственный фонд «Вечная память солдатам». Сначала было интересно: приходилось работать в архивах. Разыскивали бывших пленных японцев и немцев. Летали даже на встречу с японцами в Хабаровск. Потом они приезжали к нам в Кемерово, и мы возили их на места захоронения их родственников.

В 1993 году перевелась в фонд «Забота», почти пять лет проработала там главным специалистом (товароведом). Хороший коллектив был. Мы с Лилией Николаевной Лужковой объездили весь Кузбасс – с выездными торговлями. Чем мы только не торговали – от шуб и до калош. Время наступило тяжелое: наличных денег почти не стало, был только бартер, и мы не могли просуществовать в таких условиях слишком долго. В 1998 году этот фонд закрылся.

Какое-то время я была без работы. Однако по протекции одной приятельницы, меня приняли в Проект по изданию альбома «Кузбасс. Рубеж тысячелетий». Как менеджер, я должна была заключать договоры с директорами крупных предприятий и главами городов и райцентров – на участие в этом альбоме. Работа была интересной, за неё платили хорошие деньги. В подобных проектах я участвовала и позже. Последний альбом – «Западная Сибирь. Земля, открытая миру». От Ассоциации городов «Сибирское соглашение» я работала в Тюмени и в области. Было это в 2000 году.

А в 2004 году меня снова пригласили в КемТИПП – начальником отдела дополнительных образовательных услуг. В этом же году стали платить мне оформленную пенсию. Позднее этой же деятельностью занималась в Кемеровском государственном университете.

В 2005 году попробовала заняться живописью, сначала акварелью, потом и маслом. Кое-что стало получаться. Сейчас это – моё самое любимое занятие. Хотя с появлением внуков свободного времени остаётся совсем немного. Люблю писать закаты, вообще пейзажи. Есть один список иконы «Умиление», на которую благословил и освятил священник в храме. Пишу букеты цветов. Но завершённые работы подолгу дома не задерживаются, в основном – дарю их. Люблю вообще рукодельничать. Делала лоскутные покрывала, пробовала поделки из солёного теста – тоже получалось.

В 2005 году впервые побывала за границей. Это был автобусный тур по странам Европы: Финляндия (Хельсинки, Турку), Швеция (Стокгольм); Амстердам, Брюссель, Париж, Гамбург. Очень интересные путешествия! Столько впечатлений! В последние годы осваиваем с мужем страны тропической Азии. В

2012 году побывали в Таиланде, в 2013 – на китайском тропическом острове Хайнань. В 2014 году посетили и отдыхали в Индии, в штате Гоа. Стараемся побывать там, в тёплых странах, зимой, когда у нас стоят январские морозы, а там – цветущее лето... А летом – и у нас, в Сибири, неплохо, да ещё и дача не отпускает от себя на долгое время...

В жизни моей было два значительных и замечательных события: это рождение дочерей. Когда мне первый раз принесли Ярославу, я увидела эту кроху с припухшими глазками, появилось осознание невероятной ответственности и страха. Я поняла, что без меня это дитя жить не сможет. У чуть позднее поняла, что и я не могу уже жить без неё. Всё прочее ушло куда-то на другой план.

С Настюшей, которая родилась через 9,5 лет, было немного проще. Но ответственность и забота о детях остаются самыми главными до конца жизни. С появлением внуков забот прибавилось. Своих детей Ярославу с Настей и внуков Николку с Алёнкой люблю безумно!

О сёстрах и брате

Рая, старшая папина дочь, родилась 1 января 1939 года. Судя по фотографиям, была очень хорошенькая. В 1946 году пошла в школу, училась неважно. Закончив 7 классов, пошла работать в швейную мастерскую, в Ижморке. Научилась шить и потом уже шила всю жизнь, и для себя и на заказ.

В 1957 году, в возрасте 18 лет, вышла замуж за Гончарова Вениамина. По-моему, он был намного старше её и работал директором дома культуры в Ижморке. Прожили с ним вместе они недолго. После развода Рая уехала учиться в Кемерово, в торговое училище, после окончания которого была направлена на работу Томск. Там она работала продавцом в магазине. Потом переехала в Новосибирск, работала в магазине в Академгородке.

Её знакомый, служивший в Новосибирске, предложил ей поехать после его демобилизации с ним на Украину, в Краматорск. Была Рая очень красивой женщиной, особенно в молодости: стройная, с прекрасной фигурой, всегда ухоженная, ходила на высоких каблуках...

В Краматорске Рая прожила более тридцати лет. В 1967 году она вышла там замуж за **Татаркулова Сергея** – в ту пору

ещё студента Краматорского индустриального института. Сергей – карачаевец по национальности, очень добрый, интеллигентный и благородный человек.

Рая очень любила меня маленькую, шила мне симпатичные вещи, пальтишко, муфточку. Потом, когда мы жили уже с ней в Краматорске в общежитии, были очень дружны. И я всегда чувствовала её любовь и поддержку...

В 1968 году у Раи с Серёжей родился мальчик **Анзор**, а в 1978 году – девочка **Фатима**. Жили они хорошо, всегда в достатке, вырастили и выучили детей. Но после развала Союза вынуждены были переехать на Северный Кавказ, в город Черкесск. Анзор уже был женат и остался с семьёй на Украине, в своём родном Краматорске, а Фатима уехала вместе с родителями.

В последние годы жизни Рая очень долго болела, хотя кашляла она смолоду. С возрастом стала страдать гипертонией, пережила инсульт.

Умерла Рая в июне 2013 года, похоронена в Черкеске на мусульманском кладбище, там же где незадолго до неё был похоронен и её муж Сергей Татаркулов. На похоронах не была, слишком далеко, да и не успела бы: по обычаям родственников её мужа, усопших хоронят быстро, не задерживаясь...

Последние годы мы общались с нею чаще всего по телефону. И до сих пор я будто бы слышу её низковатый голос. Теперь мне очень не хватает её...

14 февраля 1940 года родилась моя старшая сестра **Валя**. История её рождения описана мною в разделе об отце. Сёстры Валя и Рая, погодки, росли вместе. И почти всю жизнь пути-дорожки у них пролегли рядышком.

Закончив 7 классов школы, Валя какое-то время работала в колхозе. Пор своей натуре Валя – человек необыкновенный: очень общительная, добрая, с неиссякаемым чувством юмора!

В 1957 году переехала в село Яшкино Кемеровской области. Жила у приёмной дочери бабушки с дедушкой Марии. Сначала работала там на стройке. А когда исполнилось 18 лет, приняли на работу на цементный завод, в шиферный цех, где и проработала три года, получая по 120-130 рублей зарплаты.

Когда сестра Рая получила после окончания торгового училища распределение в Томск, предложила переехать туда и

Валентине. Работала там на механическом заводе. Жили в Томске втроём: с Раей и двоюродной сестрой Фаиной Семенистовой.

После Томска был Новосибирск, Академгородок. И опять оказалась там – вслед за старшей сестрой. Но устроиться на работу там не смогла, зато попала в больницу с аппендицитом. Операция была сложной...

После Новосибирска по приглашению знакомого Раи, Толика Конырева, оказалась в Краматорске, где отец Толика устроил Валентину учеником сварщика.

Сестра Рая в Краматорске сначала никак не могла устроиться на работу по специальности. Жили на квартире вдвоём, на 30 рублей, что получала Валентина. Рая подрабатывала шитьём, вечерами нянчили хозяйских детей.

Освоив специальность сварщика, проработала 13 лет в цехе «закрытого типа» № 16. Перешла работать на завод «Альфа» Московского филиала, опять же сварщиком, отдав этому занятию ещё 8 лет своей жизни. В 46 лет, по «горячей сетке» вышла на пенсию.

В 1963 году вышла замуж за **Сверкунова Владимира Григорьевича** (1939 года рождения). Работала с мужем на одном заводе, он тоже был сварщиком. В этом же, 1963 году, родился сын **Игорь**. Жили дружно, в достатке.

Когда умер муж Владимир, в 51 год, для всех это было сильным ударом. Умер он практически на руках у жены, дома, с обширным инфарктом. Похоронен в Краматорске.

Игорь женился, у него родилось два сына: **Богдан и Ярослав**. Они – продолжатели фамилии отца и деда – Сверкуновых. Сейчас Валя уже прабабушка: растёт правнук **Станислав Богданович**. Живут в Одессе.

Через три года после смерти мужа Владимира, Валентина вышла замуж за вдовца – **Николая Ильича Гончаренко** и переехала жить к нему из Краматорска на Кубань. Сейчас она проживает там с Николаем в собственном доме – в станице Привольная Каневского района.

Там, у них, приходилось побывать уже не один раз...

Младшая сестрёнка **Надя** родилась 31 января 1952 года, так мама говорила, но записали 1 февраля. Это к ней я сильно

ревновала свою маму. При рождении вес её был 4 килограмма, она сразу была полненькая, такой она оставалась и всегда. И сразу было понятно, что она похожа на отца. Она и была папиной любимицей.

Когда она стала подрастать, мама всё время говорила мне: «Люда, посмотри за Надей». Ой, как же мне не хотелось за нею присматривать! Мне хотелось играть со своими подружками, а тут эта Надя... К тому же, она была жуткая ябеда: всё маме про меня рассказывала, закладывала меня постоянно. Короче, не любила я её в детстве.

Но детство прошло, и позднее я поняла: как хорошо, что у меня есть ещё одна сестрёнка. Следует отметить, что, не смотря на то, что в семье мы были от разных матерей, между собой никогда не считались: кто родней, а кто не родней друг другу.

На долгие годы жизнь разводила нас по разным городам, встречались редко, по одному, редко - два раза в году. Потом судьба опять свела нас вместе. О себе Надя сама напишет и расскажет.

Хочу добавить, что Надя – и сейчас красивая женщина, а в молодости была просто красавицей! Помню, когда я училась в институте, она прислала мне свою фотографию, я повесила её на стенку. Как-то в нашу комнату зашёл студент Толик Кудряшов, увидел фото и обомлел: «Какая красивая!» Минут десять любовался ею, потом вдруг начал просить у меня это фото. Я говорю ему: «С чего это я отдам тебе эту фотографию? Это же моя сестра». Но он всё же выпросил эту фотографию у меня на один вечер, повесил над своей кроватью, а утром вернул её мне...

У нас, четырёх сестёр, был всего один брат – **Виктор**. Родную мать он не знал. Вырастила его наша мама. В детстве он был симпатичный, голубоглазый, сильно любознательный – до всего ему было дело. Любил что-то открутить и даже сломать. Бывало, что и попадало ему за это. Как-то у няни пропали очки. Искали мы их всей семьёй до тех пор, пока не поняли, что без Витиных ручек тут не обошлось. И действительно, после серьёзного разговора с отцом брат признался, что очки те он сломал и бросил в подпол.

Когда Витя пошёл в школу, маме хлопот прибавилось: ни старания, ни прилежания к учёбе у него не обнаружилось. Вече-

рами после работы мама помогала ему делать домашние задания, и так – каждый день.

А после переезда нашей семьи из Ижморки в Берикуль, у него проявилась большая любовь к лошадям! После школьных уроков он бежал на конный двор, где главным конюхом в то время был дядя Петя Семенистов. Там Витя помогал ему, за что дядя Петя разрешал нашему брату прокатиться на лошади верхом или в запряженном виде.

Став постарше, он возил воду в бочке, и готов был развозить её по всей деревне – лишь бы управлять лошадью.

Не смотря на то, что он не был для нашей мамы родным сыном, она его очень любила. И Витя у мамы был первым помощником.

В школе он, конечно, шкодил. Не был обделён природой чувством юмора. Шуточки-прибауточки на уроках и переменах у него были часто такими, что за них приглашали родителей в школу на разборки и для принятия воспитательных мер. В школу на такие разборки всегда ходила мама. Иногда о выходках сына в школе приходилось говорить и отцу. И тогда уже попадало Вите от отца ремнём или прутом.

Мы с ним тоже частенько выясняли отношения. Даже дрались! И всё – из-за его шуточек и обзывалок. Перестали драться с ним, когда нам исполнилось уже лет по тринадцать-четырнадцать. А когда появились первые тайны, тут уж Витя стал делиться ими со мною. Подружек у него было полно.

Надо сказать, что и заступался он за меня, если кто обижал. Был он честным и справедливым...

Женился рано, едва исполнилось 19 лет, на приехавшей работать в Берикульскую школу учительнице Галине Николаевне. Ещё до службы в армии у них родился сын **Миша** (1967-2003). А, когда он уже служил, родилась ещё и дочь **Ольга**.

Когда родители переехали в Ижморку, Виктор с семьёй переехали туда же. Брат стал работать водителем на «скорой помощи», Галя - в профсоюзном комитете района. Детишки подрастали. Вскоре, после маминой смерти, Виктор с семьёй уехали жить в Иркутскую область в деревню Речушка, а оттуда перебрались в город Железногорск-Илимский. Брат по-прежнему шоферил, Галя работала в городской администрации. Оля родила сына **Ярослава**, вышла замуж, потом и Миша, отслужив в армии, женился. Ещё один внучек родился **Алё-**

ша. Брат любил крепко выпить. Да всё бы ничего, но в 2000 году заболел Миша, опухоль мозга, прооперировали, потихоньку восстанавливался, однако недолгим оказался его век. Умер летом 2003 года. То ли от пережитого стресса, то ли ещё из-за чего в 2002 году заболел Виктор и, то же рак, на сей раз желудка. В сентябре 2002 года сделали операцию, сильно похудел, но пошёл ещё работать, и тоже болезнь не дала пожить. Умер 4 августа 2004 года.

Кемерово, октябрь-декабрь 2014 г.

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВА
(*Валентина Фёдоровна Непомнящая*)

НАША РОСЛОВНАЯ

ЛИНИЯ ОТЦА:

Непомнящий Михаил Иванович
Непомнящая Екатерина Яковлевна

Их дети:

Фёдор Михайлович (1899-1969)
Полина Михайловна (Могилина)

Дети:

Тоня, Фая, Володя, Саша, Мария *Матвеева*, Любовь

Нечепуренко

Иван Михайлович

Дети:

Валентин Иванович

Таисия Михайловна Бугаенко

Дети:

Галина *Сергеева*, Светлана *Молодцова*

Николай Михайлович

Дети:

Тоня, Юра, Николай

ЛИНИЯ МАТЕРИ:

Стефанов Иван Яковлевич

Стефанова Аксинья Страдонитовна

Дети (Степановы):

Ольга Ивановна Степанова-Непомнящая

Константин Иванович Степанов

Дети:

Маша, Павел, Тоня, Юра

Александр Иванович Степанов (погиб на фронте)

Дети:

Валентина

Татьяна Ивановна Краснова

Дети:

Валентина, Владимир,

Николай Иванович, детей не было

**Дети Фёдора Михайловича и
Ольги Ивановны НЕПОМНЯЩИХ:**

Полина Фёдоровна Великосельская (1920-1972)
Великосельский Михаил Николаевич (1918-1999)

Их дети:

Людмила Михайловна Арнаутова (1949)

Арнаутов Виктор Степанович (1951)

Дети:

Ярослава Викторовна *Захарова* (1973)

Дети:

Николай Игоревич (2010)

Алёна Игоревна (2012)

Анастасия Викторовна Арнаутова (1982)

Надежда Михайловна Кириенко (1952)

Кириенко Виктор Григорьевич (1951)

Их дети:

Василина Викторовна Кириенко (197

Дети:

Никита Витальевич *Краснощёков*(

Даниил Сергеевич *Ли*(

Константин Сергеевич *Ли* (

Варвара Сергеевна *Ли* (

Кириенко Артём Викторович

Дети:

Полина Артёмовна

Григорий Артёмович

Елизавета Фёдоровна Овчаренко (1926-2003)

Овчаренко Григорий Данилович

Их дети:

Юрий Григорьевич Овчаренко (1948)

Людмила Григорьевна Новоженникова (1949)

Светлана Григорьевна Поволяева (1960)

Евдокия Фёдоровна Попович (1930-2005)

Попович Владимир Фёдорович

Их дети:

Нина Владимировна Смирнова (1951)
Виктор Владимирович Попович (1952)
Александр Владимиров. Попович (1954-2009)
Ирина Владимировна Воронцова (1960)
Валентина Фёдоровна Иванова (1935)
Иванов Алексей Васильевич (

Их дети:

Галина Алексеевна Сошникова (1959)
Сошников Александр

Дети:

Алексей Александрович Сошников (1982)

Дети:

Артём Алексеевич (2009)

Павел Александрович Сошников (1987)

Дети:

Егор Павлович (2010)

Екатерина Александровна Сошникова (1992)

Владимир Алексеевич Иванов (1968)

Ольга

Дети:

Александра Владимировна (1989)

Ольга

Дети:

Дарья Владимировна (2012)

Кузьма Фёдорович Непомнящий (1918-1930)
Владимир Фёдорович Непомнящий (1920-1926)
Михаил Фёдорович Непомнящий (1924-1927)
Анна (Нюра) Фёдоровна Непомнящая (1928-1031)
Мария Фёдоровна Непомнящая (1932-1934)
Юрий Фёдорович Непомнящий (1937-1938)

Отец: Непомнящий Фёдор Михайлович (08.02.1899 – 1969) Родился в селе Бериккуль Томской губернии. Был первым ребёнком в семье, затем родились две сестры и два брата. Всего – пятеро детей. Все умерли после 70 лет. Исключение составила тётя Тася (Бугаенко), умерла в возрасте 84 года.

В 1917 году папа бы призван в ряды Красной Армии, вскоре демобилизовался по состоянию здоровья, женился на Степановой Ольге Ивановне. В 1918 году родился сын Кузьма, который умер в 12 лет. Всю жизнь родители, вспоминая его, плакали, очень было жаль сына-первенца.

В 1934 году папа уехал, занимался добычей золота в посёлке Нюкжа Читинской области. В 1935 году приехал домой, забрал семью и увёз их на север, в Нюкжу, где и прожили до 1947 года. Остальные годы жизни жил в селе Берикуль, работал в колхозе кладовщиком.

Весной 1969 года папа заболел раком желудка и умер 14 марта этого же года в возрасте 70 лет. Похоронен на Берикульском кладбище рядом со своей матерью.

Мама: Непомнящая (Степанова) Ольга Ивановна родилась 24 июня 1896 года, была первым ребёнком в семье Стефановых – Ивана Яковлевича и Ксении Страдонитовны. Потом родились ещё три брата и сестра. Семья занималась собственным хозяйством.

В 1917 году вышла замуж за Фёдора Михайловича, родила десять детей, из которых выжили только четыре дочери, Поля Лиза, Дуся и я, Валя. А похоронили шестерых. Как только такое можно было пережить!? Расскажу обо всём, что помню.

В 1935 году, в суровую северную зиму, достигавшую 50-градусных морозов, 7 декабря родилась маленькая чёрненькая девочка, и назвали её Валентиной. Кстати, девятая по счёту. Из рассказов родителей, ждали сына, и отец никак не хотел забирать маму со мною из роддома. Позднее передумал и приехал из Нюкжи на лошади за 14 километров в райцентр, и привёз нас в шубе. Вокруг от холода стоял туман, дороги не видать.

Дома была приготовлена люлька, которая крепилась к матке на потолке. Положили дочь в кроватку, а в квартире – не более семи градусов тепла, холодно. Стояла железная печка, но всё выдувало, сколько не топи. Мама рассказывала: бывало подойдут к ребёнку, она дышит, спит, а вокруг личика – изморозь; лежит мокрая и не плачет. Папа думал, может умрёт, не выживет, а я закалялась в этой среде с первых дней жизни, никогда не болела и живу до сих пор.

Первый год жизни нянкой была сестра Дуся, которой было пять лет, ей и доверяли маленькую сестрёнку. Мама с папой ходили на работу – мыть золото. Поля и Лиза учились в школе. Поля рано вышла замуж и уехала в Среднюю Азию. Дусе сильно хотелось, чтобы я побыстрее научилась ходить. Возьмёт меня четырёхмесячную из люльки, под мышки полотенце, и босиком водит по полу. Потом родители засекли это дело, наругали её, и она больше так делать боялась.

Проходили годы. В 1941 году началась война. Особенно трудно было с продуктами, даже на Севере, люди пухли от голода. Сколько я себя помню, мне всегда хотелось есть.

Война... Самое страшное для матери то, что дети просят есть, а дать им нечего. Я помню, была маленькой, спала с мамой и папой на полу, кроватей на всех не хватало. Когда хотела есть перед сном, всегда гнусила, никому не давала заснуть. Однажды отец рассердился, дёрнул меня за чёлку и крикнул: «Спи! Завтра поешь!» А мне было так обидно, и не помню, как заснула. Мама утром сказала, что и она всю ночь проплакала, очень жалко было меня.

Хлеб давали по карточкам, по 100 граммов на человека. Мама даст отцу эти 100 граммов хлеба – в забой, а он их обратно принесёт детям. Мы с Дусей съедали свою норму понемножку в течение дня, а Лиза не могла так, съедала всё сразу, а потом на нас так смотрела... И мы делились с нею. Поля, старшая сестра, пошла работать в столовую, чтобы хоть чем-то облегчить участь своих родных и не допустить их гибели с голоду. Иногда мы приходили к ней в столовую, и она наливала нам супчику, давала по корочке хлеба и каши, какая оставалась. Который раз и домой приносила кое-что. Так вот и жили, в голоде и холоде... Родители работали с утра и до вечера, нас оставляли одних, надеялись на старших. Утром отец уходил на работу, мама – добывать хлеб. На золото, бонны (деньги-бумаги) давали ткань, одежду. Она уходила пешком в райцентр за 14 километров, чтобы что-то обменять на продукты. И вот однажды в мороз (40-50 градусов) пошла, был туман, не видать даже тропинки. Шла долго, обморозила ноги: штанов тёплых не было, чулочки да валенки. Вернулась поздно вечером с одной булкой хлеба, а в семье – шесть человек, всем по кусочку принесла. Сварили кар-

тошки (она была в сухом виде на севере), поужинали хорошо, легли спать, а утром мама встать не могла: ноги потекли, поднялась температура. Спасли гусиным жиром, соседка принесла.

А праздники всё равно отмечали. Наварят суп из крапивы, из ягоды компот, толчёная лебеда, сахара кусочками по чуть-чуть. Песни поют, все довольны. Мама в компании всегда запевала. Они хорошо пели вместе с папой: «Степь да степь кругом», «По диким степям Забайкалья», «На Муромской дорожке» и многие другие песни. И мы научились, подпевали им. Хороший голос был у Дуси, как у мамы. Мы с Лизой пели вторым голосом.

Помню, купили наши корову, их на селе стало пять. Пасли по очереди. С молоком было легче, а сено – только на болотных кочках. Жали серпом, кругом камни, багульник, горы. Подошла очередь пасти коров и у наших. Мама попала в беду. В стаде одна корова бодалась. Вот она и свалила маму, прижала к стволу дерева, рогами обхватила грудь и долго мучила её. Мама уговаривала: «Верба, Вербочка, отпусти меня, ведь у меня малые детки одни дома, ждут свою мамочку». И она будто бы поняла, отпустила. Или Бог услышал её молитву. Кое-как мама пришла домой, всё тело синее, с тех пор была деформирована грудная клетка, видимо кости помятые неправильно срослись. Милая наша мамочка, сколько же тебе пришлось вытерпеть!

В 1947 году отец заболел воспалением лёгких, врачи сказали, что надо срочно менять климат. И вот, мы всей семьёй решили выехать на малую родину, в село Бериккуль, где жили наши предки, бабушки, дед и т.д. Ехали две недели в товарном вагоне, нахватили вшей, поезд подолгу стоял на перегонах. Пойдём в кустики по-маленькому, а сами там вшей в белье бьём да вытряхиваем. Дуся их называла «бабурками», потому что они были крупными и казались с крыльями.

Приехали в Бериккуль вечером: папа, мама, Дуся и я. Лиза осталась в Ньюкже, замуж вышла за Овчаренко Григория. Полина жила в Туркменистане, в Сталинобаде (Душанбе). Остановились мы у бабушки Екатерины. Отсюда начинаются добрые воспоминания, главное, было что покушать: хлеба, картошки вдоволь. Я пошла в школу. Вскоре Дуся вышла замуж за Поповича Владимира. Меня любили больше всех, как самую малень-

кую. С сёстрами жили дружно. Появились племянники, которых я очень любила и люблю до сих пор.

После окончания Бериккульской семилетки я захотела учиться дальше, а 8-го класса в деревне не было. Пришлось в 15 лет уехать из дома и учиться на станции Бериккульская, что в 12 километрах от дома. Все мои подружки дальше учиться не захотели, пошли доить коров. Некоторые потом попытались учиться, но быстро побросали. А у меня хватило терпения успешно окончить среднюю школу да ещё и поступить в Томский педагогический институт.

Учась в Томске, домой всегда очень хотелось. Но приезжала редко, не было денег на дорогу, да ещё и пересадки в Тайге. Если приезжала домой, то только на каникулы.

Помню, однажды, в 3 часа ночи сошла с поезда на разъезде 331 километр, и пошла пешком до дома 6 километров. Вдруг, не доходя до Малинника (это название лога такое было), услышала вой волков. Я прибавила шаг, бегом побежала. А они сидели на стогу сена, метрах в 200-х от дороги, и выли. Вот когда я впервые сильно испугалась. Подумала, что здесь моя смерть. Но ничего, опасность миновала. Прибежала домой перед утром, мама мне открыла и заплакала горькими слезами, увидев меня, бледную...

Милая наша мамочка! Сколько же тебе пришлось пережить из-за нас! Как она говорила: «Какой пальчик ни уколи, каждый больно, так и вас всех одинаково жаль...». После каникул я уезжала на учёбу со слезами. Родители жили скромно, работали в колхозе на трудодни, зарплату давали зерном. Хватало держать поросёнка и корову. С собой мне мама давала 10 рублей денег (если продаст зерно), булку хлеба и кусок сала.

В студенчестве приходилось жить на одну стипендию, 220 рублей в месяц – при условии, что учишься без троек. И вот помню, во вторую сессию я получила «три» по геологии, будь она проклята! Пришлось полгода жить без стипендии и без продуктов. А как?! Выжить помогли сокурсники. Каждый месяц они собирали для меня по 10 рублей с человека, вот и получалось мне 200 рублей! Очень я им благодарна, не бросила учёбу. Но всё это не прошло бесследно. На почве недоедания заболел желудок, частенько болела голова. Мама писала, чтобы я броси-

ла институт и приезжала в колхоз работать, но я их не послушалась, всё пережила, но закончила учёбу.

Помню, один раз мне старшая сестра Поля прислала 500 рублей денег. Я училась уже на третьем курсе. Я сразу же купила себе шёлковое бельё и сшила крепдешинное платье. В нём я на всех фотках до самого замужества. Радости не было конца. Потом узнаю, что она тайком от Михаила Николаевича послала мне эти деньги, а у самой была семья из пяти детей. Он, конечно, очень был недоволен, и позже меня упрекнул: мол, тебе Поля учиться помогла... Вот так бывало в жизни. Но ничего, всё пережито и позади.

Потом в 1958 году, в ноябре месяце я вышла замуж за своего деревенского парня, он как раз пришёл из армии. И не жалею об этом. В сентябре 1959 года у нас родилась дочь – такая же чёрненькая, как та, на Нюкже, и называли её Галочкой. Два года я отработала в Берикуле, в своей родной школе.

В 1961 году переехали к дяде Мише в посёлок Тяжинский, где и пришлось прожить до зрелого возраста. В апреле 1968 года родился сынок Володя, который рос шустрым крепышом. Мы гордились тем, что наши дети росли здоровыми, умными, послушными, и до сих пор ощущаем внимание и заботу с их стороны.

Тяжёлые условия жизни, труднейшая работа, холод и голод не могли не сказаться на здоровье родителей. Мама часто болела, сильно кашляла.

В 1968 году отец заболел и вскоре умер. Мама осталась одна, схватил её радикулит, она не смогла даже быть на кладбище, чтобы схоронить папу. Её сразу забрала к себе старшая дочь Полина, которая работала на почте, там же жила и семья. Вскоре они построили новый дом. Там у мамы была отдельная комната.

Однажды Полю отправили на переподготовку на месяц в Кемерово. Мама больная осталась с внучкой Надей и Михаилом Николаевичем. Он смотрел дома телевизор и не заметил, как она вышла в туалет на улицу, закрыл дверь на крючок. Старенькая бабуля сделала свои дела, постучала, а двери заперты. Тогда она села на крылечко и решила замёрзнуть. Но вскоре пришла из клуба внучка Надя, они попали в дом, и мама даже не простыла.

На другой день зять велел ей собираться и отвёз её на Берикульскую, к Лизе. Поля ничего не знала. Лиза с Гришей уви-

дели в окошко, что подошла машина. Заходит в дом мама со слезами, в вытянутой руке сберкнижка. Говорит: «Дочка, примите меня, вот три тысячи рублей на сберкнижке». Лиза заплакала: «Мамочка, что ты говоришь! Что случилось? Ничего нам не надо, проходи и живи...». Так и прожила она после папы у Лизы один год и девять месяцев. Умерла 7 декабря 1970 года, в мой день рождения, на 75-м году жизни.

Мой муж, **Иванов Алексей Васильевич** прожил 77 лет (1935-2012). Родился он в селе Бериккуль 3 марта 1935 года. Его отец – Иванов Василий Петрович (1912), мать - Иванова Татьяна Михайловна (1914). В семье было трое детей: кроме Алексея - ещё Александр (1938), и Валентина (1940).

Старшему сыну, Алексею, досталось нелегко. С 12 лет он начал вместе с матерью заготавливать дрова, вывозили те дрова из леса на санках, строили стайку для скота. Трудился физически с детства и до последних своих дней.

В трудные военные годы отец Алексея как-то принёс из колхоза 5 литров керосина. Кто-то «заложил» его. При обыске керосин нашли и изъяли. Отцу дали 2 года тюрьмы, не смотря на то, что было трое маленьких детей. Отсидел он два своих года, и попал на фронт, на передовую. В марте 1945 года он погиб (пропал без вести). Последнее письмо было уже из Польши. Писал, что готовит посылочку. А вот отправить её не успел - видимо, сгорел в танке.

В 27 лет мать Алексея осталась с тремя детьми. Была красивой женщиной. Сама работала, как лошадь, и мальчишек своих мучила работой. Дочь Валя росла болезненной девочкой.

Чтобы как-то вырастить и прокормить одной своих детей, матери приходилось дружить с командировочными мужчинами. За это Алексей очень ревновал свою мать. Как-то в очередной раз заехал к ним из Ижморки военнослужащий. Остался ночевать. Ночью Лёшка проснулся, увидел, что висит чужая белая шуба (борчатка), взял нож, изрезал той шубе подол, вытащил из кармана шубы наган и убежал спать на сеновал. Утром те проснулись: Лёньки дома нет. Стали искать его. Мать нашла его, избилла, забрала оружие и сказала, чтобы он домой не приходил. Мужик тот уехал и больше в их доме не появлялся...

Алексей часто вспоминал своё детство и всегда плакал. Но мать не осуждал. Понимал, что надо же было как-то выживать. В школе учился очень слабо: днём приходилось готовить дрова, ночами не спал до пяти утра, отсыпался на уроках. При этом, никогда не болел.

В 1947 году мы приехали с Нюкжи. Я пошла в 4 класс, училась вместе с ним. Дружила с его двоюродными сёстрами: Машей Семенистовой и Груней Шаповой. Вместе играли, и он с нами. Однажды осенью играли мы в прятки. Спрятались мы с ним за стогом сена. Девчонки всех уже нашли, а нас никак не могут отыскать. Потом уже обнаружили эту парочку, долго подшучивали, смеялись. И потом, уже взрослыми, частенько вспоминали это при встречах.

Зимой катались с горки на лотках – специальных досках, обмазанных навозом и облитых водой. Он всегда старался прокатить меня. Как-то привёз он меня к воротам, свалил, как мешок, и говорит: «Валька, давай шухарить». Я его спрашиваю: «А как?». Он отвечает: «Я тебя возить домой на лоточке буду!». Я, довольная, отвечаю ему: «Ну, ладно. Я согласна». Так и завязалась наша дружба с 12 лет, а потом переросла и в любовь. Деревенские нас дразнили: «Жених и невеста».

Закончили мы 7 классов. Он поступил в Тайге в железнодорожное училище, а я уехала учиться в 8 класс на Берикую. Десять лет дружили мы с ним на расстоянии, встречаясь летом на каникулах.

В 1955 году проводила его я в армию, служил он в Совгавани два года. Я дождалась его. И в 1958 году мы поженились. Я училась ещё в Томске на пятом курсе института. После окончания пединститута приехала работать учительницей в нашу родную школу. В сентябре 1959 года у нас родилась дочь Галина. Два года прожили мы у наших родителей. Он – шоферил, я работала в школе.

Однажды из Тяжина приехал к нам в гости его дядя Миша с Домной Михайловной. Увидел нашу жилищную неопределённость и предложил переехать к ним в Тяжин. Закончился учебный 1961-й год, и мы переехали. Первые три месяца жили мы у дяди Миши, потом от школы получили квартиру на Первомайской улице, где и прожили 17 лет.

Алексей закончил вечернюю школу, потом в Красноярске – железнодорожный техникум, получил специальность «Механик связи». 36 лет проработал на железнодорожной станции Тяжин.

Его брат Саша уехал из дома рано. Весной 1952 года из Владивостока приехал один моряк и уговорил его податься в Приморье. Поступил в мореходку, учился, путешествовал потом на разных кораблях. Приходилось даже тонуть в море. Женился. Долго болел. Один раз в пять лет приезжал с женой навеститься к родне. Детей у них не было. Умер в 1998 году.

Самая младшая их сестра Валентина жила с матерью и отчимом (Орёл Николай Иванович), называя его папой. Замуж вышла рано, в 1959 году, – за Кинякина Григория, старше её на 8 лет. У них родились две дочери: Наташа и Люба. Жили в Ижморке. 4 августа 2014 года умер Григорий, а через 10 дней – умерла и Валя.

Мать Алексея, баба Таня, в 1993 году схоронила Орла Н.И. Осталась одна, больная, слабая. Зимовать одной не было сил, забрала её к себе дочь. А в 1997 году приехала она доживать к сыну. Много рассказывала нам про свою жизнь. Прожила с нами в Тяжине ещё 4,5 года и умерла в возрасте 88 лет (4 февраля 2002 года). Меня она очень любила, считала своей дочерью. Мы никогда не посердились друг на друга. Я ухаживала за ней как за родной матерью.

2012 год для нас наступил как обычно – спокойно, но в марте принёс нашей семье несчастье. От острого инфаркта миокарда 20 марта ушёл из жизни глава нашего семейства – муж, отец, дедушка и прадед Алексей Васильевич... Моя жизнь разделилась на «до» и «после». Трудно привыкать жить одной...

Считаем, что жизнь прожита не зря, если в детях и внуках – наше продолжение. А внуков у нас пятеро: Алёша, Паша, Саша, Катя и Даша. Есть уже и правнуки: Артём и Егор.

Все дети и внуки хорошо учились в школе и успевали посещать музыкальную школу, участвовать в художественной самодеятельности. Всё это им пригодилось в выборе профессии. Алексей окончил университет культуры, педагог-балетмейстер. Павел – училище культуры (баян, соло). Поёт в хоре им. Пятницкого. Катя училась в музыкальной школе, тоже пробует себя на сцене, неплохо поёт. В общем, дети-Сошниковы – артисты.

Внучка Саша живёт в Омске, учились в художественной школе. Дай Бог им здоровья! Не каждая бабушка может гордиться такими внуками! А я очень горжусь ими и радуюсь их талантам! И вот наказ:

*Не губите молодость, ребятушки,
Не губите её с малых лет.
Слушайте совета доброй матушки,
Берегите свой авторитет!*

Сестра Полина родилась 20 октября 1920 года. Самая старшая, самая красивая, умная, всесторонне развитая, хотя образования было всего 7 классов. Мужчины обращали на неё внимание. В 15-летнем возрасте она увлеклась парнем старше её на 12 лет. Мама была против и не опускала её на свидание. Однажды закрыли её в бане на замок, чтобы не сбежала гулять. Ходили ночью, проведали – всё на месте. Утром приходят – замок висит, а Польки нет. Она вылезла в окно и, как раньше говорили, «убегом» вышла замуж. На Нюкже, где мы жили, был командировочный Василий Торсуков. Вот он взял, и увёз её с собой в Среднюю Азию, город Сталинабад (ныне Душанбе). Там у них родилась дочь Светлана.

И далее, из рассказов сестры. Жили они не дружно. Вдруг девочка в 5 лет заболела дизентерией и вскоре умерла. Поля сильно плакала, теряла сознание. Во время похорон все ушли с кладбища, а её оставили на могилке. Утром она очнулась, поняла, где находится, стало страшно, пошла домой. Пришла домой, никого нет. Муж уехал в командировку, и больше она его никогда не видела. Погиб на фронте.

Через два года встретила очень порядочного человека – Батухтина Лаврентия Григорьевича. Он работал в НКВД. Время военное. В 1946 году его убили поляки выстрелом из-за угла. Опять переживания, слёзы, горе. Куда деваться? Вернулась в Бериккуль и вызвала родителей. Она устроилась на молокозавод заведующей, а приёмщицей была родная тётя Таня Краснова. Полина доверяла ей всё. Вдруг она стала замечать, что масло убывает. Подкараулила её и поймала с поличным свою крёстную. Как же было не стыдно воровать и подставлять свою пле-

мянницу? Тетке Тане дали три года лишения свободы. Она отсидела своё и вернулась, как ни в чём не бывало.

В 1948 году Полина вышла замуж за Великосельского Михаила Николаевича – местного председателя сельского совета. У него после родов умерла жена, осталось трое детей: Рая (9 лет), Валя (8 лет) и сынок Витенька (1,5 месяца). Не побоялась. Вышла на троих детей, и своих хотелось. В мае у них родилась дочь Людочка, хорошенькая, которую я очень любила и являюсь ей лелей. В 1952 году родилась Наденька. И так в семье стало 7 человек. Было много трудностей. Полина прожила мало, всего 52 года. 13 сентября 1972 года оставила мужа и деточек, ушла на вечный покой...

Сестра Елизавета родилась 1 мая 1926 года. Девочка росла высокой, худенькой, с конопушками на лице, со своенравным характером.

В 1942 году после ФЗО её забрали работать путевым обходчиком на ж/д. Родители переживали: как там шестнадцатилетняя девчонка в мужском коллективе? Останется ли жива, ведь война? Но всё обошлось, война закончилась, Лиза вернулась домой. У нас с ней разница в возрасте почти 10 лет. Совместное наше голодное детство я помню мало. Меня не обижала.

В 1947 году семья вернулась на нашу малую Родину – Берикуль. А буквально накануне, ещё в Ньюже, когда были уже собраны все вещи, вечером пришёл жених Лизы – Гриша Овчаренко. И сосватал Лизу. Пришлось расшивать мешки, вынимать из них её вещи и возвращаться без одной дочери.

В 1948 году у Лизы родился сын Юра, а через год – дочь Люда. С двумя малышами поехали они на Украину, к родителям мужа. Там была такая нищета, бани – и той не было! Лиза рассказывала: «Мылись один раз в неделю, по их обычаям: все в корыте и в одной воде. Сначала мылись мужчины, потом в этой же воде – женщины. Подошла её очередь мыться, и она отказалась мыться уже в грязной воде. После этого свекровь её невзлюбила: «Ишь, яка гарна дивчина, чого из себя строить, ну и нехай ходить грязной, як та свинуха».

Но русская женщина всегда найдёт выход. Вскоре оба устроились на работу и стали жить более-менее нормально. Правда, мама очень беспокоилась, что Лиза редко письма писала.

Я, уже учась в институте в Томске, решила помочь маме: даже подала на Лизу в розыск. Пришёл ответ, что они живы и здоровы. А Лизу, через паспортный стол, обязали написать письмо родителям. Ей было за это очень неудобно. Написала нам, извинилась, пригласила в гости.

В 1957 году поехал к ним папа, хорошо отдохнул у них на фруктах. Приехал посвежевший. После него загорелась и я съездить к ним, попроведать. По пути к ним впервые побывала в Москве, не растерялась даже и в метро. С Киевского вокзала доехала до них самостоятельно. Встретили меня. Прожила я у них месяц, и так мне там понравилось: теплота, фрукты, зелень, свежий воздух! Я тогда съела столько много вишнёвого варенья, свежих овощей и фруктов!

Но тут я внесла предложение: выехать им с Украины обратно, в Сибирь – так далеко она забралась от родных. Обсудив моё предложение, Лиза с Гришей приняли его. Обратном домом я возвращалась вместе с их девятилетней дочерью Людой. А в сентябре 1958 года приехали в Берикуль уже и все остальные. Прожили недолго у мамы, потом уехали на станцию Берикульская (село Красные Орлы). Лиза работала в торговле, Гриша ушел в совхоз управляющим отделением. Там они прожили много лет в хорошем кирпичном одноэтажном доме. Здесь уже у них родилась ещё одна дочь – Светлана.

Женили сына Юру, выдали замуж дочерей, радовались внукам. Умерли оба почти в один год. Лиза – после инсульта, в конце декабря 2003 года. А осенью 2004 года – Григорий Данилович: всё время очень скучал, оставшись один, без Лизы. Видел её, как наяву. Похоронили их рядом...

Сестра Евдокия (14 марта 1930 - 15 ноября 2005).

Родилась в селе Берикуль Ижморского района. В 1934 году вместе с родителями уехала на прииски Ньюжа. В возрасте 4-х лет шла пешком от жд. станции Невер до места назначения. Семья с узлами еле волочила ноги, а она уйдёт от них, сядет на пенёк и поджидает их. В основном она водилась со мной, маленькой сестрёнкой, оставалась дома одна: накормит, оденет, и – на улицу. Когда обижала меня – ей попадало, а мне её так жалко было... Что характерно – она никогда не плакала, как больно и обидно бы ей ни было, только надуется – и всё.

В 18 лет в Берикуле, вернувшись с севера, вышла замуж за Поповича Володю. Когда они дружили, я у них за связную была, записки передавала. Володя меня очень любил, работал в магазине, всегда мне конфеты давал, а я прибегала с улицы и дразнила Дусю.

Весной 1948 года сыграли свадьбу, жили с его родителями, держали пасеку, мёд всегда был на столе. Построили дом, хозяйство было на молодой невестке. За трудолюбие её очень уважал свёкор. Первые три года детей не было, потом «распечаталась»...

В 1951 году родилась Нина. Мне с ней не пришлось водиться, так как я училась в школе на станции Бериккульской. В 1952 году, в июне, родился мой крестник Витя, я его очень люблю, как и всех племянников. Потом – Саша, Ирина. Муж не жалел мою сестру, часто бил, увозили без сознания с сотрясением мозга. Здоровье подорвала. Но не расходилась с этим деспотом ради детей. И они уважали родителей. Много лет прожили на Бериккульской, там выросли и дети.

В 1976(1977-?) году с маленькой Иринкой приехали в Тяжин. Работала Дуся на разных работах, освоила много профессий: няня в детском садике, кассир, продавец в аптеке, железнодорожной кассе. До пенсии не доработала один год, её парализовало, и 21 год она промучилась. Ходила с палочкой, сама себя обслуживала. И вот, упала, сломала бедро, и больше не поднялась. Лежала шесть месяцев на спине. Мы с Иринкой ухаживали за ней, не обидится. Володя умер в марте 2002 года, а Дуся – 15 ноября 2005 года.

Осталась я одна из сестёр. Спасибо, не забывают племянники. А как одиноко бывает!

ЕЛИЗАВЕТА ОВЧАРЕНКО
(Елизавета Фёдоровна Непомнящая)
ПЕРЕЖИТО СТОЛЬКО, ЧТО
НИЧЕГО НЕ СТРАШНО

(Из воспоминаний Е.Ф. Овчаренко-Непомнящей)

Родилась я в 1926 году 1 мая. Хотя по паспорту – 15 мая, неправильно зарегистрировали. А сейчас мне уже 77 лет. И 57 лет из них – в браке с Овчаренко Григорием Даниловичем. Родилась в Ижморском районе, селе Бериккуль. Вот, хочу я рассказать про свою долгую жизнь, а помню я её с 4-х летнего возраста. У мамы была я пятая, родители меня не любили, так как ждали сына...

Папа наш, Фёдор Михайлович, любил ездить. Мама частенько оставалась с нами, пятью детьми, одна. Уезжал он в Мурманск, на заработки, но через четыре года вернулся. Жили одинолично, крестьяне-бедняки.

В колхоз папа не захотел вступить и в 1933 году ехал с друзьями на север, в Нюкжу, на золотые прииски. А маме не разрешили вступить в колхоз. Нас у неё было уже пятеро: старшая Поля (13 лет), мне 7 лет, Дусе 3 года, Нюре – 2,5 годика (она вскоре умерла) и маленькая Маня, 1 годик.

Я всё помню, как было трудно. Я и Поля ходили с мамой по полям, собирали колоски. Зёрнышки мололи, варили на лепёшки. Корова была – и ту забрали в колхоз. Бывало, мама нагонит самогонки, и идёт на станцию Бериккульская – менять на продукты. Наменяет, придут в гости кумушки. Начинают чаёвничать, а мы пятеро сидим на полатах, ждём, когда уйдут гости, чтобы нам осталось немного. А Поля однажды научила меня: «Линка (меня так звали в детстве), спроси: когда кумушки домой пойдут?» Вот я и спросила на свою голову. Гости засобирались и ушли, а мама подала команду: «Девчонки, за стол! А тебе, долговязая, сейчас баня будет!» Залезла на полати и всыпала мне ремня. Так на полатах я и осталась с луком. У нас там хранился в связках лук, много очень. Мы, бывало, возьмём воды, и на целый день – на полати...

Поленька наша была самая старшенькая, хорошенькая, досталось ей, бедной... Царствие ей небесное! У мамы было де-

сять родов, умерло пятеро, из них – три мальчика, а мы, горе-мычные, остались на всё последующее.

Через год папа приехал с прииска и забрал маму с нами в апреле 1934 года. Ехали со станции Бериккульская в товарном вагоне 7 дней, конечная станция – Большой Невер Амурской области, а до прииска Нюкжа, где работал папа, ещё 360 километров пути, в сторону Крайнего Севера. 240 километров из них мы проехали на грузовой машине, в кузове. Доехали до полустанка Джелтулак, а оттуда – никакого транспорта, только пешком. Папа сколотил саночки. Поставили на них узлы. Мы ещё не могли идти пешком... Шёл мокрый снег, речки начинали вскрываться. По дороге все заболели корью, самая маленькая Маня умерла. На грани этого была и Дуся. Шли мы четыре дня, все мокрые, больные, заели вши. Наконец добрались мы до прииска Нюкжа. Население – в основном, кочующие эвенки, а в бараках – холостяки. И вот, в один барак поселил нас отец. Стены – не мазаны, в пазах мох, а за стенкой холостяки, в стельку пьяные. И клопы по стенкам пузатые, напившиеся нашей крови. Ночами чуть не заедали нас...

Потом папа начал рубить избушку, за три месяца поставил. Стены уже в ней обмазали, поставили три деревянных топчана, положили на них матрасы и подушки, набитые сухой травой.

Папа с мамой пошли на работу, добывать золото. Били ямы до песков, пока на золото не наткнутся. Надо было пробить три ямы глубиной по два метра.

На прииске был магазин, «продукты», в него всё доставлялось самолётами из Америки в сухом виде. Рыбы было всякой очень много. Эвенки в основном занимались рыбной ловлей и охотой. И так «процветало» наше детство. Поле сравнялось 14 лет, мне 8, Дусе – 4 года.

Вскоре и зима подоспела. Суровый климат в тех местах, морозы достигали 50 градусов. Я пошла в первый класс, Поля – в шестой. Начальная школа находилась в трёх километрах от нас, а Поля уже ходила в школу аж за восемь километров. Морозы были, но никто нас не провожал и не встречал, так как папа с мамой были на работе, в ямах. Дуся дома нас одна ждала,

когда мы со школы вернёмся, застывшие. Так и продолжалось наше детство.

Прошёл год, и 7 декабря 1935 года мама родила Валечку. Папа был в сильном отчаянии, ждали мальчика Валентина. Но, увы, опять родилась дочь, последняя наша - умничка. Мы её так любили, нянчились с нею.

Поля уже становилась взрослой девушкой. Окончив семь классов, в 16 лет вышла замуж – «убегом», без согласия родителей. Стала дружить с одним парнем, он был старше её, принимал от приискателей золото и повадился к нашей Поленкыке. Мама на ночь стала закрывать её на замок, уже замечала, что дружит по ночам. Но в 1936 году жених украл её и увёл к себе домой. Мама никак не могла её простить, всё плакала, Но, как говорится, поезд уже ушёл. Началась у них новая жизнь. Вскоре у её мужа на работе получилась неприятность, и он уехал в Сталинабад. Потом и она уехала к нему.

А мы с мамой всё ходили, промывали пески «проходнушкой», иногда намывали по 1-2 грамма золота - на хлеб. А папа – всё «глухарил». Бывало, придёт, встанет на порог и говорит: «Глухарь, мать». Значит, яма опять без золота.

Летом с мамой ходили за ягодами. Ох, а сколько её там было! По горам – брусника, кистья, как виноград. По болотам – голубица, морошка. Жимолость. Грибы всякие. Мама была такая непоседа: летом отдыхать некогда, всё по горам да в лесу. А комаров и мошки – ужас один! Сколько речек, озёр перейти да обойти надо было... Бывало, идём с ягодой, надо перейти речку. Мама сначала перенесёт два ведра с ягодой на тот берег, а потом – за мной. Речка называлась Уркима, горная, чистая, все голышки видать, а вода в ней холодная, ледяная. Рыбаки ловили в ней хариусов, тайменей, щук и всякую другую рыбу. Тайга непроходимая, в основном с горами и хвойными лесами. Там водилось много медведей и волков. Так страшно! Тайга – есть тайга, и горы вокруг.

Потом мама бросила ходить работать с папой в ямы и начала стирать на холостяков. Иногда в магазине убирала, чтобы хоть что-то заработать и прокормиться. Потом папа стал работать на речке, на драге. Труд стал полегче, и заработки – без «глухарей».

Поля наша жила в Средней Азии, у них родилась дочка Света, которая потом умерла. Она, сестричка, там торговала фруктами. Ей эти чёрные сплавляли всякую гниль для продажи. За неликвид товара и недостачу пришлось ей самой платить. Мама послала ей 1000 рублей. Она и заплатила за недостачи и гнильё. Мама, помню, всё плакала по ней: такая несчастная Поля. Ей тоже пришлось всякое пережить... Потом она опять приехала к родителям одна в эту проклятую Ньюжу. Шла пешком 120 километров, 240 километров – на грузовой машине тряслась. Её муж был в Армии, погиб во время Отечественной. Ох, как хотелось жить с родителями! Не страшны были ни речки студёные летом, ни жгучие зимние морозы. Сколько же ноженькам нашим досталось!

В 12 лет я окончила 4 класса, а в пятый уже ходила за 8 километров, на 14-ю Линию. Оттуда на верблюдах возили муку, продукты. Мужики подсалят нас, учеников, к верблюжнику, и он везёт. А нам – лишь бы прокатиться. А верблюды горбатые, сопливые, ходят тихонечко. Пока до школы доедем – уже и уроки кончатся. Потом папа наказал, чтобы верблюжники нас не брали.

Валенки быстро рвались. Пальцы застывали, приходилось дырки соломой затыкать. Пока у папы время было свободное – починит. Но он не любил их латать, считал, что лучше новые купить. Не всегда были деньги. А как они появлялись, любил папа погулять. Да уж, попили они там в компаниях... Один раз папа сильно избил маму, вся голова была, как подушка. Потом она у неё болела до конца жизни.

В 13-14 лет ходила я с мамой на подсобку. Летом пололи тяпками, отдыхать было некогда, все в работе. И Дуся, подрастая, стала помогать нам. Поля работала в столовой заведующей, для приискателей готовили специально.

В 16 лет я окончила 7 классов, и то на осень осталась по алгебре, так как не волокла в ней. В 1941 году началась Великая Отечественная война. Папу не взяли, была у него бронь, как у бригадира по добычи золота. Хоть в этом нам повезло, а то как бы пришлось нам тут одним без него...

Но вскоре, в июле 1942 года, родители от меня избавились. Мне принесли повестку, через горком комсомола: явиться

в райисполком, для дальнейшей учёбы в ФЗО. Набрали нас 30 человек, забрали паспорта и, как овец, погнали на учёбу. Мама провожала, плакала.

Сначала шли мы 120 километров пешком до Джелтулака, потом 240 километров ехали на машине до Большого Невера. А далее – поездом до станции Ерофей Павлович, где нам и предстояло учиться в ФЗО.

Первые семь дней мы не учились – не было специалиста. Потом пришёл мастер железной дороги и сказал, что нужны только путевые обходчики и ремонтные рабочие. Посоветовал нам написать заявления на путевых обходчиков. Многие сбежали, но их тут же определяли уже в колонии.

За 4 месяца я окончила ФЗО, и в ноябре нас выпустили работать по договору: на 4 года, куда пожелаете. И мы, 8 девушек, пожелали на станцию Зилово. Направили нас на разъезд Киндагиры, 1637 километр, – между двух охраняемых мостов Читинского направления железной дороги.

Поезда шли через каждые 15 минут: эшелоны военных, везли оружие на фронт. Железнодорожный мастер нам прочитал Приказ Сталина о том, что в чью смену будет допущена авария – тому будет высшая мера наказания. А мы боялись ходить ночью в обход. По одной стороне пути протекает река Угрюм, по другую – высокая гора, а идти надо.

Однажды выбежал с горы волк на линию, я наставила на него фонарь, они огни света боятся. Но я всё равно, как безумная, бежала до казармы, и больше до 6 утра на линию так и не вышла. Работали мы без выходных, через 8 на 8. Среди нас был один старший рабочий. Как только смена шпал, он орёт: берите такую же норму, за это хлеба получаете! По карточкам нам давали 650 граммов хлеба. Мы выбирали их за 15 дней, а потом жили на мороженой картошке без соли, так как её вообще там не было. И как только мы пережили войну в юные годы?!

Так длилось два года. В 1944 году отпустили нас в отпуск. С Ньюжи было нас двое. Добирались поездом до Б.-Невер. И до родителей на север, ещё 360 километров. Нас, фэззошников, машины не брали, считали, что мы беженцы. Вот и приходилось мерить это расстояние своими ногами. Был декабрь месяц, стояли уже морозы под пятьдесят градусов. Правда, одеты мы были

уже в ватные брюки, телогрейки, валенки, шапки. Из продуктов было по три булки хлеба, и больше ничего.

В день проходили по 40 километров. Через эти расстояния на пути стояли домики – для рабочих на трассе. С гор текли ручьи, заваливали трассу крупными камнями, рабочие потом эти камни кирками долбили. Декабрьские дни короткие, в пять часов уже темно. Попросимся в такой домик переночевать, пустят. Под порогом посидим, и в 8 утра опять в путь. Так за 8 дней и прошли эти 320 километров. На полустанке мою попутчицу встретил отец на коне. У нас хлеб уже весь кончился, а до дома мне ещё 40 километров. Её отец забрал, своего коня хлебом покормил и поехал, а меня не взял. Почему? Оказывается, он был в ссоре с моим отцом. Был он немец, проклятый, вот и решил на мне отомстить моему отцу.

Был уже вечер. Мне стало страшно. На моё счастье туда направлялся эвенк на паре оленей, вот он и взял меня с собой. А в дороге он и говорит: «Мой олень дальше не пойдёт, он на табор хочет». Я заплакала. Тогда он и говорит: «Моя шутит». Я заплатила ему 120 рублей, на которые всё равно было нечего купить. Довёз он меня до 14 Линии, а там ещё 9 километров пешком добиралась. Так, на десятый день я оказалась дома, у мамы с папой и своих сестёр. Сколько слёз было от радости... Поли там уже не было, она вышла замуж за Батухтина, и он увёз её в Харьков.

Отпуск мен был даден всего на 10 дней, хоть сразу обратно вертайся. Но папа достал мне справку, по болезни, на 20 дней. Они быстро пролетели, эти счастливые денёчки, и папа повёз меня обратно, 120 километров на оленях, а там посадил на машину. А моя подруга, с которой мы шли домой, вышла замуж и назад не вернулась.

Я одна вернулась на место работы. В это время как раз убило поездом девушку. Она лежала в гробу, была с Зеи, Амурской области. Схоронили её. И осталось нас 7 человек. Обслуживали мы 4 километра пути, чтобы было всё в образцовом порядке: костыли забиты, болты не шатались, всё – под метёлочку, чтобы и травинки не было. На каждого было по 1 километру пути, да ещё 2 больших моста. Выметали в лотках весь снег и шлак. Так проходили месяцы...

Пережили зиму, война приближалась к концу. Наконец сообщили: война окончилась! Мы все прыгали от радости! Думали, нас отпустят домой. Но, увы, работать было некому, многие мужчины не вернулись с войны. А тут ещё началась другая война – с Японией. Нам объявили: быть бдительными! Граница была близко, особенно самолётом. Существовала большая вероятность шпионажа.

Вот, однажды был случай. По железной дороге шла цыганка. Через один мост прошла – часовой не остановил, Заходит в казарму. Предлагает всем погадать. Нас было 6 человек-девушек. Одна находилась на работе. Начала она гадать. Мне лично почему-то показалась она подозрительной. Я потихонечку вышла из казармы и побежала ко второму мосту. Расстояние до него было с километр. Этот мост охраняли войска НКВД. Я добежала до них и предупредила, что будет идти цыганка. Только я отошла, подходит к мосту эта самая цыганка. Её остановили, забрали и отвели в гарнизон. А когда раздели, то оказался мужчина, сорок лет. При себе он имел фотоаппарат и рацию (это потом уже нам говорили военные парни). Ну, его быстро и запрятали, а куда – неизвестно.

Война с Японией была короткой, но опасной и напряженной для Забайкалья. Один за другим на запад шли эшелоны с зарешеченными окнами в товарных вагонах. Везли в них пленных японцев.

А ещё в памяти для меня осталось следующее. Иду я по железнодорожному пути. Смотрю, лежит на полотне рельс, а они раньше были короткие, всего 25 метров. Видно, оставили его на бровке, когда меняли. И каким образом он оказался на рельсах пути – неизвестно. Видимо, шпионский теракт. Я слышу: вдали идёт состав, гудок пассажирского поезда.

Я – бегом, ему навстречу. Самое малое для его остановки надо 100 метров. Я, без памяти, лечу, сколько пробежала навстречу, не знаю. Поставила в шахматном порядке петарды, и отошла к другому пути с красным флажком. Приблизился пассажирский поезд «Москва – Владивосток», сработали петарды. Машинист замедлил ход, я бегу... Перед самым рельсом поезд остановился. Из поезда высыпали пассажиры, военные офицеры. Поняли, что к чему. Офицеры мне: «Девушка, поедем вме-

сте с нами!» А я – нет! Дескать, меня поставили здесь защищать рубежи Родины. Вот, если у вас найдётся что-либо поесть... Нас тут семь человек таких, как я. Накидали мне в мешок сахара, консервов, сгущёнки. Записали мою фамилию, инициалы. Потом сообщили в Читу, в Управление железными дорогами. За этот поступок мне вышла награда, Приказом вручена медаль «За боевые заслуги». Было это уже в июле 1945 года. Тогда мне уже 19 лет стукнуло...

И неизвестно, сколько бы мне пришлось там ещё мантулить. Мужчины не вернулись с войны, а мы, девушки, работали вместо мужиков: меняли шпалы, рельсы. Летом ещё было терпимо. Меня, как младшую по возрасту, ставили на сигналы. Зимой были пообморожены руки, ноги. Отсюда – и хронический ревматизм с юности.

А в сентябре меня отпустили домой. Спасибо одному человеку. Участник войны поехал с моим прошением-заявлением лично к начальнику дороги и привёз резолюцию: «Освободить».

И я опять поехала к родителям, в эту Ньюжу, в августе 45-го. Добралась до родителей 1 сентября. Уже пахло осенью, но зато я была дома. Через неделю поехала вставать на учёт в райком комсомола. И там направили меня работать в милицию. Предложили мне работу участкового уполномоченного в селе Средняя Ньюжа. Посоветовалась с родителями. Мама – ни в какую: «Ой, я боюсь милиции». Потом мне предлагали в паспортный стол. Я до сих пор жалею, что отказалась.

С этих пор начались мои мытарства. Пошла в детский сад, подменяла заведующую детскими яслями. За месяц моей работы утащили там картофель, меня хотели за это под суд отдать. Но мама отдала всю свою семенную картошку, сами остались без семян.

Как говорится, горе с бедой в одиночку не ходят. Поля наша жила с Батухтиным в Харькове. Я её долго не видела. В 1947 году она приехала в село Берикуль, мужа её убили поляки на Украине. Судьба свела её в Берикуле с Михаилом Николаевичем Великосельским.

Дальше о себе, о нас. Время после войны было тяжёлое. На продукты существовала карточная система. Мама всё ходила зарабатывать, чтобы хоть как-то прокормиться. У папы здоровье

пошатнулось. Вот Поля и стала писать нам письма, звать к себе на родину, в Бериккуль. Родители, конечно, засобирались.

Дуся в это время уже работала на метеостанции, наблюдателем погоды. Однажды к ним явился некий парень, радист мобилизованный и направленный в районы крайнего севера, - по договору на 4 года радистом по передаче сводок погоды. Это и был Овчаренко Григорий Данилович.

Родители продали всё лишнее, потому что выбираться из Ньюджи было трудно. Остальное запечатали в мешки, ждали попутный транспорт. И вот однажды, Дуся приходит с работы и заявляет: «Сейчас Гриша придёт, тебя сватать». Я – в растерянности. Во-первых, мы с ним и не дружили, да он мне был и не очень привлекателен. Мало того, был он склонен к алкоголю. В этом я убедилась уже в первый вечер сватовства: он напился в дугу. Я пошла его проводить и вернулась домой.

Родителям хотелось, чтобы я осталась здесь: не надо брать на меня лишний билет. Папа посмотрел на меня строго и сказал: «Поеду домой, надоел мне этот север!»

Мне было уже 20 лет. Пора было и определяться. А через день пришли сваты. И тот же жених, уже трезвый. И увели невесту. Дали в руки патефон с пластинками – вот и всё приданное. Было это 18 марта 1947 года.

Через три дня родители уехали, а я осталась. В общем, скинули меня, как говно с лопаты...

И осталась я на севере, началась семейная жизнь. Григорий Данилович работал радистом. Кроме этого помогал в РПО выдавать хлебные карточки. Я в РПО поступила работать секретарём, научилась печатать на машинке. Жили нормально. Хлеб ели досыта, были мясо, рыба. Кое-что стали прикупать. Домишко свой был. Очень холодный, все стены зимой в снегу. В углу стояла печка железная. Пока жили вдвоём, ещё было терпимо.

В 1948 году родился сынок Юра. Больницы не было, дома с врачом рожала. Гриша сразу побежал за весами, взвесили: 3 килограмма 800 граммов! Хорошенький, полненький был мой черноглазик! Квартира была холодная, пеленала его, берегла как могла. К году он стал подрастать, и, как бывало, его уже не укроешь, всё с себя сбросит и спит голеньким. Холодный, как ледышка. Я встану, укурю его, а он через некоторое время опять

такой же. Возьму его к себе в серединку, усну. Просыпаюсь, а он слезет с кровати и лежит уже под кроватью. У нас под ногами лежала большая медвежья шкура, вот он на ней и устраивался. Я соскочу с кровати, и чуть на него не наступаю. Схватчу, заматаю в одеяло... Малыш рос спокойным, никогда не слышали, чтобы он плакал. Но не долго ему пришлось одному нежиться.

В 1949 году родилась Людмила, красавица, 3400 весом. И тоже дома. Вот мне и прибавилось работы и заботы: нянек-то не было, прислугу не нанимали.

Гриша стал часто по командировкам ездить. Я оставалась одна. В декрете была всего 2,5 месяца. Носила их обоих в детские ясли, детсадика не было. Заверну их в охапку и несу обоих. Через полтора года Юру из детских яслей отсеяли, а детского садика не было. Меня избрали депутатом и секретарём сельского совета. Да ещё общественная нагрузка была – секретарь комсомольской организации. А Юру определить было некуда. Одна девочка рядом жила, во второй класс ходила, после уроков всё в окно подглядывала. А его приходилось оставлять под замком. Хозяйничал дома как мог, надо же было чем-то заниматься. Однажды зимой выбил окно, отдал суп собакам и пустую кастрюлю поставил обратно в печку, а сам забрался под одеяло.

Я с работы прихожу, не знаю, что делать. Людочку из яслей принесу. Надо печку натопить, искупать её. А Гриша работал ревизором, всё по командировкам ездил.

В 1952 году по окончании договора он уволился с работы и засобирался уезжать в Ростовскую область, на родину к матери. У него было там ещё три брата и две сестры. Отец их умер ещё в 1934 году.

Выезжали мы с этой Нюжки верхом на лошадях. Гриша с Людой впереди, а я – с Юрой за ними. По бокам лошадей – чомоданы, Так и ехали все 120 километров тропинкой вдоль горы. От Большого Невера - поездом до Ижморки. На недельку сделали остановку в Берикуле, повидались с Полиной, с которой не виделись десять лет. У неё уже были Люда и маленькая Наденька, да ещё трое, дети Михаила Николаевича: Рая, Валя и Витя. Хотели у них пожить ещё немного, но получили телеграмму, что брат Григория в плохом состоянии, дескать, выезжайте. Но

это было неправдой, им хотелось побыстрее увидеться. Они не видели его 8 лет. А он явился не один, а с семьёй: Юре было уже 4 года, а Люде – 2,5.

Привёз он меня к хохлам, натуральным. Мать встретила его, упав на пороге. Его брат Вася был без ноги – фронтовик, он дошёл до самого Берлина и там получил ранение. Ногу отняли, три раза пилили ещё, почти до самой ягодицы – всё открывалась рана. Хороший был человек, женатый уже.

Хата была крыта соломой, полов вообще не было – земля смазывалась. Нам было так дико на это смотреть! Но всё пришлось пережить.

Итак, приехали мы туда 7 ноября 1952 года и жили у них до первого января 1953 года. Потом переехали на станцию Мальгевка. Гриша устроился в торговлю, а я ещё год не работала. Квартиру снимали в аренду, своего ничего не было: ни картошки, ни муки. А хлеб пришлось самой выпекать. Спасибо брату Васе, кое-что он привозил нам на быках. Настала зима. У них там мокрая грязь со снегом, не пройдёшь. Из-за резкой перемены климата стали болеть дети. А папа Гриша стал хорошо «вмазывать», гулять по вдовушкам. Там их в то время много после войны осталось. Всем надо было мужика, а он был молод, красив собою...

Там, на Украине, я торговала в магазине. Не хочу хвалиться, народ меня уважал. За хорошую работу в 1958 году была награждена значком Центросоюза «Отличник советской торговли»!

В 1956 году сюда приезжал папа, жил у нас месяц, посвежел на фруктах, не хотелось и уезжать. А летом 1958 года приехала сестра Валя. Она, такая умница, ещё училась в Томском пединституте. Вот она и сблатовала Григория переехать на нашу родину, в Сибирь. Хорошо отдохнула у нас летом и забрала с собой Люду. Говорит: «Иначе вы не приедете».

Ну, мы и засобирались, погрузили контейнер, кое-что по мелочам, и поехали. В октябре 1958 года прибыли в Бериккуль. Опять в зиму пришлось переезжать, на станцию Бериккульская, к Поповичам. Один месяц прожили у Дуси. Но – есть всё же Бог на свете: нам дали квартиру, хорошую, тёплую. 28 января 1960 года родилась Светлана. Уже большая семья получается.

Григорий устроился в рабкооп, заместителем председателя, а я – в торговлю. Купили корову, свиней, держали кур. Так потихоньку и жили. Гриша ушёл работать в сельское хозяйство, а я так в торговле до пенсии и проработала. Выросли дети. Юра женился, Люда вышла замуж, потом - и Света. Так быстро все определились, живут нормально, в подробности вдаваться не буду, всякое бывает. Жизнь прожить – не море переплыть!

Сынок наш механизатор, комбайнер-тракторист широкого профиля. Вот, в 2003 году убрал 750 тонн зерна. Поедет в Кемерово за вознаграждением. Имеет одну запись в трудовой книжке.

Дочь Люда – главный бухгалтер райпотребсоюза в Мариинске. У неё двое детей и двое внуков. Уже через год пойдёт на пенсию. И у Светы тоже уже взрослые дочери: Таня учится в Красноярске, в университете, Ирина – в 10-м классе.

У Юры с Тоней – трое детей и четверо внуков. Вот такая у нас большая семья!

Мы на пенсии уже 15 лет, уже старость подкралась незаметно, здоровье изнашивается: артроз суставов, гипертония, в общем – мрачный букет. Сколько ещё Господь отмерит – подывимся!

Я пережила операцию обоих глаз: катаракта. Спасибо врачам из Кемерова, теперь вижу нормально: читаю и пишу без очков. Тьфу, тьфу, тьфу! Спаси и сохрани, Господи. Ноги вот только плохо ходят, всё к старости отразилось на здоровье.

Дочки живут в Мариинске, ездят редко. Зато сынок рядом, сноха добрая, внимательная. Дай им Бог здоровья – всем моим детям, внукам и правнукам!

Какая досталась старость – можно сказать спасибо правительству. Пенсию платят, хватает; детей не обременяем, у них тоже свои семьи. Юре уже 55 лет, Людмиле – 54 года, через год и она уже на пенсию выйдет. Она у нас тоже многое пережила, мужа похоронила в 47 лет, рано овдовела. Но ничего не поделаешь, жизнь продолжается, надо как-то приспособливаться к ней. Скучаем по внуку Жене, он живёт в Санкт-Петербурге. У него здесь сынок, тоже Юра Овчаренко – продолжатель потомства нашего.

Всё пока в норме, хочется продолжать стариковскую жизнь. Есть и проблемы: дед болен хроническим алкоголизмом. Очень страшно стало жить под старость с таким человеком. Не знаю, надолго ли хватит моего терпения. Я не могу терпеть и даже смотреть на пьяных, даже посторонних. Особенно – на женщин. А сколько их в нашем Берикуле, уже хронических алкоголичек, ведь женщины быстрее заболевают этим недугом. Молодые оскорбляют родителей. И до чего же доживёт молодёжь в 21-м веке? На всё это со стороны даже смотреть страшно.

Вот 7 декабря 2003 года – выборы в Госдуму. Улучшится что или нет? Кругом коррупция, теракты, наркомания. И когда только всё это исчезнет?*

Осень 2003 г.

** Скончалась Елизавета Фёдоровна 30 декабря 2003 года. Похоронена на кладбище станции Берикульская (деревня Красные Орлы).*

НАШИ АВТОРЫ

Виктор Арнаут

Людмила Арнаутова-Великосельская

Виктор и Людмила Арнаутовы

Евдокия Арнаутова-Шадрина

Александр Шадрин

Николай Великосельский

Михаил Великосельский

Валентина Иванова-Непомнящая

Надежда Кириенко

Александр Великосельский

ИЗ СЕМЕЙНЫХ ФОТОАРХИВОВ

Арнаутов Фёдор Афанасьевич

Шадрин Аввакум Васильевич

**Красный Яр, 1949 г. Арнаутова Прасковья Павловна с сыновьями
Анатолием и Степаном**

Красный Яр, 1941 год. Ивановы: Яков Андреевич и Анастасия Ивановна с приёмной дочерью Дусей Шадринной

Арнаутов Степан

1953 г. Степан и Евдокия Арнаутовы с сыном Витей

**1953 год. Вова и Витя
Арнаутовы**

**1956 г. Кулики. Анатолий Арнаут
с детьми: Раей, Геней и Томой**

**Красный Яр, 1959 год. Евдокия Арнаутова с детьми:
Витей, Володей, Раей и Таней**

**Первая половина 70-х годов. Арнаутовы:
Виктор, Владимир, Татьяна и Раиса**

**Вулконешты, 1963 г.
Анатолий Арнаут с женой и
детьми – Расей и Тamarой**

**1989 г. Иван Афанасьевич Арнаут
с женой Дорой**

**Вулконешты, 1989 г. В гостях у дяди Толи, за сбором жердел.
Рядом с Анатолием внук Саша, справа – Людмила и Настя**

Москва, 2010 г. Настя (слева) в гостях у Арнаутовых-Юдинцевых

Куйтун, 1987 г. Евдокия Арнаутова с детьми (верхний ряд) и внуками: Лена, Оля, Валя, Алёша, Настя, Толя и Наташа

**Новокузнецк, 14 марта 1992 г.
На 60-лети у Е.А. Арнаутовой (справа). С детьми и внуками**

**Калининский, 14 марта 2002 г. На 70-лети Е.А. Арнаутовой.
С детьми, зятем Михаилом (слева) и внучкой Натальей Голевыми**

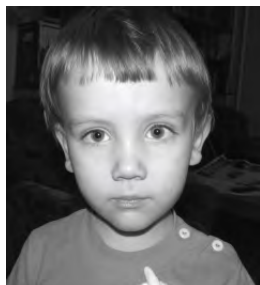
Красноярск, 27 апреля 2014 г. На юбилее у Т. Бояриновой

Кемерово, октябрь 2014 г. Е.А. Арнаутова с сыном Виктором, внучкой Ярославой и правнуками Николкой и Алёной

Кемерово, май 2014. В.Арнаутов с дочерьми Настей, Ярославой и внуками Николкой и Алёной

Николка Захаров

Алёна Захарова

Варя Овчаренко

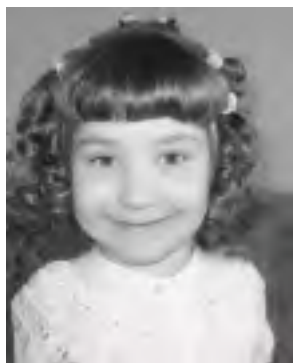
Настя Пахомова

Соня Арнаутова

Маша Пахомова

Даша Денисова

Анюта Бояринова

2014 год. Правнуки Степана и Евдокии Арнаутовых

Шадрин Александр Аввакумович, 2 октября 1995 г

Будапешт, 25.04.1945. А.А. Шадрин с другом М.Ф. Семенчуковым

**1 октября 1971 г. Новосибирск А.А. Шадрин
с сыном Владимиром и племянником Виктором Арнаутовым**

1984 г., Абрашино. В гостях у Шадриных

Будапешт, 1 мая 1945 г. Крайний слева А.А. Шадрин

**Новосибирск, 9 мая 2013 г. Генерал А.В. Кузнецов
поздравляет с Днём Победы ветерана войны А.А. Шадрина**

17.06.1987 г. Минусинск. Иннокентий Васильевич Шадрин с женой Ниной Михайловной, внучкой Наташей и братом Ф.В. Зайцевым

Кемерово, 25.05.2010 г. Сергей и Галина Некрасовы (слева) и Людмила и Виктор Арнаутовы

Кемерово, сент. 1997 г. На Присяге у Артёма Кириенко: Галина и Сергей Некрасовы, Людмила Арнаутова, Надежда, Артём, Василина и Виктор Кириенко

Степанов Иван Яковлевич (слева)

1940 г. Ефросинья с Валей (справа),
Анна с Раей – Великосельские,
приёмная дочь Великосельских Мария
(слева)

1949 г. Степановы, Непомнящие: Нижний ряд: Акси́нья, Константин, Ольга,
Валя. Второй ряд: Татьяна, Наталья, Николай

Непомнящие: Михаил Иванович и Екатерина Яковлевна

Нюкжа, 1937 г.

Непомнящие: нижний ряд - Валя, Дуся; Полина, Лиза (сверху)

Полина Непомнящая (справа)
и Дятлова Валентина

Полина Великосельская

1951 г. Непомнящие: Фёдор Михайлович, Ольга Ивановна и Валентина

Полина Фёдоровна Великосельская

Полина и Евдокия Непомнящие

Томск, 1958 г. Валентина Непомнящая

Тяжин, 2008 г. На «Золотой свадьбе» В.Ф. и А.В. Ивановых

1 мая 1996 г. 70-летие Е.Ф. Овчаренко (в окружении внучек).
На фото: Н. Попович, Н. Кириенко, Л. Арнаутова, В.Ф. Иванова

Беркульская, 1 мая 1996 г. На юбилее Е.Ф. Овчаренко (в центре)

Кемерово, 12.06.2008 г. На свадьбе у Алексея Сошникова

Тяжин, апрель 2014. У Сошниковых

Павел Сошников

Берикуль, 1954 г. Николай Дмитриевич и Ефросинья Михайловна
Великосельские с внучками Светой и Раей

Нальчик. 1964 г. М.Н. Великосельский с женой Полиной (справа)
и дочерьми Людмилой и Надей в гостях у Черновец (Дятловой)

Лейтенант Михаил Великосельский. Фронтовой рисунок, февр. 1944г.

1 янв. 1942 г. Слева – зам. политрука
Михаил Великосельский

1945 г. Валя, Рая и Анна
Великосельские

Михаил Николаевич Великосельский

Ветеран М.Н. Великосельский с внучкой Настей, 1985 г.

1958-59 гг. Берикуль.
Виктор Великосельский

М.Н. Великосельский

1989 г. Виктор Великосельский
с внуком Ярославом

Краматорск 1963 г. Валентина и
Владимир Сверкуновы

Ижморка, 1955 г. Сидят: Надя, Люда, Витя, Валя (справа)
Стоят сзади: Рая и Фая Семенистова

Берикуль, 1969 г. Сидят: П.Н. Семенистова, П.Ф. Великосельская
Стоят: Г.П. Бондарева, Г.Н. Великосельская, П.М. Семенистов,
З.А. Великосельская, Ф.М. Великосельский, М.П. Семенистов,
на заднем плане – М.Н. Великосельский с внуком Мишей.

Новосибирск, 1962 г. Полина Фёдоровна Великосельская
с детьми: Раей, Валеи, Витеи и Людой

Ижморка, 1988 г. Великосельские:
Раиса, Виктор, Валентина, Надежда и Людмила

г. Краматорск Июнь 1974

Валентина и Владимир Сверкуновы, Надежда и Виктор Кириенко

Краматорск, 1988 г. Молодожены Игорь и Люда Сверкуновы.
Справа – родители Игоря – Валентина и Владимир Сверкуновы

Ижморка, 21 ноября 1987 г. П.Н. Семенистова и М.Н. Великосельский

Кемерово, 1990 г. Людмила и Настя Арнаутovy,
Василина Кириенко и Фатима Татаркулова.

Берикуль, 8 января 1996 г. Михаил Николаевич, Фёдор Николаевич Велико-
сельские, Прасковья Николаевна Семенистова (слева) и
Анастасия Николаевна Сантьева (справа)

Берикуль. П.Н Семенистова, слева - Валентина Сверкунова, справа -
Людмила Арнаутова. Верхний ряд: В.И. Мазяркин, В.М. Великосельский,
Н.М. Кириенко, Г.Н. Великосельская и М.П.. Семенистов

Новосибирск, 1984 г. Н.П. Великосельский с женой Августой (слева), Людмилой и Настей Арнаутовыми

2007 г. Австралия, порт Эллиот. Н.П. Великосельский с дочерью Людмилой и внуками Владимиром и Дмитрием

Кемерово, 2014 г. Н.П. Великосельский

Мариинск. Анастасия Николаевна Сантьева с дочерью
Файной Истоминой. Справа – Н.М. Кириенко с внуком Никитой

60-е годы. Надежда Николаевна и Павел Егорович Густап с детьми и внуками

Беркуль. 2000 г. В.П. Густап, Н.М. Кириенко и Г.П. Бондарева

Яя, 1 авг. 1998 г. Фёдор Николаевич и Зинаида Андреевна Великосельские на 50-лети у дочери Нины (слева), с дочерьми Светланой и Тamarой

Берикуль, янв. 1998 г. П.Н. Семенистова, Н. Густап, В. П. Густап, Ф.Н. и З.А. Великосельские, Г.П. Бондарева

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Александр Шадрин</i>	
Родословная Шадриных	3
Родословная Борисовых	14
В округе Пудинской – земле Нарымской	21
<i>Евдокия Арнаутова</i>	
Там, где Макар телят не пас... (Нарымская «пастораль»)	36
<i>Виктор Арнаут</i>	
Не поле перейти... (Автобиографические заметки)	61
Небольшое вступление	61
Моя родова	64
Сказка синеокая детства моего	100
Школьные годы чудесные	109
Из ученичества – в учительство	128
Во флотском бушлате, но в армейских сапогах	138
Не то – учёба, не то – наука...	147
У кафедры в плену...	155
Ох, рано встаёт охрана...	165
Алгебра родства, или за пределами семейного круга	173
Одна, но пламенная страсть	182
Остановленные мгновения	196
Изгиб гитары жёлтой	202
Среди писателей	209
<i>Михаил Великосельский</i>	
Биографические данные, взятые из «Листка учёта»	227
Выступление на митинге 9 мая 1981 г.	228
Боевой путь 20-й горно-стрелковой дивизии (очерк)	230
<i>Александр Великосельский</i>	
Про родню и о себе	235
<i>Надежда Кириенко</i>	
Воспоминания о семье Великосельских	249
<i>Людмила Арнаутова</i>	
Какого мы рода-племени	267
<i>Валентина Иванова</i>	
Моя родословная	297
<i>Елизавета Овчаренко</i>	
Пережито столько, что ничего не страшно	312
Наши авторы	325
Из семейных фотоархивов	328

ББК 63.214(2Р = Рус)
П 27

Литературно-мемуарное издание

Перепутья судеб: Родословные мемуары

Автор проекта, составитель и редактор

АРНАУТОВ ВИКТОР СТЕПАНОВИЧ

Подписано в печать 12.01.2015. Бумага офсетная.
Тираж 200 экз.

Отпечатано в типографии РПА «Ректаймс»
650001, г. Кемерово, ул. Черемховская, 1В